ISSN 2073-8838

Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА

№ 1 (67) / 2026

II Ежегодная научно-практическая конференция с международным участием

ПРАВО и МЕДИЦИНА

ИННОВАЦИОННАЯ ПРАКТИКА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Оренбург 2026

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»
ОРЕНБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА

№ 1 (67) / 2026

Тематический выпуск

ОРЕНБУРГ – 2026

УДК 34
ББК 67
Т – 78

Учредитель: Оренбургская областная общественная организация «Попечительский совет Оренбургского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Редакционный совет:

ЕФИМЦЕВА Т.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры предпринимательского и трудового права, д.ю.н., доцент, председатель совета (главный редактор)

ШНИТЕНКОВ А.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры уголовно-правовых наук, д.ю.н., доцент (ответственный редактор)

АФАНАСЬЕВ С.Ф. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой арбитражного процесса, д.ю.н., профессор

БАВСУН М.В. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника по научной работе, д.ю.н., профессор

БОЛТИНОВА О.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры финансового права, д.ю.н., профессор

ВАРЛЕН М.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор института «Аспирантура и докторантура», профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., доцент

ВОСКОБИТОВА Л.А. д.ю.н., профессор

БУКАЕВ Н.М. д.ю.н., профессор

ГРОМОШИНА Н.А. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, д.ю.н., профессор

ЖОЛОБОВА Г.А. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), и.о. заведующего кафедрой теоретико-правовых и исторических наук, д.ю.н., доцент

ИСАЕНКОВА О.В. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой гражданского процесса, д.ю.н., профессор

КВАНИНА В.В. Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), д.ю.н., профессор

КОБЗЕВА С.И. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, д.ю.н., профессор

КОЛОТОВ А.Ф. советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент

МИЩЕНКО Е.В. Оренбургский государственный университет, декан юридического факультета, д.ю.н., доцент

ПЛОТНИКОВ А.И. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры уголовно-правовых наук, д.ю.н., доцент

САЛИЕВА Р.Н. Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования и экологии, д.ю.н., профессор

СОЛОДКАЯ М.С. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, д.ф.н., профессор

СТЕПАНЕНКО Ю.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административного права и процесса, д.ю.н., профессор

ТИМОФЕЕВ Н.С. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., профессор

ФЕДОРОВА М.Ю. Советник Конституционного Суда Российской Федерации в Управлении конституционных основ трудового законодательства и социальной защиты, д.ю.н., профессор

ХАЛДЕЕВА Н.В. Магаданский областной краеведческий музей, главный научный сотрудник, д.ю.н., доцент

ЩЕПАЧЕВ В.А. секретарь Совета (ассоциации) муниципальных образований Оренбургской области, д.ю.н.

ЭКИМОВ А.И. заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ

Т 78 Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. № 1 (67). – Оренбург, 2026. – 211 с.

ISSN 2073-8838

«Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА» рекомендуются Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

В научных статьях рассматриваются проблемы, связанные с функционированием государственно-правовой организации общества России и зарубежных стран.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26041 от 18 октября 2006 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникации и охране культурного наследия.

Сборник включен в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (с 09.09.2025 года).

Адрес редакции: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50. Тел. (3532) 319911

E-mail: post@oimsla.edu.ru

http://www.oimsla.edu.ru/page/nauchnyy-zhurnal

ББК 67
ISSN 2073-8838

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Уважаемые коллеги, авторы, рецензенты и читатели!

От имени редакционной коллегии приветствую вас и с радостью представляю очередной выпуск нашего научного журнала. Этот выпуск носит особый характер: он посвящён итогам II Научно-практической конференции с международным участием «Право и медицина: инновационная практика, проблемы и перспективы», которая прошла 14 ноября 2025 года в Оренбургском институте (филиале) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Перед вами – сборник актуальных исследований, охватывающий широкий спектр вопросов в области права, медицины, педагогики и социально-политических наук. В издании представлены работы ведущих специалистов и молодых учёных, отражающие современные тенденции научного поиска и практические вызовы, стоящие перед обществом. Многие статьи подготовлены на основе докладов, прозвучавших на конференции, и содержат результаты новейших исследований в сфере взаимодействия права и медицины.

В статьях рассматриваются:

· этические и правовые аспекты медицинского обслуживания в эпоху искусственного интеллекта;

· проблемы административной ответственности и налогообложения медицинских организаций;

· актуальные вопросы гражданско-правовой ответственности в фармацевтической сфере;

· уголовно-правовые механизмы противодействия преступности и защиты социальных прав граждан;

· педагогические подходы к формированию культуры безопасности здоровья и совершенствованию языкового образования и иные актуальные вопросы.

Особо отмечу междисциплинарный характер многих исследований: авторы успешно сочетают правовые, медицинские, социальные и педагогические аспекты, что позволяет глубже анализировать сложные общественные процессы и предлагать комплексные решения. В рамках конференции участники активно обсуждали вопросы биоэтики, правового регулирования новых медицинских технологий, ответственности медицинских работников, а также пути совершенствования законодательства в сфере здравоохранения.

Благодарю всех авторов за вклад в развитие научного знания, рецензентов – за тщательную экспертизу и конструктивную критику, а читателей – за интерес к нашему изданию. Уверена, что представленные работы вызовут живой отклик и послужат стимулом для дальнейших дискуссий, в том числе в рамках будущих мероприятий по тематике «Право и медицина».

Желаю вам плодотворного чтения, новых идей и профессиональных успехов!

С уважением и благодарностью за ваш научный труд, Ефимцева Т.В.
главный редактор, д.ю.н., доцент

Оглавление

Раздел первый
ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

ВОРОПАЕВ Д.Н., МИТИНА Д.Е.
Этические парадигмы современного медицинского обслуживания: вызовы и перспективы 6
ГЛЕБОВА Ю.И.
Административная ответственность медицинских организаций: теоретико-правовые основы и проблемы правоприменения 11
ЕФИМЕНКО Т.В.
Экспертное обоснование приоритета выбора оригинального лекарственного препарата для пациента с муковисцидозом: случай из юридической практики 18
ЖАРКОВА Е.С.
Медицинское право в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы и перспективы 23
КУЗЬМИНА М.В.
Механизм реализации компенсационной функции права в области здравоохранения 26
ЛАПОЧКИНА Е.П.
Актуальные вопросы конституционно-правового регулирования отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации 32
МИХАЙЛОВА Е.С.
Правовые механизмы государственного контроля за использованием искусственного интеллекта и больших данных в клинических исследованиях 38
РАХМАТУЛЛИНА О.В.
Налогообложение медицинских организаций в Российской Федерации 42
СВЕРЕДЮК М.Г., ПШЕНИЧНОВ М.В.
Проблемные вопросы правового статуса и сферы применения искусственного интеллекта в офтальмологии ..47
СИВАРАКША И.В.
Ответственность врачей в праве стран Древнего Востока и Античности: историко-правовой обзор 52
СОКОЛОВА А.И.
Местное самоуправление сквозь призму правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации ..60
ТОМИНА А.П., ЕРИН А.К.
Участие прокурора в административном судопроизводстве в контексте реализации конституционно-правовых средств обеспечения общественной безопасности 66
ЧЕРЕПАНОВА А.Д., ПОХОЛКОВА А.А.
Биоэтика в контексте законодательства в рамках суррогатного материнства 71

Раздел второй
ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

БАРИНОВ Е.Х., СУНДУКОВ Д.В., ДЖУВАЛЯКОВ П.Г., БАШИРОВА А.Р., КАЛИНИН Р.Э., СМИРНОВ А.В., САРГСЯН Ш.М.
Выводы судебно-медицинских экспертиз в материально-правовом плане и их значение 75
БЕРДЕГУЛОВА Л.А.
Актуальные вопросы гражданско-правовой ответственности в фармацевтической сфере 80
КУКИНА Т.Е.
Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного в результате эксплуатации беспилотного транспортного средства или высокоавтоматизированного транспортного средства 86
ПОЗДНЯКОВА А.С.
Судейское усмотрение в вопросе определения размера компенсации морального вреда 90
РУЗАЕВА Е.М.
Влияние защиты прав интеллектуальной собственности на инновации в медицинских технологиях: роль биобанков 96
ШЕВЧУК Е.П.
Применение законодательства о защите прав потребителей к медицинской деятельности в России 102
ЯФАРОВ А.А.
Сделка, совершенная под влиянием обмана или насилия: доказывание и правовые последствия 106
ЯХВАРОВ С.Г.
Гарантии защиты прав и законных интересов дольщиков (участников долевого строительства) при несостоятельности (банкротстве) застройщика 111

Раздел третий
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬ

АЛЬ-МСАФИР Д.М.Х.
Пути повышения эффективности деятельности органов прокуратуры по защите социальных прав граждан в Российской Федерации и Республике Ирак 119
ГРИШИНА Е.П., САЮШКИНА Е.В.
Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: теоретический, правовой и прикладной взгляд .. 124
ЖЕРЕБЯТЬЕВ И.В., ШАМАРДИН А.А.
Дела частного обвинения: современное состояние и перспективы 129
ЖОВНИР С.А., МАКАРОВА А.С.
Уголовно-правовое противодействие государственной измене и шпионажу 140
ИГНАТЬЕВ М.Е.
Отдельные аспекты совершения и расследования преступлений коррупционной направленности в сфере здравоохранения 150
ИСМАГИЛОВ Р.А., СЕРДЮК П.Л.
К вопросу о доказательственном значении результатов судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в уголовном процессе 153
КАРАЕВА А.А., НИКУРАДЗЕ Н.О.
Роль психолога в уголовном процессе: защита прав и содействие расследованию в уголовных делах с участием несовершеннолетних 158
КУКОВЯКИН А.Е., КУЗНЕЦОВ А.В.
Проблемы категоризации преступлений по Уголовному кодексу Российской Федерации и пути их решения 164
НОСЫРЕВА М.А.
Проблемные вопросы, связанные с собиранием доказательств при расследовании военных преступлений в рамках СВО 168
ПЛОТНИКОВ А.И.
Уголовно-правовое значение риска в деятельности по охране здоровья 171
РУБЦОВА А.С., УСТИНОВА Т.Д.
Превышение должностных полномочий: проблемы уголовно-правовой оценки отдельных квалифицированных и особо квалифицированных составов 176

Раздел четвёртый
ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ГОРИНОВ В.А.
Способы защиты прав инвесторов в венчурных проектах 180
ЕФИМЦЕВА Т.В., ИВАНОВА М.А.
Заключение договора розничной купли-продажи дистанционным способом 187
ПОПОВА А.А.
Правовой статус арбитражного управляющего в процедуре реабилитации должника 192
ЯКОВЕНКО Н.А.
Отмена дисциплинарных взысканий в отношении медицинского персонала: анализ правоприменительной практики 197

Раздел пятый
ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

НУЖДИНА-ФЕНДЕЛЬ Е.В.
Правовые основы формирования культуры безопасности здоровья: педагогический и медицинско-правовой аспекты 203
РЕЙМЕР Л.Р.
Анализ основных принципов дошкольного образования 208

Раздел первый

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

ВОРОПАЕВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oDVoropayev@msal.ru

МИТИНА ДИНА ЕВГЕНЬЕВНА
доктор экономических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oDEMitina@msal.ru

ЭТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

VOROPAEV DMITRY NIKOLAEVICH
PHD in Philosophy, associate professor of the of the Department of Social and Human Sciences Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oDVoropayev@msal.ru

MITINA DINA EVGENYEVNA
Doctor of Economics professor of the of the Department of Social and Human Sciences Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oDEMitina@msal.ru

ETHICAL PARADIGMS OF MODERN MEDICAL CARE: CHALLENGES AND PROSPECTS

Аннотация. *В статье проводится философский анализ ключевых этических проблем, возникающих в сфере современного медицинского обслуживания. Рассматривается эволюция биоэтических принципов от патернализма к партнерской модели взаимодействия врача и пациента. Особое внимание уделяется дилеммам, связанным с автономией пациента, распределением ограниченных ресурсов (на примере триажа во время пандемии), экономизацией медицины и внедрением новых технологий (ИИ, генная инженерия). Авторы отмечают, что устойчивость системы здравоохранения зависит не только от технологического прогресса и экономической эффективности, но и от развития этической компетентности, балансирующей между утилитаризмом общественного блага и деонтологической защитой прав личности.*

Ключевые слова: *биоэтика, медицинская деонтология, автономия пациента, справедливость в здравоохранении, коммодификация здоровья, медицинский патернализм, информированное согласие.*

Abstract. *The article provides a philosophical analysis of key ethical issues arising in the field of modern medical care. It examines the evolution of bioethical principles from paternalism to a partnership model of doctor-patient interaction. Special attention is given to the dilemmas related to patient autonomy, the distribution of limited resources (such as triage during a pandemic), the economicization of medicine, and the introduction of new technologies (such as artificial intelligence and genetic engineering). The authors notes that the sustainability of the healthcare system depends not only on technological progress and economic efficiency, but also on the development of ethical competence that balances between the utilitarianism of the public good and the deontological protection of individual rights.*

Keywords: *bioethics, medical deontology, patient autonomy, healthcare justice, commodification of health, medical paternalism, informed consent.*

Современная медицина достигла уровня развития, который еще столетие назад казался фантастикой: редактирование генома, трансплантация органов, диагностика на основе искусственного интеллекта. Однако технологический прогресс привел к закономерному следствию: чем больше возможностей появляется у врачей, тем острее становятся моральные дилеммы. Вопрос «что мы *можем* сделать?» все чаще вступает в конфликт с вопросом «что мы *должны* сделать?».

Актуальность этического анализа медицинского обслуживания подтверждается эмпирическими данными и реальными клиническими кейсами последних лет. Во-первых, проблема *справедливости* приобрела трагическое звучание во время пандемии COVID-19. В 2020-2021 годах врачи были вынуждены применять протоколы триажа, выбирая, кто получит аппарат ИВЛ в условиях дефицита. Критерием часто становился не только медицинский прогноз, но и возраст пациента, что вызвало волну общественных дискуссий о дискриминации пожилых людей. Во-вторых, развитие фармакологии обострило проблему *экономической доступности*. Появление генной терапии (например, препарат Золгенсма стоимостью около 2 млн долларов за курс) создало прецедент, когда спасение жизни становится финансово недоступным даже для граждан развитых стран. Это трансформирует медицину из социального блага в элитарную услугу. В-третьих, внедрение *цифровых технологий* ставит под угрозу принцип автономии. Алгоритмы искусственного интеллекта, используемые для диагностики, часто работают по принципу «черного ящика», что размывает ответственность за врачебные решения. Наконец, усиление *рыночных механизмов* в здравоохранении ведет к коммодификации здоровья, где пациент рискует превратиться в потребителя, а врач – в поставщика услуг, что подрывает фундамент доверия в системе.

Таким образом, мы наблюдаем кризис традиционных этических моделей в условиях глобализации, пандемических угроз, коммерциализации медицины и технологической трансформации. Патерналистская модель устарела, но модель партнерства сталкивается с системными ограничениями. Философская рефлексия сложившейся ситуации необходима не как абстрактное умозрение, а как практический инструмент навигации в условиях неопределенности.

Чтобы получить такой «инструмент» необходимо систематизировать основные этические конфликты современного медицинского обслуживания и предложить философский фреймворк для их разрешения. Для достижения этой цели необходимо решение следующих задач: анализ эволюции биоэтических принципов от патернализма к партнерской модели с учетом эпистемической асимметрии; исследование проблемы дистрибутивной справедливости при распределении ограниченных ресурсов (триаж, доступ к лечению); выявление этических рисков экономизации медицины и коммодификации здоровья; оценить моральных вызовов внедрения новых технологий (ИИ, генная инженерия) в клиническую практику.

Как мы видим, это огромная работа для целого коллектива авторов. В данной статье мы попытаемся только обозначить пути решения этих задач и предположить, что устойчивость системы здравоохранения зависит не только от технологического прогресса и экономической эффективности, но и от развития этической компетентности участников процесса, способной балансировать между утилитаризмом общественного блага, рыночной логикой и деонтологической защитой человеческого достоинства.

Исторически медицинская этика базировалась на гиппократовском завете, который носил ярко выраженный деонтологический характер: врач обязан действовать во благо пациента, следуя профессиональному долгу. Однако в середине XX века, с развитием прав человека и усложнением медицинских вмешательств, сформировалась биоэтика как самостоятельная дисциплина.

Фундаментом современной западной биоэтики стала концепция «принципализма», предложенная Т. Бичампом и Дж. Чилдрессом. Она базируется на четырех принципах: 1) уважение автономии личности; 2) не навреди; 3) делай благо; 4) справедливость[1].

В то время как западная модель принципализма предлагает универсальный алгоритм принятия решений, отечественная философская мысль стремится к онтологическому обоснованию этических норм, выходя за рамки формального балансирования принципов. В российской философской традиции (Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко) акцент часто смещается на антропологический аспект: медицина рассматривается не как услуга, а как способ сохранения человеческого достоинства в пограничных ситуациях. Здесь медицина понимается прежде всего как особая форма человеческой заботы, направленная на защиту и утверждение человеческого достоинства в критически значимых жизненных ситуациях. Такой подход подчеркивает, что медицинские вмешательства не сводятся к техническому ремонту тела, а связаны с глубокими экзистенциальными переживаниями пациента, его ценностными ориентациями и смысложизненными установками.

Б.Г. Юдин рассматривал биоэтику как механизм культурного самоконтроля науки, подчеркивая, что этические нормы не должны быть внешним ограничением, а должны вырастать из понимания ответственности исследователя перед обществом и будущими поколениями. В этой парадигме врач выступает не просто как исполнитель медицинских протоколов, а как субъект морального выбора, несущий ответственность за сохранение человеческой природы в условиях технологического вмешательства[2].

П.Д. Тищенко развивает идею «антропологического поворота» в биоэтике. Согласно этому подходу,

[1] Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of Biomedical Ethics. 4th ed. Oxford Univ. Press, 1994 P. 111.
[2] Юдин Б.Г. Принципы биоэтики // Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 5-15.

ключевым вопросом является не только «как лечить?», но и «что такое человек в условиях современной медицины?». Пограничные ситуации (рождение, смерть, страдание, необратимая кома) становятся моментами истины, где раскрывается сущность человеческого достоинства. В таких контекстах формальное следование правилам (например, принципу автономии) может оказаться недостаточным или даже вредным, если оно игнорирует экзистенциальное состояние пациента[3].

И.В. Силуянова дополняет этот подход акцентом на духовно-нравственных основаниях медицины, указывая на то, что эффективность лечения неразрывно связана с доверием и нравственным климатом в обществе. Медицина в этой трактовке становится пространством встречи личностей, а не просто манипуляции с биологическим материалом[4].

Таким образом, российская биоэтическая традиция предлагает дополнить принципализм глубоким философско-антропологическим анализом. Данные принципы служат методологической базой для анализа конкретных клинических и системных конфликтов, позволяя оценивать их не только с точки зрения эффективности или законности, но и с точки зрения сохранения человечности.

Проблема соотношения автономии пациента и врачебного патернализма является одним из центральных пунктов современной биоэтики. Исторически медицинская этика формировалась в рамках патерналистской парадигмы, где врач уподоблялся «отцу», обладающему не только профессиональным знанием, но и моральным правом принимать решения за беспомощного пациента. Гиппократовская традиция, фокусирующаяся на принципе *beneficence* (делай благо), подразумевала, что благо определяется объективно, исходя из медицинских показаний, а не субъективных предпочтений больного.

Однако эпоха Просвещения и последующее развитие прав человека во второй половине XX века радикально изменили этический ландшафт. На первый план вышел кантовский принцип уважения к личности. В медицинском контексте это трансформировалось в принцип уважения автономии. Автономия здесь понимается не просто как свобода выбора, а как способность к самоопределению на основе рефлексии и собственных ценностей. Инструментом реализации этого принципа стало информированное добровольное согласие (ИДС).

Тем не менее, переход от патернализма к автономии не произошел бесконфликтно. На практике реализация принципа автономии сталкивается с рядом фундаментальных проблем:

1. Проблема эпистемической асимметрии. Отношения врача и пациента по своей онтологической природе неравноправны. Врач обладает специализированным знанием, доступ к которому у пациента ограничен. Критики радикальной автономии указывают, что формальное подписание документа об ИДС часто превращается в бюрократическую процедуру, создающую иллюзию автономии.

2. Онтология болезни и уязвимость. Болезнь – это пограничная ситуация, которая ограничивает свободу человека не только физически, но и экзистенциально. Страх и боль могут искажать когнитивные способности пациента. В таких ситуациях строгое следование принципу автономии может привести к вреду.

3. Культурный релятивизм. Западная биоэтика часто абсолютизирует индивидуалистическое понимание автономии. Однако в культурах коллективистского типа решение часто принимается семьей или общиной.

В ответ на эти противоречия сформировались уточняющие концепции:

· *Мягкий патернализм.* Вмешательство оправдано только тогда, когда выбор пациента не является добровольным или осознанным.

· *Реляционная автономия.* Автономия рассматривается не как изолированная способность индивида, а как явление, укорененное в социальных отношениях. Задача врача – создать условия («экологию выбора»), в которых пациент сможет восстановить свою агентность.

· *Модель совместного принятия решений.* Врач и пациент выступают партнерами: врач предоставляет экспертные знания, а пациент вносит знания о своих жизненных целях. Решение рождается в диалоге.

Если принцип автономии регулирует горизонтальные отношения «врач–пациент», то принцип справедливости адресован вертикальным и структурным вопросам организации здравоохранения. В биоэтике под справедливостью понимается дистрибутивная справедливость – честное распределение благ и бремени в обществе.

Фундаментальным вопросом здесь является критерий распределения. В современной политической философии доминируют несколько подходов:

1) *Утилитаризм:* Распределение должно максимизировать общую пользу (концепция QALY – годы жизни с поправкой на качество).

2) *Эгалитаризм:* Доступ к базовой медицинской помощи должен быть равным независимо от социального статуса.

3) *Приоритаризм:* Ресурсы должны направляться в первую очередь тем, кто находится в худшем положении.

На практике эти принципы вступают в острый конфликт на двух уровнях:

1) *Макроуровень:* Решения на уровне государства (какие лекарства включать в перечни). Коммерциализация медицины часто нарушает принцип справедливости, превращая здоровье в товар.

2) *Микроуровень:* Ситуации у постели больного (триаж). Во время пандемии COVID-19 врачи были

[3] Тищенко П.Д. Мишаткина Т. О биоэтике и началах человеческого в человеке // Философские проблемы биологии и медицины Вып. 12. Между биофилософией и биоэтикой. М., 2018. С. 22-25.

[4] Силуянова И.В. Биомедицинская этика: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. С. 6-30.

вынуждены выбирать пациентов для ИВЛ. Утилитаристский подход диктует спасать тех, у кого выше шансы, что может приводить к дискриминации пожилых. Эгалитаристский подход предлагает жеребьевку.

Этическая сложность триажа заключается в том, что врач вынужден переходить от роли защитника интересов конкретного пациента к роли управляющего общественными ресурсами. Это требует строгих процедурных гарантий: прозрачности критериев и независимости лиц, принимающих решения.

Включение экономических механизмов в систему здравоохранения неизбежно ставит вопрос о моральном статусе здоровья. Является ли здоровье общественным благом или частной услугой? Этот онтологический вопрос лежит в основе большинства современных этических конфликтов.

Процесс коммодификации медицины влечет за собой ряд этических последствий:

1) *Трансформация автономии в потребительский выбор*. В рыночной модели пациент рассматривается как клиент. Философ Майкл Сандел аргументирует, что проникновение рыночных отношений в сферы жизни, связанные с человеческим достоинством, приводит к моральной коррозии общества. Автономия бедных слоев населения становится фиктивной.

2) *Конфликт интересов и роль врача*. Врач оказывается в позиции двойного агента. С одной стороны, деонтологический долг действовать в интересах пациента. С другой – учет экономической эффективности и прибыли учреждения. Это порождает феномен морального дистресса.

3) *Ценообразование на жизненно важные лекарства*. Появление препаратов с экстремально высокой стоимостью ставит вопрос о легитимности монопольного ценообразования на средства спасения жизни. Прибыль не может быть приоритетнее сохранения жизни с точки зрения этики прав человека.

4) *Профилактика или лечение*. Рыночная модель часто стимулирует лечение, а не профилактику, так как лечение генерирует немедленный денежный поток. Это создает этически порочную систему.

Таким образом, экономизация медицины ведёт к структурному напряжению между логикой рынка и логикой медицины. Но принципы справедливости и человеческого достоинства должны иметь приоритет над экономической эффективностью.

Современное медицинское обслуживание выходит за рамки терапии, вторгаясь в область улучшения человека (enhancement).

Использование искусственного интеллекта в медицине и, соответственно, делегирование решений алгоритмам ИИ ставит вопрос об ответственности. Кто несет моральную вину за ошибку ИИ: разработчик, врач или больница? Проблема «черного ящика» в нейросетях нарушает принцип прозрачности, необходимый для доверия.

Технологии типа генетического редактирования позволяют предотвращать наследственные заболевания, но открывают могут открыть путь к новому варианту евгеники. Это угрожает принципу справедливости, создавая биологическое неравенство между богатыми и бедными.

Дистанционное обслуживание повышает доступность, но дегуманизирует контакт. Феноменология болезни предполагает встречу «Лицом к лицу», что означает, по Левинасу, – с этической точки зрения люди несут ответственность друг перед другом[5] при личной встрече, но это трудноосуществимо через экран. Потеря эмпатического контакта может снизить эффективность лечения.

Рассмотренный круг этических вопросов медицинского обслуживания позволяет констатировать, что современная биоэтика находится в состоянии трансформации, вызванной конвергенцией технологических, экономических и социальных факторов.

Во-первых, в сфере автономии пациента наблюдается переход от формального информированного согласия к модели реляционной автономии и совместного принятия решений. Это преодолевает разрыв между эпистемической асимметрией знаний врача и правом пациента на самоопределение.

Во-вторых, проблема справедливости остается наиболее острой в условиях дефицита ресурсов. Анализ показал, что чистый утилитаризм недопустим без этических ограничителей, защищающих уязвимые группы населения. Протоколы распределения должны быть прозрачными и легитимизированными обществом.

В-третьих, экономизация медицины выявила фундаментальный конфликт между логикой рынка и логикой заботы. Коммодификация здоровья превращает доступ к лечению в функцию платежеспособности. Философский вывод заключается в необходимости признания здоровья сферой, ограниченной для свободной рыночной стихии.

В-четвертых, технологический прогресс выступает как мультипликатор этических проблем. Технологии не являются нейтральными инструментами; они требуют новой субъектности ответственности.

Таким образом, устойчивость системы здравоохранения будущего зависит не столько от совершенства технологий или объема финансирования, сколько от способности общества сохранить гуманитарное ядро медицины. Этика в данном контексте выступает не как внешний регулятор, тормозящий прогресс, а как внутренняя навигационная система. Баланс между эффективностью утилитаризма, справедливостью распределения, экономической целесообразностью и неприкосновенностью человеческого достоинства является единственным условием, при котором медицина останется служением человеку.

Библиографический список

1. Карчагин Е.В. Справедливость в условиях пандемии COVID-19: мобильностный капитал и новый социальный порядок // Logos et Praxis. – 2021. – № 2. – С. 31-38.

[5] Левинас Эммануэль. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 199-208.

2. Кэмпбелл А., Джиллетт Г., Джонс Г. Медицинская этика. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2004. – 400 с.

3. Левинас Эммануэль. Избранное. Тотальность и бесконечное. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 416 с.

4. Силуянова И.В. Биомедицинская этика: учебник и практикум для вузов / И.В. Силуянова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 358 с.

5. Сэндел М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 256 с.

6. Тищенко П.Д. Биобезопасность в обществе глобального экологического риска: этический аспект // Сахаровские чтения 2019 года: экологические проблемы XXI века материалы 19-й международной научной конференции. – Минск: МГЭИ им. А.Д. Сахарова БГУ, 2019. – Ч. 1. – С. 39-42.

7. Тищенко П.Д. Мишаткина Т. О биоэтике и началах человеческого в человеке // Философские проблемы биологии и медицины Вып. 12. Между биофилософией и биоэтикой. – М., 2018. – С. 22-25.

8. Хрусталёв Ю.М. «Биоэтика. Философия сохранения жизни и сбережения здоровья». – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2023. – 400 с.

9. Широков А. Сопротивляясь асимметрии во взаимодействии с врачом: как пациенты легитимируют и защищают свои эпистемические претензии // Социология науки и технологий. – 2020. – Т.11. – № 3. – С. 139-156.

10. Юдин Б.Г. Принципы биоэтики // Биоэтика: принципы, правила, проблемы. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 5-15.

11. Ягудина Р.И., Куликов А.Ю., Литвиненко М.М. QALY: история, методология и будущее метода. // Фармакоэкономика. – 2010. – Том 3. – № 1. – С. 7-11.

12. Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of Biomedical Ethics. – 4th ed. – Oxford Univ. Press, 1994. – 546 pp.

Рецензент: Солодкая М.С., д-р филос. наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор.

ГЛЕБОВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, glebova77756@gmail.com

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

GLEBOVA YULIA IVANOVNA
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Public Law Sciences of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL), 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, glebova77756@gmail.com

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF MEDICAL ORGANIZATIONS: THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Аннотация. *Статья посвящена исследованию теоретико-правовых основ и проблем правоприменения института административной ответственности медицинских организаций. Рассматриваются понятие и особенности административной ответственности указанных субъектов. Особое внимание уделяется проблемам квалификации административных правонарушений, совершаемых медицинскими организациями, координации контрольно-надзорной деятельности при активном внедрении процедуры досудебного урегулирования споров и возможность заключения соглашений о соблюдении обязательных требований. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию законодательства об административных правонарушениях.*

Ключевые слова: *административная ответственность, медицинские организации, здравоохранение, КоАП РФ, лицензирование, проблемы правоприменения, административное правонарушение.*

Abstract. *The article is devoted to the study of the theoretical and legal foundations and problems of law enforcement of the institution of administrative liability of medical organizations. The concept and features of administrative liability of these entities are considered. Special attention is paid to the problems of qualification of administrative offenses committed by medical organizations, coordination of control and supervisory activities with the active implementation of the procedure for pre-trial settlement of disputes and the possibility of concluding agreements on compliance with mandatory requirements. Based on the analysis, proposals are formulated to improve the legislation on administrative offenses*

Keywords: *administrative liability, medical organizations, healthcare, Administrative Code of the Russian Federation, licensing, problems of law enforcement, administrative offense.*

Административная ответственность медицинских организаций представляет собой один из наиболее сложных и динамично развивающихся институтов современного административного права. Сложность обусловлена двойственной природой медицинской деятельности: с одной стороны, это экономическая деятельность, подлежащая лицензированию и контролю, с другой – это социально значимая сфера, непосредственно затрагивающая конституционные права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ).

Актуальность темы исследования подтверждается устойчивым ростом количества дел об административных правонарушениях, возбуждаемых в отношении медицинских организаций. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, только за 2024 год судами рассмотрено более 15 тысяч дел данной категории, при этом сумма наложенных штрафов превысила 300 миллионов рублей. Однако количественные показатели не отражают всей глубины проблем, существующих в правоприменительной практике: проблемы квалификации, сложности доказывания, коллизии нормативных предписаний[1].

В юридической науке понятие административной ответственности традиционно раскрывается через категорию государственного принуждения. Так, И.А. Галаган определял административную ответственность как применение установленных законом административных взысканий за правонарушения, совершенные в сфере государственного управления[2]. Дан-

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79/&item=6120 (дата обращения: 01.02.2026).
[2] Агамагомедова С.А. Взгляды И.А. Галагана на административное принуждение и административную ответственность: современное понимание // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 190-194.

ное определение акцентирует внимание на двух ключевых элементах: основании ответственности (правонарушение) и последствиях (применение взыскания). Н.Г. Салищева, развивая процессуальный аспект, подчеркивала, что административная ответственность реализуется в рамках особого юрисдикционного производства, обеспечивающего защиту прав лиц, привлекаемых к ответственности[3].

Применительно к медицинским организациям административная ответственность может быть определена как применение уполномоченными органами и должностными лицами административных наказаний к медицинским организациям, совершившим административные правонарушения в сфере охраны здоровья граждан, лицензирования медицинской деятельности, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и обращения лекарственных средств.

Основанием административной ответственности медицинских организаций является совершение административного правонарушения, предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Однако институт административной ответственности медицинских организаций регулируется значительным массивом нормативных правовых актов различной юридической силы, что создает определенные сложности для правоприменения.

Так, КоАП РФ устанавливает: общие положения об административной ответственности (Раздел I); конкретные составы административных правонарушений (Раздел II); порядок производства по делам об административных правонарушениях (Раздел IV).

Федеральные законы формулируют обязательные требования к медицинской деятельности: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[4]; Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[5]; Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[6]; Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»[7] и др.

Подзаконные нормативные акты детализируют обязательные требования: Положение о лицензировании медицинской деятельности... (утв. постановлением Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852[8]); санитарные правила и нормы (СанПиН), утверждаемые Главным государственным санитарным врачом РФ; порядки оказания медицинской помощи и стандарты медицинской помощи, утверждаемые Министерством здравоохранения РФ.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить следующие группы составов административных правонарушений, субъектами которых могут выступать медицинские организации:

1. Нарушения лицензионных требований и условий при осуществлении медицинской деятельности (ст. 14.1 КоАП РФ). Медицинская деятельность подлежит обязательному лицензированию, и несоблюдение лицензионных требований влечет административную ответственность.

2. Нарушения в сфере обращения лекарственных средств (ст. 6.33 КоАП РФ) – оборот фальсифицированных, контрафактных или недоброкачественных лекарственных средств.

3. Нарушения санитарно-эпидемиологических требований (ст. 6.3-6.7 КоАП РФ) – несоблюдение требований к обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

4. Нарушения в сфере защиты прав потребителей (ст. 14.4-14.8 КоАП РФ) – оказание населению медицинских услуг, не соответствующих требованиям, или непредоставление необходимой информации.

Особую категорию составляют правонарушения, связанные с ненадлежащим ведением медицинской документации, несоблюдением порядка оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи.

Рассмотрим некоторые группы составов более подробно.

1. Нарушения лицензионных требований и условий при осуществлении медицинской деятельности (ст. 14.1 КоАП РФ).

Ответственность по ст. 14.1 КоАП РФ наступает за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии). Для медицинских организаций, деятельность которых подлежит обязательному лицензированию в соответствии с Федеральным законом 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[9], особое значение имеет ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ (осуществле-

[3] Цуканов Н.Н. К вопросу об узком (юрисдикционном) подходе к административному процессу (к столетию со дня рождения Надежды Георгиевны Салищевой) // Вестник Уральского юридического Университета МВД России. 2024. № 44 (4) С. 63-67.
[4] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/400846456/ (дата обращения: 01.02.2026).
[5] Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». URL: https://base.garant.ru/12185475/ (дата обращения: 01.02.2026).
[6] Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». URL: https://base.garant.ru/400846456/ (дата обращения: 01.02.2026).
[7] Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств». URL: https://base.garant.ru/400846456/ (дата обращения: 01.02.2026).
[8] Постановление Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/400846456/ (дата обращения: 01.02.2026).
[9] Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». URL: https://base.garant.ru/12185475// (дата обращения: 01.02.2026).

ние деятельности без лицензии) и ч. 3 ст. 14.1 КоАП РФ (несоблюдение лицензионных требований и условий).

В судебной практике распространены случаи привлечения медицинских организаций к ответственности за отсутствие необходимого оборудования, предусмотренного стандартами оснащения; несоответствие помещений установленным требованиям; отсутствие в лицензии осуществляемых видов деятельности; нарушение порядка оказания медицинской помощи, являющееся лицензионным требованием.

При привлечении к административной ответственности по данной статье на практике нередко возникают сложности в разграничении грубых и негрубых нарушений. Квалификация нарушения как грубого влечет более строгую ответственность (ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ).

Понятие грубого нарушения отсылает к подзаконным актам – Положению о лицензировании медицинской деятельности, утвержденному Постановлением Правительства РФ в отношении конкретного лицензируемого вида деятельности. В частности, порядок лицензирования фармацевтической деятельности, осуществляемой юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, включающей оптовую, розничную торговлю лекарственными средствами и изготовление лекарственных средств, определяется Положением о лицензировании фармацевтической деятельности, утвержденным постановлением Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 547 «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности» (далее – Положение). Так, пунктом 7 Положения установлено, что под грубым нарушением понимается невыполнение лицензиатом одного из требований, предусмотренных пунктом 6 настоящего Положения, повлекшее последствия, установленные частью 10 статьи 19.2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности». Перечень этих требований состоит из нескольких позиций, и каждая из них является самостоятельным основанием для привлечения аптечной организации к административной ответственности. Например, административная ответственность может наступить за отсутствие в аптеке минимального ассортимента лекарственных препаратов. Так, Арбитражный суд Свердловской области рассмотрел в судебном заседании дело № А60-15481/2025 по заявлению Прокуратуры Ленинского района г. Екатеринбурга к обществу с ограниченной ответственностью «СТЕЛЛА-ФАРМ» (ИНН <***>, ОГРН <***>) о привлечении к административной ответственности по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ. Общество с ограниченной ответственностью «Стелла-Фарм» (ИНН <***>, ОГРН <***>) было привлечено к административной ответственности по части 4 статьи 14.1 Кодекса Российской Федерации и ему назначено наказание в виде приостановления деятельности по лицензии № ЛО42-01021-66/00161797 от 11.09.2015 сроком на 90 (девяносто) суток[10]. В данном деле суд руководствовался постановлением Правительства РФ от 31.03.2022 № 547 и подпунктом «е» п. 6 Положение о лицензировании фармацевтической деятельности № 547.

Однако сложность правоприменения состоит в том, что относительно каждого вида лицензируемой деятельности действует отдельное постановление. Таких видов, согласно ст.12 Федерального закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» – 59.

Также в Положении, утвержденным постановлением Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852 «О лицензировании медицинской деятельности деятельности...» к грубым отнесены нарушения, повлекшие за собой последствия, предусмотренные частью 10 статьи 19.2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»: 1) возникновение угрозы причинения вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, а также угрозы чрезвычайных ситуаций техногенного характера; 2) человеческие жертвы или причинение тяжкого вреда здоровью граждан, причинение средней тяжести вреда здоровью двух и более граждан, причинение вреда животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, возникновение чрезвычайных ситуаций техногенного характера, нанесение ущерба правам, законным интересам граждан, обороне страны и безопасности государства.

Правоприменительная практика свидетельствует и о трудностях доказывания наличия угрозы причинения вреда. Так, в одном из дел, рассмотренных Двадцатым арбитражным апелляционным судом, медицинская организация привлекалась к ответственности за отсутствие необходимого оборудования (офтальмологического тонометра), что было квалифицировано контролирующим органом как грубое нарушение. Суд, однако, указал, что сам по себе факт отсутствия оборудования при отсутствии доказательств реальной угрозы причинения вреда не может служить основанием для квалификации правонарушения как грубого[11].

Однако, приведем и другой пример. Необеспечение в каждом кабинете врача полного набора медицинских изделий, предусмотренных Стандартами оснащения кабинетов специализированных врачей, является грубым нарушением лицензионных требований и наказывается штрафом, даже если выявлено впервые, у микропредприятия, которое заявило о реальной угрозе своего банкротства в связи с наложением большого штрафа. Данный вывод подтвердил Верховный Суд Российской Федерации, рас-

[10] Решение по делу № А60-15481/2025 от 29.04.2025. URL: https://www.zakonrf.info/arbsud/doc-9bf39b78-ed58-58b5-b08f-bbddd69401dd// (дата обращения: 06.02.2026).

[11] Двадцатый арбитражный апелляционный суд. URL: https://20aas.arbitr.ru/node/13860 (дата обращения: 01.02.2026).

смотрев жалобу лечебно-диагностического центра[12].

Отметим также, что суды часто привлекают за грубое нарушение лицензионных требований, даже если пациенты не пострадали. Например, административный орган при проверке выявил, что клиника нарушила лицензионные требования. Суд оштрафовал организацию на 100 тыс. руб. по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ. Организация не согласилась с таким решением. По мнению клиники, суд не учел, что у нее не было умысла, и что она устранила нарушение до вынесения решения. Суд апелляционной инстанции эти доводы не принял. Суд первой инстанции признал, что такие нарушения создают угрозу причинения вреда жизни, здоровью граждан. Этот вывод поддержал суд апелляционной инстанции. Он указал: устранение клиникой нарушений до вынесения решения не означает, что нет состава правонарушения, зафиксированного в ходе проверки[13].

Для решения указанных выше проблем представляется необходимым на законодательном уровне закрепить закрытый перечень грубых нарушений лицензионных требований в медицинской деятельности, не требующий дополнительного установления факта угрозы причинения вреда. К таким нарушениям можно отнести: отсутствие лицензии на конкретный вид работ (услуг); допуск к медицинской деятельности лиц, не имеющих соответствующего образования и сертификата специалиста; осуществление деятельности с нарушением требований безопасности, создавшим реальную угрозу жизни и здоровью пациентов (подтвержденную заключением эксперта), что также упростит регулирование, сохранив при этом возможность учитывать отраслевую специфику через детализацию в положениях о лицензировании.

Отметим, что по привлечению по ст. 14.1 КоАП РФ сложность возникает при квалификации длящихся нарушений (например, длительное отсутствие у медицинской организации необходимого оборудования или помещений, соответствующих установленным требованиям, несоблюдение лицензионных требований в течение продолжительного времени). Это связано с определением момента начала и окончания нарушения, доказательственной базы, оценки последствий и других факторов.

Так, постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2021 N 17АП-12512/2021-АК по делу № А71-6942/2021 довод заявителя жалобы о том, что срок давности привлечения к административной ответственности, предусмотренной частью 4 статьи 14.1 КоАП РФ, истек, были отклонены[14].

Суд исходил из того, что дело об административном правонарушении считается возбуждённым с момента составления протокола осмотра места совершения правонарушения, протокола о применении мер обеспечения производства по делу, протокола об административном правонарушении или вынесения прокурором постановления о возбуждении дела (часть 4 статьи 28.1 КоАП РФ).

Это означает, что срок давности начинает исчисляться не с момента совершения нарушения, а с момента официального возбуждения дела об административном правонарушении. В данном случае суд установил, что процедура возбуждения дела была соблюдена, и на момент рассмотрения дела срок давности не истёк.

Стоит отметить, что в соответствии с частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ общий срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение лицензионных требований составляет 90 календарных дней. При этом для длящихся правонарушений (когда нарушение выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении обязанностей) срок давности начинает исчисляться со дня обнаружения правонарушения (часть 2 статьи 4.5 КоАП РФ).

В рассматриваемом деле суд установил, что нарушение (отсутствие врачебной комиссии) было выявлено при проведении проверки, и с этого момента начался отсчёт срока давности. Поскольку на момент рассмотрения дела этот срок не истёк, суд подтвердил правомерность привлечения организации к ответственности.

Ключевым моментом стало правильное определение момента возбуждения дела и исчисления срока давности в соответствии с положениями КоАП РФ.

В другом деле Росздравнадзор провёл внеплановую проверку клиники и выявил нарушения при оказании помощи пациенту. Суд оштрафовал клинику, но апелляционная инстанция отменила решение из-за того, что истёк срок давности привлечения к ответственности. Контролирующий орган утверждал, что нарушение является длящимся. Однако Арбитражный суд Западно-Сибирского округа не согласился с этим аргументом: нарушение было совершено в период оказания медицинских услуг, а сведений о нарушении лицензионных требований после этого периода в материалах дела не было[15].

Срок давности по административным делам о нарушении лицензионных требований составляет 90 календарных дней. В этом случае суд не нашёл оснований считать нарушение длящимся, так как не было доказательств его продолжения после оказания услуг.

[12] Определение ВС РФ от 6 августа 2019 г. № 310-ЭС19-11899. URL: https://www.garant.ru/news/1288730/ (дата обращения: 01.02.2026).

[13] Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2019 по делу № А73-4160/2019 // Борисов Д.А. Нарушение лицензионных требований, обзор судебной практики в 2019-2024 годах. URL: https://www.np-med.ru/members/justice/1613/#r0_10 (дата обращения: 04.02.2026).

[14] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 октября 2021 года № 17АП-12512/2021-АК по делу № А71-6942/2021. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/NTvakncYqKgw/ (дата обращения: 01.02.2026).

[15] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.05.2023 № Ф04-1357/2023 по делу № А46-16013/2022. URL: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=196976&dst=100033 (дата обращения: 01.02.2026).

Эти примеры демонстрируют, что квалификация длящихся нарушений в медицинской сфере требует тщательного анализа обстоятельств дела, доказательств и применения норм законодательства с учётом судебной практики.

2. Нарушения в сфере обращения лекарственных средств (ст. 6.33 КоАП РФ).

Статья 6.33 КоАП РФ устанавливает ответственность за оборот фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок. В качестве проблем привлечения к административной ответственности выступает сложность доказывания заведомости. Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 6.33 КоАП РФ) требует доказательств того, что медицинская организация заведомо знала о фальсифицированном или недоброкачественном характере препаратов.

Так, территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области (далее – Росздравнадзор) обратился в Арбитражный суд Еврейской автономной области с заявлением о привлечении уполномоченного по качеству государственного предприятия Еврейской автономной области «Фармация» ФИО1 к административной ответственности по ч. 2 ст. 6.33 КоАП РФ за нарушение положений статьи 57 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – Закон № 61-ФЗ), выразившееся в реализации недоброкачественных лекарственных средств.

В соответствии с пунктом 38 статьи 4 указанного закона недоброкачественным лекарственным средством признается лекарственное средство, не соответствующее требованиям фармакопейной статьи либо, в случае ее отсутствия, требованиям нормативной документации или нормативного документа. В соответствии с пунктом 45 Правил надлежащей практики хранения и перевозки лекарственных препаратов для медицинского применения, утвержденных приказом Минздрава России от 31.08.2016 № 646н, субъект обращения лекарственных препаратов обязан принимать меры для минимизации риска проникновения фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных лекарственных препаратов в обращение. Судом из материалов дела установлено, что ФИО1, являясь уполномоченным ГП ЕАО «Фармация» по качеству допустила реализацию недоброкачественных лекарственных средств, что является нарушением приведенных норм права и подтверждается актом проверки, протоколом об административном правонарушении от 07.04.2025 № 4ЕАО, составленным уполномоченным лицом с соблюдением процедуры его оформления.

Однако на практике нередки случаи, когда лекарственное средство соответствует требованиям нормативной документации, но не соответствует информации, заявленной производителем (например, содержит меньшее количество действующего вещества, чем указано на упаковке).

Кроме того, сложность представляет доказывание субъективной стороны правонарушения. Медицинская организация, приобретая лекарственные средства у поставщиков, не всегда имеет возможность проверить их качество. В соответствии с ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным, если у него имелась возможность для соблюдения правил и норм. Однако возможность проверки качества каждой партии лекарственных средств технически и экономически ограничена.

Судебная практика идет по пути освобождения медицинских организаций от ответственности, если они проявили должную осмотрительность при выборе поставщика и не знали и не могли знать о недоброкачественности лекарственных средств[16]. Так, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2021 № 09АП-79500/2020 по делу № А40-195569/2018 суд поддержал организацию, которая запросила учредительные документы, проверила деловую репутацию и использовала сервис ФНС для анализа сведений в ЕГРЮЛ[17]. В контексте медицинских организаций это означает, что если учреждение: провело стандартную процедуру отбора поставщика, включая проверку его лицензии, ресурсов и репутации; запросило сертификаты качества на лекарственные средства, договоры с производителем, другие документы, подтверждающие соответствие препаратов требованиям; не имело объективных оснований подозревать фальсификацию или недоброкачественность препаратов (например, если поставщик ранее не был замечен в нарушениях, а документы выглядели достоверными), то суд может признать, что организация действовала добросовестно и не должна нести ответственность за действия недобросовестного поставщика.

В связи с этим закрепление данного подхода в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ представляется целесообразным.

Необходимо также совершенствование системы мониторинга движения лекарственных препаратов (система маркировки) и усиление профилактической работы с медицинскими организациями о правилах приемки и хранения лекарственных средств.

3. Нарушения санитарно-эпидемиологических требований (ст. ст. 6.3-6.7 КоАП РФ).

Данная группа включает несколько составов: ст. 6.3 КоАП РФ – нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения; ст. 6.4 КоАП РФ – нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных

[16] Борьба с фальсификацией медизделий: проблемы правового «статуса» заявлений производителей и писем Росздравнадзора. URL: https://www.garant.ru/article/1267889/ (дата обращения: 01.02.2026).

[17] Проявление должной осмотрительности: примеры за и против из практики за 2021 год. URL: https://www.consultant.ru/legalnews/17756/ (дата обращения: 01.02.2026).

помещений, зданий, сооружений; ст. 6.5 КоАП РФ – нарушение санитарно-эпидемиологических требований к питьевой воде; ст. 6.6 КоАП РФ – нарушение санитарно-эпидемиологических требований к организации питания населения; ст. 6.7 КоАП РФ – нарушение санитарно-эпидемиологических требований к условиям отдыха и оздоровления детей, их воспитания и обучения.

Наиболее распространенные в данной сфере – это правонарушения по ст. ст. 6.3, 6.4 КоАП РФ. Они имеют формальный состав. Это означает, что ответственность наступает независимо от наступления вредных последствий – достаточно самого факта нарушения санитарно-эпидемиологических требований. При этом привлечение к административной ответственности возможно только при наличии полного состава административного правонарушения и доказанности вины.

Например, ГУЗ «Ульяновская областная клиническая больница» была привлечена к ответственности по ст. 6.4 КоАП РФ за размещение беременных в коридоре и холле отделения патологии беременности при превышении коечной мощности. Суд отклонил доводы больницы об отсутствии вины и невозможности отказать пациентам в помощи, указав, что обязанность соблюдения санитарных правил является безусловной[18]. Или, ГБУЗ «Селижаровская ЦРБ» привлечено к ответственности по ст. 6.4 КоАП РФ за многочисленные нарушения в инфекционном отделении: отсутствие приточно-вытяжной вентиляции, централизованного горячего водоснабжения, дефекты отделки стен и потолков. Суд назначил наказание в виде административного приостановления деятельности, поскольку эксплуатация помещений с выявленными нарушениями создает угрозу для жизни и здоровья людей, распространения инфекционных заболеваний[19].

Судебная практика также свидетельствует о возможности применения ст. 2.9 КоАП РФ о малозначительности при незначительных нарушениях, не создающих существенной угрозы. Например, МУЗ «Кузоватовская ЦРБ» удалось добиться прекращения дела за малозначительностью при нарушении требований к размещению коек (расстояние от окон менее 0,9 метра). Суд апелляционной инстанции применил ст. 2.9 КоАП РФ, указав, что нарушения устранены, отсутствует существенная угроза охраняемым общественным отношениям[20].

Заметим, что постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» в пункте 21 содержит разъяснения о применении ст. 2.9 КоАП РФ о малозначительности. «Правонарушение признается малозначительным, если действие хотя формально и содержит признаки состава, но с учетом характера, роли правонарушителя, размера вреда не представляет существенного нарушения охраняемых общественных отношений»[21].

В связи с этим полагаем целесообразно ст. 6.3 и 6.4 КоАП РФ дополнить примечаниями, позволяющими освобождать от ответственности или заменять наказание предупреждением при малозначительных нарушениях, не создающих реальной угрозы санитарно-эпидемиологическому благополучию и устраненных в разумный срок.

По данным составам медицинские организации часто ссылаются на отсутствие финансирования для устранения нарушений. Суды не признают это обстоятельство освобождающим от ответственности. Например, Иловлинский районный суд Волгоградской области отменил постановление мирового судьи, который освободил муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение от ответственности за неисполнение предписания Роспотребнадзора. Суд указал, что обязанность исполнять предписания санитарных органов не может зависеть от наличия финансовых средств у учреждения. Также было отмечено, что направление писем с просьбами о выделении денег не является исчерпывающим мерами для исполнения предписания[22].

Поэтому разработка комплексных программ поэтапного устранения нарушений для медицинских организаций с учетом их финансовых возможностей, включающих анализ выявленных проблем, оценку ресурсов учреждения, планирование мероприятий и их реализацию в несколько этапов позволит системно решать проблемы, минимизируя нагрузку на бюджет организации.

Представляет интерес еще одна группа составов – это правонарушения, связанные с ненадлежащим ведением медицинской документации, несоблюдением порядка оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи. Данная группа не выделена в отдельный состав КоАП РФ и квалифицируется по различным статьям: ст. 19.20 КоАП РФ – это осуществление деятельности, не связанной с извлечением прибыли, без специального разрешения (лицензии); ст. 14.1 КоАП РФ – через нарушение лицензионных требований; ст. 6.4 КоАП РФ – если документация связана с санитарно-эпидемиологическим режимом (например, журналы обработки инст-

[18] Решение Ульяновского областного суда. URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=43143 (дата обращения: 01.02.2026).

[19] Административное приостановление деятельности Роспотребнадзором в случае нарушения обязательных требований. URL: https://cgon.rospotrebnadzor.ru/biznesu/profilaktika-nadzor-uslsugi/nadzornie meropriatiya/administrativnoe-priostanovlenie-deyatelnosti-rospotrebnadzorom-v-sluchae-narusheniya-obyazatelnykh (дата обращения: 01.02.2026).

[20] Решение Ульяновского областного суда. URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=43143 (дата обращения: 01.02.2026).

[21] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: http://www.consultant.ru/legalnews/17756/ (дата обращения: 01.02.2026).

[22] Управления Роспотребнадзора по Волгоградской области. URL: http://34.rospotrebnadzor.ru/ (дата обращения: 01.02.2026).

рументов).

Судебная практика свидетельствует о том, что медицинские организации привлекаются к ответственности за: отсутствие информированного добровольного согласия пациентов; неполноту заполнения медицинской документации; нарушение сроков предоставления экстренных извещений об инфекционных заболеваниях; отсутствие производственного контроля за качеством обработки медицинских изделий.

Проблемы привлечения к ответственности в данном случае состоят в том, что в КоАП РФ нет прямой нормы об ответственности за нарушение порядков и стандартов медицинской помощи, не всегда нарушение порядка оказания помощи признается лицензионным требованием, медицинская документация является основным доказательством в спорах с пациентами, однако требования к ее ведению разрозненны.

Разъясняя сложности правоприменения Верховный Суд РФ в ряде определений указывал, что нарушение порядков и стандартов медицинской помощи может являться основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности (компенсация морального вреда), но не всегда влечет административную ответственность. Например, в Определении от 2 сентября 2019 г. № 48-КГ19-9 Верховный Суд отметил, что при рассмотрении дел о возмещении вреда, причинённого ненадлежащим оказанием медицинской помощи, суды должны применять положения ГК РФ о возмещении вреда в системной взаимосвязи с законодательством об охране здоровья. Суд подчеркнул, что нарушение качества медицинской помощи само по себе рассматривается как нарушение конституционного права гражданина на охрану здоровья[23].

В связи с этим создается необходимость включения в КоАП РФ специальной нормы об ответственности за нарушение порядков и стандартов медицинской помощи, также необходима унификация требований к ведению медицинской документации и широкое внедрение электронного документооборота с контролем полноты заполнения.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд существенных проблем теоретического, нормативного и правоприменительного характера: сложности квалификации грубых нарушений лицензионных требований, трудности определения длящихся нарушений и доказывания заведомости о фальсифицированном или недоброкачественном характере препаратов, финансовые сложности медицинских организаций, отсутствие прямых норм об ответственности за нарушение порядков и стандартов медицинской помощи.

Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательства (систематизация составов административных правонарушений в сфере медицинской сфере, уточнение критериев грубых нарушений, дифференциация ответственности), так и организационно-методических мер (координация контрольно-надзорной деятельности при активном внедрении процедуры досудебного урегулирования споров и возможность заключения соглашений о соблюдении обязательных требований).

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности административной ответственности как инструмента обеспечения законности в медицинской сфере, а также созданию условий для устойчивого развития медицинских организаций при соблюдении баланса публичных и частных интересов.

Библиографический список

1. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для вузов. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2024. – 460 с.

2. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР (процессуальное регулирование). – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1976. – 198 с.

3. Кирилловых А.А. Административная ответственность медицинских организаций: вопросы теории и практики // Административное право и процесс. – 2022. – № 4. – С. 52-58.

4. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России: учебник / отв. ред. Л.Л. Попов. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2023. – 560 с.

5. Шишов М.А. Административная ответственность медицинских организаций за нарушения в сфере лицензирования // Медицинское право. – 2023. – № 2. – С. 35-40.

6. Цуканов Н.Н. К вопросу об узком (юрисдикционном) подходе к административному процессу (к столетию со дня рождения Надежды Георгиевны Салищевой) // Вестник Уральского юридического Университета МВД России. 2024. № 44 (4). – С. 63- 67.

Рецензент: Рахматуллина О.В., к.ю.н., доцент, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[23] Определение Верховного Суда РФ от 2 сентября 2019 г. № 48-КГ19-9. URL: https://www.consultant.ru/legalnews/17756/ (дата обращения: 01.02.2026).

ЕФИМЕНКО ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА
медицинский юрист (частная практика), заместитель председателя Общественного совета при ФМБА РФ, г. Иваново, e-mail: med.urist.efimenko@yandex.ru

ЭКСПЕРТНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИОРИТЕТА ВЫБОРА ОРИГИНАЛЬНОГО ЛЕКАРСТВЕННОГО ПРЕПАРАТА ДЛЯ ПАЦИЕНТА С МУКОВИСЦИДОЗОМ: СЛУЧАЙ ИЗ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

EFIMENKO TATIANA VALERIEVNA
Medical Lawyer (private practice), Deputy Chairman of the Public Council under the FMBA of Russia, Ivanovo, e-mail: med.urist.efimenko@yandex.ru

EXPERT SUBSTANTIATION FOR THE PRIORITY OF CHOOSING AN ORIGINAL DRUG FOR A CYSTICFIBROSIS PATIENT: A CASE FROM LEGAL PRACTICE

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формального подхода к замене оригинальных лекарственных препаратов на дженерики на примере пациента с муковисцидозом. Анализируется апелляционное определение Ивановского областного суда по делу* 33-1236/2025[*] *, которое создало важный прецедент в защите прав пациентов на получение конкретного лекарственного препарата по торговому наименованию. На основе детального разбора экспертного фармацевтического заключения, сравнивающего оригинальный препарат «Трикафта» и дженерик «Трилекса», автор доказывает клинические и юридические риски принудительной замены терапии у стабильных пациентов. В статье обосновывается необходимость индивидуального подхода и приоритета принципа «не навреди» над формальной трактовкой взаимозаменяемости лекарственных средств.*

Ключевые слова: *муковисцидоз, оригинальный препарат, дженерик, Трикафта, Трилекса, взаимозаменяемость лекарственных средств, судебная практика, врачебная комиссия, торговое наименование, права пациента.*

Abstract. *The article addresses the issue of a formal approach to replacingoriginal drugs with generics using a clinical case of a cystic fibrosis patient as an example. It analyzes the appellate ruling of the Ivanovo Regional Court, which has set an important precedent in protecting patients' rights to receive a specific drug by its trade name. Basing on a detailed analysis of an expert pharmaceutical opinion which compares the original drug «Trikafta» and the generic «Trilexa,» the author proves the clinical and legal risks of forcible therapy replacement in stable patients. The article argues for the necessity of a customized approach and the priority of the «do no harm» principle over a formal interpretation of drug interchangeability.*

Keywords: *cystic fibrosis, original drug, generic, Trikafta,Trilexa, drug interchangeability, judicial practice, health authorities, trade name, patient rights.*

Введение:

Вопрос взаимозаменяемости лекарственных препаратов является одним из наиболее острых в современном медицинском праве и здравоохранении. С одной стороны, использование дженериков позволяет оптимизировать бюджетные расходы и повысить доступность терапии. С другой – формальный подход к замене оригинального препарата на аналог может нести серьезные риски для здоровья и жизни пациента, особенно при лечении тяжелых орфанных заболеваний, таких как кистозный фиброз (муковисцидоз).

Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»[1] устанавливает критерии взаимозаменяемости, однако судебная и клиническая практика показывают, что биоэквивалентность не всегда означает терапевтическую идентичность и одинаковую переносимость.

Цель настоящей статьи – на примере реального судебного дела продемонстрировать, почему принудительная замена стабильной и эффективной терапии оригинальным препаратом на дженерик недопустима и какие правовые механизмы могут быть использованы для защиты прав пациента, в частности с помощью экспертного заключения (заключения специалиста).

1. Заключение специалиста

Фабула дела: борьба за право на проверенное

[*] URL: https://oblsud-iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8550262&case_uid=e998d911-95e5-4a20-9146-a871d67cd954&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 12.04.2026).

[1] Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 181.

лечение.

В Ивановской области развернулось судебное разбирательство по иску прокуратуры в интересах несовершеннолетнего Д.Т., страдающего муковисцидозом (генотип F508del/W1310X). В течение более двух лет пациент получал таргетную терапию оригинальным препаратом «Трикафта», на фоне которой была достигнута стойкая положительная динамика: улучшение функции легких, прибавка в весе и росте, отсутствие высева синегнойной палочки. Эффективность терапии была подтверждена решениями врачебных комиссий и заключением главного внештатного специалиста.

Проблема возникла, когда на 2025 год Департаментом здравоохранения Ивановской области был закуплен дженерик «Трилекса» на основании международного непатентованного наименования (МНН). Суд первой инстанции, руководствуясь формальным принципом назначения лекарств по МНН, обязал Департамент обеспечить пациента препаратом, но отказал в указании конкретного торгового наименования «Трикафта» (Ленинский районный суд г.Иваново, Дело № 2-747/2025)[2].

Законный представитель ребенка, Е.А.Т., не согласившись с таким решением, подала апелляционную жалобу, настаивая на том, что замена проверенного и эффективного препарата на ранее не применявшийся аналог несет прямую угрозу здоровью ее сына.

Анализ экспертного заключения: почему дженерик не равен оригиналу?

Ключевую роль в апелляционном процессе сыграло заключение специалиста-провизора, кандидата фармацевтических наук, доцента. Его профессиональное и независимое мнение оказалось решающим, но из-за этого ему пришлось оставить должность в государственном медицинском университете. Таким образом, настоящая статья может представлять ценность для негосударственных судебно-медицинских организаций, которые не связаны с департаментами здравоохранения.

Специалист провел детальное сравнение препаратов «Трикафта» и «Трилекса» на основе данных Государственного реестра лекарственных средств и выявил на первый взгляд незначительные, но критически важные различия.

1. Состав и форма действующих веществ. В оригинальном препарате «Трикафта» два из трех активных компонентов (ивакафтор и тезакафтор) представлены в виде **дисперсии, высушенной распылением, со стабилизаторами** (гипромеллозы ацетат сукцинат и натрия лаурилсульфат). Эта технология обеспечивает оптимальное усвоение и высокий профиль безопасности. В дженерике «Трилекса» действующие вещества указаны без упоминания данной формы, что может влиять на их биодоступность и переносимость.

2. Вспомогательные вещества. Состав вспомогательных веществ препаратов существенно различается. «Трилекса» содержит большее их число, включая **повидон К** и красители **(Е129, Е133, Е104)**, отсутствующие в «Трикафте». Это повышает риск развития индивидуальной непереносимости и нежелательных лекарственных реакций.

3. Срок годности и стабильность. Срок годности «Трикафты» составляет 4 года, тогда как у «Трилексы» – всего 2 года. Это может косвенно свидетельствовать о потенциально менее высокой стабильности и качестве субстанций дженерика.

4. Происхождение субстанций и производство. Фармацевтические субстанции для «Трикафты» производятся в США, Испании, Португалии и Ирландии. Готовая форма выпускается в США, а упаковка и контроль качества осуществляются на площадках в США, Великобритании и Ирландии. Субстанции для «Трилексы» поставляются из Китая и Индии, а производство и контроль осуществляются в Аргентине. Различия в географии производства и стандартах качества (например, FDA, EMA против локальных стандартов) могут напрямую влиять на конечный продукт.

Вывод эксперта был однозначен: несмотря на формальную взаимозаменяемость, препараты не являются идентичными. Принудительная замена терапии у пациента со стабильным адекватным терапевтическим эффектом и хорошей переносимостью несет **потенциальные риски ухудшения состояния, возвращения симптомов и снижения качества жизни.**

Правовая оценка и решение суда апелляционной инстанции

Апелляционная коллегия Ивановского областного суда в своем определении от 09 июля 2025 года по делу № 33-1236/2025 приняла во внимание все доводы заявителя и экспертное заключение. Суд отошел от формального подхода и вынес решение, основанное на приоритете интересов пациента.

Ключевые моменты в логике суда:

· **Доказанная эффективность:** Суд установил, что терапия препаратом «Трикафта» в течение более двух лет была назначена по жизненным показаниям, и ее эффективность была документально подтверждена.

· **Риски замены:** Коллегия приняла во внимание заключение специалиста о различиях в составе препаратов и согласилась, что замена на дженерик «Трилекса», который пациент никогда не применял, может негативно отразиться на его здоровье.

· **Право на назначение по торговому наименованию:** Суд сослался на положения gриказа Министерства здравоохранения РФ от 24 ноября 2021 г. № 1094н «Об утверждении Порядка назначения лекарственных препаратов, форм рецептурных бланков на лекарственные препараты, Порядка оформления указанных бланков, их учета и хранения, форм бланков рецептов, содержащих назначение наркотических средств или психотропных веществ, Порядка их изготовления, распределения, регистрации, учета и хранения, а также Правил оформления бланков рецептов, в том числе в форме электронных докумен-

[2] URL: https://leninsky—iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=142709104&case_uid=89cc8066-a8cf-4a86-afa7-ea4015d00c67&delo_id=1540005 (дата обращения: 12.04.2026).

[3] Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 ноября 2021 г. N 1094н. URL: www.pravo.gov.ru

тов»[3], согласно которым назначение препарата по торговому наименованию возможно по решению врачебной комиссии при наличии медицинских показаний (например, индивидуальной непереносимости). В данном случае, длительная успешная терапия конкретным препаратом была расценена как достаточное основание для продолжения его приема.

В итоге, апелляционная инстанция изменила решение суда первой инстанции и обязала Департамент здравоохранения Ивановской области организовать обеспечение несовершеннолетнего Д.Т. лекарственным препаратом именно под торговым наименованием «Трикафта».

Заключение 1

1. Указанное дело является важным прецедентом, демонстрирующим, что право пациента на эффективное и безопасное лечение стоит выше формальных процедур закупок по МНН. Оно доказывает, что принцип взаимозаменяемости не должен применяться механически, особенно к пациентам с орфанными заболеваниями, достигшим стабильности на конкретной терапии.

Данный случай подчеркивает критическую важность экспертной оценки при решении вопросов о замене лекарственных препаратов и дает юридический инструмент для защиты пациентов в аналогичных ситуациях. Решение суда подтверждает, что основной принцип медицины и права – «не навреди» – должен быть главенствующим при принятии решений, от которых зависит качество и продолжительность жизни человека.

2. Судебно-медицинская экспертиза по данной категории дел о нуждаемости пациента в лекарственном препарате

Еще одним интересным примером для анализа смены оригинального лекарственного препарата на дженерик, является заключение судебно-медицинской экспертизы, также представленное по одному из дел, в котором автор принимала участие.

1) Основные вопросы для постановки перед экспертами.

Анализ экспертизы по делу И.М.М. показывает, что судом были поставлены точные и грамотные вопросы. Основываясь на них и на выводах самих экспертов, можно сформировать универсальный и детализированный перечень вопросов, который охватит все ключевые аспекты для обоснования невозможности замены оригинального лекарственного препарата с доказанной терапевтической эффективностью.

Вопросы можно разделить на три логических блока:

Блок А: Общее сравнение препаратов и формальная взаимозаменяемость.

Этот блок закладывает основу, устанавливая формальное сходство и фактические различия.

1. Являются ли лекарственные препараты «[Оригинальный препарат]» и «[Дженерик]» биоэквивалентными (взаимозаменяемыми) согласно данным Государственного реестра лекарственных средств и результатам регистрационных исследований?

2. Какие конкретные различия имеются в составах вспомогательных веществ, форме выпуска действующих веществ, сроках годности, а также в странах происхождения субстанций и производственных площадках указанных препаратов?

3. Как выявленные различия (вспомогательные вещества, технологии производства и т.д.) могут потенциально влиять на фармакокинетику, биодоступность, стабильность и общую переносимость лекарственных препаратов у пациентов с муковисцидозом?

Блок Б: Анализ состояния пациента и причинно-следственная связь.

Это центральный блок, направленный на доказывание факта непереносимости дженерика конкретным пациентом.

1. Наблюдались ли улучшения состояния здоровья пациента после начала применения оригинальным препаратом? Имеется ли терапевтическая эффективность от его приема?

2. Наблюдалось ли изменение состояния здоровья пациента после начала применения препарата «[Дженерик]» по сравнению с периодом терапии препаратом «[Оригинальный препарат]»? Если да, то в чем конкретно оно выразилось (описать все симптомы: респираторные, гастроинтестинальные, неврологические, лабораторные и др.)?

3. Имеется ли временная связь между началом приема препарата «[Дженерик]» и появлением/усилением указанных симптомов?

4. Могли ли вспомогательные вещества, входящие в состав препарата «[Дженерик]» и отсутствующие в препарате «[Оригинальный препарат]» (например, повидон К, лактоза, специфические красители), вызвать описанные в медицинской документации (в т.ч. в извещении о нежелательной реакции) изменения в состоянии здоровья пациента?

5. Соответствуют ли зафиксированные симптомы известным побочным реакциям препарата «[Дженерик]», указанным в инструкции? Является ли их совокупность и степень выраженности допустимой для продолжения терапии?

6. Имеются ли в представленных медицинских документах сведения о нежелательных реакциях или непереносимости на препарат «[Оригинальный препарат]» в период его применения пациентом?

7. Подтверждает ли регресс симптомов после отмены «[Дженерика]» и/или возобновления приема «[Оригинального препарата]» причинно-следственную связь между приемом дженерика и ухудшением состояния пациента? (Ключевой вопрос для доказывания)

Блок В: Медицинское обоснование и оценка рисков.

Этот блок формирует экспертное заключение о необходимости продолжения терапии именно оригинальным препаратом.

1. Имеются ли, с медицинской точки зрения, ос-

нования для продолжения применения пациентом лекарственного препарата именно по торговому наименованию «[Оригинальный препарат]»?

2. Можно ли считать зафиксированную реакцию на препарат «[Дженерик]» проявлением индивидуальной непереносимости, являющейся медицинским показанием для назначения препарата по торговому наименованию в соответствии с действующим законодательством?

3. Каковы предсказуемые медицинские риски для здоровья пациента в случае прекращения терапии препаратом «[Оригинальный препарат]» (отмены патогенетической терапии)?

4. Каковы медицинские риски для пациента при возобновлении или продолжении терапии препаратом «[Дженерик]», вызвавшем нежелательные реакции?

5. Является ли замена препарата «[Оригинальный препарат]» на «[Дженерик]» в данном конкретном клиническом случае недопустимой с точки зрения принципа «не навреди» и необходимости сохранения достигнутой стабильности состояния пациента?

2) Рекомендуемый состав экспертной комиссии.

Состав комиссии должен быть междисциплинарным, чтобы обеспечить всесторонний анализ. На примере проведенной негосударственной экспертизы видно, насколько важен каждый специалист.

Следует учитывать положения федерального законодательства о независимости экспертов, на предмет отсутствия служебной зависимости от сторон по делу, коими могут быть государственные эксперты региональных бюро СМЭ, и привлеченные внештатные специалисты региональных органов управления здравоохранением.

Обязательный состав:

1) Врач-судебно-медицинский эксперт (Председатель комиссии). Обеспечивает процессуальную корректность экспертизы, формулирует выводы в соответствии с требованиями законодательства и суда, координирует работу других специалистов. Его участие обязательно.

2) Врач-клинический фармаколог.

Ведущий специалист, оценивающий вопросы биоэквивалентности, фармакокинетики, фармакодинамики. Именно он может дать компетентное заключение о влиянии вспомогательных веществ, различий в технологиях производства на переносимость и эффективность препарата. Его выводы по поводу реакций, и патогенеза побочных эффектов являются ключевыми.

3) Врач-пульмонолог.

Профильный специалист по основному заболеванию (муковисцидоз). Он оценивает клиническую динамику пациента: данные спирометрии (ОФВ1), характер кашля и мокроты, частоту обострений, данные КТ. Он может квалифицированно оценить, является ли ухудшение состояния проявлением нежелательной реакции на препарат или естественным прогрессированием болезни, возникающее как при приеме оригинального, так и при приеме неоригинального препарата.

Рекомендуемые (дополнительные) эксперты.

В зависимости от специфики проявившихся побочных эффектов, в комиссию желательно включить следующих специалистов:

1. Врач-гастроэнтеролог.

Необходим, если у пациента проявились выраженные желудочно-кишечные симптомы (диарея, боли в животе, тошнота, метеоризм). Он может оценить, связаны ли эти симптомы с синдромом раздраженного кишечника, панкреатической недостаточностью или являются прямым следствием приема нового препарата (например, из-за непереносимости лактозы или другого вспомогательного вещества).

2. Врач-аллерголог-иммунолог.

Его участие целесообразно для дифференциальной диагностики между классической аллергической реакцией и другими видами непереносимости (например, идиосинкразией). Он может дать заключение о механизмах развития реакции на вспомогательные компоненты.

3. Врач - специалист по организации здравоохранения и общественного здоровья.

Проводит оценку действий врачей и медицинских организаций с точки зрения соблюдения порядков и стандартов оказания медицинской помощи, правил назначения лекарственных препаратов. Однако в делах о замене препарата его роль вторична по сравнению с клиническим фармакологом.

В конкретном случае выводы экспертов были категоричными:

1. Препараты не являются взаимозаменяемыми для данного пациента

2. Причина плохой переносимости – вспомогательные вещества.

3. Ухудшение состояния было тяжелым, что подтверждено документально.

4. Продолжать терапию дженериком опасно для жизни. Продолжение приема дженерика может привести к жизнеугрожающим состояниям.

Таким образом, заключение экспертов может указывать на наличие или отсутствие безусловных медицинских показаний для пожизненного применения оригинального лекарственного препарата именно по торговому наименованию.

Вывод

Идеальная комиссия для такого дела должна обязательно включать судебно-медицинского эксперта, клинического фармаколога и пульмонолога. Привлечение гастроэнтеролога и аллерголога-иммунолога значительно усилит доказательную базу, если побочные реакции затрагивают соответствующие органы пациента.

Рассмотренный случай наглядно демонстрирует, что формальный подход к замене оригинальных лекарственных препаратов на дженерики, основанный исключительно на критериях биоэквивалентности, недопустим в отношении пациентов с орфанными заболеваниями, достигших стабильного состояния на проверенной терапии. Решение Ивановского област-

ного суда, поддержанное детальным экспертным заключением, стало важным прецедентом, подтверждающим приоритет безопасности и здоровья пациента над бюджетной оптимизацией.

Экспертная оценка, включающая сравнение состава, технологии производства, стабильности и переносимости препаратов, играет ключевую роль в защите прав пациентов. Она позволяет объективно обосновать необходимость назначения лекарственного средства именно по торговому наименованию, особенно когда речь идет о сохранении достигнутого терапевтического эффекта и предотвращении жизнеугрожающих рисков.

Таким образом, в условиях растущей практики замены оригинальных препаратов на дженерики, необходимо развивать и внедрять правовые и экспертные механизмы, обеспечивающие индивидуальный подход к каждому пациенту. Только так можно гарантировать соблюдение фундаментального принципа медицины – *«не навреди»* – и обеспечить право граждан на доступ к эффективному и безопасному лечению.

Рецензент: Яковенко Н.А., к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

ЖАРКОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА
старший преподаватель кафедры судебной медицины и медицинского права Российского университета медицины (РосУниМед), 127006, г. Москва, ул. Долгоруковская, 4, es.zharkova@mail.ru

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ZHARKOVA EKATERINA SERGEEVNA
senior lecturer of the Department of forensic medicine and medical law of The Russian University of Medicine (ROSUNIMED), 127006, Russia, Moscow, Dolgorukovskaya Street, 4, es.zharkova@mail.ru

MEDICAL LAW IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: NEW CHALLENGES AND PROSPECTS

Аннотация. *Целью исследования являются правовые возможности оказания медицинских услуг с помощью искусственного интеллекта (ИИ). В статье рассматривается потенциальная успешная значимость практического применения ИИ в медицине с точки зрения действующего законодательства России. Рассматриваются проблемы внедрения ИИ в работу здравоохранения и анализируются принятые на сегодняшний день нормативно-правовые акты.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, здравохранение, медицина, медицинское право, правовое регулирование*

Annotation. *The aim of the research is to explore the legal possibilities of providing medical services through artificial intelligence (AI). The article examines the potential significant impact of the practical application of AI in medicine in light of the current legislation in Russia. It addresses the challenges of integrating AI into healthcare operations and analyzes the regulatory legal acts adopted to date.*

Keywords: *artificial intelligence, healthcare, medicine, medical law, legal regulation*

Совместное сосуществование технологии, науки, лечебного искусства, свобод и прав человека – это требующий глубокого анализа симбиоз, который уверенно движется к получению ответа на главный вопрос человечества – «ключ к долголетию». Технология, наука, юриспруденция и медицина являются параллельными сферами профессиональных деятельностей, требующими постоянного нахождения в фокусе и в процессе достижения наилучшей версии себя для осуществления поставленных перед обществом задач.

Одним из таких фокусов на сегодняшний день является вопрос об использовании «Искусственного интеллекта» (далее – ИИ) в медицине и правовое регулировании его способов применения в медицинском праве.

Во многих аспектах в медицине уже успешно справляются такие способы использования ИИ как: анализ медицинских документов и изображений, сбор и хранение персональных и медицинских данных, обмен информацией между системами, использование КТ, МРТ, рентгена, телемедицина, автоматизация административных задач, операции с помощью роботов. Так, например, к.т.н., эксперт в области цифрового здравоохранения Александр Гусев провел обзор российских систем искусственного интеллекта для здравоохранения и выделил их в несколько основных групп: «анализ радиологических изображений, анализ и ведение электронных медицинских карт, ИИ-сервисы для пациентов и управления личным здоровьем, ИИ-решения для лабораторной диагностики, ИИ-решения для стоматологии, ИИ-решения для офтальмологии, ИИ-решения для эндоскопии, дистанционный мониторинг и лечение и др.»[1].

Всё вышеперечисленное – огромный прорыв в использовании технологий для здоровья граждан, но, несмотря на высококлассное развитие технологий, многие способы использования ИИ в медицине могут создать некоторые правовые проблемы. Например, такие как неверное заключение о состоянии здоровья пациента и определение лица, отвечающего за исход полученной ненадлежащей медицинской услуги, неточность координирования работы при полученных сведений об пациенте, ошибочные результаты и вариация показателей, риск потери конфиденциальных данных пациентов, использование информации без согласия пациента для создания новых возможностей в лечении поставленных диагнозов и многое другое. Так или иначе, все эти проблемы касаются состояния здоровья, прав и свобод человека.

Российская Федерация является правовым государством, а права и свободы граждан России защи-

[1] Обзор Российских систем искусственного интеллекта для здравоохранения. 2025. URL: https://webiomed.ru/blog/obzor-rossiiskikh-sistem-iskusstvennogo-intellekta-dlia-zdravookhraneniia/ (дата обращения: 20.09.2025).

щает Конституция Российской Федерации, таким образом, российское законодательство и народ в целом нуждаются в легитимном урегулировании систем ИИ.

Современное российское правовое регулирование использования цифровых технологий в здравоохранении, в том числе в области ИИ, базируется на нормах ст. 91 и 91.1 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2], где закрепляются нормативно-правовые основы создания и функционирования единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, а именно определяются: задачи информационной системы в сфере здравоохранения; структура и порядок ведения системы; порядок и сроки представления информации; участники информационного взаимодействия; порядок доступа к информации, содержащейся в единой системе; требования к программно-техническим средствам; порядок обмена информацией с использованием единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения; порядок защиты информации, содержащейся в системе[3].

На данный момент не существует общего нормативно-правового регулирования ИИ на уровне федерального закона, однако Указом Президента от 10 октября 2019 года поставлена задача «Внедрить ИИ в российское здравоохранение»[4], а Распоряжением Правительства России утвердить стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения до 2030 года[5].

26 октября 2021 года компаниями России совместно с научным сообществом и общественными институтами был создан «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта»[6]. «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта в своей деятельности» – то есть нормативно-правовой документ носит лишь рекомендательный характер при использовании ИИ, а также распространяется лишь на тех Акторов, кто официально присоединится к Кодексу. Для реализации положений Кодекса назначены уполномоченные по этике ИИ и созданы коллегиальные комиссии по этике. Они следят за безопасной работой с данными и информационной безопасности, идентификацией ИИ в общении с человеком и уважением автономии воли человека. Число в 1144[7] подписанта Кодекса этики на момент октября 2025 года говорят о том, данный Кодекс востребован и уже создает устойчивый фундамент к разработке Общего Кодекса. Среди всех подписантов есть как российские участники, так и зарубежные, ассоциированные подписанты и федеральные и региональные органы государственной власти (среди них Росздравнадзор, ФМБА, Минздрав республики Карелия, Минздрав Сахалинской области – в области медицины). Кодекс адресован всем, кто создает, внедряет или использует технологии ИИ.

Одни из самых важных принципов Кодекса этики в сфере ИИ: человеко-ориентированный и гуманистический подход, уважение автономии и свободы воли человека, соответствие закону, недискриминация, оценка рисков и гуманитарного воздействия. Также в данном Кодексе предлагается возложить ответственность за последствия работ систем ИИ на человека.

Несмотря на всю серьезность разработанного документа, данный Кодекс является лишь руководством для государства, разработчиков, научных организаций к действиям и созданию правовых общих принципов в работе с искусственным интеллектом.

Еще один немаловажный нормативно-правовой документ в истории и на пути к созданию «Общей юридической базы управления искусственным интеллектом» является «Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья», утвержденный межведомственной рабочей группой при Минздраве России 14 февраля 2025 года, что было необходимо, так как стремительное развитие технологий затронуло практически все сферы жизни человека. Число подписантов этого Кодекса всего 30, среди них есть подведомственные, а также высоко значимые участники (ФГБОУ ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России, ФГБУ ВЦЭРМ им. А.М. Никифорова МЧС России, ФГБУ НМИЦ АГП им. В.И. Кулакова Минздрава России, ФГБНУ Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»», ФГБУ «НМХЦ им. Н.И. Пирогова» Минздрава России, ФГБУ «НМИЦ ТПМ» Минздрава России, ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Томский НИМЦ), они одни из первых согласились на участие в потенциально крупном проекте в истории медицины.

Интеграция ИИ в медицину и здравоохранение дает шанс на новые возможности, упрощение рутин-

[2] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Климан Ю.А. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 237-243.

[4] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2024 № 959-р // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Кодекс этики в сфере ИИ.2021. URL: https://ethics.a-ai.ru/ (дата обращения: 27.09.2025).

[7] Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья. Версия 2.1 (утв. Межведомственной рабочей группой при Минздраве России по вопросам создания, развития и внедрения в клиническую практику медицинских изделий и сервисов с использованием технологий искусственного интеллекта, протокол от 14 февраля 2025 г. N 90/18-0/117) // СПС «КонсультантПлюс».

ных задач, отнимающих много времени при оказании медицинской помощи: автоматизация больших объемов данных, поиск, классификация и сортировка медицинских документов, отчеты об медицинских вмешательствах, генерация стандартов медицинского ухода, оценка ущерба, поддержка телемедицинских сервисов и многое другое.

Однако, как и при всех вводимых нововведений есть риски, которые не могут не тревожить медицинских работников и пациентов. Такие риски обусловлены недоверием к новизне, устоявшимися медицинскими обычаями, а также юридической неопределенностью с вопросами безопасного использования инноваций без причинения вреда здоровью пациентов в силу потенциальных ошибок обработки данных и знаний, а также заключений, формируемых системами ИИ.

В связи с поставленными вопросами «Кодекс этики применения ИИ в сфере охраны здоровья» предлагает определить роль, права и обязанности субъектов ИИ, разъясняет такие принципы как: ограниченная автономность, прозрачность и объяснимость, конфиденциальность данных и безопасность пациентов, справедливость и равенство доступа, научное партнерство и профессиональная ответственность, формирование, проведение этической экспертизы и апробации систем ИИ, а также контроль.

«Кодекс этики применения ИИ в сфере охраны здоровья» был принят Министерством Здравоохранения России, что обязывает создателей и участников системных программ соблюдать закон ведомственного уровня. Ведомство имеет право обязать разработчиков соблюдать установленные правила, а также применять санкции к правонарушителям-подписантам данного Кодекса.

Таким образом, правотворчество нормативно-правовых актов в области ИИ в медицине набирает обороты и вскоре достигнет своей абсолютной цели, тем не менее на сегодняшний день юридическая ответственность требует полного и не взаимоисключающего участия медицинского работника в использовании искусственных систем технологий.

Библиографический список

1. Климан Ю.А. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 11. – С. 237-243.

Рецензент: Яковенко Н.А., к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

КУЗЬМИНА МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права, доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oMVKuzmina@msal.ru

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕНСАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

MARIA VIACHESLAVOVNA KUZMINA
PHD in Law, associate professor of the Department of business and labor law, associate professor of the Department theoretical, legal and historical sciences Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oMVKuzmina@msal.ru

MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE COMPENSATION FUNCTION OF LAW IN THE FIELD OF HEALTHCARE

Аннотация. *Автор, рассматривая вопросы механизма реализации компенсационной функции права в области здравоохранения, раскрывает особенности возмещения вреда, причиненного в результате действий (бездействия) персонала и медицинских организаций в результате оказания как бесплатных, так и платных медицинских услуг. В статье, на основе анализа действующего законодательства и примеров судебной практики, определяются обстоятельства, которые могут привести к обращению пациента в суд за защитой своих прав. При этом подчеркивается важность недопущения дисбаланса в правоотношениях сторон в сфере здравоохранения. Обосновывается необходимость внедрения досудебного порядка урегулирования споров между медицинской организацией и пациентом, внедрения процедуры медиации.*

Ключевые слова: *компенсационная функция права, компенсация морального вреда, компенсация материального вреда, возмещение вреда, здравоохранение, пациент, медицинская помощь, медицинские услуги, немедицинские услуги.*

Review. *The author, considering the mechanism of implementing the compensatory function of law in the field of healthcare, reveals the features of compensation for harm caused as a result of the actions (inaction) of personnel and medical organizations as a result of the provision of both free and paid medical services. Based on the analysis of current legislation and examples of judicial practice, the article identifies the circumstances that may lead to a patient's appeal to the court for protection of their rights. The article emphasizes the importance of preventing an imbalance in the legal relations between the parties in the field of healthcare. It substantiates the need for the implementation of a pre-trial procedure for resolving disputes between a medical organization and a patient, as well as the introduction of a mediation procedure.*

Keywords: *compensatory function of law, compensation for non-pecuniary damage, compensation for pecuniary damage, compensation for harm, healthcare, patient, medical care, medical services, non-medical services.*

Право, выступая одним из основных социальных регуляторов, направленных на охрану общественных отношений, призвано, среди прочего, выполнять компенсационную функцию. В качестве основания компенсационной функции рассматривают сущностное предназначение права как «инструмента восстановления социальной справедливости». Восстановление социальной справедливости в данном случае может происходить через возмещение субъекту причиненного ущерба и через вознаграждение за определенное «заслуженное» поведение, требующее от субъекта особых затрат. Возмещение и вознаграждение соответственно составляют содержание компенсационной функции. Формы же её реализации будут отличаться в зависимости от конкретных фактических обстоятельств, что позволяет дифференцировать данную функцию в рамках различных отраслей права. В самом общем виде компенсационная функция права охватывает воздействие права на регулируемые общественные отношения через механизмы возмещения и вознаграждения с целью восстановления социальной справедливости[1].

Компенсационная функция права в области здравоохранения реализуется через возмещение вреда, причинённого здоровью или жизни пациента при оказании медицинской помощи. Это функция направлена на устранение имущественных последствий правонарушения, восстановление имущественного положения потерпевшего, существовавшего до правонарушения.

[1] Кузьмина М.В. Компенсационная функция в системе функций права: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. № 2(39). 2014. С. 174.

Вред, причинённый здоровью пациента в результате виновных действий (бездействия) медицинского учреждения, может выражаться в утрате заработка, в несении дополнительных расходов и т.п. Также некачественная медицинская помощь может вызвать моральный вред – физические и нравственные страдания, которые понёс пациент.

Не секрет, что оказание медицинской помощи имеет высокую степень ответственности, а некачественное выполнение медицинских услуг, может привести к серьезным последствиям для здоровья пациентов. Некачественное оказание медицинских услуг – это не только неправильное исполнение манипуляций, некачественная операция, но и непредоставление достаточной информации, недостаток внимания к пациенту или даже халатность.

По данным статистики, в год в суды общей юрисдикции России поступает чуть более 50 тысяч исков о некачественном оказании медицинской помощи, около 60% из них – к частным клиникам. Чаще всего граждане обращаются в суд с жалобами на качество услуг в сфере эстетической и пластической хирургии, ортопедической и хирургической стоматологии, общей хирургии и родовспоможения.

При этом, по данным Росздравнадзора, в первом квартале 2025 года в ведомство обратилось более 14 тысяч граждан с жалобами на качество медуслуг.

Следственный комитет РФ, в свою очередь, зафиксировал снижение случаев уголовного преследования врачей из-за некачественной медицинской помощи: за 9 месяцев 2025 года правоохранительные органы возбудили 1408 уголовных дел, связанных с ятрогенными преступлениями (общественно опасные деяния медработников при исполнении служебных обязанностей), по 489 случаям вынесен отказ в возбуждении уголовного дела[2].

Необходимость качественного правового регулирования отношений в сфере оказания медицинской помощи является важной составляющей в достижении безупречного оказания медицинских услуг, сохранения и укрепления здоровья каждого человека. Законодательство в области оказания медицинской помощи является достаточно объемным, также не прекращается законотворчество в области здравоохранения. В настоящее время процесс оказания медицинских услуг регулируется следующими основными нормативно правовыми актами:

· Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[3]. В частности, данный акт определяет права и обязанности человека и гражданина в сфере охраны здоровья, гарантии реализации этих прав.

· Гражданским кодексом РФ. В части реализации компенсационной функции права, ГК РФ регламентирует порядок возмещения морального вреда.

· Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. №326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»[4]. Закон устанавливает, что расходы на оплату оказанной медицинской помощи застрахованному лицу вследствие причинения вреда его здоровью подлежат возмещению лицом, причинившим вред.

· Уголовным кодексом РФ. Регламентирует наказание за опасные деяния медработников при исполнении служебных обязанностей.

Возмещение вреда в сфере здравоохранения, реализующее компенсационную функцию права, может включать:

· Компенсацию материального вреда – возмещение денежных средств, которые пациент затратил или должен будет затратить для восстановления здоровья. Могут быть возмещены также и дополнительные расходы, вызванные повреждением здоровья (усиленное питание, приобретение лекарств, протезирование и др.).

· Компенсацию морального вреда – компенсацию за моральные страдания, которые испытал истец в результате причинения вреда. Размер компенсации определяется судом в зависимости от характера причинённых потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда.

Нарушение права гражданина на оказание качественной медицинской помощи может произойти как в случае предоставления платных медицинских услуг, так и бесплатных. Однако, законодательство регулирует каждый из этих вариантов. Так, согласно ст. 84 Федерального закона от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации) граждане имеют право на получение платных медицинских услуг, предоставляемых по их желанию при оказании медицинской помощи, и платных немедицинских услуг (пребывание в стационаре, питание, транспортные и иные услуги), предоставляемых дополнительно при оказании медицинской помощи.

Частью 7 ст. 84 Закона Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации предусмотрено, что порядок и условия предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг пациентам устанавливаются Правительством РФ. В соответствии с п. 52 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 11 мая 2023 № 736[5] (далее – Правила), вред,

[2] Фомичева Е.В. России снижается число медицинских споров, а суммы компенсаций для пострадавших пациентов растут. URL: https://www.fontanka.ru/2026/02/02/76244947/ (дата обращения: 01.03.2026).

[3] Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[4] Федеральный закон от 29 ноября 2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.

[5] Постановление Правительства РФ от 11 мая 2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 № 1006» // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3565.

причиненный жизни или здоровью пациента в результате оказания платных медицинских услуг ненадлежащего качества, подлежит возмещению исполнителем в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Из п. 10 Правил следует, что медицинская помощь при предоставлении платных медицинских услуг организуется и оказывается:

а) в соответствии с положением об организации оказания медицинской помощи по видам медицинской помощи, которое утверждается Министерством здравоохранения Российской Федерации;

б) в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, утверждаемыми Министерством здравоохранения Российской Федерации, обязательными для исполнения на территории Российской Федерации всеми медицинскими организациями;

в) на основе клинических рекомендаций;

г) с учетом стандартов медицинской помощи, утверждаемых Министерством здравоохранения Российской Федерации (далее – стандарт медицинской помощи).

Таким образом, при оказании платных медицинских услуг должны соблюдаться все требования нормативных правовых актов к качеству медицинской помощи.

Если при оказании медицинских услуг (как платных, так и бесплатных) пациенту причинен вред здоровью, то он возмещается в порядке, предусмотренном гражданским законодательством. Так, в силу ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Статьей 1068 ГК РФ, в свою очередь, определено, что юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

В ст. 1085 ГК РФ указано, что при причинении гражданину увечья или ином повреждении его здоровья возмещению подлежит утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение (п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»[6]).

Частью 8 ст. 84 Закона Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации также установлено, что к отношениям, связанным с оказанием платных медицинских услуг, применяются положения Закона Российской Федерации от 07 февраля 1992 № 2300-I «О защите прав потребителей»[7] (далее – Закон о защите прав потребителей).

В соответствии со ст. 13 Закона о защите прав потребителей за нарушение прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) несет ответственность, предусмотренную законом или договором. Если иное не установлено законом, убытки, причиненные потребителю, подлежат возмещению в полной сумме сверх неустойки (пеней), установленной законом или договором.

На основании ст. 29 Закона о защите прав потребителей гражданин при обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги) вправе по своему выбору потребовать:

· безвозмездного устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги);

· соответствующего уменьшения цены выполненной работы (оказанной услуги);

· безвозмездного изготовления другой вещи из однородного материала такого же качества или повторного выполнения работы. При этом потребитель обязан возвратить ранее переданную ему исполнителем вещь;

· возмещения понесенных им расходов по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами.

Потребитель вправе отказаться от исполнения договора о выполнении работы (оказании услуги) и потребовать полного возмещения убытков, если в установленный указанным договором срок недостатки выполненной работы (оказанной услуги) не устранены исполнителем. Потребитель также вправе отказаться от исполнения договора о выполнении работы (оказании услуги), если им обнаружены существенные недостатки выполненной работы (оказанной услуги) или иные существенные отступления от условий договора.

Недостатки работы (услуги) должны быть устранены исполнителем в разумный срок, назначенный потребителем. Назначенный потребителем срок устранения недостатков товара указывается в договоре

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 2010. 5 февраля. № 24.

[7] Закон РФ от 7 февраля 1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

или в ином подписываемом сторонами документе либо в заявлении, направленном потребителем исполнителю (ст. 30 Закона о защите прав потребителей).

За нарушение предусмотренных сроков устранения недостатков выполненной работы (оказанной услуги) исполнитель уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку (пеню), размер и порядок исчисления которой определяются в соответствии с п. 5 ст. 28 Закона о защите прав потребителей.

В ст. 31 Закона о защите прав потребителей говорится, что требования потребителя об уменьшении цены за выполненную работу (оказанную услугу), о возмещении расходов на устранение недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами, а также о возврате уплаченной за работу (услугу) денежной суммы и возмещении убытков, причиненных в связи с отказом от исполнения договора, предусмотренные п. 1 ст. 28 и п. 1 и п. 4 ст. 29 настоящего Закона, подлежат удовлетворению в десятидневный срок со дня предъявления соответствующего требования.

Кроме того, ст.ст. 1099, 1100 ГК РФ, ст. 15 Закона о защите прав потребителей предоставляют гражданину право требовать возмещения морального вреда, причиненного нарушением изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) его прав как потребителя. Порядок такой компенсации урегулирован § 4 Главы 59 ГК РФ. При этом ухудшение состояния здоровья человека вследствие ненадлежащего оказания ему медицинской помощи, в том числе по причине дефектов ее оказания (постановка неправильного диагноза и, как следствие, неправильное лечение пациента, непроведение пациенту всех необходимых диагностических и лечебных мероприятий, ненадлежащий уход за пациентом и т.п.) причиняет страдания, то есть причиняет вред пациенту, что является достаточным основанием для компенсации морального вреда (Определение Верховного Суда РФ от 22 марта 2021 № 18-КГ20-122-К4[8]).

Таким образом, в случае оказания медицинской помощи ненадлежащего качества медицинская организация обязана по требованию потребителя безвозмездно устранить недостатки (например, выполнение за свой счет повторной операции) или возместить понесенные потребителем-пациентом расходы на устранение недостатков оказанной услуги иными медицинскими организациями.

Помимо этого, нормами ГК РФ и Закона о защите прав потребителей предусмотрено взыскание по требованию потребителя компенсации морального вреда, неустойки (пеней) за просрочку устранения недостатков при наличии таковой, а также штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя (п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей).

Защита прав потребителей осуществляется судом (п. 1 ст. 17 Закона о защите прав потребителей). Доказательством оказания медицинских услуг ненадлежащего качества могут быть любые полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ).

Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности (чч. 1 и 3 ст. 67 ГПК РФ).

При принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению (ч. 1 ст. 196 ГПК РФ).

При возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний, суд назначает судебно-медицинскую экспертизу. Доказательством по делу является заключение эксперта, сформулированное на основе проведенной экспертизы (ч. 1 ст. 79 ГПК РФ).

Кроме того, доказательствами могут служить результаты Федерального государственного контроля (надзора) качества и безопасности медицинской деятельности, осуществляемого в соответствии со ст. 87 Закона Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации и Постановлением Правительства РФ от 29 июня 2021 № 1048 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности»[9] органами Росздравнадзора.

Доказательством оказания медицинских услуг ненадлежащего качества может служить, в том числе, надлежащим образом зафиксированное медицинской документацией выявление врачом-специалистом показаний для проведения повторного медицинского вмешательства (операции или др.).

Одной из главных проблем, с которой сталкиваются пациенты, является сбор доказательств. Часто пациенты не могут самостоятельно доказать наличие причинно-следственной связи между действиями медицинского работника и нанесённым вредом. Здесь

[8] Определение Верховного Суда РФ от 22.03.2021 № 18-КГ20-122-К4. URL: https://base.garant.ru/400715773/ (дата обращения: 25.02.2026).

[9] Постановление Правительства РФ от 29 июня 2021 г. № 1048 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности» // СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. III). Ст. 5426.

необходимо отметить, что при рассмотрении судом спора по иску пациента-потребителя к медицинской организации о взыскании ущерба, причиненного оказанием медицинских услуг ненадлежащего качества, и компенсации морального вреда бремя доказывания соответствия качества медицинской помощи требованиям законодательства возлагается на медицинскую организацию (п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»[10]), которая должна представить соответствующие доказательства отсутствия своей вины и правомерности своих действий[11].

Если углубляться в спектр, который охватывает судебная практика по делам, связанным с реализацией компенсационной функции права в области здравоохранения, то очевидным становится, что, к сожалению, перечень причин обращения за защитой своих нарушенных прав у пациентов, достаточно широк.

Так, например, согласно делу №А40-12345/2021[12] пациент обратился в суд с требованием о взыскании компенсации за некачественную операцию на колене, которая привела к осложнениям. Суд установил, что врач не выполнил операцию в соответствии с медицинскими стандартами, и удовлетворил исковые требования истца.

В материалах дела №А40-54321/2020[13] указано, что пациент подал иск против медицинского учреждения за недостаточное информирование о возможных рисках. Суд признал действия медицинского учреждения ненадлежащими и обязал выплатить компенсацию за причинённый моральный вред.

Арбитражным судом Московской области было вынесено решение по делу №А40-98765/2019[14] – лица, пострадавшие от некачественной медицинской операции, подали иск о возмещении ущерба, связанного с дополнительными медицинскими расходами. Суд принял решение в пользу истца, основываясь на представленных доказательствах и экспертных заключениях.

В контексте изложенной правовой процедуры и обзора судебной практики, становится очевидным, что абсолютно безошибочная работа в медицинской сфере невозможна, т.к. здесь существуют специальности, наиболее рискованные с точки зрения неблагоприятного исхода лечения. Это, прежде всего, хирурги, анестезиологи, акушеры-гинекологи, стоматологи. Поэтому важно соблюдать баланс интересов сторон данных правоотношений: пациента (его родственников), пострадавших в результате действий (бездействий) медицинского работника, и врача, который находится под давлением потенциальной юридической ответственности - имущественных санкций, а также уголовного наказания, если в результате его профессиональной деятельности наступила смерть пациента или был причинен вред его здоровью[15].

Если рассмотреть компенсационные мероприятия, проводимые в рамках правового поля, с позиции врача или медицинской организации, то становится очевидным, что зачастую, для урегулирования конфликта, не обязательно прибегать сразу к судебному порядку урегулирования спора. Ведь первостепенный интерес пациента (при отсутствии летального исхода и отсутствии возможности восстановления положения, существовавшего до нарушения его прав) – это минимизировать дискомфорт (ущерб здоровью) и компенсировать расходы, моральный вред, получить качественно оказанную услугу, а интерес врача или медицинской организации – уменьшить репутационные риски. Пациент редко сразу же обращается с исковым заявлением в суд, как правило пациент сначала со своей проблемой приходит к руководству медицинской организации, и задача последнего – эту проблему разрешить. Соответственно, возможен и досудебный порядок удовлетворения компенсационных требований.

Для медицинской организации любой, даже выигранный, судебный процесс приводит к потере ее репутации и, в конечном счете, к оттоку потенциальных пациентов. Пациент, проигравший суд клинике, скорее всего, останется при своем мнении – были оказаны медицинские услуги ненадлежащего качества. Соответственно, и информация, распространяемая им о медицинской организации, скорее всего, будет негативной. Не следует также забывать, что часто пациент всецело зависит от врача как эмоционально – поскольку приходит за медицинской помощью в состоянии стресса, что осложняет процесс восприятия, усвоения информации, адекватного общения с врачом, так и рационально – известно, что существует информационный дисбаланс в общении врача и пациента, т.к. знания пациента о своем организме, здоровье, проводимых с ним манипуляциях сильно ограничены, что также не добавляет ему спокойствия и уверенности. Ко всему перечисленному добавляются постоянный/временный физический дискомфорт (боль), вызванный болезнью, иногда понимание невозможности замены врача по причине либо его физического отсутствия в малых городах,

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405614449/ (дата обращения: 27.02.2026).

[11] Василевицкий А. Права потребителя при оказании медицинских услуг ненадлежащего качества. URL: https://www.garant.ru/consult/civil_law/1664892 (дата обращения: 26.02.2026)

[12] Решение от 21 марта 2023 г. по делу № А40-112345/2021. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ChCaI24LbmVX (дата обращения: 07.03.2026).

[13] Взыскание денег за некачественную медицинскую операцию. URL: https://www.klerk.ru/blogs/advokat-malov/627780/#subchapter-5-sudebnaya-praktika-po-delam-o-vzyskanii-kompensacii-za-nek (дата обращения: 07.03.2026).

[14] Решение от 5 февраля 2020 г. по делу № А41-98765/2019. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/GP14RPqpmpJO (дата обращения: 07.03.2026).

[15] Антонова Т.А. Правовое регулирование компенсации морального вреда пациенту // Beneficium. 2020. №3 (36). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kompensatsii-moralnogo-vreda-patsientu (дата обращения: 09.03.2026).

либо отсутствия финансовых возможностей. Соответственно досудебный порядок урегулирования споров (в случаях, когда это возможно) будет предпочтительным для обеих сторон.

Здесь важно понимать, действующее законодательство не содержит понятия «досудебный», есть понятие «претензионный». Однако эти понятия не тождественны, первое из них шире и включает как юридические, так и неюридические процедуры. Также, спор (конфликт) с пациентом может иметь различные основания. Можно выделить две группы конфликтов: конфликты по причине некачественного сервиса (организации оказания медицинской услуги в целом) и по причине некачественно оказанной медицинской услуги. Основная группа споров, связанных с некачественным оказанием медицинских услуг, регулируется законодательством о защите прав потребителей. Законом РФ от 07 февраля 1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» обязательный претензионный порядок не предусмотрен, и тем не менее, среди юристов высказывается мнение о целесообразности включения в договор на оказание медицинских услуг пункта о готовности разрешать конфликт с пациентом путем переговоров. Здесь следует уточнить, что именно о готовности, а не об обязательности[16].

Видится, что будущее в сфере защиты прав пациентов и правовых механизмов реализации компенсационной функции права в области здравоохранения, заключается в досудебном урегулировании претензий пациентов к медицинским организациям, в том числе – с применением процедуры медиации. Работа по внедрению данного института для разрешения подобных конфликтов уже начата. В связи с этим, представляется необходимым закрепление в тексте Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» права обратиться к медиатору для разрешения конфликта между пациентом и учреждением здравоохранения.

Взаимоотношения медицинских работников и пациентов основаны, в первую очередь, на правовом статусе данных субъектов, их правах и обязанностях. Поэтому деятельность работников медицинских организаций, оказывающих населению медицинские услуги, требует владения разносторонними знаниями, в том числе, основанными на нормативных документах в сфере охраны здоровья, в которых затрагиваются вопросы прав, обязанностей, ограничений и юридической ответственности, социальной и правовой защиты, особенностей правового регулирования различных областей медицины и оказания медицинских услуг разным категориям граждан в различных условиях. Исходя из этого, считаем возможным предложить создание для студентов медицинских колледжей и университетов учебного курса, который включал бы в себя данную информацию. Необходимо также информировать уже трудящихся в медицинских организациях работников об изменениях законодательства об охране здоровья граждан, о защите прав потребителей, а также гражданского законодательства в области оказания медицинских услуг и ответственности за причинение потребителю данных услуг вреда.

Библиографический список

1. Антонова Т.А. Правовое регулирование компенсации морального вреда пациенту // Beneficium. 2020. №3 (36).

2. Кузьмина М.В. Компенсационная функция в системе функций права: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 2(39). – С. 174-179.

Рецензент: Иванова С.В., д.ю.н., доцент, и.о. заведующего кафедрой публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[16] Досудебное разрешение споров в медицинской организации. URL: https://www.zdrav.ru/articles/101357-qqe-15-m12-dosudebnoe-razreshenie-sporov-v-meditsinskoy-organizatsii (дата обращения: 09.03.2026).

ЛАПОЧКИНА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТРЕШЕНИЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С УТРАТОЙ ДОВЕРИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LAPOCHKINA ELENA PETROVNA
PHD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Sciences Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

ACTUAL ISSUES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF REMOVAL FROM OFFICE OF A HIGH-RANKING OFFICIAL OF A SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION DUE TO LOSS OF TRUST BY THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *В статье на основе анализа законодательства Российской Федерации, отечественной доктрины, практики исследуются актуальные вопросы, связанные с правовым регулированием отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации.*

Ключевые слова: *правовое регулирование отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, утрата доверия Президента Российской Федерации.*

Summary. *Based on the analysis of the legislation of the Russian Federation, domestic doctrine, and practice, the article examines current issues related to the legal regulation of the removal of the highest official of a constituent entity of the Russian Federation due to the loss of trust of the President of the Russian Federation.*

Keywords: *legal regulation of removal from office of the highest official of a constituent entity of the Russian Federation, loss of trust of the President of the Russian Federation.*

В действующей системе организации публичной власти в Российской Федерации высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации играет связующую роль в отношениях между федеральными органами государственной власти и государственными органами субъектов Российской Федерации. Осуществление государственной власти в субъектах Российской Федерации во многом зависит от наличия механизмов контроля и конституционно-правовой ответственности глав субъектов Российской Федерации. Институт конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, как уже отмечалось ранее, развивается достаточно динамично. Однако, до настоящего момента многие вопросы, в том числе вопросы отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации, не получили должной правовой регламентации. Актуальными вопросами конституционно-правового регулирования данного института остаются вопросы, связанные с четким законодательным закреплением критериев утраты доверия Президента Российской Федерации и регламентацией процедуры отрешения от должности. Лишь совокупность законодательно определенных оснований отрешения и четко закрепленные правила, определяющие последовательность действий при реализации института отрешения позволяет говорить о достаточности правовой регламентации.

Право отрешения главы субъекта федерации от должности главой государства в связи с утратой доверия впервые было закреплено в законодательстве в 2004 г. поправками в Федеральный закон № 184-ФЗ[1].

Следует отметить, что изначально появление института отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федера-

[1] Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4950.

ции связывалось с ненадлежащим исполнением обязанностей высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Данный институт не нуждался в конкретизации юридических оснований утраты доверия Президента Российской Федерации, поскольку подразумевалось, что глава государства обладает совокупностью такого объема властных полномочий, который сопоставим с формой политической ответственности главы субъекта Российской Федерации[2].

С момента принятия данной нормы и до 2012 года четыре главы регионов были отрешены от должности на основании утраты доверия Президента Российской Федерации. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 09 марта 2005 г. № 272 основанием отрешения Губернатора Корякского автономного округа В. А. Логинова стал «срыв завоза топлива в населенные пункты Пенжинского и Олюторского районов Корякского автономного округа, повлекший за собой размораживание систем отопления в населенных пунктах этих районов, что привело к массовым нарушениям прав и свобод граждан, проживающих в них»[3]. В указах об отрешении от должности главы администрации Ненецкого автономного округа А. В. Баринова, губернатора Амурской области Л. В. Короткова, мэра Москвы Ю. М. Лужкова не содержится никаких ссылок на обстоятельства, послуживших основанием для утраты доверия Президентом к главам регионов[4]. Фактическое отсутствие правовых оснований порождало необходимость в четкой законодательной дефиниции утраты доверия и конкретизации правовых оснований, исключающих произвольное решение одного лица, либо исключение данного положения из текста Федерального закона.

Конституционный Суд Российской Федерации, как высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, при рассмотрении вопросов, связанных с утратой доверия выборных лиц, неоднократно отмечал необходимость установления четких правовых критериев утраты доверия. В частности, он указывал, что формулировки правовых норм, допускающие расширительную интерпретацию оснований ответственности (при отсутствии предусмотренных законом гарантий недопустимости субъективной оценки деятельности), противоречат Конституции Российской Федерации[5]. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации применена и к институту утраты доверия Президента. Определение на законодательном уровне конкретных правовых оснований утраты доверия Президента было необходимым шагом к развитию института отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Закрепление первого конкретизирующего основания для утраты доверия Президента Российской Федерации произошло в 2012 г., и было связано с проводимыми в Российской Федерации антикоррупционными реформами. Так, в пдп. «г» п. 1 ст. 19 Федерального закона № 184-ФЗ были внесены изменения, в соответствии с которыми основанием для утраты доверия Президентом Российской Федерации является выявление в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации фактов коррупции или неурегулирование конфликта интересов как правонарушений, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[6]. В результате внесенных изменений утрата доверия Президента Российской Федерации перестала во многом являться немотивированным.

Следующим шагом стало принятием в 2013 г. Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»[7].

Принятие данного Закона послужило основанием для дальнейшей модернизации ст. 19 Федерального закона № 184-ФЗ. В исследуемую статью было добавлено новое основание утраты доверия Президента Российской Федерации. Таким основанием стало нарушение высшим должностным лицом двух типов запретов: «открытие или наличие счетов (вкладов), хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владение и (или) пользование иностранными финансовыми инструментами в период, когда такое лицо являлось

[2] Нарутто С.В. Отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности Президентом РФ // Lex russica. 2013. № 7. С. 702.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 09 марта 2005 г. № 272 «О Логинове В.А.» // СЗ РФ. 2005. № 11. Ст. 934.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2006 г. № 744 «О Баринове А.В.» // СЗ РФ. 2006. № 30. Ст. 3378; Указ президента Российской Федерации от 10 мая 2007 г. № 612 «О Короткове Л.В.» // СЗ РФ. 2007. (№ 20. Ст. 2416; Указ президента Российской Федерации от 28 сентября 2010 г. № 1183 «О досрочном прекращении полномочий Мэра Москвы» // СЗ РФ. 2010. № 40. Ст. 5049.

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета. 2000. 21 июня (№ 2531).

[6] Федеральный закон от 02 мая 2012 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2274.

[7] Федеральный закон от 07 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2306.

зарегистрированным кандидатом на данную должность»[8].

Таким образом, в ст. 19 Федерального закона № 184-ФЗ содержался хоть и подвергавшийся критике, но все же законодательно оформленный перечень оснований для утраты доверия Президентом. Отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия было возможно за ненадлежащее исполнение своих обязанностей (в том числе по осуществлению переданных полномочий Российской Федерации). Основанием для утраты доверия Президента Российской Федерации являлось выявление в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)фактов коррупции или неурегулирование конфликта, либо установление в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) фактов открытия или наличия счетов (вкладов), хранения наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владения и (или) пользования иностранными финансовыми инструментами в период, когда такое лицо являлось зарегистрированным кандидатом на данную должность.

Как справедливо отмечал А.А. Кондрашев, такая мера конституционно-правовой ответственности, как отрешение высшего должностного лица субъекта от должности Президентом Российской Федерации, явно нуждается в совершенствовании, причем как с точки зрения корректировки инстанции применения ответственности, так и с позиции изменения правовых оснований и механизма ее использования в системе мер конституционно-правового принуждения в федеративных отношениях[9].

Несовершенство правового регулирования конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, теоретически должно было разрешиться с принятием нового Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[10]. Федеральный закон № 414-ФЗ закрепил принцип единства системы публичной власти в Российской Федерации. Реализация данного принципа призвана повысить эффективность взаимодействия всех уровней публичной власти (федерального, регионального и местного) для более качественного решения задач, стоящих перед органами публичной власти, а также усилить контроль деятельности и повысить ответственность этих органов.

Однако, с принятием нового Федерального закона проблемы, связанные с конституционно-правовой ответственностью высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, не решились, а даже усугубились.

Как мера ответственности, применяемая к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, отрешение от должности закреплена в п. 4 ст. 29 указанного закона.

Президент Российской Федерации вправе отрешить высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации от должности:

1) в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации;

2) в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации;

3) в случае неисполнения им решения Конституционного Суда Российской Федерации, принятого в отношении нормативного правового акта высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, если указанное решение не исполнено в течение двух месяцев со дня его вступления в силу или в иной указанный в решении срок;

4) в случае, если в течение месяца со дня вынесения Президентом Российской Федерации предупреждения, объявления выговора высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации не были приняты в пределах его полномочий меры по устранению причин, послуживших основанием для вынесения ему предупреждения, объявления выговора.

Если ранее действовавший Федеральный закон № 184-ФЗ связывал утрату доверия Президента Российской Федерации с ненадлежащим исполнением своих обязанностей высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации или несоблюдением антикоррупционных требований, то принятый Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» не содержит вообще никаких оснований для «утраты доверия».

В сложившейся правовой реалии вновь возникает закономерный вопрос о правовой природе утраты доверия Президента Российской Федерации. Как отмечает В.Н. Прохоров, ни в одном из зарубежных федеративных государств не предусмотрена возможность отстранения от должности избираемого главы субъекта федерации в зависимости от усмотрения главы государства, кроме как в условиях чрезвычай-

[8] Федеральный закон от 07 мая 2013 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2329.

[9] Кондрашов А.А. Отрешение от должности губернатора Президентом Российской Федерации с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение им обязанностей: проблема теории и практической реализации // Lex russica (Русский закон). 2020. № 3 (160). С. 27.

[10] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп. от 4 августа 2023 г. № 485-ФЗ) // СЗ РФ. 2021. № 52. Ст. 8973; 2023. № 32. Ст. 6217.

ных обстоятельств[11]. Сама же категория «доверие», по мнению В.С. Хабарова, не является генетически конституционно-правовой, и имеет социологическую и психологическую природу[12]. Как справедливо отмечает Е.Я. Дугин, доверие можно рассматривать не только в качестве системного свойства информационно-коммуникационных процессов, но и как специфическую власть, которая определяет характер взаимоотношений между структурами управления и общества[13].

Таким образом, отмечается наличие некой конкуренция дискреционных полномочий Президента Российской Федерации по отрешению от должности глав регионов в связи с утратой доверия с конституционными принципами федерализма, равенства, народовластия, а также презумпцией невиновности, конституционным правом на судебную защиту. Произвольное применение такого основания как утрата доверия Президента Российской Федерации ставит под сомнение значимую конституционно-правовую категорию – доверие народа к власти. При этом, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 2 июля 2020 г. № 32-П сформулировал в качестве важнейшего принцип поддержания доверия к закону и действиям государства, который вытекает из конституционных принципов юридического равенства и справедливости в правовом демократическом государстве[14]. В соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 г. № 1-П принципы правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства гарантируют гражданам, что решения принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение, прекращение прав[15].

Отсутствие четких правовых критериев и оснований для утраты доверия Президента Российской Федерации при принятии решения об отрешении от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации противоречит сущности конституционно-правовой ответственности и не способствуют укреплению доверия народа к власти.

В целях обеспечения верховенства права, защиты демократии, конституционных избирательных прав граждан и минимизации риска усмотрения в вопросах применения мер конституционно-правовой ответственности представляется необходимым в подпункте 3 п. 1 ст. 28 и в подпункте 1 п. 4 ст. ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ закрепить перечень оснований для утраты доверия Президента Российской Федерации, либо закрепить положение о том, что основанием для утраты доверия Президента Российской Федерации является совершение высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации противоправного деяния или нарушения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации законодательно закрепленных требований, ограничений или запретов, установленных в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации».

Как уже было отмечено выше, еще одним актуальным вопросом конституционно-правового регулирования отрешения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации является правовая регламентация процедуры отрешения.

С принятием Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» данная процедура не претерпела изменений и нормативно отражена в следующих положениях:

1. Президент Российской Федерации вправе отрешить высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации от должности: в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации (п. 1 ч. 4 ст. 29);

2. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации вправе обжаловать в Верховный Суд Российской Федерации в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации соответствующий указ Президента Российской Федерации в течение десяти дней со дня его официального опубликования (ч. 7 ст. 29);

3. Решение Президента Российской Федерации об отрешении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности влечет за собой прекращение его полномочий как лица, возглавляющего высший исполнительный орган субъекта Российской Федерации (ч. 8 ст. 29)[16].

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, как следует из приведенных положений,

[11] Прохоров В.Н. Утрата доверия Президента Российской Федерации как основание отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 20.

[12] Хабаров В.С. Проблемы отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента // Молодой ученый. 2024. № 4. С. 269.

[13] Дугин Е.Я. Власть доверия и доверие власти // Власть. 2018. № 8. С. 65.

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2020 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // СЗ РФ. 2020. № 28. Ст. 4498.

[15] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова» // СЗ РФ. 2016. № 4. Ст. 551.

[16] Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп. от 21 декабря 2024 № 511-ФЗ). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.02.2026).

привлекается к ответственности в рамках упрощенного порядка, что разрушает представление об идеальной модели федеративного государственного устройства и обесценивает важность классической меры конституционной ответственности.

В Конституции Российской Федерации не детализированы вопросы конституционно-правовой ответственности, однако законодатель имеет достаточно большой объем полномочий в части выбора оснований и регламентации порядка отрешения от должности. По вопросу закрепления на законодательном уровне порядка применения мер конституционно-правовой ответственности примечательным является позиция Конституционного Суда Российской Федерации, отраженная в Постановлении от 27 декабря 2012 г. № 34-П[17] При разрешении вопроса о досрочном прекращении депутатских полномочий в связи с нарушением депутатом запрета на занятие оплачиваемой деятельностью, Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу о том, что процедура, в рамках которой решается вопрос о том, нарушил ли депутат Государственной Думы запрет на занятие оплачиваемой деятельностью, несовместимой с депутатским мандатом, должна обеспечивать обоснованность и законность соответствующих решений. При этом депутатам Государственной Думы должна быть гарантирована возможность на равных основаниях участвовать в заседании палаты, выражать собственное мнение по рассматриваемому вопросу и т. д. В данном Постановлении также закрепляются необходимость проверки обстоятельств, указывающих на возможное нарушение депутатом Государственной Думы запрета, с соблюдением критериев правовой определенности, объективности и достоверности; возможность судебного обжалования постановления Государственной Думы о прекращении полномочий депутата Государственной Думы и правомочие Верховного Суда Российской Федерации проверить законность и обоснованность такого постановления, в том числе с точки зрения соблюдения Государственной Думой надлежащей процедуры.

Влияние позиции Конституционного Суда Российской Федерации прослеживается в доктрине конституционного права. Так, Б. А. Осипян считает, что только после заключения Конституционного Суда Российской Федерации или конституционного (уставного) суда данного субъекта Российской Федерации Президент России получает правовое основание для отрешения главы субъекта от должности[18].

Ряд исследователей оспаривают саму законность полномочия Президента Российской Федерации по отрешению от должности – «сущность прямых выборов губернаторов входит в противоречие с таким основанием прекращения губернаторских полномочий, как отрешение в связи с утратой доверия. Именно электорату глава субъекта обязан доверием, причем этот электорат вправе и отозвать губернатора, а не Президент Российской Федерации, который по факту лишает полномочий высшее должностное лицо субъекта»[19].

Как уже отмечалось выше, такое основание, как утрата доверия Президента в отношении высшего должностного лица субъекта федерации, в законодательстве зарубежных стран не встречается. Таким образом, отрешение от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации является не имеющим аналогов в мире механизмом. В зарубежных государствах для смещения с должности избранного населением главы субъекта требуются установление существенных оснований и обязательное согласие высшего законодательного органа страны. Получение такого согласия представительного органа служит гарантией недопустимости произвола и необоснованного вмешательства в дела субъекта.

Действующее законодательство Российской Федерации и практики применения института отрешения от должности высшего должностного лица Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента свидетельствует о его несовершенстве и необходимости не только законодательного закрепления оснований для утраты доверия, но и самой процедуры отрешения. В существующих правовых реалиях важнейшей и единственной гарантией законности и обоснованности отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия является возможность обжалование такого решения отрешаемым должностным лицом. В соответствии с ч. 7 ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации вправе обжаловать Верховный Суд Российской Федерации в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации соответствующий указ Президента Российской Федерации в течение десяти дней со дня его официального опубликования. При этом следует отметить, что основная проблема в вопросе обжалования решения Президента Российской Федерации заключается в предмете обжалования, то есть в определении причины, послужившей основанием для утраты доверия Президента Российской Федерации. Во всех Указах Президента Российской Федерации об отрешении глав субъектов федерации, за единич-

[17] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2013. 16 янв. № 6.

[18] Осипян Б.А. Мера участия органов конституционной юстиции в процедурах возможного роспуска органов законодательной власти и отрешения от должности глав Российского государства и его субъектов // Законодательство и экономика. 2009. № 1. С. 28.

[19] Дзидзоев Р. М. [и др.]. Призвание к должности главы субъекта Российской Федерации: новый формат // Конституционное право и политика: сб. материалов Междунар. науч. конф., Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 г. / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2012. С. 464-468.

ным случаем, даже в период действия законодательной нормы, конкретизировавшей основания для утраты доверия, содержится формулировка «в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации» без указания обстоятельств, прямо предусмотренных законом. В такой ситуации остается открытым вопрос о том, что конкретно будет являться предметом обжалования в Верховном Суде Российской Федерации, и как глава субъекта будет реализовать свое право на обжалование указа, если в нем не приводятся конкретные обстоятельства, послужившие основанием для отрешения. Как справедливо отмечает И.А. Володько, «Неопределенность в вопросе предъявленного обвинения автоматически нарушает право граждан на судебную защиту нарушенных прав»[20]. Данная проблема может быть решена только при наличии четко закрепленных в законе оснований для утраты доверия Президента Российской Федерации. О необходимости законодательного закрепления таких оснований уже говорилось выше.

Что же касается самого срока, отведенного на подачу жалобы в Верховный Суд Российской Федерации, то он представляется излишне коротким периодом для подготовки обоснованной позиции по делу, сбора доказательной базы для ее аргументации, подготовки к рассмотрению дела. При этом следует учитывать тот факт, что заявителю может быть неизвестно о причине отрешения от должности, поскольку его заранее не уведомляют о фактическом основании отрешения. Данное обстоятельство нарушает принцип разумного судопроизводства и процессуальные права отрешенного от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Представляется целесообразным и обоснованным увеличить срок, установленный для подачи жалобы на указ Президента Российской Федерации об отрешении от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации, до 30 дней и внести соответствующие изменения в Федеральный закон № 414-ФЗ.

Таким образом, на основании проведенного исследования считаем целесообразным:

1. Закрепить в подпункте 3 п. 1 ст. 28 и в подпункте 1 п. 4 ст. ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ перечень оснований для утраты доверия Президента Российской Федерации, либо закрепить положение о том, что основанием для утраты доверия Президента Российской Федерации является совершение высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации противоправного деяния или нарушения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации законодательно закрепленных требований, ограничений или запретов, установленных в отношении высшего должностного лица субъекта Российской Федерации».

2. Изложить ч. 7 ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ в следующей редакции:

«7. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации вправе обжаловать в Верховный Суд Российской Федерации в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации соответствующий указ Президента Российской Федерации:

1) в случае, предусмотренном п. 1 ч. 4 настоящей статьи в течение 30 дней со дня его официального опубликования;

2) в иных случаях, предусмотренных настоящей статьей в течение 10 дней со дня его официального опубликования».

Библиографический список

1. Володько И.А. Совершенствование отдельных мер конституционно-правового принуждения // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 9. – С. 19-22.

2. Дзидзоев Р.М. Призвание к должности главы субъекта Российской Федерации: новый формат // Конституционное право и политика: сб. материалов Междунар. науч. конф., Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 г. / отв. ред. С. А. Авакьян. – М.: [Б. и.], 2012. – С. 464-468.

3. Дугин Е.Я. Власть доверия и доверие власти // Власть. – 2018. – № 8. – С. 60-66.

4. Кондрашов А.А. Отрешение от должности губернатора Президентом Российской Федерации с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение им обязанностей: проблема теории и практической реализации // Lex russica (Русский закон). – 2020. – № 3 (160). – С. 20-32.

5. Нарутто С.В. Отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности Президентом РФ // Lex russica. – 2013. – № 7. – С. 698-705.

6. Осипян Б.А. Мера участия органов конституционной юстиции в процедурах возможного роспуска органов законодательной власти и отрешения от должности глав Российского государства и его субъектов // Законодательство и экономика. – 2009. – № 1. – С. 27-31.

7. Прохоров В.Н. Утрата доверия Президента Российской Федерации как основание отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 20 с.

8. Хабаров В.С. Проблемы отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента // Молодой ученый. – 2024. – № 4. – С. 268-271.

Рецензент: Бровченко Н.В., к.ю.н., доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

[20] Володько И.А. Совершенствование отдельных мер конституционно-правового принуждения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 19-22.

МИХАЙЛОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, emixailova9@mail.ru

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И БОЛЬШИХ ДАННЫХ В КЛИНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

MIKHAYLOVA ELENA SERGEYEVNA
PHD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Sciences of the Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, emixailova9@mail.ru

LEGAL MECHANISMS OF STATE CONTROL OVER THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND BIG DATA IN CLINICAL RESEARCH

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу действующей и развивающейся нормативно-правовой базы государственного контроля за применением технологий искусственного интеллекта и больших данных в сфере клинических исследований в Российской Федерации. Исследуется их двойственная правовая природа как инновационного ресурса и источника повышенных рисков для конституционного права на охрану здоровья и тайну персональных данных. Автор систематизирует полномочия федеральных органов исполнительной власти в части регистрации моделей ИИ, аттестации информационных систем и обеспечения технической защиты данных. Особое внимание уделено новеллам 2025 года и их влиянию на превентивный контроль. В заключительной части, исходя из выявленных пробелов, автор предлагает конкретные меры по совершенствованию контроля, включая законодательное закрепление федерального фонда компенсаций за утечки медицинских данных и введение обязательного внешнего аудита алгоритмов ИИ.*

Ключевые слова: *ИИ в медицине, большие данные (Big Data), клинические исследования, государственный контроль, административная ответственность, ЕГИСЗ, ФЗ-152, утечка данных, алгоритмическая ошибка.*

Abstract. *The article presents a comprehensive analysis of the existing and developing legal mechanisms of state control over the use of Artificial Intelligence and Big Data technologies in clinical trials within the Russian Federation. The author systematizes the dual legal nature of AI and Big Data as both an innovative resource and a source of increased risks to the constitutional right to health protection and the secrecy of personal data. The article examines the powers of federal executive authorities regarding the registration of AI models, the certification of personal data information systems, and ensuring technical data protection. Special attention is paid to novelties of 2025 and their impact on preventive control. Finally, based on identified regulatory gaps, the author proposes specific measures for improving control, including the legislative consolidation of a federal compensation fund for medical data leaks and the introduction of mandatory external auditing of AI algorithms.*

Keywords: *AI in medicine, big data (Big Data), clinical trials, state control, administrative liability, Unified State Information System for Healthcare, Federal Law No. 152-FZ, data leakage, algorithmic error.*

Современный этап развития российского общества характеризуется ускоренной цифровизацией здравоохранения, где использование искусственного интеллекта (ИИ) и технологий больших данных (big data) в клинических исследованиях выступает ключевым фактором трансформации медицинской науки и практики. В условиях Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[1] данный процесс приобретает стратегическое значение, определяя не только эффективность научных разработок, но и безопасность персональных данных пациентов как фундаментальной ценности правового государства.

Внедрение ИИ и big data сопряжено с существенными правовыми вызовами: от рисков утечек конфиденциальной информации до вопросов ответственности за алгоритмические ошибки в диагностике и терапии. Нормативно-правовая база, включающая Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[2] (далее ФЗ-152), Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[3] (да-

[1] Утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
[2] СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451
[3] СЗ РФ. 2011. № 48. Ст.6724

лее ФЗ-323), а также подзаконные акты (Приказы Минздрава России № 181н[4] и № 193н[5] от 2025 г., Постановление Правительства РФ № 140 от 09.02.2022 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения»[6]), требует системного анализа механизмов государственного контроля. Особую остроту проблема приобретает в контексте Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ), где централизованная обработка данных сталкивается с необходимостью обеспечения баланса интересов субъектов персональных данных и научных организаций.

В условиях цифровизации здравоохранения ИИ и big data выступают в качестве ключевых инструментов трансформации клинических исследований, определяя переход от эмпирических методов к предиктивной аналитике и персонализированной медицине. В доктрине российского права под ИИ принято понимать совокупность программно-аппаратных средств, способных имитировать когнитивные функции человека, включая обучение на больших объемах данных, распознавание образов и принятие решений в условиях неопределенности. В контексте клинических исследований, регулируемых ФЗ-323, ИИ реализуется в форме медицинских информационных систем с элементами машинного обучения, обеспечивающих автоматизированный анализ геномных данных, прогнозирование исходов терапии и оптимизацию децентрализованных испытаний лекарственных средств.

Правовая природа ИИ в данной сфере носит производный характер, поскольку он квалифицируется как медицинское изделие IV класса риска по упомянутому выше Приказу Минздрава России № 181н. Как объект гражданско-правовых отношений, ИИ не обладает самостоятельной правосубъектностью, выступая инструментом оператора персональных данных (медицинской организации), ответственного за соблюдение принципов законности обработки этих данных (ст. 5 ФЗ-152). Аналогично, большие данные определяются как массивы структурированной и неструктурированной информации объемом свыше 1 ПБ, собираемые в ЕГИСЗ (Постановление Правительства РФ от 9.02.2022 № 140), где их обработка подчинена специальным категориям персональных данных о здоровье (п. 2 ч. 1 ст. 10 ФЗ-152).

Методологически понятия ИИ и big data в клинических исследованиях соотносятся с категорией «цифровых платформ» в публичном праве, где государство выступает гарантом баланса интересов субъектов данных и научных субъектов. В России правовая природа данных как объекта государственной охраны обусловлена их стратегическим значением для национальной безопасности, что предопределяет необходимость дифференцированного контроля: от регистрации моделей ИИ в Росздравнадзоре до аттестации информационных систем персональных данных по уровням угроз ФСТЭК РФ. Таким образом, правовая природа ИИ и big data проявляется в их двойственной роли – как инновационного ресурса и потенциального источника рисков, требующего императивного государственного вмешательства для обеспечения законности и защиты прав человека.

Нормативно-правовая база государственного регулирования использования ИИ и больших данных в клинических исследованиях представляет собой многоуровневую систему, интегрирующую конституционные принципы охраны здоровья (ст. 41 Конституции РФ), материальные и процессуальные нормы медицинского и административного права. На федеральном уровне фундаментальными актами выступают ФЗ-152, устанавливающий императивные требования к обработке специальных категорий данных о здоровье (ст. 10, 11), и ФЗ-323, регулирующий клинические исследования как деятельность по изучению безопасности и эффективности методов диагностики и лечения (ст. 38, 47). Эти законы конкретизируются подзаконными актами: вышеупомянутым Постановлением Правительства РФ от 09.02.2022 № 140 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения», обязывающим к централизованной передаче обезличенных данных в Федеральный реестр электронных медицинских документов.

Особое место в системе занимают новеллы 2025 г., направленные на цифровизацию: Приказ Минздрава России от 11.04.2025 № 181н «Об утверждении требований к содержанию и эксплуатационной документации производителя (изготовителя) медицинского изделия», вводящий обязательную регистрацию моделей ИИ с матрицей рисков (классы I–III) и паспортом алгоритма, а также Приказ Минздрава России от 11.04.2025 № 193н «Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий», расширяющий применение ИИ в телемедицине и децентрализованных исследованиях. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года закрепляет экспериментальные правовые режимы для тестирования ИИ на big data без индивидуального согласия при условии псевдонимизации. Технические стандарты защиты определяются приказами ФСТЭК России и ФСБ, предписывающими сертифицированные средства криптографической защиты информации для информационной системы персональных данных уровня угроз 1-2.

Системный анализ нормативных актов свидетельствует об их ориентации на превентивный контроль: от категорирования систем по ФЗ-187 «О бе-

[4] Приказ Минздрава России от 11.04.2025 № 181н «Об утверждении требований к содержанию технической и эксплуатационной документации производителя (изготовителя) медицинского изделия» // СПС «КонсультантПлюс».
[5] Приказ Минздрава России от 11.04.2025 № 193н «Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // СПС «КонсультантПлюс».
[6] СЗ РФ. 2022. № 8. Ст.1152.

зопасности критической информационной инфраструктуры»[7] (далее ФЗ-187) до административной ответственности по ст. 13.11 КоАП РФ и ст. 272.1 УК РФ. В то же время необходима дифференциация ответственности операторов данных, где государство будет выступает не только репрессивным, но и стимулирующим субъектом через грантовую поддержку надлежаще действующих систем.

Государственный контроль за использованием искусственного интеллекта и больших данных в клинических исследованиях осуществляется через дифференцированное распределение полномочий между федеральными органами исполнительной власти, обеспечивающее превентивный, текущий и последующий контроль. Центральную роль играет Министерство здравоохранения Российской Федерации (Минздрав России), выступающее субъектом нормотворчества и стратегического планирования: разработка приказов № 181н и № 193н 2025 г. определяет требования к регистрации ИИ-моделей как медицинских изделий, утверждает стандарты обработки данных в ЕГИСЗ и координирует экспериментальные правовые режимы по Указу Президента РФ № 490, предоставляя научным организациям доступ к обезличенным датасетам при условии соблюдения компанией, установленных норм и требований.

Надзорные функции реализует Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор), проводящая плановые и внеплановые проверки медицинских организаций на предмет соблюдения врачебной тайны (ст. 13 ФЗ-323) и передачи данных в Федеральный реестр электронных медицинских документов (ФРЭМД). В 2025 г. сервис дополнился автоматической отчетностью о работе ИИ-систем, включая статистику обработанных исследований и выявление алгоритмических ошибок, с внесением ИНН нарушителей в реестр мер ограничительного характера. Техническую защиту обеспечивает Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России), аттестующая информационные системы персональных данных уровня угроз УЗ-1/УЗ-2, обязательные для критической информационной инфраструктуры в здравоохранении (ФЗ-187), с предписанием гомоморфного шифрования и SIEM-мониторинга.

Координацию по защите персональных данных осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), контролирующая локализацию данных (ст. 18 ФЗ-152), псевдонимизацию и права субъектов на отзыв согласия; в случае утечек инициирует блокировку систем и административное производство по ст. 13.11 КоАП РФ. Межведомственное взаимодействие институционализировано через государственную систему обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак, где Минздрав выступает оператором данных ЕГИСЗ. Таким образом, роль государственных органов формирует замкнутую систему контроля, где превентивные меры (регистрация, аттестация) сочетаются с репрессивными механизмами, обеспечивая баланс публичных интересов и инновационного развития.

Технические и организационные меры безопасности при использовании искусственного интеллекта и больших данных в клинических исследованиях определяются требованиями ФЗ-152 (ст. 19) и ФЗ-187, образуя комплексную систему, направленную на минимизацию рисков несанкционированного доступа, утраты и искажения информации. В соответствии с Приказами ФСТЭК России № 117[8] и № 21[9] техническая защита предполагает категорирование информационных систем персональных данных по уровням угроз УЗ-1 – УЗ-4, где для медицинских систем с ИИ обязательно применение уровня УЗ-1/УЗ-2 с многофакторной аутентификацией, межсетевыми экранами следующего поколения и системами предотвращения утечек данных.

Ключевым элементом выступает криптографическая защита, регламентированная Приказами ФСБ России, предписывающими использование сертифицированных средств криптографической защиты информации класса КС1/КС2 для шифрования данных при хранении и передаче за защищенным периметром. В контексте ЕГИСЗ (Постановление Правительства РФ № 140) внедряется гомоморфное шифрование, позволяющее проводить анализ больших данных без дешифровки, а также обязательная псевдонимизация и генерация синтетических датасетов по Приказу Минздрава № 181н, исключающая идентификацию субъектов в исследовательских контурах. Организационные меры включают разработку моделей угроз, ежегодную аттестацию систем, обучение персонала и назначение ответственных за безопасность (ст. 22.1 ФЗ-152), с интеграцией в государственную систему обнаружения компьютерных атак.

Эффективность принятых мер будет оценена практикой уже в 2026 году. Приказ ФСТЭК России от 11.04.2025 № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений», вступивший в этом году в силу представляет собой не просто формальное обновление нормативной базы, а переход к более зрелому и системному подходу к обеспечению информационной

[7] СЗ РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4736.

[8] Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 11 апреля 2025 г. № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506170011 (дата обращения: 20.02.2026).

[9] Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 18 февраля 2013 г. № 21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Российская газета. 2013. № 107.

безопасности. Этот подход, соответствующий мировым стандартам и принципам непрерывного совершенствования, позволяет организациям не ограничиваться выполнением формальных требований, а выстраивать действительно эффективную и гибкую систему, способную успешно противостоять постоянно меняющимся угрозам. Таким образом, технические и организационные меры формируют превентивный барьер, где государство обеспечивает единые стандарты, балансируя технологические инновации с охраной конституционного права на медицинскую тайну.

Рассматривая государственное регулирование соответствующей сферы, невозможно проигнорировать вопросы административной ответственности за нарушения при использовании ИИ и больших данных в клинических исследованиях, которая образует репрессивный механизм государственного контроля, направленный на пресечение противоправных действий операторов данных и медицинских организаций. Основной состав правонарушения закреплен в ст. 13.11 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за нарушение установленного законом порядка обработки персональных данных, включая специальные категории о здоровье: штрафы на должностных лиц составляют до 800 тыс. руб., на юридических лиц – до 18 млн. руб. при повторных нарушениях, с конфискацией носителей информации и возможным приостановлением деятельности. Административное производство инициируется по жалобам субъектов данных или автоматическим сигналам ГСОПУ, с приоритетом пропорциональности санкций (ст. 4.1 КоАП РФ). Таким образом, административная ответственность функционирует как инструмент сдерживания, стимулируя применение системы мер и процедур, направленных на снижение рисков и обеспечение соответствия деятельности компании установленным нормам и обеспечивая публичный интерес в условиях цифровизации здравоохранения.

Таким образом, совершенствование правовых механизмов государственного контроля за использованием ИИ и больших данных в клинических исследованиях требует системных мер, направленных на устранение пробелов – дифференциации ответственности за алгоритмические сбои, доказывания причинно-следственной связи и гармонизации трансграничных передач данных. В этой связи можно предложить законодательное закрепление федерального фонда компенсаций за утечки медицинских данных, формируемого за счет штрафов по ст. 13.11 КоАП РФ и обязательных страховых взносов операторов, обеспечивающего выплаты до 500 тысяч руб. субъектам без судебного разбирательства и стимулирующего профилактику инцидентов.

Решение проблемы ответственности за предвзятость ИИ достигается введением обязательного внешнего аудита моделей третьей стороной (аккредитованными центрами ФСТЭК) с ежегодным рейтингом алгоритмов в реестре Росздравнадзора, исключающим эксплуатацию систем с дискриминационными паттернами выше 5%. Для унификации доказывания причинно-следственной связи целесообразно разработать постановление Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающее презумпцию вины оператора при отсутствии матрицы рисков (Приказ Минздрава № 181н) и обязательность экспертных заключений врачебных комиссий.

Дополнительно необходимы налоговые льготы (снижение ставки НДС до 10% на отечественное ПО ИИ) и грантовая поддержка экспериментальных правовых режимов (Указ № 490) для масштабирования децентрализованных исследований. Реализация предложений повысит эффективность контроля, обеспечив баланс инноваций и защиты медицинской тайны.

Библиографический список

1. Киселев А.С. Перспективы правового регулирования общественных отношений в сфере здравоохранения в условиях применения искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2025. – № 2(68). – С. 192-214.

2. Nurtassova A. The Introduction of Artificial Intelligence(AI) in Medicine-Opportunities and Obstacles / A. Nurtassova, A. Alkanova // ВестникИнновационногоЕвразийскогоуниверситета. – 2025. – No. 2(98). – P. 135-140.

Рецензент: Шабетя И.В., к.ю.н., доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

РАХМАТУЛЛИНА ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oOVRakhmatullina@msal.ru

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

RAKHMATULLINA OKSANA VLADIMIROVNA
PHD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Sciences of the Orenburg Institute (branch) of the Kutafin University (MSAL), 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oOVRakhmatullina@msal.ru

TAXATION OF MEDICAL ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *Научная статья посвящена исследованию российского законодательства в сфере налогообложения медицинских организаций. Определяется особый налоговый статус медицинских организаций как субъектов налогообложения. Особое внимание уделено вопросу льготного налогообложения для данной категории налогоплательщиков. В работе определяются проблемы налогообложения медицинских организаций в Российской Федерации, а также определяются направления совершенствования российского законодательства в данной области с целью достижения финансовой устойчивости данных организаций при условии достижения баланса между публичными интересами и медицинскими организациями.*

Ключевые слова. *налогообложение, медицинские организации, налог на прибыль, НДС, налоговые льготы, фискальная политика.*

Abstract. *This scientific article is devoted to the study of Russian legislation in the field of taxation of medical organizations. It defines the special tax status of medical organizations as taxpayers. Special attention is paid to the issue of preferential taxation for this category of taxpayers. The article identifies the problems of taxation of medical organizations in the Russian Federation and suggests ways to improve Russian legislation in this area in order to achieve financial sustainability of these organizations while maintaining a balance between public interests and medical organizations.*

Keywords: *taxation, medical organizations, income tax, value-added tax, tax benefits, fiscal policy.*

Система здравоохранения в Российской Федерации является стратегически значимым направлением государственного управления. Именно поэтому уделяется особое внимание её нормативно-правовому регулированию, в том числе, и в сфере налогообложения. Все медицинские организации в России исчисляют и уплачивают налоги в бюджеты различных уровней бюджетной системы и в государственные внебюджетные фонды, подбирают для себя подходящий режим налогообложения[1]. Важно создать оптимальный механизм налогообложения медицинских организаций с целью улучшения качества предоставляемых медицинских услуг, повышения их доступности для всего населения страны, а это напрямую зависит от фискальной политики государства. Действующая модель налогообложения медицинских организаций довольно неоднозначна, поскольку, с одной стороны, государство предоставляет налоговые льготы для данных налогоплательщиков, но, с другой стороны, существенные бюрократические барьеры мешают их применению и фактически нейтрализуют их эффект. К тому же, законодательство о налогах и сборах России довольно динамичное, и постоянные изменения не способствуют стабильности в сфере налогообложения, что может негативно сказываться на качестве оказываемых медицинских услуг и приводить к повышению их стоимости.

По налоговому законодательству России медицинские организации являются субъектами общего режима налогообложения, хотя не исключается возможность применения и специальных налоговых режимов. Но из-за большого количества установленных «входных» критериев в рамках них, они не всегда удобны для применения медицинскими организациями. На общем режиме налогообложения основными налогами, которые они обязаны уплачивать в бюджет, являются: налог на добавленную стоимость, налога на прибыль организаций. Рассмотрим особенности налогообложения медицинских организаций в контексте каждого из указанных налогов.

Налог на прибыль организаций является федеральным налогом. Он уплачивается с прибыли налогоплательщика, которая рассчитывается как доход, уменьшенный на величину расхода. Данный налог обладает одними из самых высоких ставок по сравнению с другими налогами и поэтому создаёт боль-

[1] Усеинова М.М. Налогообложение медицинских организаций // NOVAUM.RU. №33. 2021. С.35.

шую налоговую нагрузку на налогоплательщика. Основная ставка налога составляет 25 % от прибыли. Однако для медицинских организаций определены налоговые льготы по данному налогу, которые позволяют исключить уплату налога.

Так, в соответствии с п.1. ст. 284.1 Налогового кодекса Российской Федерации организации, осуществляющие медицинскую деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, вправе применять налоговую ставку 0 процентов при соблюдении определённых условий. При этом, важно соответствовать критерию вида деятельности. Так, Постановлением Правительства РФ от 10.11.2011 № 917 «Об утверждении перечня видов образовательной и медицинской деятельности, осуществляемой организациями, для применения налоговой ставки 0 процентов по налогу на прибыль организаций»[2], определены виды деятельности, которые может осуществлять медицинская организация и, в связи с этим, иметь право на применение 0% ставки по налогу на прибыль организаций.

Указанная налоговая ставка применяется ко всей налоговой базе медицинских организаций за исключением:

- налоговой базы, определяемой налогоплательщиками – контролирующими лицами по доходам в виде прибыли контролируемых ими иностранных компаний, применяется налоговая ставка 25 процентов;

- налоговой базы, определяемой по доходам, полученным в виде дивидендов;

- налоговой базы, определяемой по операциям с отдельными видами долговых обязательств (например, по доходам в виде процентов по муниципальным ценным бумагам, эмитированным на срок не менее трёх лет до 1 января 2007 года).

Для применения 0% ставки необходимо, чтобы медицинская организация соответствовала следующим критериям в совокупности:

1) наличие лицензии на оказание медицинских услуг;

2) доходы от оказания медицинских услуг составляют не менее 90 % от общего количества доходов;

3) численность медицинского персонала, которые имеют сертификат специалиста либо свидетельство об аккредитации, в общей численности работников составляет не менее 50%;

4) в штате медицинской организации за налоговый период числятся не менее 15 работников;

5) медицинской организации запрещено совершать в налоговом периоде, в котором применяется 0% ставка операции с векселями и производными финансовыми инструментами.

Соблюдение всех перечисленных критериев в совокупности носит императивный характер. Несоблюдение хотя бы одного условия, влечёт негативные последствия для организации в форме потери права на применение налоговой ставки в размере 0%. В данном случае налогоплательщик обязан исчислять и уплачивать налог на прибыль организаций по максимальной ставке, составляющей 25 %. При чем, переход на указанную ставку осуществляется с того налогового периода, в котором было зафиксировано несоблюдение условия применения 0% ставки. Более того, общая сумма налога на прибыль организаций за рассматриваемый период подлежит полному восстановлению и внесению в соответствующий бюджет, с учётом начисления соответствующих пеней за несвоевременное исполнение обязательств.

Для того, чтобы применять указанную ставку по налогу на прибыль организаций, медицинская организация должна подать заявление в налоговый орган по месту учёта не позднее чем за один месяц до начала нового налогового периода. При этом, нужно учесть, что налоговый период составляет один календарный год. Кроме того, к заявлению необходимо предоставить регистрационный номер лицензии на оказание медицинских услуг, а также дату её предоставления.

Также, в случае применения нулевой процентной ставки по налогу в течение налогового периода, медицинская организация вправе предоставить указанные сведения, после окончания налогового периода, когда она применяла эту ставку.

В случае пропуска данного срока, возможность применения 0% ставки ставится под вопрос. В данном контексте особо важное значение имеет позиция ФНС России, которая считает, что несвоевременная подача заявления (пропуск срока) о выполнении условий применения 0% ставки по налогу на прибыль организации не является основанием для отмены налоговой льготы и доначисления налога на прибыль (Письмо от 25.08.2021 № СД-4-3/11995@)[3]. Нулевая процентная ставка рассматривается как налоговая льгота. Поэтому по окончании налогового периода имеется возможность предоставить документы, подтверждающие право на применение нулевой процентной ставки. И даже если эти документы не будут предоставлены, в ходе проведения камеральной налоговой проверки налоговой декларации медицинской организации, налоговый орган вправе истребовать документы и пояснения, подтверждающие право на льготу. Таким образом, начисление пени и наложение штрафа в данном случае будет неправомерным. Данную позицию подтверждает судебная практика: определение ВС РФ от 18.09.2018 № 304-КГ18-5513[4],

[2] Постановление Правительства РФ от 10.11.2011 № 917 «Об утверждении перечня видов образовательной и медицинской деятельности, осуществляемой организациями, для применения налоговой ставки 0 процентов по налогу на прибыль организаций» // СЗ РФ. 2011. № 47. Ст. 6648.

[3] Письмо ФНС России от 25.08.2021 № СД-4-3/11995@) «О возможности применения ставки 0% по налогу на прибыль при осуществлении медицинской деятельности, если пропущен срок подачи заявления о выполнении условий для применения ставки 0%». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=206211&cacheid=3C8424818ADF9CA0B4D1089E7978594D&mode=splus&rnd=i3GmSBV80eJwV69o#Gh1nSBVEFKIpZPcm (дата обращения: 12.01.2026).

[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.09.2018 № 304-КГ18-5513 по делу № А81-813/2017 «О признании недействительным решения налогового органа в части доначисления налога на прибыль органи-

постановление АС Уральского округа от 24.04.2019 № Ф09-1264/19[5].

Для применения 0% необходимо постоянное подтверждение для реализации данного права. Поэтому установлено правило, что медицинские организации по окончании каждого налогового периода, в котором они применяли эту ставку, в срок не позднее срока подачи налоговой декларации, то есть не позднее 25 марта года, следующего за истекшим налоговым периодом, предоставлять в налоговый орган по месту учёта следующие сведения:

- о доле доходов от оказания медицинских услуг;
- о численности работников медицинской организации;
- о численности медицинского персонала, имеющего сертификат специалиста или свидетельство об аккредитации специалиста, в штате организации.

Подтверждение и соблюдение указанных критериев императивно, поскольку в случае, если медицинская организация, применявшая 0% ставку, не подтвердит данного права, то она впоследствии будет лишена права на применение её в течение 5 лет начиная с налогового периода, в котором она перешла на применение налоговой ставки. При этом, данное ограничение не распространяется на налогоплательщиков, которые ранее применяли нулевую ставку, затем перешли на упрощённую систему налогообложения, а потом вернулись к уплате налога на прибыль по ставке 0%[6].

Вместе с тем, несмотря на очевидное преимущество в виде 0% ставки, могут возникнуть обстоятельства, при которых она может утратить свою привлекательность для налогоплательщика. Важным фактором в данном случае является финансовый результат деятельности медицинской организации, а точнее, убыток, что делает применение данной ставки нецелесообразным. В соответствии со п 1. ст. 283 Налогового кодекса Российской Федерации, она не сможет перенести убытки на будущий период с учётом применения 0% по налогу на прибыль организаций[7]. Поэтому в данном случае применение данной ставки неоправданно.

Таким образом, в рамках налога на прибыль организаций установлен оптимальный механизм налогообложения медицинских организаций. То есть данные налогоплательщики могут применять льготный режим налогообложения при условии соответствия их критериям, предусмотренным налоговым законодательством. Подача заявления осуществляется единожды и не требует повторности, что снижает бремя налогоплательщика. Подтверждения права на применение нулевой процентной ставки осуществляется ежегодно, по окончании налогового периода, что является разумным, поскольку это позволяет отсеивать налогоплательщиков, которые не имеют право применять данную льготу.

Вторым налогом, который уплачивают медицинские организации является налог на добавленную стоимость (далее – НДС). Налоговым кодексом Российской Федерации в главе 21 в отношении указанного налога установлены особые условия налогообложения, предоставляющие медицинским учреждениям определённые преференции в форме налоговых льгот.

Так, в соответствии с пп. 2 п 2 ст. 149 Налогового кодекса Российской Федерации существуют операции, которые освобождаются от уплаты НДС, к одной из групп которых относятся медицинские услуги, оказываемые медицинскими организациями, индивидуальными предпринимателями, осуществляющими медицинскую деятельность, за исключением косметических и санитарно-эпидемиологических услуг. Однако, при условии, что данные услуги оказывают за счёт бюджета, под исключение они не подпадают. Перечень данных услуг является исчерпывающим и включает:

- услуги, определённые перечнем услуг, предоставляемых по обязательному медицинскому страхованию;
- услуги, оказываемые населению, по диагностике, профилактике и лечению независимо от формы и источника их оплаты по перечню, утверждаемому Правительством Российской Федерации;
- услуги по сбору у населения крови, оказываемые по договорам с медицинскими организациями, оказывающими медицинскую помощь в амбулаторных и стационарных условиях;
- услуги скорой медицинской помощи, оказываемые населению;
- услуги по дежурству медицинского персонала у постели больного;
- услуги патологоанатомические;
- услуги, оказываемые беременным женщинам, новорожденным, инвалидам и наркологическим больным.

Кроме того, под освобождение от уплаты НДС могу подпасть иностранные организации и индивидуальные предприниматели, которые являются участниками проекта в соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2015 года № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российс-

заций, соответствующих пеней, штрафа». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=552995&cacheid=8639D296D403DC4FCBB4F734CA5247EB&mode=splus&rnd=i3GmSBV80eJwV69o#m3TnSBVpVD5KcR4J (дата обращения: 17.01.2026).

[5] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.04.2019 № Ф09-1264/19 по делу № А34-8389/2018 «О признании недействительными решения налогового органа, требования об уплате налога, пени и штрафа». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=201807&cacheid=0617D745658B69443C8553896D8E33C8&mode=splus&rnd=GaR7UBViKx4al5ke1#xHT7UBVai4Jxd9E1 (дата обращения 17.01.2026).

[6] Ястремский И.А. Правовые аспекты налогообложения клиники пластической хирургии // Право и управление. №11. 2025. С.547.

[7] Рыманов А.Ю. Применение нулевой ставки при налогообложении прибыли образовательных и медицинских организаций // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2013. №18(330). С. 33.

кой Федерации». Однако указанные субъекты должны предоставить специальную разрешительную документацию, выданной в установленном порядке уполномоченными органами и организациями иностранного государства-члена Организации экономического сотрудничества и развития и подтверждающей право на оказание таких услуг для подтверждения своего права на освобождение от уплаты НДС.

Также, освобождение возможно только при условии наличия лицензии на оказание указанных услуг у медицинской организации или индивидуального предпринимателя. Порядок применения указанного освобождения разъясняется в письме Министерств финансов Российской Федерации[8].

Несмотря на указанные преимущества, налоговая нагрузка на медицинские организации все же существенно возросла в связи с увеличением налоговой ставки по НДС с 2026 года до 22%, что, однозначно скажется на стоимости медицинских услуг. Так, НДС увеличился в отношении аренды помещений, коммунальных услуг, ремонтных работ подрядчиков и по закупке медицинского оборудования и расходных материалов у поставщиков, которые работают с данным налогом.

В случае, если медицинские услуги освобождаются от уплаты НДС, медицинская организация или индивидуальный предприниматель не вправе отказаться от освобождения в отношении таких операций[9]. Кроме того, нет необходимости уведомлять налоговые органы об наличии операций, подпадающих по освобождение по НДС, так как уведомительный порядок не предусмотрен главой 21 Налогового кодекса Российской Федерации.

Несмотря на то, что российским налоговым законодательством предусмотрено применение общего режима налогообложения для медицинских организаций, не исключена возможность применения данными субъектами и специального налогового режима. Медицинские организации, также, вправе применять упрощённую систему налогообложения, при условии выполнения определённых требований: по доходности организации (с 2026 года она должна составлять не более 337,5 млн. руб.); количеству наёмных работников (не более 130) и другие требования, установленные главой 26.2 Налогового кодекса Российской Федерации. Данный режим имеет существенные преимущества по сравнению с общим режимом налогообложения. Его привлекательность обусловлена рядом факторов. Во-первых, у медицинских организаций есть альтернатива в выборе объекта налогообложения — «доходы» либо «доходы, уменьшенные на величину расходов», что позволят учитывать специфику деятельности при переходе на данный режим налогообложения. Во-вторых, предусмотрено применение пониженных ставок (6% и 15% соответственно объекту) по сравнению с общим режимом налогообложения и редуцированный порядок ведения налогового (бухгалтерского) учёта, что оптимизирует фискальную нагрузку. В-третьих, налогоплательщики УСН освобождаются от уплаты ряда налогов: налог на прибыль и налог на имущество организаций. Однако, выбор данного специального налогового режима является стратегически оправданным лишь при условии, если организация-налогоплательщик не соответствует критериям, которые дают право на освобождение от налога на прибыль организаций и НДС.

Таким образом, несмотря на то, что в законодательстве о налогах и сборах Российской Федерации установлены разнообразные преимущества для налогоплательщиков, которые являются медицинскими организациями, в настоящее время сохраняются проблемы в данной области. Так, применяется довольно шаблонный подход при применении налоговых льгот по НДС и налогу на прибыль организаций. Так в случае ошибок в документах, например, в оформлении первичной документации, возникают недоимки, которые приводят к большим штрафам и пеням. Это порождает двойственный характер налогообложения, при котором, с одной стороны, налоговые льготы направлены на поддержку медицинских организаций, а с другой стороны, являются фактором воздействия на них со стороны государства в его фискальных интересах. Кроме того, довольно нечетко разграничиваются медицинские услуги, подпадающие под льготы и немедицинские (без льготного режима). Неясность в регламентации данного вопроса порождает ошибки в правоприменении. Также, государство устанавливает жёсткие требования к ценообразованию медицинских услуг в рамках обязательного медицинского страхования, что может приводить к невозможности покрытия расходов и убыткам.

В связи с этим, необходимо оптимизировать систему налогообложения медицинских организаций в России. Например, целесообразно сформулировать и закрепить в Налоговом кодексе Российской Федерации конкретный перечень требований для применения налоговых льгот медицинскими организациями и при их оценке, необходимо минимизировать формальные основания для отказа. Так, было бы целесообразно применять практику презумпции добросовестности медицинских организаций при заявлении права на налоговую льготу, в случае возникновения спорных ситуаций, которые связаны с техническими ошибками в оформлении доку-

[8] Письмо Минфина России от 15.11.2024 № 03-07-11/113136 «Об освобождении от НДС при оказании медицинскими организациями, применяющими УСН, медицинских услуг по диагностике, профилактике и лечению с 01.01.2025». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=229401&cacheid=A61FF02E1D17ABD8D2083258B0CDCF39&mode=splus&rnd=MBDiNBV6BRgcTfSk#SZFiNBVK58TLZaCz (дата обращения: 15.01.2026).

[9] Письмо Минфина России от 21.01.2022 № 03-07-07/3552 «О применении освобождения от НДС при оказании населению медицинских услуг по диагностике, профилактике, лечению». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=209358&cacheid=F7CC6B63FC8C756439715164553D1448&mode=splus&rnd=MBDiNBV6BRgcTfSk#inxkNBVqs0zxXyca2 (дата обращения:15.01.2026).

ментов. Необходимо, чтобы налогообложение медицинских организаций было построено на принципе «минимального изъятия» из данной системы, что должно будет способствовать её устойчивости и эффективности. К тому же, поскольку медицинские организации выполняются важную функцию в рамках государства, необходимо создать специальный режим налогообложения исключительно для них, что позволит создать более конкретную и оптимальную систему налогового администрирования, создаст благоприятные условия для развития данных организаций, повысит качество медицинских услуг и их доступность для всех граждан Российской Федерации. Таким образом, целесообразно совершенствовать налоговое законодательство РФ так, чтобы максимально гармонизировать финансовые интересы государства и интересы медицинских организаций, с целью предоставления качественных медицинских услуг на высоком профессиональном уровне.

Библиографический список

1. Рыманов А.Ю. Применение нулевой ставки при налогообложении прибыли образовательных и медицинских организаций // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2013. – № 18(330). – С. 30-33.

2. Усеинова М.М. Налогообложение медицинских организаций // NOVAUM.RU. – 2021. – № 33. – С. 35-38.

3. Ястремский И.А. Правовые аспекты налогообложения клиники пластической хирургии// Право и управление. – 2025. – № 11. – С. 545-548.

Рецензент: Глебова Ю.И., к.ю.н., доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

СВЕРЕДЮК МАКСИМ ГЕННАДЬЕВИЧ
начальник юридического отдела Хабаровского филиала ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова» Минздрава России, доцент кафедры «Организация здравоохранения и медицинское право» КГБОУ ДПО ИПКСЗ, председатель комиссии по вопросам правового регулирования в сфере здравоохранения Хабаровского регионального отделения Ассоциации юристов России, член комиссии по правовому обеспечению в сфере здравоохранения Ассоциации юристов России, e-mail: uristms27@bk.ru.

ПШЕНИЧНОВ МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ
кандидат медицинских наук, директор ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова» Минздрава России (Хабаровский филиал), главный внештатный специалист-офтальмолог министерства здравоохранения Хабаровского края, ассистент кафедры общей и клинической хирургии ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России, e-mail: naukakhvmntk@mail.ru.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА И СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОФТАЛЬМОЛОГИИ

SVEREDUK MAKSIM GENNADYEVICH
Head of the Legal Department of the Khabarovsk Branch of the S.N. Fedorov National Medical Research Center for Scientific and Technical Complex «Microsurgery of the Eye» of the Russian Ministry of Healthcare, Associate Professor of the Department of Healthcare Organization and Medical Law at the Khabarovsk State Budgetary Educational Institution of Additional Professional Education, Institute of Clinical and Socio-Economic Development, Chairman of the Commission on Legal Regulation in Healthcare of the Khabarovsk Regional Branch of the Association of Lawyers of Russia, and member of the Commission on Legal Support in Healthcare of the Association of Lawyers of Russia, e-mail: uristms27@bk.ru

PSHENICHNOV, MAXIM VALERIEVICH
PhD, Director of the S.N. Fedorov National Medical Research Center for Scientific and Technical Complex «Microsurgery of the Eye» of the Russian Ministry of Healthcare (Khabarovsk Branch), Chief Ophthalmologist of the Khabarovsk Krai Ministry of Healthcare, Assistant Professor of the Department of General and Clinical Surgery at the Far Eastern State Medical University of the Russian Ministry of Healthcare, e-mail: naukakhvmntk@mail.ru

PROBLEM ISSUES OF THE LEGAL STATUS AND APPLICATION SCOPE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN OPHTHALMOLOGY

Аннотация. *Авторами анализируются области применения технологий искусственного интеллекта в офтальмологии. Поднимается вопрос о возможности самостоятельного оказания медицинского вмешательства искусственным интеллектом. Исследуются вопросы о субъектах юридической ответственности за врачебные ошибки, допущенные искусственным интеллектом. Методологическую основу исследования составил общенаучный аналитический метод познания социально-правовых явлений. Кроме того, в работе использовались: логический метод (при изложении всего материала, формировании рекомендаций, предложений и выводов); метод системного анализа; метод сравнительного правоведения; метод моделирования. Результаты: применение технологий искусственного интеллекта в офтальмологии актуально, данная тенденция постоянно развивается, внедряются новые методы. Согласно положениям действующего законодательства искус-*

ственный интеллект в офтальмологии может применяться исключительно как вспомогательный элемент, все решения принимает медицинский работник. Заключение: при переходе технологий искусственного интеллекта на рекомендательный и самостоятельный этап оказания медицинской помощи необходима существенная актуализация действующего законодательства, включая нормы, регламентирующие юридическую ответственность за дефекты оказания медицинской помощи и врачебные ошибки.

***Ключевые слова**: искусственный интеллект, офтальмология, медицинская деятельность, законодательство, здравоохранение, юридическая ответственность.*

***Annotation.** The authors analyze the areas of application of artificial intelligence technologies in ophthalmology. The issue of the possibility of independent provision of medical intervention by artificial intelligence is raised. The issues of subjects of legal liability for medical errors made by artificial intelligence are examined. The methodological basis of the study was the general scientific analytical method of cognition of socio-legal phenomena. In addition, the work used: logical method (in the presentation of all the material, the formation of recommendations, proposals and conclusions); system analysis method; comparative law method; modeling method. Results: the use of artificial intelligence technologies in ophthalmology is relevant, this trend is constantly evolving, new methods are being introduced. According to the provisions of the current legislation, artificial intelligence in ophthalmology can be used exclusively as an auxiliary element, all decisions are made by a medical worker. Conclusion: when switching to artificial intelligence technologies to the advisory and independent stage of providing medical care, a significant update of the current legislation is necessary, including the rules regulating legal liability for defects in the provision of medical care and medical errors.*

***Key words:** artificial intelligence, ophthalmology, medical activity, legislation, healthcare, legal liability.*

Область офтальмологии является благодатной почвой для искусственного интеллекта (далее – ИИ) и исследований, связанных с ним. В офтальмологии ИИ включает в себя как цветную фундус-фотографию, компьютеризированное поле зрения и оптическую когерентную томографию[1], так и диагностику, лечение глаукомы, поскольку одной из важнейших проблем офтальмологии является ранняя диагностика глаукомы и объективный анализ данных инструментальных исследований. ИИ позволяет оценить результат выполнения тонометрии по Гольдману и Маклакову и определить наличие прогрессирования по серии как двумерных, так и трехмерных данных (сканы диска зрительного нерва, статическая периметрия и т.д.) как поодиночке, так и при комплексной оценке данных с различных приборов[2].

Использование алгоритмов глубокого изучения позволяет эффективно анализировать фотографии глазного дна и оценивать состояние ДЗН, перипапиллярной сетчатки и макулярной области.

Разработаны алгоритмы сегментации патологических признаков на сканах ОКТ и фотографиях глазного дна, имеющие достаточно высокие показатели точности работы. На основе данных алгоритмов ИИ была разработана офтальмологическая платформа Retina.AI, позволяющая проводить автоматизированный анализ сканов структурной ОКТ и фотографий глазного дна и выявлять признаки ДР, ДМО, ВМД, аномалии витреомакулярного интерфейса[3].

Профессором Куроедовым А.В. также была разработана нейросеть, проанализировавшая 100 ранее обследованных лиц, данные которых не противоречили общепринятым значениям нормы для каждого из параметров и соответствовали средним показателям ранее проведенных исследований у здоровых кандидатов. Нейросеть осуществила анализ всех изображений, среди которых ею были выделены двенадцать снимков, отличающихся от нормы, с вероятными глаукомными изменениями. Из этих двенадцати изображений экспертами были отобраны пять. Таким образом нейросеть позволяет значительно сузить круг обследуемых с участием врача-офтальмолога[4].

Исследователи разработали метод автоматической диагностики плюс-болезни – патологии глазных сосудов, которая может привести к слепоте у недоношенных младенцев. Алгоритм, основанный на сверточной нейросети, показал точность в 98 процентов и даже превзошел в правильности постановки диагноза профессиональных офтальмологов[5].

Профессор И. Бахар пишет: «В последние годы мы используем ИИ в операциях по удалению катаракты. Он применяется как во время самих операций, проводимых с помощью лазера, так и при использовании приборов и формул, предназначенных для диагностики состояния глаз пациента перед операцией, для выбора искусственного хрусталика, который будет имплантирован в глаз во время опера-

[1] Войтова С.П., Белькова А.Г., Шаршкова М.А., Белая Е.И. Применение искусственного интеллекта в области офтальмологии // Наукосфера. 2024. № 8. С. 20.

[2] Дорофеев Д.А., Казанова С.Ю., Мовсисян А.Б., Полева Р.П. Искусственный интеллект и нейросети в диагностике глаукомы // Национальный журнал глаукомы. 2023. № 22(1). С. 115.

[3] Каталевская Е.А., Сизов А.Ю., Тюриков М.И., Владимирова Ю.В. Алгоритмы искусственного интеллекта для диагностики признаков диабетической ретинопатии, диабетического макулярного отека, возрастной макулярной дегенерации, аномалий витреомакулярного интерфейса // Офтальмохирургия. 2022. № 4S. URL: https://eyepress.ru/article/algoritmy-iskusstvennogo-intellekta-dlya-diagnostiki-priznakov-diabeticheskoy-re (дата обращения: 17.06.2025).

[4] Movsisyan AB, Kuroyedov AV, Gorodnichy VV et al. Evaluation of the efficacy of neural network technology in the analysis of the condition of the optic nerve disc and peripapillary retina in healthy individuals examined for glaucoma. Pacific Medical Journal. 2020. 81(3). p. 43-47.

[5] JAMA Opthalmology. URL: https://nplus1.ru/news/2018/05/03/ai-plus-disease (дата обращения: 17.06.2025).

ции. Эта технология обеспечивает беспрецедентную точность в этой области»[6].

Далее профессор И. Бахар делает предположение о том, что технологи ИИ помогут решить проблему кадров в медицине»[7].

Учитывая вышеизложенное, с этим утверждением, в перспективе, трудно не согласиться. Однако, если вести речь в аспекте действующей национальной регламентации медицинских правоотношений, можно сделать вывод о не готовности законодательной базы к замене врача ИИ, даже на этапе диагностики.

Возникает обоснованный вопрос – необходим ли в настоящее время врач при применении технологий ИИ в офтальмологии? Или технологии, и самое главное правовая регламентация, позволяют ИИ самостоятельно проводить диагностику, лечение, выполнять операции, давать рекомендации пациентам?

Предлагается выделить три уровня использования высоких технологий в медицине, на примере ИИ, медицинских роботов, нейросетей: 1. Вспомогательный уровень. Все решает лечащий врач (консилиум врачей). ИИ анализирует данные, без рекомендаций, робот-хирург сам не делает операцию. 2. Рекомендательный уровень. ИИ, медицинский робот исследуют пациента, дают рекомендации лечащему врачу. Робот хирург определённые действия совершает сам, предлагает тактику операции. 3. Самостоятельный уровень. ИИ, робот хирург с функцией лечащего врача. Робот-хирург сам проводит операцию[8].

Можно сделать вывод, что в настоящее время взаимоотношение человека и новых высоких технологий сводится к вспомогательному уровню[9]. Безусловно, наука и практика не стоят на месте, а развиваются большими шагами. В этой связи обостряется проблема готовности имеющейся правовой регламентации, включая офтальмологию к переходу на второй и третий уровень использования (взаимодействия) таких технологий, как ИИ, нейросеть, медицинский робот в правоотношениях с пациентом.

Как следует из пункта 13 статьи 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – 323-ФЗ) медицинский работник – физическое лицо. Следовательно, ИИ, нейросеть, медицинский робот не могут быть стороной информированного добровольного согласия, не вправе разъяснить пациенту информацию о целях, метолах оказания медицинской помощи, связанных с ней рисках и т.п.

Дорофеев Д.А. и соавторы отмечают, что ИИ внедренный, например, в мобильное приложение позволяет грамотно составить схему гипотензивного лечения при глаукоме, но окончательное решение в каждом конкретном клиническим случае принимает лечащий врач[10]. Схожего мнения придерживаются Каталевская Е.А., Каталевский Д.Ю. и соавторы, говоря о том, что, решения на основе ИИ не являются самодостаточными и требуют обязательной верификации со стороны врача. Врач не должен и не может полагаться в своем решении исключительно на результат, рекомендованный алгоритмом ИИ[11].

С более глубоким внедрением ИИ в офтальмологию все больше будет обостряться вопрос о субъекте ответственности в случае причинения вреда жизни и здоровью пациента ИИ.

Важнейшим вопросом при применении алгоритмов ИИ являются доверие результатам, полученным от применения данных алгоритмов, а также ответственность за эти результаты. В мировой практике на данные вопросы пока еще нет однозначного ответа[12].

Юридический статус применения ИИ в медицине в значительной степени все еще не определен[13].

В аспекте уголовной регламентации из статьи 19 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) следует, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ. В этой связи ИИ, робот-хирург не могут являться самостоятельными субъектами преступления. Относительно гражданско-правовой ответственности, в настоящее время высокие технологии не признаются в качестве субъекта права. ИИ не наделен правами и не несет ответственность. Соответственно, он не может нести ответственность за вред, который им причинен. По общему принципу за все действия ИИ несет ответственность человек.

При отнесении ИИ к источникам повышенной опасности, его владелец, в частности медицинская организация, будет считаться виновной. При этом, под регрессную ответственность могут подпадают следующие юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица: разработчик, производитель, продавец, дилер, медицинский работник, технический специалист, контрагент, осуществляющий техническое обслуживание и другие.

---

[6] Искусственный интеллект в офтальмологии. Медицинский центр им. Рабина. URL: https://rabin-medical.org.il›iskusstvennyj-intellekt-v (дата обращения: 20.06.2025).

[7] Там же.

[8] Законодательные аспекты и правовые неопределенности новых высоких технологий при осуществлении медицинской деятельности: искусственный интеллект, робот-хирургия, генетические технологии, биоэтика»: монография / под ред. М.Г. Свередюка. Москва. ООО Траектория перспективных решений, 2024. С. 13-14.

[9] Свередюк М.Г. Нормативно-правовая регламентация новых высоких технологий в медицине. Правовые неопределенности, проблемные вопросы // Медицинское право. 2025. № 2. С. 40-45.

[10] Дорофеев Д.А., Казанова С.Ю., Мовсисян А.Б., Полева Р.П. Указ. соч. С. 128.

[11] Каталевская Е.А., Каталевский Д.Ю., Тюриков М.И., Велиева И.А., Большунов А.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в диагностике и лечении заболеваний сетчатки // Russian Journal of Clinical Ophthalmology (Клиническая офтальмология). 2022. Т. 22, № 1. С. 41-42.

[12] Там же.

[13] Sullivan HR, Schweikart SJ. Are Current Tort Liability Doctrines Adequate for Addressing Injury Caused by AI? AMA J Ethics. 2019;21(2):E160-E166. DOI:10.1001/amajethics.2019.160.

[14] Свередюк М.Г. Указ. соч.

Поднимаемые вопросы, о надлежащем субъекте ответственности, в настоящий момент в законодательстве не урегулированы, ввиду отсутствия четкой регламентации ИИ как субъекта и объекта права. Думается, что в каждом конкретном случае причинения дефекта при оказании медицинской помощи потребуется индивидуальный подход и комплексное расследование, в любой сфере юридической ответственности (уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной, материальной)[14].

Как пишут Нероев В.В. и соавторы: «Важным вопросом применения алгоритмов ИИ является определение его юридического статуса. В настоящее время ряд нейросетевых алгоритмов получил официальное одобрение регулирующих органов США и Евросоюза. Однако легальный статус для повседневного применения ИИ в медицине в значительной степени все еще не определен»[15].

Вышеизложенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Технологии ИИ постоянно развиваются и все больше интегрируются в офтальмологию.

2. В настоящее время нормативно-правовая база не готова к реализации второго (рекомендательный уровень) и третьего (самостоятельный уровень) применения в офтальмологии таких технологий, как ИИ.

3. Субъектом ответственности за дефект медицинской помощи в настоящее время могут быть только физические и юридические лица.

Заключение. Общество вполне понимает, что наряду с огромными перспективами развития искусственного интеллекта существуют риски его применения. Поэтому ИИ нуждается «в научном осмыслении не только инженеров, технологов, программистов, экономистов, но и юристов»[16].

В настоящее время в России идет активное внедрение систем ИИ в сфере здравоохранения. Учитывая, что разработчики ИИ-решений предлагают их практически для всех направлений, включая лечебно-диагностические процессы – регуляторы стараются не отставать в части нормативно-правового и технического регулирования этой отрасли, чтобы обеспечить баланс между созданием условий для развития отечественного рынка и вместе с этим – контролем эффективности и безопасности продуктов[17].

Как пишет Ладочкина Л.В., является «целесообразным разработать актуальную нормативную базу для регулирования медицинских и иных объектов, основанных на ИИ»[18].

Авторами же настоящей научной работы предлагается при применении ИИ в офтальмологии учитывать, что основная роль должна принадлежать врачу. С целью придания правового статуса ИИ необходимо актуализировать действующее законодательство, включая 323-ФЗ. Также представляется необходимым совершенствовать механизм юридической ответственности за нарушения, связанные с использованием ИИ, в том числе при оказании медицинской помощи.

Библиографический список

1. Войтова С.П., Белькова А.Г., Шаршкова М.А., Белая Е.И. Применение искусственного интеллекта в области офтальмологии // Наукосфера. – 2024. – № 8. – С. 20.

2. Дорофеев Д.А., Казанова С.Ю., Мовсисян А.Б., Полева Р.П. Искусственный интеллект и нейросети в диагностике глаукомы // Национальный журнал глаукомы. – 2023. – № 22(1). – С. 115-128.

3. Законодательные аспекты и правовые неопределенности новых высоких технологий при осуществлении медицинской деятельности: искусственный интеллект, робот-хирургия, генетические технологии, биоэтика»: монография / под ред. М.Г. Свередюка. – Москва. ООО Траектория перспективных решений, 2024. – 231 с.

4. Камышанский В.П., Корецкий А.?В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта / / Власть закона. – 2019. – № 1(37). – С. 42-50.

5. Каталевская Е.А., Каталевский Д.Ю., Тюриков М.И., Велиева И.А., Большунов А.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в диагностике и лечении заболеваний сетчатки // Russian Journal of Clinical Ophthalmology (Клиническая офтальмология). – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 36-43.

6. Каталевская Е.А., Сизов А.Ю., Тюриков М.И., Владимирова Ю.В. Алгоритмы искусственного интеллекта для диагностики признаков диабетической ретинопатии, диабетического макулярного отека, возрастной макулярной дегенерации, аномалий витреомакулярного интерфейса // Офтальмохирургия. – 2022. – № 4S.

7. Ладочкина Л.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта, используемого в медицине и здравоохранении // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 3 (158). – С. 128-131.

8. Нероев В.В., Зайцева О.В., Петров С.Ю., Брагин А.А. Применение искусственного интеллекта в офтальмологии: настоящее и будущее // Российский офтальмологический журнал. – 2024. – № 17(2). С. 135-141.

[15] Нероев В.В., Зайцева О.В., Петров С.Ю., Брагин А.А. Применение искусственного интеллекта в офтальмологии: настоящее и будущее // Российский офтальмологический журнал. 2024. № 17(2). С. 135-141.

[16] Камышанский В.П., Корецкий А.?В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть закона. 2019. № 1(37). С. 42-50.

[17] Нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта в здравоохранении России. URL: https://webiomed.ru/blog/normativno-pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-zdravookhraneniirossii/?ysclid=mdbwzx4jrk657650617 (дата обращения: 17.09.2025).

[18] Ладочкина Л.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта, используемого в медицине и здравоохранении // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3. С. 131.

9. Свередюк М.Г. Нормативно-правовая регламентация новых высоких технологий в медицине. Правовые неопределенности, проблемные вопросы // Медицинское право. – 2025. – № 2. С. 40-45.

10. Movsisyan AB, Kuroyedov AV, Gorodnichy VV et al. Evaluation of the efficacy of neural network technology in the analysis of the condition of the optic nerve disc and peripapillary retina in healthy individuals examined for glaucoma. *Pacific Medical Journal 2020*;81(3):43-47. https://doi.org/10.34215/1609-1175-2020-3-43-47.

11. Sullivan HR, Schweikart SJ. Are Current Tort Liability Doctrines Adequate for Addressing Injury Caused by AI? *AMA J Ethics*. 2019;21(2):E160-E166. DOI:10.1001/amajethics.2019.160.

Рецензент: Ершова Ю.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

СИВАРАКША ИННА ВЛАДИМИРОВНА
доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, oIVSivaraksha@msal.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВРАЧЕЙ В ПРАВЕ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И АНТИЧНОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР

SIVARAKSHA INNA VLADIMIROVNA
Associate Professor of the Department of Theoretical, Legal and Historical Sciences of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), Candidate of Law, Associate Professor, 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, oIVSivaraksha@msal.ru

THE RESPONSIBILITY OF DOCTORS IN THE LAW OF THE ANCIENT EAST AND ANTIQUITY: A HISTORICAL AND LEGAL REVIEW

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию становления и развития института ответственности врачей в правовых системах Древнего Востока и Античного мира. В рамках историко-правового анализа рассматриваются ключевые правовые источники (Законы Хаммурапи, Законы Ману, Артхашастра, Клятва Гиппократа, римское право), выявляются особенности регулирования врачебной деятельности, специфика определения вины и ответственности, а также влияние социальных факторов (социальная стратификация, кастовая система) на степень юридических последствий. Анализируются такие аспекты, как: принцип талиона и объективная ответственность в законах Месопотамии; социальная дифференциация в определении наказаний и вознаграждений; развитие представлений об этической ответственности в Древней Греции и Индии (Клятва Гиппократа, Аюрведа); формирование виновной ответственности (небрежность, умысел) и возмещение ущерба в римском праве.*

Статья демонстрирует эволюцию взглядов на ответственность врача от ранних форм, основанных на объективном результате и социальном статусе, к более детализированным правовым нормам, учитывающим вину и профессиональные стандарты. Исследование подчеркивает, что уже в древности существовало осознание необходимости правового регулирования медицинской практики и защиты прав пациентов, что стало фундаментом для дальнейшего развития медицинского права.

Ключевые слова: *ответственность врачей, медицинское право, Древний Восток, Античный мир, история права, история медицины.*

Abstract. *This article investigates the formation and evolution of the institution of medical responsibility within the legal systems of the Ancient East and the Classical World. Utilizing a historical-legal analysis, it examines key legal sources (the Code of Hammurabi, the Laws of Manu, the Arthashastra, the Hippocratic Oath, and Roman law). The study identifies the specific features governing medical practice, the nuances of determining culpability and liability, and the impact of social factors (such as social stratification and the caste system) on the severity of legal repercussions. Key aspects analyzed include: the principle of lex talionis and objective liability in Mesopotamian law; social differentiation in the determination of punishments and rewards; the development of concepts of ethical responsibility in Ancient Greece and India (the Hippocratic Oath, Ayurveda); the formation of fault-based liability (negligence, intent) and compensation for damages in Roman law.*

The article demonstrates the evolution of perspectives on medical responsibility, moving from early forms based on objective outcomes and social status to more detailed legal norms that account for culpability and professional standards. The study emphasizes that even in antiquity, there was an awareness of the necessity for legal regulation of medical practice and the protection of patients' rights, thereby laying the groundwork for the further development of medical law.

Keywords: *Medical Liability in the Ancient East and the Classical World: A Historical-Legal Analysis.*

Вопрос об ответственности врачей, имеющий сегодня колоссальное значение для медицинской практики и правовой системы, уходит корнями в глубокую древность. Зачатки медицинского права, определявшие обязанности врачевателей и последствия ненадлежащего оказания помощи, можно обнаружить уже в правовых системах Древнего Востока и Античного мира. Уже в первых цивилизациях, на заре становления государственности и права, зарождались представления о границах дозволенного и недозволенного в деятельности лекарей. Риск врачебной ошибки, возможность причинения вреда здоровью и жизни, а также необходимость защиты пациентов от некомпетентности и злоупотреблений – эти пробле-

мы сопровождают медицинскую практику на протяжении всей истории человечества. Данная статья посвящена историко-правовому анализу ответственности врачей в праве стран Древнего Востока и Античного мира, выявляя как общие тенденции, так и специфические черты различных правовых систем.

Первые шаги к регламентации врачебной деятельности были предприняты в праве стран Древнего Востока. На Древнем Востоке, где правовые системы часто носили характер кодифицированных сводов законов, отражающих религиозные и социальные устои, мы находим одни из первых попыток законодательно регулировать медицинскую практику.

Законы Хаммурапи, датируемые примерно XVIII веком до нашей эры, являются одним из старейших и наиболее полных юридических кодексов Древнего мира. Созданные в Вавилонии, они представляют собой уникальный источник для изучения правовой мысли той эпохи, в том числе и в отношении регулирования профессиональной деятельности, включая медицину. Ответственность врачей в этих законах прописана с особой детализацией, отражая как ценность человеческой жизни, так и строгие общественные нормы.

Прежде чем перейти к конкретным статьям о врачах, важно понять общие принципы, на которых строилось правосудие Хаммурапи:

1. принцип талиона (Lex Talionis) известный как «око за око, зуб за зуб», этот принцип означал, что наказание должно быть равнозначно причиненному вреду. Однако он применялся избирательно и часто лишь при равенстве социального статуса сторон;

2. социальная стратификация. Законы Хаммурапи четко различают три основных социальных слоя:

- авилум (Awilum) – свободный человек, полноправный гражданин;

- мушкенум (Mushkenum) – полусвободный человек, зависимый или «бедняк», его статус был ниже авилума, но выше раба;

- вардум (Wardum) – раб, считавшийся собственностью;

3. наказания и компенсации значительно варьировались в зависимости от социального положения потерпевшего и виновного;

4. ориентация на результат, поскольку во многих случаях законы фокусировались на результате действия, а не на умысле или небрежности как таковых. Для врачей это имело ключевое значение.

Наиболее известные положения, регулирующие деятельность врачей (которые в шумерском языке назывались «asu»), содержатся в параграфах 215-223. Постатейный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Закон устанавливает высокий гонорар за успешное и сложное хирургическое вмешательство на свободном человеке, признавая высокую квалификацию и ценность такого труда[1]. Гонорар в два раза меньше, чем за свободного человека, что ярко демонстрирует принцип социальной стратификации[2]. За раба платится еще меньше, так как он является собственностью, а не личностью в полном смысле[3].

Ярким примером социального неравенства с точки зрения ответственности является § 218[4]. Это одна из самых известных и суровых статей. Она устанавливает объективную, безвиновную ответственность (strict liability). Неважно, была ли ошибка преднамеренной или случайной, или даже если врач сделал все возможное, но пациент умер. Если результат операции для свободного человека фатален или приводит к потере зрения, наказание – отсечение рук. Это не просто месть (талион), но и способ предотвратить будущую практику такого врача, лишив его возможности оперировать. В тоже время если умирает мушкенум[5], врач не теряет руки, а выплачивает компенсацию. Это подтверждает, что жизнь мушкенума ценилась меньше, чем жизнь свободного человека, и убыток расценивался как имущественный. Принимая во внимание, что раб – это собственность, то врач должен предоставить замену[6].

Принимая во внимание все вышеизложенное выделим ключевые характеристики медицинской ответственности по Законам Хаммурапи:

- Строгая объективная ответственность. Главное – результат. Если результат плох для пациента (смерть, потеря глаза), врач несет ответственность, независимо от того, насколько добросовестно он действовал. Это отличает от современного понимания ответственности, где ключевым является небрежность или умысел.

- Социальная дифференциация. Характер и тяжесть наказания напрямую зависят от социального статуса пациента. Жизнь свободного человека ценилась выше, чем мушкенума, а раб и вовсе рассматривался как имущество.

- Фокус на хирургические вмешательства. Большинство статей касаются «тяжелых операций бронзовым ножом» и «открытия бельма» (катаракты). Это указывает на то, что законодатель уделял особое внимание высокорисковым и сложным процедурам. Очевидно, что другие формы лечения (терапия, траволечение) могли регулироваться менее строго или вообще не подпадать под столь суровые статьи.

- Система вознаграждения и наказания. Законы Хаммурапи четко прописывают как гонорары за ус-

[1] § 215 «Если врач сделает человеку тяжелый надрез бронзовым ножом и излечит этого человека или снимет бельмо (?) человека бронзовым ножом и вылечит глаз человека, то он должен получить 10 сиклей серебра».
[2] § 216 «Если больной – кто-либо из мушкенумов, то он должен получить 5 сиклей серебра».
[3] § 217 «Если больной – раб человека, то господин раба должен отдать врачу 2 сикля серебра».
[4] § 218 «Если врач сделает человеку тяжелый надрез бронзовым ножом и причинит смерть этому человеку или снимет бельмо (?) человека бронзовым ножом и повредит глаз человека, то ему должно отрезать пальцы».
[5] § 220 «Если больной – кто-либо из мушкенумов, то он должен отдать 3 сикля серебра».
[6] § 219 «Если врач сделает тяжелый надрез бронзовым ножом рабу мушкенума и причинит смерть, то он должен возместить раба за раба».

пешное лечение, так и суровые санкции за неудачное. Это создавало сильный стимул для врачей быть компетентными и крайне осторожными при проведении операций.

- Превентивная функция наказания. Отсечение рук врача, причинившего смерть свободному человеку, служило не только возмездием, но и предотвращало его дальнейшую медицинскую практику, исключая возможность повторения ошибки.

Таким образом Законы Хаммурапи демонстрируют, что уже в Древней Вавилонии существовало четкое осознание уникальной ответственности, лежащей на медицинских работниках. Этот кодекс стал одним из первых юридических документов, который попытался систематизировать и формализовать отношения между врачом и пациентом, а также установить правовые рамки для врачебной деятельности. Хотя суровость и объективность наказаний по Законам Хаммурапи значительно отличаются от современных стандартов, они заложили основу для будущих правовых систем, которые продолжали развивать и уточнять концепции медицинской ответственности. Это был важный шаг в признании медицины как профессии, требующей не только знаний и мастерства, но и строгой юридической подотчетности.

Древний Египет, предлагают более сложную картину, где правовые нормы переплетаются с этическими, административными и даже магическими представлениями. В отличие от Месопотамии, в Древнем Египте не обнаружено столь же детализированных законодательных кодексов, прямо регулирующих ответственность врачей. Однако, имеющиеся источники (медицинские папирусы, исторические свидетельства Геродота, административные записи) позволяют реконструировать картину:

1. высокая специализация и государственная регламентация. Египетская медицина была высокоразвитой, с сильной специализацией (окулисты, дантисты, хирурги и т.д.). Многие врачи состояли на службе фараона или храмов, что подразумевало государственный контроль и административную ответственность;

2. принцип следования традиции и «Священной книге». Геродот сообщает, что врачи должны были лечить «согласно предписаниям из Священной книги». Отклонение от установленных, проверенных методов считалось недопустимым и могло повлечь за собой наказание, если лечение оказывалось неудачным. Это указывает на форму ответственности за несоблюдение профессиональных стандартов или протоколов;

3. отсутствие талиона для врачей. Нет свидетельств о том, что египетские врачи подвергались телесным наказаниям, подобным отсечению рук, как в Вавилонии, за врачебные ошибки. Наказания, вероятно, носили административный характер: лишение права заниматься практикой; потеря должности и государственного покровительства; штрафы; осуждение обществом и потеря репутации.

4. магический и религиозный компонент. Медицина в Египте тесно переплеталась с религией и магией. Неудача в лечении могла быть интерпретирована не только как врачебная ошибка, но и как несоблюдение ритуалов, что также влекло за собой последствия.

5. ценность жизни. Несмотря на отсутствие талиона, египтяне высоко ценили жизнь. Предполагается, что к врачам предъявлялись высокие требования, и халатность не оставалась без внимания.

Таким образом, Древний Египет, при всей развитости своей медицины и жесткой государственной регламентации, выделялся отсутствием столь суровых телесных наказаний. Ответственность здесь, по всей видимости, носила преимущественно административный характер, фокусировалась на соблюдении установленных традиций и протоколов, а также на потере статуса и репутации.

В Древней Индии, где медицина достигла значительного развития уже в древности, вопросы ответственности врачей регулировались как законодательными актами, так и этическими нормами, которые переплетались между собой. Изучение древнеиндийских текстов, таких как Артхашастра Каутильи и медицинские трактаты (Аюрведа), содержащих нормы, прямо или косвенно регулирующие деятельность врачей, позволяют сформировать представление о том, как понимали и обеспечивали надлежащее качество медицинской помощи в те времена. Другими словами, эти источники заложили основы для понимания профессиональной ответственности и компенсации за причиненный вред.

В «Артхашастре»[7] были прямо прописаны меры ответственности для врачей, что свидетельствует о признании их особой роли и потенциального риска их деятельности. Так, врач, предоставлявший некачественную медицинскую помощь, мог быть подвергнут штрафу. Размер такого штрафа не был фиксированным, а зависел от тяжести последствий для пациента и его социального статуса. Особое внимание уделялось незаконным операциям, особенно если они приводили к смерти или увечью – за такие действия предусматривалось наказание. Аналогичные санкции применялись и к врачам, уличенным в использовании некачественных или поддельных лекарств. Кроме того, «Артхашастра» выделяла отдельную категорию врачей, состоявших на государственной службе: их ответственность могла быть значительно выше, чем у частнопрактикующих специалистов, поскольку они несли прямую ответственность перед государством за здоровье его граждан и армии.

В отличие от «Артхашастры», «Законы Ману» не содержат столь же детализированных и прямых статей, касающихся исключительно врачебных ошибок. Регулирование здесь было скорее косвенным, основываясь на общих принципах права и морали. Ответственность врачей выводилась из более широких норм

[7] «Артхашастра» Каутильи (IV век до н.э.). Этот обширный трактат по государственному управлению, хотя и не являлся исключительно медицинским кодексом, уделял внимание вопросам контроля за врачебной практикой.

о возмещении вреда, причиненного личности или имуществу, а также из предписаний о добросовестном исполнении профессиональных обязанностей. В случае, если врач по небрежности или ошибке причинял увечье или иной ущерб, могли быть применены положения о компенсации. Значимую роль играли моральные и религиозные аспекты (дхарма), подчеркивающие долг и праведность. Хотя прямого талиона за врачебные ошибки не было, нарушение дхармы и причинение существенного вреда могли повлечь за собой не только юридические, но и кармические последствия.

Следует отметить, что, помимо «Артхашастры» и «Законов Ману», могли существовать и другие правовые акты или обычаи, регулировавшие медицинскую деятельность на различных уровнях власти и в разных регионах. Однако их тексты до наших дней не сохранились в полном объеме, что делает «Артхашастру» и «Законы Ману» ключевыми источниками для изучения правовой ответственности врачей в Древней Индии.

В Древней Индии, наряду с правовым регулированием, огромное значение придавалось этическим принципам врачебной деятельности, которые нашли свое отражение в медицинских трактатах Аюрведы, таких как «Чарака-самхита» и «Сушрута-самхита». Эти принципы, хотя и не обладали юридической силой закона, фактически формировали нравственный фундамент профессии врача, задавая высочайшие стандарты ответственности и отношения к пациенту.

Сердцевиной аюрведической этики являлось стремление к исцелению пациента и облегчению его страданий, обязанности врача – служение и совершенствование. Врач должен был ставить интересы больного выше собственных, руководствуясь принципом альтруизма и самоотверженности. Неотъемлемыми качествами врача считались умение сохранять конфиденциальность информации о пациенте, готовность оказывать помощь всем нуждающимся, независимо от их социального положения и религиозных убеждений, а также постоянное стремление к совершенствованию своих знаний и навыков.

Врачебная этика Аюрведы устанавливала строгие ограничения для деятельности врача, направленные на защиту интересов пациента и предотвращение злоупотреблений. Важнейшим из них являлся принцип «Primum non nocere» (прежде всего – не навреди). Врачу предписывалось воздерживаться от действий, которые могли нанести вред пациенту, а также избегать вступления в интимные отношения с пациентками, занятия колдовством или иными формами шарлатанства, разглашения медицинской тайны и отказа в помощи умирающим.

Нарушение этических принципов влекло за собой серьезные последствия для врача. В первую очередь, это было осуждение со стороны коллег и общества, что приводило к потере репутации и доверия пациентов. В зависимости от тяжести проступка, врач мог быть исключен из медицинской корпорации (если таковая существовала). В наиболее серьезных случаях, когда нарушение этических норм приводило к причинению вреда пациенту, могли применяться материальные санкции или даже уголовное наказание, предусмотренное законодательством. Однако главным сдерживающим фактором являлась моральная ответственность врача перед собой, своей совестью и обществом.

Таким образом, в Древней Индии законодательные нормы и этические принципы взаимодополняли друг друга. Законы устанавливали минимальные стандарты ответственности врачей, а этические нормы определяли более высокие требования к их профессиональной деятельности. Нарушение законодательных норм влекло за собой юридическую ответственность, а нарушение этических принципов – моральную ответственность перед коллегами, обществом и самим собой. Уникальное сочетание законодательного регулирования и этических принципов обеспечивало комплексный подход к обеспечению ответственности врачей. Хотя Аюрведа провозглашала равное отношение ко всем пациентам, на практике кастовая система могла оказывать влияние на доступ к медицинской помощи и на степень ответственности врача (как и в других древних обществах). Древнеиндийская медицинская этика, закрепленная в Аюрведе, оказала значительное влияние на развитие медицины в других странах мира.

Сравнительный анализ показывает, что все крупные цивилизации Древнего Востока признавали необходимость контроля за деятельностью врачей и устанавливали формы их ответственности. Однако подходы к этому вопросу значительно различались:

	Месопотамия (Законы Хаммурапи)	Древняя Индия (Артхашастра, Законы Ману)	Древний Египет
Источники права	Четкие кодифицированные законы (§§ 215-223)	Артхашастра (прямые нормы), Законы Ману (косвенные), Аюрведа (этика)	Отсутствие прямого кодекса; административные нормы, традиции, этика, «Священная книга»
Характер ответственности	Объективная (строгая), результат-ориентированная	Виновная (неумелое лечение); моральная (Ману, Аюрведа)	Административная, за несоблюдение стандартов/традиций
Виды наказаний	Членовредительство (отсечение рук), компенсации (серебро, раб)	Штрафы, компенсации. Моральное осуждение, религиозные последствия.	Административные санкции (лишение права практики, должности), потеря репутации, возможно штрафы.

Влияние соц. статуса	Критическое (разные наказания за свободного, мушкенума, раба)	Значительное (размер штрафа, доступ к помощи); кастовая система	Менее прямое в наказаниях, но влияло на доступ к лучшим врачам. Статус врача (царский) обеспечивал контроль
Фокус практики	Преимущественно хирургия	Широкий спектр лечения	Широкий спектр (терапия, хирургия), высокая специализация
Роль этики	Неявная, больше упор на правовую строгость	Очень сильная (Аюрведа, дхарма в Ману)	Значительная, через соблюдение традиций и «Священной книги»

В античном мире, особенно в Греции и Риме, медицина получила дальнейшее развитие, а правовые и этические нормы стали более детализированными. Именно здесь зародились многие принципы и концепции, которые легли в основу современной медицинской этики и права. Однако, правовое регулирование врачебной деятельности в Античности существенно отличалось от современных систем. Основной акцент делался на этические нормы, профессиональную репутацию и социальные факторы, а правовые механизмы привлечения к ответственности за врачебные ошибки были развиты в меньшей степени.

В Древней Греции, в отличие от более поздних периодов, регулирование деятельности врачей опиралось преимущественно на этические нормы, профессиональную репутацию и социальный контроль. Отсутствие четкой системы правовых норм, специально посвященных врачебной ответственности, определяло особый характер взаимоотношений между врачом и пациентом.

Медицинская практика в Древней Греции не была унифицированной. Существовало разнообразие врачей, отличавшихся по своему статусу, образованию и методам работы. Выделялись несколько основных категорий:

1. Странствующие врачи (периодевты)[8];
2. Государственные врачи (демосиевцы)[9];
3. Частные врачи[10].

Важной особенностью древнегреческой медицины было отсутствие единой системы лицензирования или контроля. Любой, обладавший определенными знаниями и навыками, мог называть себя врачом и заниматься медицинской практикой. Это создавало риски для пациентов, поскольку не существовало гарантий квалификации и компетентности.

Огромное значение для развития медицины в Древней Греции имела школа Коса, основанная Гиппократом[11]. Гиппократ и его последователи разработали систему медицинских знаний, основанную на наблюдении, опыте и рациональном подходе. Одним из наиболее известных памятников древнегреческой медицины является Клятва Гиппократа. Этот текст, приписываемый Гиппократу, представляет собой этический кодекс, определяющий моральные обязанности врача. Анализ содержания Клятвы позволяет выделить следующие основные принципы:

1. «Не навреди» (Primum non nocere) (главный принцип врачебной деятельности, требующий от врача избегать причинения вреда пациенту);

2. Конфиденциальность (врач обязуется не разглашать сведения о болезни пациента, полученные в ходе лечения);

3. Профессиональная этика (запрет на использование медицинских знаний во вред пациенту (например, для изготовления ядов), отказ от абортов и эвтаназии);

4. Обучение (обязанность делиться знаниями с учениками и продолжать обучение на протяжении всей жизни).

Важно отметить, что роль Клятвы Гиппократа была преимущественно этической и моральной, а не юридически обязывающей. Нарушение Клятвы не влекло за собой автоматических правовых последствий. Однако, Клятва служила ориентиром для врачей, определяя стандарты поведения и формируя представления о «добросовестном враче».

В Древней Греции отсутствовали детализированные законы, прямо регулирующие врачебную ответственность за ошибки. Как отмечалось выше, регулирование медицинской практики осуществлялось преимущественно через этические нормы и социальный контроль.

Репутация играла огромную роль в профессиональной жизни врача. «Плохой» врач, совершавший ошибки или нарушавший этические нормы, быстро терял доверие пациентов и мог быть изгнан из общины. Этот механизм социального контроля являлся одним из основных способов обеспечения качества медицинской помощи.

Несмотря на отсутствие специальных законов, существовали возможные формы ответственности за врачебные действия, причинившие вред пациенту:

[8] Эти врачи, подобно ремесленникам, перемещались из города в город, предлагая свои услуги населению. Они часто обладали практическими навыками и знаниями, но не всегда имели формальное медицинское образование.

[9] Некоторые города-государства (полисы) нанимали врачей для оказания медицинской помощи своим гражданам. Эти врачи занимали определенное положение в обществе и получали оплату от государства.

[10] Практиковали самостоятельно, оказывая услуги пациентам на платной основе. К этой категории относились как высококвалифицированные специалисты, получившие образование в известных медицинских школах, так и менее опытные врачи.

[11] Эта школа, вероятно, не была формальным учебным заведением в современном понимании, а скорее представляла собой сообщество врачей, разделявших определенные принципы и методы. Школа Коса оказала огромное влияние на развитие медицинской этики и деонтологии.

1. гражданско-правовые иски за мошенничество[12];

2. публичные обвинения в случае явного вреда, связанные с нарушением общественного порядка или обмана[13];

3. atimia (лишение гражданских прав) как крайняя мера за серьезные проступки, но редко применимо к медицинской ошибке как таковой[14].

Таким образом, в Древней Греции акцент делался на skill (искусстве) и art (мастерстве) врача, а не на фиксированные стандарты медицинской помощи. Оценка деятельности врача осуществлялась на основе его профессиональной репутации, этических принципов и опыта, а не на основе формальных правовых норм.

В отличие от Древней Греции, где этика и репутация играли доминирующую роль в регулировании врачебной деятельности, в Древнем Риме, с его развитой правовой системой, начинают формироваться более четкие и детализированные нормы, касающиеся ответственности медиков.

Римская юриспруденция отличалась высокой степенью развития и систематизации, что позволило постепенно инкорпорировать вопросы медицинской практики в правовое поле. Важную роль в этом сыграло значительное развитие юриспруденции и кодификации права, особенно в период поздней Республики и Империи.

Первоначально, приход греческих врачей в Рим стал катализатором для развития местной медицины. Долгое время римляне относились к врачам с недоверием, предпочитая домашние средства и магические ритуалы. Однако, с распространением греческой культуры и науки, а также по мере роста городов и усложнения общественной жизни, профессиональные медики стали востребованы. Это привело к росту числа медиков в Римской империи.

Социальное положение врачей в Риме претерпело значительную эволюцию. Изначально многие врачи были рабами или вольноотпущенниками, зачастую невысокого статуса. Однако, с течением времени, особенно в имперский период, некоторые врачи, особенно те, кто оказывал услуги высшим слоям общества или получал государственную поддержку (например, archiatri – государственные врачи), могли достигать высокого положения и даже получать гражданские привилегии, такие как освобождение от налогов и воинской службы. Это способствовало возникновению профессиональных стандартов, хотя они оставались преимущественно неформализованными и базировались на репутации и обучении.

Центральным элементом римского права, повлиявшим на институт ответственности врачей, стал Lex Aquilia (Закон Аквилия). Изначально этот закон, принятый в 286 г. до н.э., касался порчи чужого имущества и устанавливал ответственность за причинение материального ущерба. Однако, благодаря творческой интерпретации римских юристов, он был адаптирован для телесных повреждений и медицинских случаев. Врачебная ошибка, приведшая к ухудшению здоровья или смерти пациента, стала рассматриваться как «порча» его тела, то есть нанесение ущерба. Ключевым нововведением Закона Аквилия стало введение концепции culpa[15] (вины/небрежности) как основы ответственности. Это означало, что для привлечения к ответственности необходимо было доказать не просто неблагоприятный исход, но и небрежное или неумелое действие врача.

Закон Аквилия применялся к ситуациям, когда смерть или увечье пациента наступали из-за неумелой операции (например, хирург не смог правильно наложить повязку или провести ампутацию), неправильного назначения лекарств (врач дал не то лекарство или в неправильной дозировке) или недобросовестного ведения пациента (например, оставил больного без необходимого присмотра, что привело к ухудшению состояния).

Медицинские услуги в Риме часто рассматривались как locatio conductio operis (договор подряда на выполнение работы). В рамках этого договора врач обязывался выполнить работу (лечение) с должным усердием и квалификацией. Нарушение условий такого договора, например, невыполнение обещанных процедур или несоблюдение стандартов, принятых для данного вида услуг, могло повлечь ответственность. Пациент платил за конкретную услугу, и врач должен был ее предоставить на должном уровне.

Для оценки действий врача римское право использовало критерий diligens pater familias (заботливый глава семейства). Это означало, что врач должен был действовать с той же заботливостью и квалификацией, что и любой квалифицированный специалист в своей области. Оценка действий врача производилась на основе сравнения с действиями «хорошего» или «разумного» врача, обладающего соответствующими навыками и знаниями. Если врач действовал хуже, чем ожидалось от среднего специалиста, его действия могли быть признаны небрежными.

[12] Если врач давал заведомо ложные обещания относительно лечения или не выполнял своих обязательств, пациент мог подать иск о возмещении ущерба. Однако, иски за неблагоприятный исход лечения, не связанный с обманом, были маловероятны.

[13] В случаях, когда действия врача причиняли серьезный вред обществу или нарушали общественный порядок, могли быть предъявлены публичные обвинения.

[14] Эта форма наказания применялась в исключительных случаях, связанных с серьезными преступлениями против государства или общества. Однако, atimia редко использовалась в качестве меры ответственности за врачебные ошибки, если они не были связаны с преступным умыслом.

[15] Римские юристы различали несколько степеней culpa:

- culpa levissima (легчайшая небрежность) – упущение малейшей внимательности;
- culpa levis (легкая небрежность) – упущение заботливости, присущей доброму хозяину (diligens pater familias);
- culpa lata (грубая небрежность) – несоблюдение даже той минимальной степени заботливости, которую проявил бы самый нерадивый человек. Именно culpa lata часто приравнивалась к умыслу в гражданском праве;
- imperitia (неумение, некомпетентность) особо выделялась как форма culpa применительно к врачам. Некомпетентность врача, взявшегося за дело, требующее специальных знаний, расценивалась как проявление небрежности.

Римское право различало несколько видов ответственности для врачей, зависящих от характера и степени вины:

1. Гражданско-правовая ответственность[16];
2. Уголовная ответственность (редко)[17];
3. Административная ответственность[18].

Таким образом, Древний Рим сделал значительный шаг вперед в правовом регулировании медицинской ответственности, перейдя от исключительно этического подхода к системе, основанной на концепции вины и возможности возмещения ущерба, что заложило фундамент для дальнейшего развития медицинского права. Кроме того, существовали общие нормы римского права, которые могли применяться в случаях причинения вреда, например, нормы о деликтной ответственности (небрежность, причинение ущерба). Римские юристы различали ответственность за небрежность и умысел. Врач, действовавший по неосторожности или с намерением причинить вред, мог быть привлечен к ответственности: в случае причинения вреда пациент имел право требовать возмещения ущерба; врач, допустивший врачебную ошибку, повлекшую смерть пациента, мог быть привлечен к уголовной ответственности.

Несмотря на существенные различия в правовых системах и подходах к регулированию врачебной деятельности[19], в Древней Греции и Древнем Риме можно выделить и общие черты.

В обеих цивилизациях признавалась необходимость обладания врачом определенными знаниями и навыками. Хотя формальные требования к образованию и лицензированию отсутствовали, ценились опыт, мастерство и репутация.

И в Греции, и в Риме врачам предписывалось соблюдать определенные этические нормы, направленные на защиту интересов пациентов. Клятва Гиппократа, хотя и не имела юридической силы, являлась важным моральным ориентиром. Римские авторы также подчеркивали необходимость честности, справедливости и заботы о больных.

Кроме того, и в Греции, и в Риме социальное положение врача влияло на его авторитет и доверие пациентов. Врач, имевший связи в высших кругах общества или пользующийся поддержкой влиятельных лиц, вероятно, мог избежать сурового наказания за ошибку.

Статус пациента также мог влиять на исход дела. Врач, причинивший вред знатному и влиятельному человеку, подвергался большему риску, чем в случае с пациентом из низших слоев общества. При этом раб, получивший увечье от врача, вероятно, имел меньше шансов на возмещение ущерба, чем свободный гражданин.

Таким образом, социальное неравенство оказывало влияние на применение правовых норм и степень ответственности врачей.

Несмотря на историческую дистанцию, Античный мир заложил важные основы для современного медицинского права.

Римская концепция culpa (вины/небрежности) стала основой для современных представлений о врачебной халатности. Разграничение степеней вины позволяет определить меру ответственности врача в зависимости от характера допущенной ошибки.

В обеих цивилизациях проявлялось стремление к установлению определенных требований к квалификации и профессиональным качествам врачей. Хотя формальные стандарты отсутствовали, ценились знания, опыт, мастерство и этическое поведение.

Хотя в Античном мире не существовало развитой системы защиты прав пациентов в современном понимании, были сделаны первые шаги в этом направлении. Об этом свидетельствуют иски о мошенничестве, о нарушении условий договора, а также возможности требовать возмещения ущерба (в Риме), которые свидетельствовали о стремлении защитить права пациентов от некомпетентности и злоупотреблений со стороны врачей.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт ответственности врачей в Античном мире прошел значительную эволюцию, если в Древней Греции регулирование врачебной деятельности основывалось преимущественно на этических принципах, репутации и социальном контроле, то

[16] Была наиболее распространенной формой ответственности. Основным последствием было возмещение ущерба (damnum) пострадавшему пациенту или его наследникам. Расчет ущерба мог включать стоимость утраченной работоспособности (например, если пациент становился инвалидом и не мог выполнять свою работу), расходы на лечение, а также, в меньшей степени, моральный вред, хотя римское право в целом неохотно возмещало нематериальные убытки.

[17] Применялась в исключительных случаях. Она была зарезервирована для ситуаций, связанных с прямым умыслом врача, например, если он преднамеренно отравил пациента или совершил иное преступление с использованием медицинских знаний. В таких случаях могли применяться серьезные наказания, вплоть до изгнания или смертной казни, что подчеркивало общественную опасность таких деяний.

[18] Хотя и не всегда оформлялась как строгая юридическая мера, но имела значительные последствия. Врач мог понести наказание в виде лишения права практиковать (хотя формального лицензирования не было, указ магистрата мог запретить практику), а также утратить репутацию, что автоматически лишало его клиентуры и средств к существованию.

[19] Различия: Греция: доминирование этики, философии, репутации. Регулирование врачебной деятельности основывалось преимущественно на этических принципах, философских концепциях о «добродетельном враче» и общественной репутации медика; слабые правовые механизмы. Специализированные законы, регулирующие ответственность врачей, отсутствовали. Пациенты могли обращаться в суд с исками о мошенничестве или нарушении общественного порядка, но привлечь врача к ответственности за небрежность или врачебную ошибку было затруднительно.

Рим: развитое право, четкое определение вины (culpa). Римское право отличалось высокой степенью детализации и систематизации. Была разработана концепция culpa (вины/небрежности), ставшая основой для определения ответственности врачей; конкретные законы (Lex Aquilia). Закон Аквилия, хотя и изначально касался причинения вреда имуществу, был адаптирован для регулирования ответственности за телесные повреждения, в том числе и в результате врачебных ошибок; гражданско-правовые иски. Пациенты получили возможность подавать гражданские иски о возмещении ущерба, причиненного врачебной небрежностью.

Древнем Риме, благодаря развитию правовой системы, начали формироваться более четкие и детализированные нормы, касающиеся ответственности медиков, основанные на концепции вины и возможности возмещения ущерба.

Несмотря на географическую и хронологическую удаленность, правовые системы Древнего Востока и Античного мира имеют некоторые общие черты в регулировании ответственности врачей, такие как: признание ответственности врачей за ненадлежащее оказание медицинской помощи; зависимость ответственности от социального статуса пациента (в некоторых системах); различие между ответственностью за умысел и небрежность. Вместе с тем, существовали и существенные различия: степень детализации правового регулирования; виды наказаний за врачебные ошибки (от денежных штрафов до телесных наказаний); роль этических принципов в регулировании медицинской деятельности.

История регулирования ответственности врачей в Древнем Востоке и Античном мире демонстрирует стремление человечества к установлению порядка и справедливости в столь деликатной сфере, как здравоохранение. От суровых, но четких норм Законов Хаммурапи до более развитых правовых и этических систем Античности, эти древние законы заложили фундамент для современного медицинского права, подчеркивая фундаментальную ценность человеческой жизни и необходимость профессиональной добросовестности врачей. Изучение этого наследия помогает нам лучше понять истоки современных правовых подходов и важность постоянного совершенствования правового регулирования в медицине. Историческая преемственность очевидна. Основные принципы, заложенные в древности, стали фундаментом для современных систем регулирования медицинской ответственности, таких как концепция небрежности, стремление к профессиональным стандартам и защита прав пациентов.

Библиографический список

1. Волков И.М. Законы вавилонского царя Хаммураби с 8 рис. и карт. / И.М. Волков. – Москва: скл. изд: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1914. – IV, 80, с., 1 л. ил. ил. карт.; 21. – (Культурно-исторические памятники древнего Востока, Вып. 1).

2. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя, 1995. – 592 с.

3. Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, провер. и испр. Г.Ф. Ильиным. М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 361 с.

4. История государства и права зарубежных стран: в 2 ч./ Под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 351 с.

5. Каутилья. Артхашастра. М., 1959. – 793 с.

6. Покровский И.А. История римского права / Вступит. статья, пер. с лат., научн. ред. и коммент. А.Д. Рудокваса // Нева. 1999. – 531 с.

7. Утченко С.Л. Хрестоматия по истории Древнего Рима: Хрестоматия / Под ред. С.Л. Утченко. М.: Соцэкгиз, 1962. – 675 с.

8. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. Ред. Н.А. Крашенинникова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010, Т. 1. – 816 с.

9. Хрестоматия по истории Древнего Рима/ Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 1987. – 431 с.

Рецензент: Жолобова Г.А., и.о. заведующего кафедрой теоретико-правовых и исторических наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

СОКОЛОВА АННА ИГОРЕВНА
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, norma_m@inbox.ru

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SOKOLOVA ANNA IGOREVNA
PHD in Law, associate professor, associate professor of the Departments of Public Law Sciences Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, norma_m@inbox.ru

LOCAL SELF-GOVERNMENT THROUGH THE PRISM OF THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *Статья посвящена анализу определяющей роли Конституционного Суда Российской Федерации в формировании, сохранении и развитии отечественной конституционно-правовой модели местного самоуправления. Проанализированы ключевые правовые позиции высшего судебного органа конституционного контроля по различным институтам, составляющим систему местного самоуправления: его природе как основы конституционного строя, балансу самостоятельности и интеграции в единую систему публичной власти, территориальной и организационной основам, гарантиям права населения на самостоятельное решение вопросов местного значения. Особое внимание уделяется критическому анализу влияния нового Федерального закона от 20.03.2025 №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» на устоявшуюся модель местного самоуправления. Обосновывается тезис о неизбежном возвращении к практике абстрактного конституционного нормоконтроля в муниципально-правовой сфере. Подчеркивается непреходящее значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и их высокое значение для последующей оценки конституционности муниципальной реформы.*

Ключевые слова: *Конституционный Суд Российской Федерации, местное самоуправление, конституционная модель, правовые позиции, единая система публичной власти, муниципальная реформа, абстрактный нормоконтроль, муниципальные образования, поселенческий уровень, отзыв депутата.*

Review. *The article analyzes the pivotal role of the Constitutional Court of the Russian Federation (CC RF) in shaping, preserving, and developing the domestic constitutional-legal model of local self-government (LSG). It examines key legal positions by the highest judicial body of constitutional review concerning various institutions constituting the LSG system: its nature as a foundation of the constitutional order; the balance between autonomy and integration into a unified system of public authority; territorial and organizational foundations; and guarantees of the population's right to independently resolve issues of local significance. Particular attention is paid to a critical analysis of the impact of the new Federal Law No. 33-FZ dated March 20, 2025, «On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority,» on the established LSG model. The article substantiates the thesis of an inevitable return to the practice of abstract constitutional review in the municipal-legal sphere. The enduring significance of the CC RF's legal positions and their paramount importance for the subsequent assessment of the constitutionality of the municipal reform are emphasized.*

Keywords: *Constitutional Court of the Russian Federation, local self-government, constitutional model, legal positions, unified system of public authority, municipal reform, abstract constitutional review, municipal units, settlement level, recall of a deputy.*

Роль Конституционного Суда Российской Федерации не только в период демократизация политической системы и экономического развития страны, но и в условиях дестабилизации государственных и общественных устоев остается ведущей в развитии местного самоуправления. Высший судебный орган конституционного контроля сохраняет баланс между самостоятельностью местного самоуправления и его интеграцией в единую систему публичной власти. Решения Конституционного Суда Российской Федерации параллельно законодательному регулированию формируют «живую» конституционную модель местного самоуправления, адаптируя её к современным вызовам. А местное самоуправление, в свою очередь, остается основой конституционного строя, гарантии которой не ограничиваются законодательством, а на-

ходят свое отражение в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.

Порядок обращения в Конституционный Суд РФ за защитой местного самоуправления не имеет собственного правового регулирования и предусмотрен общими нормами главы V Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». В то же время для самого местного самоуправления конституционная юстиция имеет особое значение в силу решения значительного числа проблем, связанных с обеспечением реализации конституционного права на осуществление местного самоуправления и защиты его от нарушений нормативными правовыми актами и действиями органов государственной власти. Однако, представляется, что конституционный судебный процесс не ограничен защитой, а, в целом, обеспечивает формирование действующей конституционно-правовой системы местного самоуправления[1]. Муниципальные правоотношения находятся в перманентном реформировании с момента принятия Конституции Российской Федерации, но высшему судебному органу конституционного контроля удается сохранять конституционную концепцию местного самоуправления несмотря на многочисленные законодательные изменения.

За последние 10 лет большая часть вопросов, связанных с местным самоуправлением, рассматривалась в порядке абстрактного нормоконтроля[2], а в настоящее время – конкретного нормоконтроля. Принятие новой законодательной основы муниципально-правовой системы, Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ (далее – Новый закон), содержащего значительное число положений, не получивших одобрения экспертного и местного сообществ, не может не стать катализатором «реакции» конституционной юстиции на правовое регулирование наиболее близкого к населению уровня публичной власти. Следствием практической реализации обозначенных новелл визуализируются не столько определяемые разработчиками закона преимущества новой модели местного самоуправления, сколько новые «угрозы» для правовой системы и всех сфер общественных отношений. Наиболее значимой из которых представляется всесторонняя поддержка регионами проводимой территориальной реформы, «добровольный» отказ от поселений. Указанное опосредует утрату муниципальным правом тысяч своих «субъектов» – муниципальных образований, а с ними и десятки тысяч депутатов, глав, выборных должностных лиц и членов выборных органов; нарушение целостности конструкций «правосубъектности» и «дееспособности» наиболее близкого к населению уровня публичной власти, общим итогом обретение местным самоуправлением обозначенного в Новом законе характера «формы самоорганизации» граждан. Таким образом, все более явственным становится возвращение конституционной юстиции к практике абстрактного контроля в сфере местного самоуправления.

В решениях Конституционного Суда Российской Федерации устанавливаются сущностные характеристики местного самоуправления, они являются «нормативно-доктринальной основой для более четкой характеристики сущности местного самоуправления на законодательном уровне»[3]. Так, конституционной юстиций определяется, что:

· местное самоуправление является необходимой *формой осуществления власти народа* и составляет одну из *основ конституционного строя* Российской Федерации;

· граждане **имеют право на осуществление** *местного самоуправления* и реализуют его путем референдума, выборов, иных форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления[4];

· местные представительные органы являются органами власти, однако это *не свидетельствует об их государственной природе*[5];

· самостоятельность местного самоуправления не является абсолютной и определяет степень ответственности местного самоуправления[6];

· *пределы усмотрения* органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления *могут быть ограничены* федеральным законодательством исходя из интересов обеспечения прав граждан в сфере местного самоуправления и общих принципов его организации в Российской Федерации[7];

[1] Чихладзе Л.Т., Соколова А.И. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации о конституционной модели местного самоуправления: монография. М., 2025. С. 5.

[2] Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. М., 2010. С. 41-42.

[3] Бондарь Н.С. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. §®, 2014. С. 47.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. №15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений устава (Основного закона) Курской области в редакции закона Курской области от 22 марта 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в устав (Основной закон) Курской области» // Консультант-Плюс.

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. №3-П «По делу о проверке конституционности статьей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 г. «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // СПС КонсультантПлюс.

[6] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2022 г. № 2556 –О/2022 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации Орловского муниципального округа Орловской области на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части 1 статьи 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также пунктом 6 части 1 статьи 13 и частью 3 статьи 15 Федерального закона «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» // СПС Консультант Плюс.

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. №17-П. «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

· *применение* к органам местного самоуправление государственных мер *ответственности,* и это **не** может быть рассмотрено *нарушением* принципа *самостоятельности* местного самоуправления[8].

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации изначально признавал местное самоуправление самостоятельным видом или уровнем публичной власти[9], и в дальнейшем четко дифференцировал публичную власть на государственную и муниципальную[10]. Особенности реализации права на осуществления местного самоуправления согласно правовым позициям высшего судебного органа конституционного контроля состоят в том, что органы государственной власти обязаны создавать условия правового, организационного, экономического характера, необходимые для развития местного самоуправления, а также *содействовать населению в осуществлении права его на местное самоуправление*[11]. То есть субъектом права на самостоятельное осуществление муниципальной власти, непосредственно и через органы местного самоуправления, определено население муниципального образования[12].

Территориальная организация является одной из важнейших основ местного самоуправления. Виды муниципальных образований строго не связаны с административно-территориальным делением[13], их перечень является открытым и устанавливается в соответствии с законами субъектов Российской Федерации с учетом исторических и иных местных традиции. Кроме того любое изменение территориальных основ местного самоуправления согласно правовым позиция Конституционного Суда Российской Федерации не может приводить к отказу от него, а возможность полного упразднения местного самоуправления на определенной территории противоречит положениям Конституции Российской Федерации[14].

Согласно поправке 2020 г. к ст. 131 Конституции Российской Федерации «Местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом. Территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций».

В то же время ни исключение из положений Конституции Российской Федерации о городских и сельских поселениях как видов муниципальных образований, ни установления Нового закона о возможности сохранения поселенческой организации местного самоуправления только в качестве альтернативы одноуровневой модели и только в силу социально-экономических, исторических и иных особенностей, – не предполагает умаления определенных Конституционным Судом Российской Федерации достоинств и преимуществ поселений.

Первичный (нижний) или **поселенческий** (сельские и городские) территориальный **уровень** осуществления местного самоуправления *ориентирован на самоорганизацию* граждан. Соответственно здесь **потенциал личного участия** жителей более *высок*, чем в муниципальном районе или в городском округе[15].

Таким образом, если в Новом законе закладывается правовая конструкция определения местного самоуправления через форму самоорганизации, а виды муниципальных образований, ориентированных на ее достижение, указываются по остаточному принципу – **формируется логическая или даже конституционная ошибка, которая в дальнейшем потребует разрешение конституционной юстицией.**

Конституционный Суд Российской Федерации формирует устойчивые правовые позиции о том, что уровень, на котором создаются муниципальные образования, должен способствовать близости ор-

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 1997 № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 49 Федерального закона от 28.08.1995 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» // СПС КонсультантПлюс.

[9] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 02 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // СЗ РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22.03.1999 «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области»» // СПС КонсультантПлюс.

[12] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. №7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // СПС КонсультантПлюс.

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 1997 г. №15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 ноября 1996 года «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // СПС КонсультантПлюс.

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. №15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного закона) Курской области от 22 марта 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Устав (основной закон) Курской области» // СПС КонсультантПлюс.

[15] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. №30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

ганов местного самоуправления к населению в целях наиболее полного и рационального решения вопросов местного значения. По верному замечанию высшего судебного органа конституционного контроля, центральное место[16] в действующем законодательном регулировании местного самоуправления отведено закреплению форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления, как и в легальном определении формы решения вопросов местного значения населением самостоятельно поставлены на первое место, перед деятельностью органов местного самоуправления.

При этом конституционной юстицией определяется взаимосвязь организационной и территориальной основ местного самоуправления[17]. В частности, определяется, что депутаты представительных органов поселения находятся в непосредственных отношениях с избирателями, что соответствует их избранию с применением мажоритарной избирательной системы, то есть в таких видах муниципальных образований *более эффективной является мажоритарная избирательная система*. Кроме того, согласно экспертному заключению, подготовленному Институтом законодательства и правовой информации имени М.М. Сперанского от 1 июня 2011 г., применение только пропорциональной избирательной системы исключает возможность реализации института отзыва как механизма привлечения депутата к ответственности и, не предполагая введение иного механизма влияния населения на депутатов представительного органа муниципального образования, лишает его возможности осуществлять действенный контроль за деятельностью избранных им депутатов[18].Последний в свою очередь можно рассмотреть и в качестве средства самоорганизации населения.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации условия отзыва депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления содержат гарантии, исключающие произвольную оценку деятельности, а также не основанное на действительной воле населения досрочное прекращение полномочий должностных лиц местного самоуправления[19]. Соответственно, они направлены на обеспечение избирательных прав граждан и на судебную защиту прав отзываемого лица, а тем самым – на реализацию закрепленных в Конституции Российской Федерации принципов народовластия (ст. 3) и самостоятельности местного самоуправления (ст. 12). Таким образом, голосованием по отзыву не должно умалятся значение выявленного в ходе выборов волеизъявления избирателей и должна обеспечиваться охрана его результатов. При этом возможность практической реализации отзыва на протяжении 20 лет была фактически «заблокирована» громоздким механизмом реализации и правовым (не политическим, «утратой доверия» или каким-либо иным) основанием – конкретными противоправными решениями, действиями или бездействием в случае их подтверждения в судебном порядке.

При этом с точки зрения правовой природы подобная правовая конструкция института отзыва предполагала собой фактически форму досрочного прекращения полномочий депутата (аннулирование полномочий или импичмент) как дополнительную меру конституционно-правовой ответственности за правонарушение, в силу определения последнего в судебном порядке, а не жителями, как не правомочным (не компетентным) субъектом в сфере правоприменения. Отзыв в той форме, в которой он существует в отечественной правовой системе более 20 лет, с момента принятия Федерального закона № 131, не обеспечивал связь депутата и местного сообщества, содержал внутреннюю логическую ошибку.

Однако, отказ от прямого включения института отзыва в Новый закон не предполагает собой исключение его из правовой системы. Представляется, что из открытого перечня форм непосредственной демократии в сфере местного самоуправления в рамках конституционной юстиции может быть определена идеальная модель отзыва на будущее время, которая помимо прочего может и должна представлять собой меру позитивной ответственности, не допускающую утраты доверия местного сообщества депутатом и являться действительной формой негативной муниципально-правовой ответственности, перед населением, как основанной на его воле, применяемой в чрезвычайных случаях, когда контакт депутата с избирателями потерян, и доверие к нему уже невозможно восстановить.

---

[16] Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 454-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маракушина Федора Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 25 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Вестник Центризбиркома РФ. 2010. № 9.

[17] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2011 г. №15-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и частей 2 и 3 статьи 9 закона Челябинской области «О муниципальных выборах в Челябинской области» в связи с жалобами уполномоченного по правам человека Российской Федерации и граждан И.И. Болтушенко и Ю.А. Гурмана» // СПС КонсультантПлюс.

[18] Экспертное заключение Иркутского областного государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и правовой информации имени М.М. Сперанского» // Избирательное право. 2011. № 4 (16). С. 44-56.

[19] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2022 г. № 3162–О/2022 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аксеновой Елены Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 333 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и положениями части 2 статьи 24 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Конституционной юстицией[20] неоднократно формулировался вывод о то, что взаимодействие в единой публичной власти неизбежно и определяется интеграцией органов местного самоуправления в общую институциональную систему осуществления на соответствующей территории функции демократического социального государства. В то же время особую актуальность сегодня и приобретает потребность в переосмыслении разграничения компетенции между Российской Федерацией, ее субъектами и органами местного, и за последними во многих случаях признавались *только регулятивные полномочия*[21], подлежащих законодательному ограничению[22]. В Новом законе учреждаются три группы полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения:

- не подлежащие перераспределению между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации;

- которые могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации,

- в отношении которых законом субъекта Российской Федерации может быть принято решение об осуществлении органами местного самоуправления в целях обеспечения жизнедеятельности населения.

Вводится модель *участия* органов местного самоуправления *в осуществлении не переданных им государственных* полномочий.

При этом сохраняются правовые конструкции осуществления органами местного самоуправления *отдельных государственных полномочий, права органов местного самоуправления на осуществление полномочий, не отнесенных* к полномочиям органов местного самоуправления. Законодательно структура компетенции местного самоуправления усложняется.

Таким образом, избранная законодателем правовая конструкция функциональной основы организации местного самоуправления подлежит критической оценке не только по форме, но и по содержанию. В правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации вновь и вновь подчеркивалось, что конституционная природа местного самоуправления как наиболее приближенного к населению уровня публичной власти состоит в предназначении для решения именно вопросов местного значения с учетом исторических и иных местных традиций[23]. Несмотря на позицию законодателя по «исключению» вопросов местного значения из правовых конструкций компетенционной или функциональной основы местного самоуправления, с точки зрения доктрины они признаются конституционной ценностью, а с позиции практики нуждаются в непосредственном и первичном решении на муниципальном уровне исходя из интересов местного сообщества.

Из изложенного следует вывод о том, что Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях всегда обеспечивает единство правовой системы, адаптируя конституционные нормы к изменяющимся общественным отношениям. Местное самоуправление не является исключением. Муниципальные правоотношения, перманентно преобразуясь с момента конституционализации местного самоуправления и более трех лет находясь на стадии активного обсуждения экспертным и местным сообществом, с 19 июня 2025 года вместе с Новым законом вступили на новый этап развития. И несмотря на то, что Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ стал четвертым в истории правового регулирования организации власти на местах в современной России, ранее принятые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в большинстве своем не теряют своей актуальности. Более того юридическое сообщество ожидает восполнение новых правовых пробелов и разрешение вновь выявленных правовых коллизий высшим судебным органом конституционного контроля в целях сохранения и развития конституционно-правовой природы местного самоуправления.

[20] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС КонсультантПлюс.

[21] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2021 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, части 7 статьи 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», а также абзаца двадцать второго части 1 статьи 2, пункта 25 части 1 статьи 16 и пункта 3 части 2 статьи 45.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г.С. Дадашова, И.Н. Касимова и других» // СПС Консультант Плюс.

[22] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05 декабря 2019 г. № 3274-О «По жалобе гражданина Субботина Константина Сергеевича, Жилищно-строительного кооператива № 70 и Ассоциации содействия жилищному самоуправлению «Пермский стандарт» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем двадцать вторым части 1 статьи 2, пунктом 19 части 1 статьи 14, пунктом 25 части 1 статьи 16, пунктом 10 части 1 статьи 162 и пунктом 3 части 2 статьи 451 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» // СПС Консультант Плюс.

[23] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05 декабря 2019 г. № 3273-О «По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Североуральский городской округ»» // СПС Консультант Плюс.

Библиографический список

1. Бондарь Н.С. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 5. / Н.С. Бондарь. – М.: Юнити-Дана, 2014. – 198 с.

2. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации о конституционной модели местного самоуправления: монография / Л.Т. Чихладзе, А.И. Соколова. – М.: Юнити-Дана, 2025. – 183 с.

3. Судебная защита местного самоуправления / Е.С. Шугрина. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 336 с.

4. Экспертное заключение Иркутского областного государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и правовой информации имени М.М. Сперанского» // Избирательное право. – 2011. – № 4 (16). – С. 44-56.

Рецензент: Архирейская Т.Ю., к.ю.н., доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

ТОМИНА АЛИНА ПАВЛОВНА
кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская д.50, oAPTomina@msal.ru

ЕРИН АНДРЕЙ КИРИЛЛОВИЧ
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

TOMINA ALINA PAVLOVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Private Law Sciences, Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 460000, Orenburg, st. Komsomolskaya St., 50, oAPTomina@msal.ru

ERIN ANDREY KIRILLOVICH
Student of OI21-O-SPETS1 5rd year, Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTING CONSTITUTIONAL AND LEGAL MEANS OF ENSURING PUBLIC SAFETY

Аннотация: *В данной статье рассматривается вопрос определения специфики участия прокурора в административном судопроизводстве в рамках обеспечения общественной безопасности. Данная деятельность охватывает широкий спектр задач и функций, так как прокуратура играет значимую роль в защите прав, свобод и законных интересов граждан, поддержании правопорядка и обеспечения общественной безопасности. В данной работе показана роль прокурора по выявлению несоблюдения и нарушения прав и свобод со стороны поднадзорных органов, в ходе рассмотрения дел судами в административном судопроизводстве.*

Ключевые слова: *прокуратура, прокурор, КАС РФ, права граждан, судопроизводство, общественная безопасность*

Abstract: *This article examines the specifics of the prosecutor's role in administrative proceedings within the context of ensuring public safety. This activity encompasses a wide range of tasks and functions, as the prosecutor's office plays a significant role in protecting the rights, freedoms, and legitimate interests of citizens, maintaining law and order, and ensuring public safety. This paper examines the prosecutor's role in identifying violations and breaches of rights and freedoms by supervised bodies during the consideration of cases by the courts in administrative proceedings.*

Keywords: *prosecutor's office, prosecutor, Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, citizens' rights, legal proceedings, public safety*

Рассмотрение в соотношении категорий «национальная безопасность» и «общественная безопасность» предопределяет анализ и всестороннюю оценку важных и первостепенных основ государственной деятельности, включающих сферу национальной безопасности, куда в качестве составной части входит комплекс разных по адресату, содержанию, времени проведения, а также итоговой оценке – направлений деятельности различных субъектов, что призвано гарантировать обеспечение общественной безопасности.

Под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также

от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера[1].

Комплекс мер, составляющих систему обеспечения общественной безопасности, не является однажды заданным на нормативном уровне и неизменным явлением. В длительной временной перспективе он неизбежно модифицируется посредством «реализации политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер»[2].

Логично, что общественная безопасность предполагает и поливариантный набор конституционно-правовых средств обеспечения, к числу которых, в том числе, можно обоснованно отнести выраженное в ст. 46 Конституции Российской Федерации право на судебную защиту. Специфика выражения такого права являет собой полномочие судебного вмешательства в сферу отношений, где имеет место угроза, либо уже нарушена общественная безопасность в ее конкретном, применительно к определенной сфере, значении.

Механизм защиты прав в отечественном законодательстве многообразен, предполагает существование альтернативы, а поэтому необходимо в нем выделять не только судебную форму защиты субъективных публичных прав, свобод и интересов человека и гражданина, но и как отдельное правовое явление так называемую «государственную защиту», которая может быть определена и раскрыта, в том числе, как активно функционирующий механизм, в котором очень важная функциональная роль отведена прокуратуре Российской Федерации. Правозащитная деятельность, реализуемая органами прокуратуры, имеет важное значение в условиях непрерывного реформирования как самой судебной системы структурно, так и порядка осуществления правосудия в разных видах судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ). Идея обеспечения общественной безопасности предопределяет необходимость существования целого комплекса мер (в том числе, касающихся деятельности прокурора), имеющих разный содержательный характер.

В соответствии с п. 5 Концепции, необходимо выделение, прежде всего, организационных мер, которые включают и характеризуют внутрисистемную функцию прокурора, проявляющуюся, в том числе, во взаимоотношениях с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Специфика информационных мер выражена в функциональных направлениях совместной работы прокуратуры и средств массовой информации, а также включают важные направления взаимодействия с общественностью. Наконец, ключевое значение имеют правовые меры, предполагающие набор определенных законом действий прокурора, выражают основополагающие направления деятельности прокуратуры.

Осуществляя свою деятельность в рамках административной юстиции, в том числе, при рассмотрении ряда специфичных административных дел, прокурор руководствуется необходимостью ориентироваться на реализацию целей прокуратуры, на всестороннее и исчерпывающее выполнение задач определенного вида прокурорской деятельности (например, надзорного или другого), что в совокупности позволяет сформулировать выводы относительно качества работы прокуратуры в целом.

Иерархия действий, совершаемых прокурором в рамках реализации правозащитной функции, может быть представлена как стандартный алгоритм, включающих совокупность мер правового характера, и состоящий в следующем. Так, первоначально прокурор должен обладать информацией относительно нарушения закона, допущенного в действиях каких-либо субъектов. Далее следует необходимый правовой анализ имеющейся информации с целью принятия решения о необходимости прокурорского реагирования, что в итоге направлено на предупреждение и пресечение нарушений закона, их предупреждение, и, безусловно, возмещение вреда, если он был причинен. Все сказанное составляет ту нормативную базу, которая представляет собой необходимую правовую почву для обеспечения реализации функций прокурора в любой процедуре, предусматривающей его участие.

Оценивая на государственном уровне потребности в участии работников прокуратуры в типичных и не типичных видах судопроизводства, можно обобщить, что главной целью по-прежнему остается реализация возложенных на органы прокуратуры функций по защите нарушенных или оспариваемых прав граждан и охраняемых законом интересов общества и государства, что предполагает разные формы участия. Нормативная база, из содержания которой возможно узнать ответ на вопрос об особенностях и объеме полномочий прокурора в административном судопроизводстве, состоит из нескольких немногочисленных основных источниках[3]. Уяснение места прокурора среди участников процессуальных правоотношений в административном судопроизводстве позволяет сделать необходимые выводы о роли прокуратуры как ключевого звена правоохранительных органов в системе административной судебной юстиции, кроме того, таким образом возможно выявить специфику характера взаимодействия прокурора и

[1] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 20.11.2013 г. № Пр-2685. URL: http://cons-001:20101/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=154602&dst=1000000001&cacheid=90D37CAA45DB6C9D29E1CFCB089D80BB&mode=splus&rnd=PqaDTzUoewtNSlHC#bniDTzUgzE7Fl9fO1 (дата обращения: 12.10.2025); Гринько С.И. Общественная безопасность Российской Федерации: состояние и дальнейшие шаги развития // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 3.

[2] Опалева А.А., Опалев А.В. Принципы обеспечения безопасности государства // Современное право. 2024. № 2. С. 22-26.

[3] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 11.02.2026) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1// СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; Приказ Генпрокуратуры России «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» от 11.01.2021 № 2 (ред. от 19.10.2022) // Законность. 2021. № 2.

иными субъектами – как имеющими непосредственную заинтересованность, так и помогающими (содействующими) осуществлению правосудия.

Законодатель отнес прокурора к группе лиц, имеющих определенный специфический вид заинтересованности – государственную или общественную. Вследствие чего он имеет возможность выступать в административном деле: как лицо, которое правомочно давать заключения по делу – например, дела об оспаривании нормативных правовых актов); как административный истец – если принято процессуальное решение о необходимости подать административное исковое заявление, в соответствии с ч.2 ст. 38 КАС РФ; а также в качестве административного ответчика, имеющего возможность реализовывать публичные полномочия. Административное исковое заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина, являющегося субъектом административных и иных публичных правоотношений, может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может осуществить собственными действиями право на защиту. При этом в заявлении должно содержаться обоснование невозможности предъявления иска самим гражданином.

То есть, если в ходе осуществления прокурором законодательно предписанных функций будут обнаружены признаки правонарушения, это может послужить основой, в том числе, для обращения прокурором в суд – как вариант (один из наиболее распространенных) – прокурорского вмешательства в отношения, требующие внимания государства.

По смыслу 39 КАС РФ, полномочие прокурора на обращение с административным исковым заявлением, подаваемым в защиту прав и законных интересов гражданина, ограничено. Так, это возможно только если в силу убедительных и веских обстоятельств самостоятельная защита гражданином своих прав не может быть осуществлена.

О.В. Гречкина справедливо отмечает, что «функция надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, обязывающая прокурора вставать на защиту нарушенных прав, напрочь забыта»[4]. При этом, необходимо учесть тот факт, что категории дел, традиционно принадлежащих «административной юстиции» и долгие годы рассматриваемые в гражданском судопроизводстве, не утратили данной специфики и в настоящее время. А, следовательно, не только допустимо, но и необходимо применение позитивного опыта применения норм - а именно, включение в КАС РФ положений, аналогичных тем, что закреплены в Гражданском процессуальном кодексе РФ, и определяющих возможность для прокурора инициировать производство, направленное на защиту интересов граждан по их просьбе, независимо от ограничений.

Избыток научного внимания характерен для вопроса о том, насколько объем полномочий прокуратуры как надзорного органа соотносим и обусловливает объем прокурорских полномочий в процессе. Это справедливо, поскольку, как известно, в целях обеспечения законности в процессе рассмотрения судами дел принимают участие и иные субъекты, защищающие от имени государства права, свободы и интересы, в частности, граждан. Поэтому справедливо считать, что специфичные цели прокуратуры в совокупности предопределяют и объем функциональной роли прокурора. «Прокурор в судебном процессе прежде всего является представителем государства, который руководствуется не личными, а государственными интересами, его требования направлены на защиту других лиц. Отнесение же прокурора к процессуальным истцам по делу не позволяет определить его особый правовой статус в процессе и потому представляется недопустимым»[5].

Веские аргументы, с которыми нельзя не согласиться, приводит К.С. Юдельсон: «Основания участия прокурора в процессе всегда едины – осуществление законоохранительной функции»[6]. Изложенное можно увидеть в ст. 17 Федерального закона о прокуратуре Российской Федерации и приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»[7]. Прокурор как представитель государства выполняет свою должностную функцию, не являясь при этом субъектом спорного правоотношения, даже в тех случае, когда предъявляет заявления в суд в интересах других лиц, он остается представителем государства, основной задачей которого является защита государственных и общественных интересов. Поэтому прокурора возможно характеризовать в качестве уникального субъекта административного судопроизводства, обеспечивающего защиту прав и свобод человека, законность действий всех участников процесса, оказывающего помощь суду в осуществлении правосудия. Указанные характеристики дают возможность определить прокурора «в качестве полифункционального субъекта административного судопроизводства с формально определенным статусом»[8].

Вряд ли будет преувеличением определить деятельность прокурора как аналитическую и оценочную, поскольку во всех случаях, когда принимаются меры для обеспечения прав и свобод и интересов конкретных субъектов судопроизводства, прокурор оце-

[4] Гречкина О.В. Полномочия прокурора в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 73.

[5] Гадиятова М.В. Участие прокурора при рассмотрении гражданских дел судами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 17.

[6] Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 103.

[7] Приказ Генпрокуратуры России «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» от 11.01.2021 № 2 (ред. от 19.10.2022) // Законность. 2021. № 2.

[8] Загвязинская О.А., Астахова М.А. Функциональный статус прокурора как субъекта административного судопроизводства // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 81.

нивает, имеются ли к тому соответствующие основания. Причем, данный тезис справедлив не только по отношению к деятельности прокурора в рамках судопроизводства конкретного вида, но и применительно к участию в рассмотрении дела уполномоченным органом. Кроме того, аналитическая и оценочная деятельность с точки зрения правовой квалификации присутствует и в случае, если к прокурору заинтересованные субъекты направляют обращение лично.

Материальные отношения – многоаспектны и специфичны, а потому модифицирована и детализирована как процессуальная форма, так и процедура разрешения спорных ситуаций. Одним из аспектов такого многообразия является и то, что спор не всегда имеется между субъектами, находящимися между собой в равном положении. Такой спор соответствует «классическим канонам» и рассматривается по правилам искового производства, известным со времен римского права. Вызывает больший интерес другая ситуация, когда в состоянии спора, правового конфликта находится «сильный» и «слабый» - гражданин и государство, которое действует посредством органов, должностных лиц и других субъектов. В указанных случаях роль прокуратуры трудно переоценить, так она, хотя являясь по сути органом государства (то есть, будучи принадлежащей к сильной стороне), тем не менее, призвана обнаруживать предотвращать и разрешать правовые конфликты. То есть, прокуратура должна обеспечивать исполнение нормативно-правовых предписаний как гражданами, так и государственными и местными органами власти и их должностными лицами.

Но это всего лишь один из важных аспектов участия прокурора в административном судопроизводстве, который может быть охарактеризован как опосредованное обеспечение общественной безопасности. Поскольку современный период развития общественных отношений обусловливает новые потребности государственного вмешательства в сфере охраны общественной безопасности, другим важным аспектом ее обеспечения в Российской Федерации является необходимость участия прокурора в рамках следующих категорий дел.

Обратимся к ст. 265.1. КАС РФ: прокурор наделен возможностью обращения в суд с административным исковым заявлением о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее также – административное исковое заявление о признании информации запрещенной).

Глава 27.2 КАС РФ предполагает возможность участи прокурора по делам о признании информационных материалов экстремистскими[9] . По смыслу главы 27.3 КАС РФ, Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель обладают полномочием обратиться с административным исковым заявлением о приостановлении запрета деятельности организации, включенной в единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, либо об отмене такого приостановления (далее – административное исковое заявление о приостановлении запрета деятельности либо об отмене такого приостановления).

Представляется, что в рамках перечисленных категорий дел участие прокурора в наибольшей степени выражает заинтересованность государства в обеспечении практического осуществления и реального действия конституционно-правовых гарантий, которые напрямую связаны с осуществлением такого важного правового аспекта, как общественная безопасность.

В целом многоаспектность обеспечения государством системы мер, направленных на защиту общественной безопасности, можно свести к уже устоявшемуся в доктрине пониманию законности и принципу законности, в соответствии с которым под ним подразумевается нормативно-руководящее положение, в силу которого государством создается такая система законодательства и гарантирующих мер, позволяющих его качественно исполнять, что соблюдение правовых предписаний в том виде, в котором они изложены в законодательстве, позволяет гарантировать определенный результат. Поэтому к данному определению относимы и уровень правосознания, и система действий и мер, имеющих превентивный характер.

Архитектура прокурорских процедур, направленных на обеспечение защиты как прав, так и свобод и законных интересов, построена на нескольких важных составляющих. Прежде всего, квалификация отношений и решение вопроса о необходимости реагирования могут быть никак не связаны с необходимостью проводить специальную проверку. Также возможно и необходимо различать акты прокурорского реагирования. Большое значение имеют те особенности, которые характерны для порядка участия прокурора в рассмотрении обращения определенным органом. В частности, речь идет о правилах, в рамках которых рассматривается представление или протест, что предполагает анализ норм, регламентирующих отношения в сфере судопроизводства конкретного вида.

Таким образом, обеспечение прокурором общественной безопасности посредством участия в рассмотрении определенных категорий дел в рамках административного судопроизводства может являться существенной и имеющей практическое значение конституционной гарантией прав, свобод и охраняемых законом интересов.

[9] Латышева Н.А. Судопроизводство по административным делам о признании информационных материалов экстремистскими (в контексте новаций судебного делопроизводства) // Российский судья. 2025. № 2. С. 46-50.

Библиографический список

1. Булгакова Л.С., Гуреева О.А. Участие прокурора в административном судопроизводстве в схемах и таблицах. Учебное пособие. – Санкт-Петербург, 2022. – 71 с.

2. Гадиятова М.В. Участие прокурора при рассмотрении гражданских дел судами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.

3. Гречкина О.В. Полномочия прокурора в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 11. – С. 73-74.

4. Гринько С.И. Общественная безопасность Российской Федерации: состояние и дальнейшие шаги развития // Административное право и процесс. – 2023. – № 8. – С. 3-8.

5. Загвязинская О.А., Астахова М.А. Функциональный статус прокурора как субъекта административного судопроизводства // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 76-85.

6. Латышева Н.А. Судопроизводство по административным делам о признании информационных материалов экстремистскими (в контексте новаций судебного делопроизводства // Российский судья. – 2025. – № 2. – С. 46-50.

7. Опалева А.А., Опалев А.В. Принципы обеспечения безопасности государства // Современное право. – 2024. – № 2. – С. 22-26.

8. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. – М., 1956. – 439с.

Рецензент: Ефимцева Т.В., д.ю.н., профессор кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

ЧЕРЕПАНОВА АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНА
юрист Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия 66074, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а, Cerepanovaa079@gmail.com

ПОХОЛКОВА АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА
юрист Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия 66074, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а; 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а, alexandrapoholkova@yandex.ru

БИОЭТИКА В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

CHEREPANOVA ANASTASIYA DMITRIEVNA
practicing lawyer, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice,Irkutsk, Russia, 23a, Cerepanovaa079@gmail.com

POHOLKOVA ALEXANDRA ANATOLYEVNA
practicing lawyer, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice,Irkutsk, Russia, 23a, alexandrapoholkova@yandex.ru

BIOETHICS IN THE CONTEXT OF LEGISLATION ON SURROGACY

Аннотация. *В представленной статье анализируется суррогатное материнство как сложное явление, находящееся на пересечении биоэтики, медицины и права. Освещаются современные вызовы, связанные с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), и раскрываются противоречия между правом ребёнка на знание своих генетических истоков, защитой автономии суррогатной матери и предотвращением коммерциализации репродукции. Особое внимание уделяется правовому регулированию суррогатного материнства в России: рассматриваются понятие и основные виды суррогатного материнства, проанализированы этические и юридические аспекты разделения коммерческих и некоммерческих моделей. Представлен сравнительный анализ международного опыта регулирования суррогатного материнства — от либеральных моделей США до жёстких ограничений и запретов во Франции, Великобритании и ряде азиатских стран.*

Ключевые слова: *суррогатное материнство, биоэтика, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), правовое регулирование, права ребенка*

Annotation. *This article analyzes surrogacy as a complex phenomenon situated at the intersection of bioethics, medicine, and law. It highlights contemporary challenges associated with the use of assisted reproductive technologies (ART) and exposes contradictions between the child's right to know their genetic origins, the protection of surrogate mother autonomy, and the prevention of reproductive commercialization. Particular attention is paid to the legal regulation of surrogacy in Russia: definitions and main types of surrogacy are considered, and ethical and legal aspects of dividing commercial and non-commercial models are examined. The article includes a comparative analysis of international approaches to surrogacy regulation—from liberal models in the United States to strict restrictions and bans in France, the United Kingdom, and several Asian countries.*

Keywords: *surrogacy, bioethics, assisted reproductive technology (ART), legal regulation, child's rights*

В последние десятилетия рост числа случаев использования суррогатного материнства обусловлен демографическими вызовами, увеличением уровня бесплодия и развитием репродуктивных технологий.

Суррогатное материнство сопровождается появлением сложных правовых и этических коллизий, требующих системного анализа и выработки чётких нормативных решений.

Во-первых, недостаточная проработка механизмов информированного согласия, а также отсутствие единых стандартов по обеспечению психологической и медицинской поддержки для всех участников процесса нередко становятся причиной судебных споров и социальных конфликтов. Данные вопросы детально анализируются в работе В.В. Момотова, где подчёркивается необходимость сбалансированного подхода, учитывающего интересы как носителей генетического материала, так и суррогатных матерей[1].

Во-вторых, важнейшим аспектом является проблема коммерциализации репродукции и риска экс-

[1] Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex Russica. 2019. №1 (146) С. 29-39.

плуатации женщин, выступающих в роли суррогатных матерей. Российское законодательство, закреплённое в статье 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», запрещает заключение коммерческих договоров, предусматривающих вознаграждение сверх компенсации документально подтверждённых расходов[2]. Тем не менее в практической плоскости сохраняются схемы, позволяющие обходить этот запрет за счёт формального обозначения выплат «возмещением расходов», что противоречит принципам биоэтики и создаёт риски для здоровья женщин и прав ребёнка.

В-третьих, международная практика демонстрирует широкий диапазон подходов к регулированию суррогатного материнства – от полного запрета и строгого государственного контроля до фактической либерализации рынка ВРТ. Международный опыт анализируется в работе P. Gerber и K. O'Byrne, где подчёркиваются как достоинства, так и уязвимые места различных моделей регулирования суррогатного материнства за рубежом[3].

Данные обстоятельства обуславливают актуальность исследования, направленного на выявление биоэтических вызовов, оценку существующих правовых механизмов и разработку рекомендаций по совершенствованию нормативно-правового регулирования суррогатного материнства в России.

Рассмотрим, теоретико-правовые основы суррогатного материнства. В научной литературе выделяют два основных вида суррогатного материнства: гестационное и традиционное. Так, гестационное суррогатное материнство характеризуется тем, что суррогатная мать не является генетическим донором ребёнка. Оплодотворение яйцеклетки осуществляется в условиях клиники при помощи спермы и яйцеклетки биологических (генетических) родителей или доноров, а эмбрион переносится в полость матки суррогатной матери. Анализ гестационного суррогатного материнства представлен в работе Ю.С. Печегиной и соавторов, где подробно описаны медицинско-биологические и юридические этапы процедуры[4].

Традиционное суррогатное материнство подразумевает использование яйцеклетки самой суррогатной матери для оплодотворения, чаще всего методом искусственной инсеминации семенной жидкостью генетического отца или донора. В этом случае суррогатная мать одновременно является генетическим донором, что создаёт дополнительные этические дилеммы и юридические коллизии. В работах Печегиной Ю.С. приводятся аргументы против традиционного подхода, основанные на принципах невмешательства в целостность личности ребёнка и недопустимости двойной роли одной и той же женщины в качестве донора и носителя генетического материала.

Таким образом, разграничение гестационного и традиционного суррогатного материнства является важным этапом теоретико-правового анализа, поскольку позволяет обосновать целесообразность применения каждой из форм в законодательном регулировании и определить соответствующие защитные механизмы для всех участников процесса.

Законодательно разделение «возмещения расходов» и «коммерческого вознаграждения» направлено на предотвращение экономической эксплуатации женщин и на недопущение превращения суррогатного материнства в источник прибыли.

Е.Г. Столярова в своём исследовании считает, что обход законодательного запрета вознаграждения суррогатных матерей, противоречит не только букве, но и духу закона, поскольку сохраняют экономический стимул и риски эксплуатации, не обеспечивая должного контроля за расходованием средств[5].

Конвенция Овьедо призывает государства-участники не допускать практик, противоречащих защите прав человека и достоинства, в том числе использования женщин в качестве суррогатных матерей в коммерческих целях[6]. Формальное соблюдение «безвозмездности» в российском законодательстве нередко нивелируется отсутствием четких процедур контроля, что подчёркивает необходимость введения более детализированных требований к учету и проверке расходов суррогатных матерей.

Я.В. Мочалова в своём исследовании акцентирует внимание на необходимости законодательного и договорного обеспечения права ребёнка знать информацию о биологических родителях и происхождении[7]. Отсутствие единой справочно-правовой базы, определяющей допустимый объём и порядок раскрытия сведений о генетических родителях, а также механизм реализации этого права при достижении ребёнком совершеннолетия или по требованию компетентных органов, служат примером проблем, выделенных автором.

Разрешение конфликта предоставления доступа ребёнка к информации о генетическом происхождении также требует чёткого законодательного механизма. Должны быть установлены унифицированные процедуры регистрации данных, признания прав ребёнка на идентичность и контроля за действием соглашений между всеми участниками суррогатного процесса, а также гарантия сохранения психологического баланса интересов для сторон.

Вторая фундаментальная дефиниция состоит в том, что российское и зарубежное законодательство

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 55) // СЗ РФ. 2011. № 48.

[3] Crawshaw M. Surrogacy, Law and Human Rights / ed. by P. Gerber, K. O'Byrne // The International Journal of Children's Rights. Leiden : Brill, 2016.

[4] Печегина Ю.С., Сергеев В.В., Шмелёв И.А. Правовые аспекты суррогатного материнства // ВЭПС. 2021. № 3. С. 45-52.

[5] Столярова Е.Г. Суррогатное материнство как биоэтическая проблема и его правовое регулирование // Молодой ученый. 2018. № 24. С. 120-126.

[6] Конвенция о защите прав человека и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Овьедо, 4 апреля 1997 г.) // Сборник международных договоров. 1997.

[7] Мочалова Я.В. Биоэтические проблемы суррогатного материнства // Вестник университета. 2023. № 4. С. 448-452.

в теории признают право женщины самостоятельно решать вопросы, связанные с её здоровьем, включая добровольное участие в программах суррогатного материнства. Однако на практике автономия суррогатной матери часто подвергается прямому или косвенному ограничению как в силу медицинских обстоятельств, так и вследствие давления со стороны заказчиков, посредников и медицинских организаций.

Процедура информированного согласия уже проводится в большинстве случаев, однако исследования судебной практики и жалоб показывают, что во множестве случаев она либо формализована, либо проводится с существенными нарушениями — например, не учитываются индивидуальные психофизиологические особенности женщины, не обеспечивается доступ к независимой юридической помощи, отсутствуют адекватные меры психологической поддержки на всех этапах беременности и последующей передачи ребёнка заказчикам.

Нарушение протокола информированного согласия ведёт к целому ряду биоэтических и юридических коллизий. Прежде всего, это риск эксплуатации и психологического давления, вплоть до принуждения к вынашиванию или отказу от ребёнка в нарушение собственных убеждений. Во-вторых, неполная или недостоверная информация о медицинских рисках может привести к существенному ущербу здоровью суррогатной матери – от физиологических осложнений беременности до посттравматических расстройств, связанных с отчуждением ребенка. В результате подобных нарушений участники процесса нередко обращаются к суду для разрешения конфликтов, что затягивает решение проблемы и создаёт негативные социальные последствия.

Путь преодоления подобных сложностей лежит через введение строгих стандартов и мониторинга выполнения процедур информированного согласия, расширение прав суррогатной матери на получение независимой юридической помощи, психологического сопровождения и медицинских консультаций вплоть до стадии заключения и расторжения договора.

Третьей крупной биоэтической проблемой становится коммерциализация репродуктивных услуг и риск превращения суррогатного материнства в форму экономической эксплуатации женщин.

Е.Г. Столярова в своей работе подробно исследует опасности коммерциализации суррогатного материнства. Экономический интерес ведёт к нарушению норм международного права, зафиксированных в пунктах 12-14 Конвенции Овьедо и пунктах 5-7 Всеобщей декларации ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека, где прямо запрещаются любые формы торговли человеческим телом и коммерциализации отношений, связанных с рождением, уходом и воспитанием ребёнка.

На международном уровне признано, что борьба с коммерциализацией суррогатного материнства требует последовательной государственной политики, внедрения жёстких мер контроля над деятельностью посредников, прозрачных процедур учёта и расходов, активного взаимодействия с правозащитными организациями, а также создания специальных механизмов отслеживания медицинских и психологических последствий программы для женщин и детей.

Наконец, четвёртой важнейшей биоэтической проблемой становится защита прав генетических и социальных родителей в программах суррогатного материнства. Социальные родители – это лица, которые осуществляют уход и воспитание ребёнка, хотя могут не являться его биологическими родителями. Генетические родители – доноры яйцеклетки и/или спермы, обладающие правом на биологическое родство с ребёнком.

Российское законодательство до сих пор не установило единую процедуру признания юридического статуса родителей – решение этого вопроса часто переносится в судебную плоскость или определяется по договору сторон, что приводит к затяжным конфликтам и порой травмирующим для ребёнка судебным разбирательствам.

Опыт зарубежных стран показывает, что внедрение специализированных проверочных органов, унифицированных договорных форм и активного участия медико-этических, юридических и психологических служб существенно снижает число прецедентов и конфликтов, связанных с определением прав родителей.

Особое внимание заслуживают модели, реализуемые в странах Северной Америки и Европы, поскольку их анализ позволяет выявить преимущества и риски разнообразных законодательных стратегий, а также возможные направления совершенствования российского законодательства.

Лучшие современные практики связаны с обязательной юридической проверкой договоров, введением систем психологического сопровождения и медицинской экспертизы для всех участников. Так, в Калифорнии обязательна предварительная письменная консультация сторон с независимым юристом, а также сертификация договоров через регистрационные органы (Gerber & O'Byrne, глава 4). Кроме того, разработаны рекомендательные стандарты ассоциаций репродуктивной медицины (ASRM), которые предусматривают психологическое тестирование суррогатной матери на предмет осознанности и готовности к потенциальным биоэтическим и личностным рискам.

Европа куда более сдержанна в отношении института суррогатного материнства и, как правило, склоняется к ограничительной либо даже запретительной политике. Во Франции и Германии законодательно отказались от суррогатного материнства, а за нарушение данного запрета была введена уголовная ответственность (Trimmings & Beaumont, с. 201–202)[8]. В Великобритании, напротив, с 1985 года разрешены

[8] International Surrogacy Agreements: Legal Regulation at the International Level / ed. by K. Trimmings, P. Beaumont. Oxford: Hart Publishing, 2013. 549 p.

только некоммерческие формы суррогатного материнства, причём соглашение не имеет исковой силы и не может быть исполнено в судебном порядке. Британское законодательство предусматривает обязательное посредничество профессиональных агентств, а также фиксирует приоритет интересов ребёнка (Trimmings & Beaumont, с. 204–205).

Опыт Испании, Италии, Швеции также указывает на то, что рассматриваемый институт либо традиционно запрещён (за исключением случая суррогатного материнства за границей), либо строго контролируется с помощью обширной системы допусков и запретов. Таким образом, Европа демонстрирует жёсткую приверженность принципу неприкосновенности тела, автономии женщины и превалирования этических стандартов над экономическими интересами.

В начале 2000-х В Индии было разрешено суррогатное материнство, однако отсутствие действенного контроля над качеством обслуживания, прозрачностью финансовых операций, а также принятием суррогатных матерей в уязвимое социальное положение привели к появлению злоупотреблений — например, случаи отказа клиентов забирать ребёнка, урезания выплат, эксплуатации бедных слоев населения и даже возросшего трафика детей (Gerber & O'Byrne, гл. 7).

Реакцией властей на данные риски стало ужесточение законодательства: сегодня Индия запрещает предоставление услуг суррогатного материнства иностранным гражданам, ограничивает участие посредников и вводит квоты на проведение ВРТ только в зарегистрированных медицинских учреждениях. Несмотря на это, практика показывает, что серая зона, нелегальные агентства и коррупционные схемы всё ещё существуют.

Международно-правовое пространство в вопросах биоэтических и юридических стандартов суррогатного материнства формируется на базе ряда ключевых многосторонних документов. Центральной среди них считается Конвенция о защите прав человека и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция Овьедо, 1997), устанавливающая принцип приоритета человеческой личности, уважения автономии и недопустимости превращения тела и его функций в товар. Для государств-участников это означает приверженность предельно строгим критериям допустимости любых медицинских вмешательств с участием третьих лиц – в том числе суррогатного материнства.

Очень важно, что международные стандарты запрещают экономическую эксплуатацию и дискриминацию, прямо предписывают государствам вводить санкции за нарушение прав участников и поощряют регулярный мониторинг практики.

В успешных правопорядках (например, Великобритания, Израиль, некоторые штаты США), допуск к программе суррогатного материнства возможен только после обязательной независимой оценки – медицинской, этической, финансовой и психологической – сторон сделки. Выдвигается в качестве стандарта наличие прозрачных соглашений с чётко закреплёнными правами и обязанностями участников, механизмов урегулирования споров, а также гарантий доступа к информации и поддержке на всех этапах.

Для российской модели целесообразно заимствование лучших зарубежных практик в части создания сервисов сопровождения – обязательного консультирования сторон, введения независимых комитетов по оценке рисков и стандартов договоров, более строгой административной ответственности за несоблюдение правил и развития системы мониторинга практики суррогатного материнства. Такой подход позволит сбалансировать интересы всех сторон, защитить наиболее уязвимых участников и повысить доверие общества к существующим институтам.

Библиографический список

1. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex Russica. – 2019. – № 1 (146). – С. 29-39.

2. Мочалова Я.В. Биоэтические проблемы суррогатного материнства // Вестник университета. – 2023. – № 4. – С. 448-452.

3. Печегина Ю.С., Сергеев В.В., Шмелёв И.А. Правовые аспекты суррогатного материнства // ВЭПС. – 2021. – № 3. – С. 45-52.

4. Столярова Е.Г. Суррогатное материнство как биоэтическая проблема и его правовое регулирование // Молодой ученый. – 2018. – № 24. – С. 120-126.

5. Crawshaw M. Surrogacy, Law and Human Rights / ed. by P. Gerber, K. O'Byrne // The International Journal of Children's Rights. – Leiden: Brill, 2016. – p. 491-494.

6. International Level / ed. by K. Trimmings, P. Beaumont. – Oxford: Hart Publishing, 2013. – 549 p.

Рецензент: Яковенко Н.А., к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

Раздел второй

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

БАРИНОВ ЕВГЕНИЙ ХРИСТОФОРОВИЧ
доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры судебной медицины и медицинского права Российского университета медицины (РУМ); профессор кафедры судебной медицины медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), 127006, г. Москва, ул. Долгоруковская, 4, ev.barinov@mail.ru

СУНДУКОВ ДМИТРИЙ ВАДИМОВИЧ
доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, sundukov-dv@rudn.ru

ДЖУВАЛЯКОВ ПАВЕЛ ГЕОРГИЕВИЧ
доктор медицинских наук, профессор, руководитель группы патологии терминальных состояний Научно-исследовательского института морфологии человека имени академика А.П. Авцына Российского научного центра хирургии имени академика Б.В. Петровского; профессор кафедры судебной медицины медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), 117418, Москва, улица Цюрупы, 3, fred197490@gmail.com

БАШИРОВА АСИЯ РЕНАТОВНА
ассистент кафедры судебной медицины медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, bashirova-ar@rudn.ru

КАЛИНИН РУСЛАН ЭДУАРДОВИЧ
кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, kalinin-re@rudn.ru

СМИРНОВ АСКОЛЬД ВЛАДИСЛАВОВИЧ
кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН); доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, smirnov-avl@rudn.ru

САРГСЯН ШУШАН МХИТАРОВНА
ассистент кафедры судебной медицины медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, sargsyan_shm@pfur.ru

ВЫВОДЫ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОМ ПЛАНЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

BARINOV EVGENY KHRISTOFOROVICH

Doctor of Medical Sciences, professor, professor of the Department of forensic medicine and medical law of The Russian University of Medicine (RUM); professor of the Department of forensic medicine of the Medical Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN), 127006, Russia, Moscow, Dolgorukovskaya Street, 4, ev.barinov@mail.ru

SUNDUKOV DMITRY VADIMOVICH

Doctor of Medical Sciences, professor, Head of the Department of forensic medicine of the Medical Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN), 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6, sundukov-dv@rudn.ru

DZHUVALYAKOV PAVEL GEORGIEVICH

Doctor of Medical Sciences, professor, Head of the Group of Pathology of terminal conditions of the Scientific Research Institute of Human Morphology named after Academician A.P. Avtsyn, Russian Scientific Center of Surgery named after Academician B.V. Petrovsky; professor of the Department of forensic medicine of the Medical Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN), 117418, Russia, Moscow, Tsyurupy Street, 3, fred197490@gmail.com

BASHIROVA ASIA RENATOVNA

assistant lecturer of the Department of forensic medicine of the Medical Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN), 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6, bashirova-ar@rudn.ru

KALININ RUSLAN EDUARDOVICH

PhD in Medicine, assistant lecturer of the Department of forensic medicine of the Medical Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN), 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6, kalinin-re@rudn.ru

SMIRNOV ASKOLD VLADISLAVOVICH

PhD in Medicine, associate professor of the Department of forensic medicine of the Medical Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN); associate professor of the Department of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6, smirnov-avl@rudn.ru

SARGSION SHUSHAN MKHITAROVNA

assistant lecturer of the Department of forensic medicine of the Medical Institute, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN), 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya street, 6, sargsyan_shm@pfur.ru

CONCLUSIONS OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATIONS IN THE MATERIAL AND LEGAL PLAN AND THEIR SIGNIFICANCE

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы, связанные с правовой оценкой выводов судебно-медицинской экспертизы по гражданским делам. Показано, что для оценки выводов судебно-медицинского заключения в материально-правовом и процессуальном плане необходимо установить их соответствие правилам медицины, правовым основаниям оказания медицинской помощи и волеизъявлению правообладателя, а также потребностям правосудия по конкретному делу, законным интересам сторон и поставленным перед судебно-медицинской экспертизой вопросам. В судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам» заключение эксперта должно давать возможность суду определить, насколько правомерным и обоснованным было воздействие на здоровье, учитывая добровольное согласие пациента, и отделить его от действий, не соответствующих медицинским стандартам или предпринятых без согласия пациента, что необходимо для правильной квалификации действий и вынесения справедливого судебного решения.*

Ключевые слова: *заключение эксперта, выводы, судебно-медицинская экспертиза, медицинская услуга.*

Review. *The article discusses issues related to the legal assessment of the conclusions of the forensic medical examination in civil cases. It is shown that in order to evaluate the conclusions of the forensic medical report in the substantive and procedural terms, it is necessary to establish their compliance with the rules of medicine, the legal basis for providing medical care and the will of the copyright holder, as well as the needs of justice in a particular case, the legitimate interests of the parties and the issues raised before the forensic medical examination. In forensic medical examinations of «medical cases», the expert's opinion should enable the court to determine how legitimate and justified the effect on health was, taking into account the patient's voluntary consent, and to separate it from actions that did not meet medical standards or were undertaken without the patient's consent, which is necessary for the correct qualification of actions and a fair judicial decision.*

Keywords: *expert opinion, conclusions, forensic medical examination, medical service.*

Судебная процедура осуществляется в рамках процессуального законодательства. В то время как суд делает свои выводы, опираясь на правовую оценку, судебно-медицинская экспертиза основывается на фактической оценке обстоятельств дела в соответствии с процессуальными требованиями. Между правовой и фактической оценкой этих обстоятельств может возникать значительное расхождение, вызванное различными факторами. Суд может прийти к правоприменительным выводам, основываясь на следующих ситуациях: неверном толковании ошибочной оценки фактических обстоятельств судебно-медицинской экспертизой; неверном толковании верной оценки фактических обстоятельств судебно-медицинской экспертизой; верном толковании ошибочной оценки фактических обстоятельств судебно-медицинской экспертизой; верном толковании правильной оценки фактических обстоятельств судебно-медицинской экспертизой.

В то же время первостепенная задача судебного органа заключается в адекватной квалификации произошедшего с точки зрения закона, опираясь на установленные факты. И обращение к услугам судебно-медицинской экспертизы для точной интерпретации обстоятельств дела – это необходимость, продиктованная отсутствием у суда специальных знаний в медицинской сфере. При этом суд не должен слепо полагаться на заключение экспертизы, так как его задача – критически оценить достоверность представленных данных. Поэтому суду требуются средства и методы для оценки обоснованности и релевантности выводов экспертов для принятия юридически верного решения. Ему необходимы инструменты для оценки заключений судебно-медицинской экспертизы на предмет их соответствия требованиям правоприменения.

В фокусе юридической оценки суда находятся не заключения экспертов в области судебной медицины, а реальные события, составляющие основу дела. Следовательно, адекватная юридическая квалификация фактических обстоятельств, опирающаяся на заключения судебно-медицинской экспертизы, достижима лишь при условии, что эти заключения точно отражают действительность. «Так, судебно-медицинское заключение будет являться пригодным для целей доказывания при соответствии его выводов следующим параметрам: 1. Основаны на фактах и обстоятельствах дела и не отклоняются от них. 2. Отражают соответствие правильной квалификации правонарушения и лишены каких-либо отклонений от нее. 3. Не препятствуют движению процесса, а сторонам не мешают в доказывании своей позиции в соответствии с принципом состязательности»[1].

В юриспруденции оценка заключений, вынесенных в рамках судебно-медицинских экспертиз, рассматривается с двух сторон. «Оценка выводов судебно-медицинских экспертиз в материально-правовом плане представляет собой их соответствие правилам медицины, правовым основаниям оказания медицинской помощи и волеизъявлению правообладателя; в процессуальном плане – потребностям правосудия по конкретному делу, законным интересам сторон и поставленным перед судебно-медицинской экспертизой вопросам как отправным началом для разрешения правового конфликта»[2]. Эти вопросы служат отправной точкой для разрешения возникшего правового спора.

В сфере судопроизводства, особенно при рассмотрении дел с медицинской составляющей, одной из наиболее сложных задач для суда является адекват-

[1] Баринов Е.Х., Баширова А.Р., Калинин Р.Э., Каменева К.Ю., Ромодановский П.О., Смирнов А.В., Сундуков Д.В., Черкалина Е.Н. Обоснованность заключения судебно-медицинской экспертизы по «медицинским» делам. М., 2022. С. 129.

[2] Баринов Е.Х. Судебно-медицинская экспертиза в гражданском судопроизводстве по медицинским делам. М., 2013. С. 113-114.

ная оценка результатов судебно-медицинской экспертизы. В гражданских делах, где медицинские специалисты могут выступать как в роли экспертов, так и в роли ответчиков, эта задача становится еще более запутанной. Если суд принимает ошибочные заключения экспертизы, это может привести к нарушению права ответчика на справедливое судебное разбирательство. С другой стороны, отказ суда от объективных выводов экспертизы в пользу позиции ответчика, не подкрепленной убедительными доказательствами, также недопустим, особенно если отсутствуют веские основания для сомнений в достоверности экспертного заключения. В подобных ситуациях суду необходимо проявлять особую осторожность и всесторонне изучать все представленные доказательства, чтобы избежать ошибочного решения.

Для того чтобы использовать результаты медицинской экспертизы как аргумент в судебном процессе, суд должен удостовериться, что их логика соответствует медицинским стандартам. На данный момент доказывание необоснованности заключения эксперта-медика возлагается на участников процесса.

«Если сторона ответчика как носитель специальных медицинских знаний имеет реальные шансы опровергнуть экспертные выводы, то сторона истца таковых – а равно любых иных – не имеет и не обязана иметь»[3]. В связи с этим напомним, что в соответствии с п.4 ст.12 Закона «О защите прав потребителей» при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара (работы, услуги).

Заключения, представленные судебно-медицинской экспертизой, иногда отражают точку зрения конкретной научной школы, игнорируя альтернативные научные перспективы. Это способно приводить к субъективности и необъективности экспертных оценок, в равной степени противореча интересам обеих сторон судебного процесса.

В связи с этим, перед судом встает необходимость проверки достоверности судебно-медицинского заключения и его соответствия общепринятым медицинским стандартам. Единственный способ обеспечить это – привлечение дополнительных экспертов, обладающих специализированными знаниями, для формирования независимого мнения. Таким образом, для обеспечения справедливости и объективности судебного разбирательства, необходимо избегать одностороннего подхода и учитывать различные научные точки зрения при оценке медицинских заключений. Привлечение независимых экспертов служит инструментом для достижения этой цели.

Важно отметить, что экспертное мнение в данном контексте направлено не на анализ фактических данных, которые были исследованы в рамках экспертизы, а на оценку заключений, сделанных по ее итогам. Во-вторых, учитывая состязательный характер судопроизводства, заключения экспертов должны быть равнозначно представлены обеими сторонами процесса. В-третьих, суд рассматривает не само по себе заключение специалиста, а обоснованность выводов экспертизы с точки зрения медицинских норм, подкрепленную аргументацией этого специалиста. Если эксперты подтверждают соответствие заключений судебно-медицинской экспертизы медицинским стандартам, то суд правомочен принять эти заключения в качестве доказательства по рассматриваемому делу.

Если суждение врачей-специалистов ставит под сомнение аргументированность заключений судебно-медицинской экспертизы, основанных на медицинских нормах, то суд должен отклонить их в качестве доказательств по рассматриваемому делу и инициировать проведение новой экспертизы.

В случае возникновения сомнений в корректности или обоснованности первоначального заключения, а также при наличии разногласий между заключениями различных экспертов, суд вправе назначить повторную судебно-медицинскую экспертизу по тем же вопросам, согласно пункту 2 статьи 87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Эта процедура предполагает поручение экспертизы другому, независимому эксперту или группе экспертов.

В случае расхождения позиций экспертов, судебной инстанции требуется определить, возможно ли разрешить возникшие сомнения в правомерности заключений судебно-медицинской экспертизы, основываясь на медицинских правилах. Для этого достаточно получить экспертную оценку по ключевым обстоятельствам дела.

Если мнения экспертов по фактическим обстоятельствам совпадают с заключениями судебно-медицинской экспертизы, суд должен инициировать проведение дополнительной судебно-медицинской экспертизы. В ситуациях, когда заключение эксперта представляется недостаточно ясным или полным, суд имеет право назначить дополнительную экспертизу, поручив ее проведение тому же или другому эксперту, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

В случае расхождения экспертного мнения по фактическим обстоятельствам дела с заключением судебно-медицинского исследования судебная инстанция должна инициировать проведение повторной судебно-медицинской экспертизы.

Также, суд обязан проверить соответствие заключения судебно-медицинской экспертизы юридическим принципам предоставления медицинской помощи. Если медицинская помощь предоставляется в рамках договора оказания медицинских услуг, един-

[3] Баринов Е.Х., Сундуков Д.В., Ковалев А.В., Романова О.Л. Судебно-медицинские экспертизы в гражданском судопроизводстве. М., 2019. С 69.

ственным законным основанием для ее предоставления является наличие данного договора. В ситуации, когда плательщик и получатель услуги совпадают, достаточным основанием является добровольное информированное согласие, являющееся частью этого договора. Однако, если стороны плательщика и получателя не совпадают, требуется отдельное добровольное информированное согласие. Если медицинская помощь оказана в порядке действий в интересах другого лица без поручения, то законность ее предоставления подтверждается последующим одобрением получателем выгоды. Отсутствие добровольного информированного согласия пациента или одобрения выгодоприобретателя лишает оказанную медицинскую помощь правовых оснований, что квалифицируется как деликт и подлежит соответствующему юридическому рассмотрению. Заключения, полученные в результате судебно-медицинского исследования, должны давать возможность судебному органу проводить разграничение оснований для предоставления медицинской помощи, опираясь не на медицинские, а на юридические параметры.

Суду также необходимо установить, насколько заключения судебно-медицинской экспертизы согласуются с выраженной волей лица, обладающего правом на здоровье и выступающего в роли истца. При этом изъявление воли правообладателя имеет значение как с точки зрения материального, так и процессуального права.

Решающее значение с точки зрения материального права имеет подтвержденное свободным согласием правомерное воздействие на здоровье. В связи с этим, задачей судебно-медицинской экспертизы является определение как соответствия оказанной медицинской помощи стандартам и нормативам в рамках выраженной воли пациента, так и степени отклонения от этих рамок. Заключение судебно-медицинского эксперта должно давать возможность суду определить, насколько правомерным и обоснованным было воздействие на здоровье, учитывая добровольное согласие пациента, и отделить его от действий, не соответствующих медицинским стандартам или предпринятых без согласия пациента.

Существенное процессуальное значение имеет выраженная в исковом заявлении воля лица, обладающего правом.

В случае, когда иск базируется на потребительском деликте, возникшем при предоставлении медицинских сервисов, он отделен от самой медицинской помощи как составляющей этих услуг. В связи с этим, судебно-медицинская экспертиза должна сосредоточиться на определении размера ущерба и установлении причинной связи с источником, который представляет собой не медицинскую помощь в чистом виде, а совокупность товарных (потребительских) элементов медицинских услуг.

Если в основе иска лежит информационно-аконсенсуальный деликт, то любое медицинское вмешательство и любой ущерб здоровью признаются незаконными, поскольку не соответствуют воле правообладателя. В этом случае предметом судебно-медицинской экспертизы становится исключительно оценка степени ухудшения здоровья истца.

Наконец, если исковое заявление основывается на ятрогенном деликте, то есть вреде, причиненном при оказании медицинских услуг, необходимо отделить его от правовых и профессиональных аспектов самой медицинской помощи.

Таким образом, заключения, полученные в ходе судебно-медицинского исследования, должны предоставлять суду возможность разграничить степень вреда, нанесенного здоровью в рамках медицинских предписаний и с согласия пациента, от незаконного посягательства. Иными словами, экспертиза обязана установить, является ли ущерб здоровью следствием правомерных действий (например, медицинского вмешательства с информированного согласия) или результатом преступного деяния. Это необходимо для правильной квалификации действий и вынесения справедливого судебного решения.

Библиографический список

1. Баринов Е.Х., Баширова А.Р., Калинин Р.Э., Каменева К.Ю., Ромодановский П.О., Смирнов А.В., Сундуков Д.В., Черкалина Е.Н. Обоснованность заключения судебно-медицинской экспертизы по «медицинским» делам. Учебное пособие. – Москва: РУДН, 2022. – 155 с.

2. Баринов Е.Х. Судебно-медицинская экспертиза в гражданском судопроизводстве по медицинским делам. – Москва: НП ИЦ «ЮрИнфоЗдрав», 2013. – 164 с.

3. Баринов Е.Х., Сундуков Д.В., Ковалев А.В., Романова О.Л. Судебно-медицинские экспертизы в гражданском судопроизводстве. Учебное пособие. – Москва: РУДН, 2019. – 104 с.

Рецензент: Ершова Ю.В., к.ю.н., доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

БЕРДЕГУЛОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА
кандидат юридических наук, доцент, Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), berdegulova-lyub@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

BERDEGULOVA LIUBOV ALEKSEEVNA
PHD in Law, Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), berdegulova-lyub@mail.ru

CURRENT ISSUES OF CIVIL LIABILITY IN THE PHARMACEUTICAL SECTOR

Аннотация. *Статья посвящена исследованию актуальных вопросов гражданско-правовой ответственности в фармацевтической сфере. В статье подчеркивается, что гражданское законодательство содержит лишь универсальный потребительский деликт специального характера, который не дифференцируется на уточненные подгруппы, связанные с отдельными видами потребительских правоотношений. Сделан вывод об оправданности введения в терминологическую систему потребительского и фармацевтического права понятие «потребительско-фармакологический деликт»; выделены его специфические признаки: особый характер товара, свойствами которого причиняется соответствующий вред; нормативная основа, применяемая исключительно к узкой группе отношений; специальный субъектный состав. Актуальной проблемой разрешения судами дел о возмещении вреда здоровью недостатками лекарственного препарата являются значительные трудности установления причинно-следственной связи, а также сложности назначения судебно-фармакологической экспертизы.*

Ключевые слова: *возмещение вреда, вред здоровью, деликт, деликтная ответственность, лекарственные препараты, фармацевтическая организация, потребительско-фармакологический деликт, причинно-следственная связь, противоправное поведение, введение в гражданский оборот, недостоверная информация.*

Annotation. *The article is devoted to the study of topical issues of civil liability in the pharmaceutical field. The article emphasizes that civil legislation contains only a universal consumer tort of a special nature, which is not differentiated into specified subgroups related to certain types of consumer legal relations. It is concluded that the introduction of the concept of «consumer pharmacological tort» into the terminological system of consumer and pharmaceutical law is justified; Its specific features are highlighted: the special nature of the product, the properties of which cause the corresponding harm; the regulatory framework applied exclusively to a narrow group of relations; a special subject composition. An urgent problem in the resolution by the courts of cases on compensation for harm to health due to drug deficiencies is the significant difficulties in establishing a causal relationship, as well as the difficulties in prescribing a forensic pharmacological examination.*

Keywords: *compensation for harm, harm to health, tort, tort liability, medicines, pharmaceutical organization, consumer and pharmacological tort, causal relationship, unlawful behavior, introduction to civil circulation, false information.*

Одной из стратегических и вместе с тем социальных задач любого государства является обеспечение права на здравоохранение, конституционные гарантии которого закреплены в ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации. Необходимым элементом механизма реализации указанного права признается создание условий для эффективного фармацевтического обеспечения, включая производство и реализацию безопасных и качественных лекарственных препаратов.

Проблема лекарственного обеспечения в условиях жесткой санкционной политики, введенных ограничительных мер в отношении Российской Федерации, в настоящее время стала одной из наиболее актуальных. Корректным будет употребить термин «фармацевтическая безопасность», содержание которого следует раскрывать через потребность обеспечения необходимым количеством фармацевтической продукции (лекарственных препаратов, медицинских изделий и других фармацевтических товаров), качества и безопасности товаров и услуг в фармацевтической сфере для потребителей. Для достижения цели обеспечения фармацевтической безопасности Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения (далее – Росздравнадзор) на постоянной основе проводятся мониторинговые и государственно-контрольные мероприятия.

Результатом, проведенных проверок в I квартале 2025 года стало признание надзорной службой в фармацевтической сфере недоброкачественными **более 206 серий** лекарственных препаратов, **восемь** серий

были признаны фальсифицированными[1]. В 2025 году Росздравнадзором было проведено 150 **плановых и 3174 внеплановых контрольных (надзорных) мероприятия** (134 выездные проверки и 58 инспекционных визитов) в отношении организаций, отнесенных к высокой категории риска. Итогом 607 внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий в рамках государственного контроля стало выявление 1870 нарушений обязательных требований для фармацевтических организаций[2]. При этом по сравнению с 2024 годом отмечается динамика роста числа контрольных (надзорных) мероприятий. В частности, в 2024 году было проведено 141 контрольное (надзорное) мероприятие, проведено 93 плановых контрольных (надзорных) мероприятия (86 выездных проверок и 7 инспекционных визитов) и 2862 внеплановых проверок в отношении организаций, отнесенных к высокой категории риска причинения вреда; выявлено 1561 нарушение обязательных требований. Тем самым, следует констатировать рост нарушений в фармацевтической сфере, обусловленный и большим охватом контрольно-надзорными мероприятиями[3].

Несмотря на существующие механизмы защиты прав граждан на охрану здоровья возможны случаи, что лекарственный препарат окажется недоброкачественным, чем причинит вред жизни или здоровью принимающего препарат лица.

В этом случае имеет смысл говорить о гражданско-правовом деликте, влекущем гражданско-правовую ответственность в фармацевтической практике.

Гражданское законодательство содержит лишь универсальный потребительский деликт специального характера, который не дифференцируется на уточненные подгруппы, связанные с отдельными видами потребительских правоотношений.

Поскольку речь идет о потребительских отношениях в фармацевтической сфере, то оправданно будет ввести в терминосистему потребительского и фармацевтического права понятие «потребительско-фармакологический деликт». Необходимо подчеркнуть, в терминообразовании правильнее будет использовать прилагательное «фармакологический», а не «фармацевтический», так как семантическое наполнение первой словесной единицы является более точным. Фармакология отражает характер и степень воздействия фармацевтической продукции на организм человека.

Специфическими признаками потребительско-фармакологического деликта являются: во-первых, особый характер товара, свойствами которого причиняется соответствующий вред; во-вторых, нормативная основа, применяемая исключительно к узкой группе отношений, в-третьих, специальный субъектный состав.

Отправной точкой выделения в самостоятельную группу потребительско-фармакологического деликта является специфика товара, которым признается фармацевтическая продукция, а именно лекарственные препараты. Здесь следует подчеркнуть, что данные понятия неидентичны, поскольку, как справедливо подчеркивает И.В. Фирсов, «под понятие лекарственных средств и медицинских изделий не подпадают фармацевтические субстанции, вспомогательные вещества, части, материалы и аксессуары»[4].

Разрешение гражданских дел о возмещении вреда, причиненного недостатками товаров фармацевтического характера, основывается на анализе совокупности нормативных установлений, которые включают как правовые нормы деликтного права, так и предписания фармацевтического права.

Безусловно, в первую очередь, суды руководствуются положениями параграфа 3 главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, где закреплен специальный деликт, предметом которого выступает причинение вреда недостатками товаров, работ и услуг. Специальные случаи ответственности за вред, причиненный потребительскими деликтами в фармацевтической сфере, урегулированы нормой статьи 69 Закона «Об обращении лекарственных средств»[5].

Отраслевое регулирование содержит специальные ведомственные акты, ключевая позиция среди которых принадлежит Государственной фармакопее Российской Федерации, утвержденной Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 377 (в настоящее время действует Государственная фармакопея Российской Федерации XV издания), содержащей 1119 статей, в том числе: 330 общих фармакопейных статей и 789 фармакопейных статей[6]. Фармакопейная статья в отношении соответствующего лекарственного средства устанавливается Министерством здравоохранения России и представляет собой нормативные требования, своеобразный стандарт, совокупность критериев, при соблюдении которых лекарственный препарат будет признаваться доброкачественным.

Вопросы производства государственного контроля Росздравнадзором регламентируются и конкретизируются постановлением Правительства Россий-

[1] Отчет о проведенных проверках Управлением лицензирования и контроля соблюдения обязательных требований Росздравнадзора в I квартал 2025 года. URL:https://roszdravnadzor.gov.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

[2] Отчет о проведенных проверках Управлением лицензирования и контроля соблюдения обязательных требований Росздравнадзора в 2025 году.. URL:https://roszdravnadzor.gov.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

[3] Итоговый доклад о правоприменительной практике при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения, утвержденный Приказом Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 20 февраля 2025 г. № 924. URL:https://roszdravnadzor.gov.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

[4] Фирсов И.В. Незаконное производство медицинской продукции: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 143-144.

[5] Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (ред. от 29 декабря 2025 г.) // СПС «Гарант».

[6] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 377 «Об утверждении общих фармакопейных статей и фармакопейных статей» // СПС «Гарант».

ской Федерации от 29 июня 2021 года № 1049 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере обращения лекарственных средств»[7]. Особая социальная значимость сферы лекарственного обозначения требует от государства и пристального внимания к лекарственному ценообразованию, которое должно быть регулируемым и не бесконтрольным. По мнению В.А. Внуковой, государственное регулирование цен на лекарственные средства не противоречит основополагающему принципу свободы договора[8]. 08 апреля 2025 года было принято новое Постановление Правительства Российской Федерации от № 462 «О государственном регулировании цен на лекарственные препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения»[9], целевая компонента которого направлена на особую группу лекарственных препаратов.

В результате анализа субъектного состава потребительско-фармакологического деликта, обнаружено, что в качестве кредитора выступает пострадавший потребитель, правовое положение которого не отличается от потребителя в иных правовых отношениях, в то время как на стороне должника – причинителя вреда выступает всегда специальный субъект – фармацевтическая компания, которая признана производителем соответствующего лекарственного препарата.

Здесь следует обратиться к терминологической дилемме: допустимо ли потребителя товара - лекарственного препарата именовать пациентом. Как известно, пациентом поименована сторона медицинского правового отношения. Однако, приобретатель лекарственного препарата не может считаться потребителем медицинской услуги. В данном случае, корректнее употреблять термин «потребитель фармацевтических товаров» либо же «потребитель лекарственного препарата».

Использование же термина «пациент» применительно к покупателю лекарственного препарата обусловлено тем, что он является одновременно участником разнонаправленной группы правовых отношений: медицинских и фармацевтических. Действительно, назначение медикаментозного лечения производится лечащим врачом, который может быть привлечен к юридической ответственности за некорректно назначенное лечение, ошибочные дозировки лекарственных препаратов в выписке, серьезные отступления от клинических рекомендаций при назначении лечения. Иными словами, врач может избежать ответственности при правильно назначенном лечении, в случае, когда вред причинен медикаментозным эффектом некачественного лекарственного препарата. И напротив, производитель фармацевтической продукции признается невиновным в причинении вреда здоровью граждан, если последний был порожден врачебной ошибкой, а не дефектами лекарственных препаратов.

Дискуссионным остается вопрос о распределении деликтной ответственности между производителем фармацевтической продукции и её продавцом – аптечной сетью. В подавляющем большинстве случаев лекарственные препараты приобретаются не напрямую у их производителей, а посредством заключения договора розничной купли-продажи с аптечной организацией.

Здесь следует разграничивать сферу и вид ответственности. Поскольку договор купли-продажи фармацевтических товаров заключен только организацией розничной торговли – аптекой или с аптечной сетью, то производителя лекарственных препаратов представляется возможным привлечь только к внедоговорной ответственности, возникающей вследствие причинения вреда. При этом, аптечная организация может быть привлечена к гражданско-правовой ответственности за любое отступление от условий договора, в том числе не повлекшего никакого вреда для потребителя. Особым случаем является изготовление лекарственных препаратов в аптеке. Как правило, речь идет о рецептурных лекарственных препаратов и зоне повышенной ответственности и фармацевта, и аптечной организации, в лабораторных условия которой был изготовлен соответствующий препарат.

В случае если имело место нарушение правил хранения, правил оптовой торговли, правил отпуска лекарственных препаратов или правил изготовления и отпуска лекарственных препаратов, то ответственность несет организация оптовой торговли лекарственными средствами, аптечная организация, индивидуальный предприниматель, медицинская организация, имеющие лицензию на фармацевтическую деятельность соответственно (ч. 2 ст. 69 Закона «Об обращении лекарственных средств»).

Содержанием потребительско-фармакологического деликта является противоправное деяние, которое совершается в форме появления в обороте товара с недостатками, а также размещения недостоверной информации о продукции. Необходимо подчеркнуть, что противоправное поведение совершается только активными действиями, поскольку сам характер правонарушения исключает бездействие фармацевтической организации.

Первый случай предусматривает ответственность за вред, причиненный вводом в гражданский оборот недоброкачественного лекарственного препарата

Часть 1 ст. 69 Закона «Об обращении лекарственных средств» содержит условия привлечения производителя к такой ответственности.

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2021 года № 1049 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере обращения лекарственных средств» // СПС «Гарант».

[8] Внукова В.А. Договор розничной купли-продажи лекарственных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 7.

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от № 462 «О государственном регулировании цен на лекарственные препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения» // СПС «Гарант».

Во-первых, возмещению подлежит вред здоровью граждан. В отличие от более общей нормы, представленной в статье 1095 ГК РФ и распространяющейся на случаи возмещение вреда, причиненного здоровью, жизни имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, действие статьи 69 Закона «Об обращении лекарственных средств» является значительно более ограниченным. В данном случае, полагаем, имеет место быть законодательный пробел, который выражается в том, что законодатель не допускает даже потенциальной возможности причинения вреда лекарственным препаратом не только здоровью, но и жизни пациента.

Обоснованным было бы внесение изменений в статью 69 Закона «Об обращении лекарственных средств», дополнив её после слов «Возмещение вреда, причиненного» словами «жизни». Что касается причинения вреда имуществу – в силу специфики отношений именно по применению лекарственного препарата, законодатель не видит возможности, что в результате применения недоброкачественного лекарственного препарата будет причинен вред имуществу.

Второе условие потребительско-фармакологического деликта связано с установлением факта применения лекарственного препарата в соответствии с его назначением.

Третье условие, по большому счету, вытекает из второго, и предусматривает в качестве обязательного условие соблюдения пострадавшим всех требований инструкции по применению. Данное требование следует понимать как соблюдение требований технической документации на лекарственный препарат (инструкция по применению), а под применением по назначению понимается предписываемое использование лекарственных препаратов (прием перорально **(сублингвально, трансбуккально и т.д.)**, инъекционно, ингаляционно, наружное применение).

Четвертый признак, как указывает С.А. Пименов, «является одновременно и элементом состава деликта – противоправный характер действий производителя в таком случае состоит в наступившем результате, а именно в возможности причинения вреда оказавшемся в гражданском обороте недоброкачественным лекарственным препаратом»[10].

Качество лекарственного препарата признается надлежащим, если в результате химико-физического спектрального анализа установлено соответствие параметров препарата фармакопейной статье (п. 23, 24 ст. 4 Закона «Об обращении лекарственных средств). Качественный лекарственный препарат допускается применить в соответствии с его фармакологическим целевым назначением с тем, чтобы препарат был безопасным для гражданина, а уровень его терапевтического действия преобладал над вероятностью возникновения риска проявления побочных эффектов, заявляемых производителем. В ряду всех прочих лекарственных препаратов следует выделить рецептурные лекарства, которые по распространенному мнению в цивилистической доктрине, следует относить к источникам повышенной опасности[11].

Согласно информации, представленной в Итоговом докладе о правоприменительной практике при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения в 2024 году, основными причинами выявления в обращении недоброкачественных лекарственных препаратов являются: недостаточное изучение стабильности лекарственного средства – в 24,5% случаев; ошибка персонала – 17,5%; нарушение процесса технологии - 16,7%; нарушение условий хранения и транспортировки – 16,0%; ошибка в нормативной документации – 13,9%; использование фармацевтической субстанции ненадлежащего качества – нарушение на стадии маркировки лекарственного средства – 1,5%[12].

Актуальной проблемой разрешения судами дел о возмещении вреда здоровью недостатками лекарственного препарата являются значительные трудности установления причинно-следственной связи в отношениях по причинению вреда потребителю лекарственного препарата. По аргументированному мнению М.А. Шандра, сложность установления причинно-следственной связи при применении лекарственных препаратов и степень их воздействия на организм человека не всегда сопряжено с некачественностью данного специфического «товара»[13].

Причинно-следственная связь позволяет установить, что причинение вреда здоровью гражданина обусловлено именно свойствами препарата, даже исходя из строгого соблюдения корректного врачебного предписания и требований инструкции по применению лекарства. Для того, чтобы её установить обращаются к судебной экспертизе, результаты которой направлены на прояснение вопроса о природе вреда здоровью, его фармакологическом генезисе, концентрации препарата, причинившего соответствующий вред. Перед экспертом крайне важно поставить корректные вопросы, ответы на которые призваны способствовать разграничению врачебной и фармацевтической сфер ответственности, выявлению наличия либо отсутствия причинно-следственной взаимосвязи между медикаментозным лечением и наступившим вредом для здоровья гражданина. Следует принимать во внимание и индивидуальные особенности организма пострадавшего, совокупность сопутствующих хронических заболеваний и принимаемых на временной или

[10] Пименов С.А. Причинение вреда вследствие применения лекарственных препаратов: вопросы гражданско-правовой ответственности // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 196-202.

[11] Севрюк С.А. Гражданско-правовое регулирование фармацевтической деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. Юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 11.

[12] Итоговый доклад о правоприменительной практике при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения, утвержденный Приказом Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 20 февраля 2025 г. № 924- URL:https://roszdravnadzor.gov.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

[13] Шандра М.Ю. Правовое регулирование оборота лекарственных средств на потребительском рынке Российской Федерации: дис. ... канд. Юрид. наук. Красноярск, 2018. С. 121.

постоянной основе лекарств, которые могут повлиять на фармакодинамику.

При этом и судебные экспертизы грешат частыми ошибками и неточностями. К примеру, в составе экспертных организаций могут отсутствовать эксперты в фармацевтической отрасли узкого направления, либо имеющиеся специалисты не обладают достаточной квалификацией. В связи с чем могут представить в экспертном заключении ошибочные выводы.

Эксперты иногда ссылаются на недействующую фармакопейную статью и нормативную документацию. Кроме того, длительность процесса назначения экспертизы может привести к невозможности объективной оценки лекарственного препарата и его воздействия на здоровье потерпевшего.

В определении Восьмого кассационного суда **общей юрисдикции от 13 мая 2021 года №88-8055/2021 приводятся обстоятельства дела** № 2-108/2020, когда у пациента в результате применения лекарственного препарата возникли негативные для здоровья проявления. Истец принимала таблетки в течение месяца, после чего у нее появились боли в печени и желудке. Экспертом было выявлено, что в представленном образце обнаружено наличие постороннего запаха. Производитель после обращения пациентки изъял препарат из обращения, что является дополнительным, хотя и косвенным подтверждением его вины[14].

Первая инстанция, рассматривая это дело, пришла к выводу о невозможности установления и недоказанности причинно-следственной связи и отказала в удовлетворении требования истца – потребителя лекарственного препарата. В ходе дела суд не удовлетворил ходатайство о назначении судебно-медицинской экспертизы, результаты которой могли ответить на вопросы, касающиеся причинно-следственной связи. В мотивировочной части судебного решения суд указал, что на дату рассмотрения спора в суде срок годности у принимаемого препарата уже истек, а значит эксперт не сможет разграничить дефекты препарата на дату его приема пострадавшим и впоследствии возникшие недостатки в связи с истечением срока годности. Таким образом, суд посчитал, что причинно-следственная связь не доказана, а основания для удовлетворения требований пациента отсутствуют.

Однако апелляционный и кассационный суды не согласились с первой инстанцией и указали, что в деле достаточно материалов, которые свидетельствуют о причинении вреда здоровью гражданина, применявшего недоброкачественный лекарственный препарат. В подобного рода делах, судам следует руководствоваться положениями оспоримых презумпций противоправных действий производителя и его вины.

В ряду гражданско-правовых деликтов, связанных с защитой прав потребителей в фармацевтической сфере, следует указать случаи введения в заблуждение потребителя лекарственного препарата путем предоставления неполной или недостоверной информации. Основным источником информации о лекарственном препарате остается инструкция по применению, которая охватывает различные группы сведений: описание лекарственного препарата, его активное вещество, форма выпуска, упаковка и состав препарата, фармакологическое действие (терапевтический эффект, механизм действия и фармакодинамические эффекты), фармакокинетика (всасывание и распределение препарата, метаболизм), показания препарата, способ приема и режим дозирования, побочные эффекты, противопоказания и особые указания к применению, меры при передозировке, лекарственное взаимодействие, условия хранения, срок годности, условия отпуска из аптеки, контакты для обращения.

Учитывая специфические химические и физические свойства лекарственного препарата и оказываемый им фармакологический эффект на организм человека, отступление от «технологии» приема и режима дозирования лекарства порождает серьезный риск и крайне негативные последствия для здоровья (в ряде случаев, и жизни) человека.

В потребительско-фармакологических отношениях по применению гражданами лекарственных препаратов, производитель которых распространил недостоверную информацию, состав содержит следующие условия ответственности:

во-первых, факт причинения вреда вред причинен здоровью;

во-вторых, факт размещения недостоверной информации в инструкции по применению лекарственного препарата;

в-третьих, факт издания инструкции по применению лекарственного препарата непосредственно его производителем.

Отметим, в настоящее время перед вводом в гражданский оборот серий, партий лекарственных средств необходимо представить сведения о препарате в электронном виде в автоматизированную информационную систему Росздравнадзора.

Качество подготовки сотрудников фармацевтических организаций также требует пристального внимания со стороны специальных ведомств и служб. Актуализируется проблема недостаточного уровня квалификации фармацевтов и потребность более тщательного контроля в части обеспечения необходимого качества обучения.

Следует выделить, вступивший в силу 1 марта 2026 года, Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 февраля 2026 г. № 123н, которым была утверждена типовая дополнительная профессиональная программа переподготовки по специальности «Фармация»[15]. Примечательным для указанной программы является ориентация на пре-

[14] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2021 г. №88-8055/2021 по делу № 2-108/2020. URL: http://sudact.ru/ (дата обращения: 12.01.2026).

[15] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 февраля 2026 г. № 123н «Об утверждении типовой дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки по специальности «Фармация» для лиц, получающих или имеющих среднее профессиональное образование. URL:http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

имущественно очную форму обучения при минимизации использования электронной образовательной среды и дистанционных технологий. В частности, согласно абз. 3 п. 15 Типовой программы не допускается использование электронной образовательной среды и применение дистанционных технологий при проведении практических занятия и промежуточной и итоговой аттестации. Представляется, что данные требования будут содействовать повышению качества профессиональной переподготовки сотрудников фармацевтической отрасли.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что вопросы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный фармацевтическими товарами следует производить как в направлении теоретической разработки доктринальных основ посредством уточнения категориального аппарата, а именно введение в терминологический оборот понятия «потребительско-фармакологический деликт», вычленения его признаков; так и посредством внесения большей определенности в правоприменительной практике. Правоприменительная практика должна совершенствоваться: во-первых, повышением качества подготовки сотрудников фармацевтических организаций; во-вторых, формулированием Верховным Судом Российской Федерации руководящих разъяснений по вопросам разрешения споров, связанных с защитой прав граждан в фармацевтической сфере; в-третьих, подготовке методических рекомендаций для назначения судебно-фармакологической экспертизы с выработкой типовых примерных вопросов для экспертов. Представляется, что указанные меры будут способствовать процессуальной экономии и эффективности судебной защиты прав граждан, пострадавших в результате приема некачественных лекарственных препаратов.

Библиографический список

1. Внукова В.А. Договор розничной купли-продажи лекарственных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007. – 19 с.

2. Пименов С.А. Причинение вреда вследствие применения лекарственных препаратов: вопросы гражданско-правовой ответственности // Юридическая наука. – 2023. – № 7. – С. 196-202.

3. Севрюк С.А. Гражданско-правовое регулирование фармацевтической деятельности в Российской Федерации: дис. ... кандидата юридических наук. – Волгоград, 2006. – 205 с.

4. Фирсов И.В. Незаконное производство медицинской продукции: уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – 208 с.

5. Шандра М.Ю. Правовое регулирование оборота лекарственных средств на потребительском рынке Российской Федерации: дис. ... кандидата юридических наук. – Красноярск, 2018. – 234 с.

Рецензент: Янева Р.Р., к.ю.н., доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

КУКИНА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, 400122, г. Волгоград, ул. Историческая, 130, tkukina2012@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ИЛИ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

KUKINA TATIANA EWGENIEVNA
PHD in Law, associate Professor of the Department of tactical and special training Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 400122, Russia, Volgograd, Historicheskaya street,130, tkukina2012@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY THE OPERATION OF AN UNMANNED VEHICLE

Аннотация: *Институт возмещения вреда, причиненного в результате эксплуатации беспилотного транспортного средства, находится в стадии становления, не имеет сформированной научной базы; этапы его развития и инициации нормативного регулирования обусловлены и во многом определены ростом технического прогресса. В научной статье автор исследует проблематику правового регулирования данных правоотношений в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *беспилотное транспортное средство, высокоавтоматизированное транспортное средство, диспетчерский контроль, субъекты права, навигационная информация, источник повышенной опасности.*

Rewiew: *The institution of compensation for damage caused by the operation of an unmanned vehicle is in the process of formation and does not have a well-developed scientific base; its development and the initiation of regulatory measures are largely determined by the growth of technological progress. In this article, the author explores the legal regulation of these legal relations in the Russian Federation.*

Keywords: *the unmanned vehicle, the highly automated vehicle, dispatch control, the legal entities, the navigation information, source of increased danger.*

В сфере цифровых и технологических инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств совокупность норм о возмещении ущерба от их использования и теоретические подходы к определению ответственности за вред, причиненный беспилотными автомобилями, принято считать новым институтом гражданского права. Вопрос о том, кто несет ответственность за ущерб, причиненный беспилотными транспортными средствами, может быть рассмотрен с точки зрения традиционных концепций гражданско-правовой ответственности. К ним относятся: деликтная ответственность (возникшая вне договорных отношений), договорная ответственность (связанная с выполнением условий договора) и специальные режимы ответственности, основанные на принципе риска (то есть, ответственность независимо от вины). По общему правилу, если кто-то причинил вред, он обязан возместить ущерб, но только при условии доказанной вины (согласно статье 1064 Гражданского кодекса РФ). Однако, когда речь идет об источниках повышенной опасности, таких как автомобили, закон предусматривает ответственность владельца даже без доказательства его вины. Владелец такого транспортного средства обязан возместить причиненный вред, если только не будет доказано, что причиной ущерба стало непреодолимое обстоятельство (форс-мажор) или умысел самого пострадавшего. Повышенный риск причинения вреда не исчезает при оснащении автомобиля системой автоматического вождения. Беспилотный автомобиль, даже без водителя за рулем, по-прежнему является источником повышенной опасности. В некоторых ситуациях вред может быть связан с договорными отношениями. Например, если беспилотное такси оказывает услугу перевозки, перевозчик несет ответственность перед пассажиром как сторона договора перевозки. Требования к безопасности могут быть регламентированы в договоре, и пострадавший имеет право ссылаться как на факт причинения вреда источником повышенной опасности (деликт), так и на нарушение обязательства по безопасной перевозке, закрепленного в договоре. Ответственность, основанная на принципе риска (алеаторная ответственность): законодательство устанавливает специ-

альные режимы ответственности для определенных видов рисков. Помимо статьи 1079 Гражданского кодекса РФ, касающейся повышенной опасности, существует институт ответственности за вред, причиненный дефектами товара (продукции). Производитель или продавец товара несет ответственность за ущерб, возникший из-за конструктивных или программных недостатков, независимо от наличия его вины (статьи 1095-1098 Гражданского кодекса РФ). Этот режим фактически применяется и в случаях, когда причиной дорожно-транспортного происшествия стал дефект системы автономного управления. Пострадавший имеет право требовать возмещения ущерба от производителя или продавца техники, даже если они действовали добросовестно. На практике это дополняет общую без вины ответственность владельца: владелец возмещает ущерб пострадавшим, а затем может предъявить регрессное требование к производителю, если будет доказан дефект системы. Существуют разные методики определения, кто несет неблагоприятные юридические риски за ущерб, причиненный беспилотным транспортом. Владелец или производитель беспилотного транспортного средства может быть принужден к возмещению ущерба, даже если он не признан виновным. Если вред возник из-за невыполнения условий договора, то ответственность будет возложена на сторону, нарушившую обязательства. Под «владельцем» в данном контексте понимается любое лицо (физическое или юридическое), которое имеет транспортное средство в собственности или на законных основаниях (например, по договору лизинга, аренды или по доверенности). Ответственность производителя, продавца: гражданское законодательство предусматривает ответственность производителя или продавца за вред, причиненный из-за недостатков товара (статья 1095 ГК РФ). Эта норма может применяться, если авария произошла из-за дефекта в конструкции или программном обеспечении беспилотного транспортного средства. Российское законодательство, касающееся автономных транспортных средств, находится на стадии разработки. Нормативно закреплено, что владелец беспилотника несет ответственность за его действия, даже если он управляется автопилотом. Для обеспечения безопасности, каждый автоматизированный транспорт без водителя в рамках эксперимента должен быть застрахован на сумму не менее 10 миллионов рублей, что значительно выше стандартных лимитов ОСАГО, гарантируя возмещение ущерба всем пострадавшим. В 2020 году Правительство утвердило Концепцию безопасности дорожного движения с беспилотными механизмами, признав необходимость скорейшего развития законодательства и разделения ответственности в зависимости от уровня автоматизации. Это означало отход от традиционной модели ответственности, ориентированной на управляющего водителя. На основе Федерального закона № 258-ФЗ[1] были запущены новые экспериментальные правовые режимы для беспилотного транспорта и введен обширный метод для эксплуатации беспилотных автомобилей в ряде регионов, включая Москву. Этот принцип предлагает классификацию на два вида: с инженером-испытателем на борту (1-я категория) и без человека в салоне, но с дистанционным оператором (2-я категория). В рамках данного испытания ответственность распределяется между владельцем, оператором и лицом, ответственным за техническое состояние, в зависимости от категории и обстоятельств[2] . Например, при ДТП с беспилотником 2-й категории, ответственность может лечь на оператора (за недостаточный контроль), владельца или ответственного за техсостояние, в зависимости от причины аварии. Таким образом, уже на уровне подзаконных актов формируется модель распределенной ответственности. В настоящее время в России отсутствует нормативная база, регулирующая использование беспилотных транспортных средств. До 1 апреля 2028 года продлен режим эксперимента, который налагает особые условия на допуск беспилотников на дороги. К таким условиям относятся: обязательное наличие специального опознавательного знака «Автономное управление» и соответствующей маркировки на кузове автомобиля. Обсуждается введение специальных дорожных знаков, информирующих водителей о движении беспилотных транспортных средств впереди (хотя эти знаки пока не утверждены). Действующие Правила дорожного движения напрямую не упоминают «беспилотный автомобиль», но фактически требуют присутствия водителя. Россия является участником Венской конвенции о дорожном движении 1968 года, согласно которой каждое движущееся транспортное средство должно иметь водителя. Пока эта норма международного права не изменена, в рамках нового правового опыта Российская Федерация требует наличия ответственного оператора, который может находиться как в салоне, так и управлять транспортным средством дистанционно. Тем не менее, планируется постепенное снятие этого ограничения. Уже разработаны проекты изменений в правила, которые позволят в отдельных случаях отказаться от присутствия человека в салоне, при условии наличия функционирующей системы дистанционного мониторинга и возможности экстренной остановки транспортного средства.

По заявлениям Минтранса, законопроект[3] впервые на законодательном уровне закрепит следующие понятия:

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ.2020. № 31. Ст.5017.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 1849 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры»» //СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7409; 2024. № 33. Ст. 5176.

[3] Проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» //СПС «КонсультантПлюс».

- определения беспилотного транспорта;

- права и обязанности всех участников процесса: производителей, владельцев, операторов дистанционной поддержки, сервисных центров и других;

- проект закона также определяет условия допуска ВАТС на дороги;

- обязательное наличие «бортового устройства регистрации событий»;

- наличие системы удаленного перевода машины в «режим минимального риска» (автоматическая безопасная остановка);

- обязательный регулярный технический осмотр и обновление программного обеспечения;

В ближайшее время планируется ввести ряд ограничений для эксплуатации беспилотных транспортных средств. В частности, будет запрещено использовать дроны, чье программное обеспечение морально и технически устарело. Также будет ограничено их применение на участках дорог, где осуществляется перевозка опасных грузов, и в районах, не имеющих актуальных цифровых карт местности. Легислативная инициатива также предусматривает изменения в законе об ОСАГО. Предполагается, что все дорожно-транспортные происшествия с участием новых автоматизированных средств будут оформляться исключительно с вызовом сотрудников ГИБДД. Это означает, что «европротокол» (упрощенное оформление ДТП без полиции) будет недоступен для таких случаев. Такая мера обусловлена необходимостью детального расследования причин аварий с участием новых технологий и извлечения данных с бортовых регистраторов. Кроме того, страховым компаниям хотят предоставить право требовать возмещения убытков с владельца беспилотника, если будет установлено, что он своевременно не установил критически важное обновление программного обеспечения. Ключевым аспектом законопроекта является четкое определение того, кто несет ответственность в случае ДТП с участием беспилотных автомобилей. Министерство транспорта предлагает возложить основную гражданско-правовую ответственность на владельца данного средства, по аналогии с ответственностью за владение источником повышенной опасности. Однако, в зависимости от причины аварии, к ответственности могут быть привлечены и другие стороны. Если авария произошла из-за производственных дефектов системы управления или самого автомобиля, ответственность ляжет на производителя. Если дорожно-транспортное событие стало следствием сбоя в удаленном мониторинге (диспетчерском контроле), негативные правовые последствия возникнут у оператора-диспетчера. Если причиной аварии стала неисправность, возникшая в результате некачественного технического обслуживания, ответственным будет признан сервисный центр или дилер, проводивший ремонт. Во всех остальных случаях, по умолчанию, ответственность несет владелец беспилотного автомобиля, если только он не сможет доказать, что причиной аварии стало воздействие непреодолимой силы или умышленное действие пострадавшего. Эта норма фактически повторяет общий принцип, закрепленный в Гражданском кодексе РФ. Формирование судебной практики по беспилотным автомобилям в России: первые прецеденты и тенденции. В связи с тем, что полностью автономные транспортные средства еще не получили широкого распространения, российская судебная практика в этой области находится в стадии формирования. Большинство инцидентов с участием БПТС происходят в рамках тестовых программ и, как правило, разрешаются в досудебном порядке, посредством страховых выплат или соглашений между сторонами. Тем не менее, уже появились знаковые прецеденты, привлекающие внимание юристов. Ключевой прецедент возник с беспилотным такси, принадлежащем компании «Яндекс». Осенью 2019 года в Москве произошло дорожно-транспортное происшествие с участием экспериментального беспилотного такси «Яндекса». Столкновение произошло из-за того, что автомобиль не успел затормозить. Важным обстоятельством стало то, что инженер-испытатель, находившийся в салоне, незадолго до аварии перевел управление в ручной режим. В результате, ответственность за инцидент была возложена на водителя-испытателя, который был признан виновным в аварии, поскольку именно он управлял транспортным средством непосредственно перед столкновением. Компания временно отстранила данного сотрудника от дальнейших испытаний. Этот случай подтвердил тенденцию: при наличии субъекта за рулем судебные и правоохранительные органы склонны рассматривать его как причинителя вреда.

Ответственность производителя за некачественную продукцию и безопасность беспилотных автомобилей. Производитель товара, не соответствующего установленным стандартам качества, может быть привлечен к административной ответственности согласно статье 14.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В более серьезных ситуациях, когда некачественная продукция привела к гибели людей, ответственные лица компании могут столкнуться с уголовным преследованием по статье 238 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за производство или продажу небезопасных товаров. Например, если из-за производственного дефекта по неосторожности погибли два или более человека, должностным лицам производителя может грозить наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет. Хотя в России пока не было подобных случаев, законодательная база для такого рода ответственности уже существует. В настоящее время в рамках тестирования беспилотных моделей разработчикам предписывается самостоятельно расследовать инциденты и взаимодействовать с государственными органами. В некоторых единичных случаях организации добровольно брали на себя ответственность за фактические случаи причинения вреда. Практика показывает, что при возникновении аварий с участием беспилотных механизмов виновным, как правило, признается участник

«традиционного» дорожного движения: водитель другого автомобиля, инженер-испытателя или обслуживающий персонал. Если же очевидно, что причиной ДТП стала работа самой автономной системы, дело, скорее всего, будет рассматриваться в рамках гражданского и административного права, включая выплату страхового возмещения и возможные штрафы для производителя оборудования. При этом, до появления четких законодательных норм, будет предпринята попытка избежать уголовного преследования ответственных лиц. В Российской Федерации в настоящее время отсутствуют показательные прецеденты с участием беспилотных такси, которые привели бы к гибели людей или серьезным травмам. В связи с этим судебная практика в основном ограничивается возмещением материального ущерба. Большинство таких споров решаются страховыми компаниями: полис ОСАГО покрывает ущерб пострадавшим, после чего страховщик, при необходимости, предъявляет регрессное требование к виновному лицу. Если виновным признается владелец (компания-оператор автоматизированного средства), регресс не применяется, поскольку ОСАГО уже покрывает его ответственность. Если же виновным оказывается инженер-испытатель, компания (как страхователь) может взыскать с него сумму, выплаченную страховщиком по регрессному иску. Рассмотрим, кто несет ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством, и как эта ответственность распределяется. Владелец транспортного средства как основной субъект и потенциальный ответчик**.** Согласно действующим нормам, главным лицом, ответственным за ущерб, причиненный автомобилем, является его владелец (собственник). В контексте беспилотных автомобилей, владельцем чаще всего выступает компания-разработчик или оператор сервиса. Ответственность возлагается на владельца источника повышенной опасности, которым в случае с беспилотным объектом является компания-разработчик. Следовательно, если беспилотный летательный аппарат принадлежит юридическому лицу, именно оно обязано возместить причиненный вред. Владелец беспилотного летательного аппарата несет объективную ответственность перед пострадавшими. Однако это не исключает возможности внутреннего перераспределения ответственности. Если в эксплуатации участвовал наемный водитель-испытатель или оператор, владелец (компания) после выплаты компенсации может попытаться взыскать убытки с этого сотрудника, если докажет его вину (например, несоблюдение инструкций). В случае, когда транспортное средство находится в собственности юридического лица, потенциальные исковые требования будут предъявлено к нему как обязанному субъекту. Тем не менее, юридическое лицо имеет право требовать от водителя возмещения части убытков, если будет установлено, что его действия стали причиной аварии. В традиционном праве они отвечают за дефекты своей продукции. Ответственность производителя возникает, когда авария вызвана конструктивными, программными или иными техническими недостатками самого автопилота или автомобиля. Предложение законодателя четко указывает: если ДТП произошло по вине автономного транспортного средства, нарушившего правила дорожного движения (из-за сбоя системы управления), то ответственность несет изготовитель. Вопрос о возмещении ущерба от беспилотных автомобилей – это сложная, междисциплинарная проблема, но правовая основа для ее решения уже закладывается в юридических системах страны. Российское законодательство активно развивается в сторону создания комплексного механизма, призванного обеспечить защиту всех пострадавших, независимо от наличия или отсутствия водителя в момент происшествия. Ответственность будет распределяться между различными участниками процесса создания и эксплуатации беспилотных технологий. Несмотря на то, что судебная практика по таким делам находится на начальной стадии, она уже опирается на проверенные временем принципы: возмещение вреда владельцем источника повышенной опасности, ответственность производителя за дефекты товара и ответственность оператора за допущенные ошибки. Экспертное сообщество поддерживает эту многоуровневую модель, ожидая, что она будет способствовать повышению безопасности и укреплению доверия к беспилотным транспортным средствам. Международный опыт подтверждает правильность выбранного пути: схожие подходы формируются в ведущих странах, таких как Китай, хотя и с использованием разных методик рассмотрения данной категории дел. В ближайшие годы мы станем свидетелями как законодательного оформления этих принципов, так и их практического применения в судебных разбирательствах по первым делам, связанным с полностью автономными автомобилями.

Библиографический список

1. Андрюхин Н.Г., Ледовская К.Р. Проблемные аспекты нормативно-правового регулирования в сфере эксплуатации беспилотных транспортных средств// Административное право и процесс. – 2022. – № 12. – С.35-38.

2. Нестеров Е.А., Чеботарев В.Е. Беспилотные такси: векторы правового регулирования в вопросах распределения ответственности при ДТП // Транспортное право. – 2025. – № 2. – С.16-24.

3. Скучаев А.А. К вопросу о правосубъектности беспилотного автотранспорта и субъектах ответственности // Транспортное право. – 2025. – № 1. – С.28-33.

Рецензент: Томина А.П., и.о. заведующего кафедрой частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ПОЗДНЯКОВА АННА СЕРГЕЕВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oAPozdniakova@msal.ru

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ В ВОПРОСЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

POZDNYAKOVA ANNA CERGEEVNA
candidate of legal sciences, Associate Professor of the Department of Private Law Sciences of Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oAPozdniakova@msal.ru

JUDICIAL CONSIDERATION IN DETERMINING THE AMOUNT OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

Аннотация. *Определение размера компенсации морального вреда представляет собой механизм, включающий в себя комплекс решений, принимаемых на основе правоприменительного усмотрения несколькими субъектами (сторонами внесудебного соглашения, истцом, ответчиком и судом). Автором сделан вывод о том, что действующее законодательство содержит достаточно ориентиров, необходимых правоприменителю при разрешении данного вопроса. Отмечается, что проблема определения размера компенсации морального вреда видится не в отсутствии экономически обоснованных тарифов в зависимости от вида посягательства, а в недостаточной мотивированности судом принимаемого решения. Положительными чертами механизма определения размера компенсации морального вреда на основе судейского усмотрения являются высокая степень индивидуализации принимаемого решения, а также многоступенчатость его принятия и контроля за законностью.*

Ключевые слова: *судейское усмотрение, моральный вред, компенсация морального вреда, размер компенсации морального вреда, мотивированность судебного решения.*

Review. *Determining the amount of compensation for non-pecuniary damage is a mechanism that includes a set of decisions made by several entities (the parties to the out-of-court agreement, the plaintiff, the defendant, and the court) based on their discretion. The author concludes that the current legislation provides sufficient guidance for the law enforcement officer to resolve this issue. It is noted that the problem of determining the amount of compensation for non-pecuniary damage lies not in the absence of economically justified rates depending on the type of encroachment, but in the insufficient motivation of the court's decision. The positive aspects of the mechanism for determining the amount of compensation for non-pecuniary damage based on judicial discretion include the high degree of individualization of the decision, as well as the multi-stage process of its adoption and legal control.*

Keywords: *judicial discretion, moral harm, compensation for moral harm, amount of compensation for moral harm, and motivation of the court decision.*

Рассматривая правовой институт компенсации морального вреда, невозможно обойти стороной проблему определения ее размера, которая тревожит ученых с самого момента закрепления в российском законодательстве права требовать такой компенсации. Большинство авторов едины во мнении, что закон и правоприменительная практика «не содержат точно сформулированных критериев и методов оценки размера компенсации морального вреда в денежной форме. Данный вопрос отдан на усмотрение суда»[1], однако «суд избегает изучения вопросов установления обстоятельств, заслуживающих внимания при определении размера компенсации морального вреда исходя из индивидуальных особенностей лица, которому причинен вред, а опирается только на "категорию дела" и субъективное судейское усмотрение»[2], порой неоправданно занижает размер компенсации[3].

Анализ положений ст.ст.151, 1101 ГК РФ позволяет заключить, что размер компенсации определяется судом с учетом степени вины нарушителя (когда вина является основанием возмещения вреда); характера (степени) причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, определяемого исходя из фактических обстоятельств причинения такого вреда и индивидуальных особенностей

[1] Егизарова С.В. Компенсация морального вреда, причиненного при оказании медицинских услуг: теоретический и практический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 26-27.

[2] Вешкурцева З.В. Компенсация морального вреда при нарушении личных неимущественных прав и при посягательстве на нематериальные блага: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 122.

[3] Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство). Учебник // под. ред. И. К. Пискарева // Проспект, 2011. С. 174.

потерпевшего; иных заслуживающих внимания обстоятельств, а также требований разумности и справедливости. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 30 Постановления от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»[4] (далее – Постановление) разъяснил, что размер компенсации морального вреда должен быть сопоставим с обычным уровнем жизни и общим уровнем доходов граждан, в связи с чем исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении. Таким образом, высшей судебной инстанцией посредством приведенных разъяснений в качестве дополнительных ориентиров размера компенсации определены истребуемый истцом размер и средний уровень жизни, который, кстати, неодинаков в разных регионах нашей страны, а также различается применительно к каждой из основных социально-демографических групп населения.

Одновременно Верховным Судом РФ приведены такие примеры учитываемых судом фактических обстоятельств причинения морального вреда, как полнота мер, принятых причинителем вреда для его снижения (исключения); совершение единичного или множественного нарушения; в случае неосторожной формы вины – тяжелое имущественное положение ответчика-гражданина, подтвержденное представленными в материалы дела доказательствами (п. 3 ст. 1083 ГК РФ). Под индивидуальными особенностями потерпевшего, влияющими на размер компенсации морального вреда, Верховный Суд РФ предлагает понимать, в частности, его возраст и состояние здоровья, наличие отношений между причинителем вреда и потерпевшим, профессию и род занятий потерпевшего (п. 28 Постановления).

Перечень приведенных критериев определения размера компенсации морального вреда является открытым, как, впрочем, и перечень самих нематериальных благ. Следует отметить, что иных правил, а также перечня базовых размеров компенсации морального вреда применительно к различным видам нарушений личных неимущественных прав граждан, как это имеет место в ряде зарубежных правопорядков[5], российское законодательство не содержит. Вместе с тем, думается, любой примерный перечень как фиксированных размеров компенсации, так и составов правонарушений не сможет удовлетворить запросы практикующих юристов, поскольку на деле является таким же сложным и многообразным, как сама жизнь. Вполне логичным видится решение законодателя о разрешении проблемы определения размера компенсации морального вреда в рамках реализации судебной власти, отказавшись от принятия соответствующей методики, многочисленные варианты которой уже разработаны учетными-цивилистами[6].

Компенсация морального вреда является возмещением причиненного ущерба нематериальным благам потерпевшего, возмещением его нематериальных расходов (переживаний). Будучи выраженной в материальной (денежной) форме, компенсация направлена на моральное удовлетворение потерпевшего и представляет собой денежный эквивалент страданий, а потому для потерпевшего – это суррогат[7] утраченной (поврежденной) части нематериального блага. Иными словами, для определения размера компенсации необходимо установить «стоимость повреждений», которая изначально определяется сторонами деликтного обязательства на договорной основе, а в случае недостижения соглашения – судом.

Ни сами нематериальные блага, будучи неотделимыми от личности, ни объем их повреждений не могут быть предметом оценки. По отношению к ним не может быть применена рыночная стоимость либо цена, которая устанавливается «обычно», «при сравнимых обстоятельствах» (ст. 424 ГК РФ). Исходя из правовой природы нематериальных благ суд определяет размер компенсации морального вреда, опираясь на собственное усмотрение. Вместе с тем судебное усмотрение является проблемой, которая долгое время остается актуальной и дискуссионной для науки и практики. Учеными по-разному оценивается значение данного правового явления, а также соотношение его объективных и субъективных начал. Отрицательное отношение к судейскому усмотрению обосновывается отдельными авторами его противопоставлением принципу законности и оцениванием

[4] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2. С. 2-14.

[5] К примеру, таблицы для определения размера компенсации психического вреда, причиненного умышленным преступлением в Англии. См.: Napier and Wheat. Recovering Damages for Psychiatric Injuri. Blackstone Press lim ited, 1995. P. 176.

[6] Так, например, А.М. Эрделевский предлагает закрепить единый «базисный уровень» компенсации морального вреда для «различных видов правонарушений», полагая, что размер компенсации действительного (взыскиваемого судом) морального вреда «не должен превышать размер компенсации презюмируемого морального вреда более чем в 4 раза». Очевидно, что данный количественный параметр применяется автором условно и не имеет под собой фактического обоснования. Однако в данной ситуации подлежит ограничению учет всех заслуживающих внимания обстоятельств, а оснований для шаблонного вынесения судебных решений, безусловно, больше. См.: Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М.:Волтерс Клувер, 2004. С. 133. Другой автор, А.Т. Табунщиков, к примеру, предлагает использовать такой критерий, как «ожидаемая продолжительность жизни при рождении», позволяющий учитывать длительность страданий, которые потерпевший будет претерпевать в оставшийся после причинения ему морального вреда период жизни. Однако применяемые им количественные показатели также отличаются большой долей условности. Так, по мнению автора, один месяц претерпевания морального вреда равен размеру одной минимальной заработной платы. См. Табунщиков А.Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве: монография / под ред. С. В. Тычинина. Белгород: БелГУ, 2007. С. 63-66.

[7] Суррогат (от лат. surrogatus – поставленный вместо другого) – заменитель, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого предмета. То, что создает видимость, иллюзию чего-л. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: https://feb-web.ru (дата обращения: 20.11.2024).

в качестве произвола, беспредельности правоприменителя[8].

В соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова усмотрение представляет собой решение, заключение или мнение[9]. Усмотрение в той или иной степени характерно как для законодательной, так и для правоприменительной деятельности. Если правоотношения урегулированы исчерпывающим образом по усмотрению законодателя, правоприменитель «лишается возможности выбора варианта поведения и должен действовать по строго определенному алгоритму, заложенному нормой»[10]. Как обоснованно отмечает О.А. Папкова, «применение усмотрения – это не только право, но и обязанность суда, так как возможность осуществления дискреции закреплена юридической нормой, а процессуальные права суда являются вместе с тем и его обязанностью»[11].

Судейское усмотрение подобно субъективному праву является мерой дозволенного поведения управомоченного (в данном случае – уполномоченного) лица, имеет определенные границы своего существования, в пределах которых оно всегда правомерно. Так, законодательно определенные основание и условия компенсации морального вреда исключают возможность судебного усмотрения. В случае установления судом обстоятельств, свидетельствующих о нарушении личных неимущественных прав гражданина, иск подлежит удовлетворению. На усмотрение судьи передается лишь вопрос размере компенсации. Думается, отсутствие законодательно установленных тарифов компенсации морального вреда представляет собой осознанное решение законодателя и не может рассматриваться в качестве пробела в праве.

«Режим законности должен функционировать с учетом существования усмотрения правоприменителей, т.е. иметь не примитивную форму, а восприниматься как сложное, порой противоречивое образование»[12], обеспечивая индивидуализацию правового регулирования. В.М. Баглай отмечает: «Жизненные ситуации, с которыми сталкиваются судьи, наполняются такими особенностями, которые право часто предвидеть не в состоянии. Но для разрешения любого необычного конфликта все же нужна правовая основа. Вот тут и встает проблема судейского усмотрения, разумеется не для легких, а только для трудных дел, требующих от судьи особой интуиции, объективности, понимания последствий, ответственности»[13]. Поскольку в каждом споре о компенсации морального вреда суд должен установить факт посягательства на нематериальные блага гражданина, дела данной категории не являются простыми для разрешения.

К.П. Ермакова определяет судейское усмотрение как «властную деятельность суда по осуществлению правосудия, состоящую в использовании интеллектуально-волевого механизма, позволяющего суду произвести выбор варианта решения юридического дела»[14]. Действительно, судья, являясь носителем судебной власти, исполняет свои обязанности на профессиональной основе, обязан действовать строго в рамках закона, соблюдать требования объективности, справедливости и беспристрастности, исключая личную заинтересованность[15]. Впервые назначенный (избранный) на должность судья приносит присягу, в соответствии с которой клянется осуществлять правосудие в соответствии с «долгом судьи и своей совестью»[16], что означает рассмотрение дела судьей сквозь призму собственных нравственных ценностей, выступающих в качестве критерия оценки действий сторон. Важно, чтобы нравственные ценности судьи совпадали с общепринятой для данного общества системой ценностей. Изначально высокие требования к кандидату на должность судьи, а также процедура его назначения повышают личную ответственность за принимаемые в судопроизводстве решения. Как отметил Конституционный Суд РФ, «судья в процессе судопроизводства, оценив доказательства по делу по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании, осуществляет выбор подлежащих применению в конкретном деле норм, дает собственное их толкование в системе действующего правового регулирования и принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения»[17]. Таким образом, судейское усмотрение является не основанием, а результатом познавательной и оценочной деятельности суда, ос-

[8] Так, в советский период А.Б. Сахаров расценивал усмотрение в качестве следствия несовершенства законодательной техники. См.: Сахаров А.Б. Планирование уголовной политики и перспективы уголовного законодательства // Планирование мер борьбы с преступностью / ред. В.М. Коган, С.Г. Келина, А.М. Яковлев. М.: Изд-во Инсти тута государства и права РАН, 1982. С. 9-10.

[9] Ожегов С.И. Толковый словарь. URL: slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33366 (дата обращения: 11.06.2025).

[10] Сенякин И.Н., Никитин А.А. Роль юридического усмотрения в ограничении прав личности // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 305.

[11] См.: Папкова О.А. Усмотрение суда. М., 2005. С. 38-39. Аналогичного мнения придерживается и С.В. Корнакова. См.: Корнакова С.В. Усмотрение как результат формирования внутреннего убеждения судьи // Lex Russica. 2022. №5 (186). С. 110.

[12] Бойко Д.В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. Волгоград. 2011. С. 19.

[13] Баглай М.В. Вступительная статья к книге Барака А. Судейское усмотрение. Москва. Норма. 1999. С.4.

[14] Ермакова К. П. Пределы судебного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.

[15] Ст. 3 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон) // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Ст. 18 Закона.

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко» // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4809.

нованной на внутреннем убеждении судьи[18], зависит от его суждений и восприятия им действительности, от его «субъективного мнения»[19]. Но на этом субъективизм в вопросе определения размера компенсации морального вреда заканчивается.

По мнению Н.А. Конорезова, судейское усмотрение с субъективной стороны является итогом профессионального, жизненного опыта, воспитания, мировоззрения конкретного судьи[20]. Судебное толкование оценочных понятий действительно требует выхода за пределы права, обращению к житейской мудрости. Очевидно, что судьи в своей деятельности должны руководствоваться базовой системой нравственных ценностей, чем обеспечивается единообразие судебной практики. А. Барак, характеризуя судью как «разумное лицо», отмечает, что судья «должен скорее выразить то, что, по его представлению, является основной концепцией общества (сообщества), в котором он живет и действует. Он должен наблюдать себя со стороны»[21]. В связи с изложенным представляют интерес результаты опроса, согласно которым из числа опрошенных большинство лиц (адвокаты – 93,7%), (судьи – 78,9%) полагают, что на принятие судебного решения о размере компенсации морального вреда существенно влияет интуитивное понимание судьями истинного положения дел между истцом и ответчиком[22].

Вместе с тем, решение суда, принятое на основе судейского усмотрения, само по себе не является субъективным мнением судьи, поскольку «субъективизм возможен лишь в смысле принятия решения в диапазоне конкретной нормы»[23]. Правоприменительное усмотрение может функционировать только в рамках законности[24], а потому не имеет ничего общего с произволом, если существует в очерченных законом пределах. Выход за пределы судейского усмотрения аналогично выходу за границы существования права означает противоправность деяния, представляет собой злоупотребление, судейский произвол. Следовательно, разные судьи, исходя из одних и тех же установленных обстоятельств дела, теоретически должны прийти к одному решению или, по крайней мере, различия в результате могут быть незначительными.

А. Барак подчеркивает, что усмотрение предполагает наличие нескольких вариантов, из которых судья управомочен выбрать один, более всего взывающий к нему, при этом каждый из вариантов законен[25]. Являясь составной частью деятельности по отправлению правосудия, усмотрение судьи предоставляет ему известный простор в определенных законом границах (в данном случае – исходя из критериев размера компенсации морального вреда). Следовательно, вполне допустима ситуация, когда взыскиваемые судом суммы компенсации по сходным делам имеют некоторые различия.

Кроме того, судейское усмотрение ограничено не только законом, но и судебной практикой[26], а также должно исходить из реализации потерпевшим своего права на оценку причиненного ему морального вреда. Однако и эти так необходимые границы судейского усмотрения, обеспечивающие его нахождение в пределах законности, подвергаются критике в научной литературе. В частности, отмечается, что «судьи, подчиняющие свои решения сложившейся практике либо требованиям вышестоящих судебных инстанций, фактически обезличивают принимаемые ими решения»[27]. Не отрицая значения судебной практики в качестве ориентира для судьи при вынесении решения, вместе с тем высказываются опасения о шаблонности его мыслительной деятельности, ведущей к профессиональной деформации[28]. Думается, в данном случае речь должна вестись о необходимости отправления правосудия посредством соблюдения баланса между всесторонним и объективным рассмотрением дела, с одной стороны, и стремлением к единообразию судебной практики, с другой стороны, соблюдая тем самым принцип правовой определенности на основе единообразного понимания и толкования правовой нормы. А как мы уже убедились, размер компенсации морального вреда является оценочным понятием как в прямом, так и в переносном смысле.

С.И. Вильнянский отмечал, что четкие понятия менее естественны для обычных людей, чем слова общелитературного языка, представляющие собой наиболее общие понятия. Именно благодаря этому оценочные понятия позволяют охватить обширный круг обстоятельств действительности, который законодатель не в состоянии точно очертить примени-

[18] Корнакова С.В. Указ. соч. С. 110.
[19] Аубакирова-Тер-Григорян Н.М. Судейское усмотрение: понятие и существенные черты // Актуальные проблемы российского права. 2023. №8 (153). С. 102.
[20] Конорезов Н.А. К вопросу о судебном усмотрении в гражданском и арбитражном процессе // Теория и практика общественного развития. 2022. №8 (174). С. 84.
[21] Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. / Аарон Барак; Вступ. ст. М. В. Баглая. М.: НОРМА, 1999. С. 19.
[22] Калинина А.Н. Теоретические и методические основы судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
[23] Аубакирова-Тер-Григорян Н. М. Указ. соч. С. 105.
[24] Бойко Д.В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории: автореферат дис. ... канд. Юрид. наук. Волгоград. 2011. С. 11, 21.
[25] Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. / Аарон Барак; Вступ. ст. М. В. Баглая. М.: НОРМА, 1999. С. 13-14.
[26] См.: Чабан Е.А. Административное усмотрение: понятие и особенности // Административное право и процесс. 2013. № 11. С. 64-69.; Севастьянов А.П. Значение судейского усмотрения при выборе наказания в рамках санкции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С. 101-102.
[27] Тихий А.В. Усмотрение как элемент механизма формирования внутреннего убеждения судьи при рассмотрении уголовных дел // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2 (115). С. 208.
[28] Корнакова С. В. Указ. соч. С. 113.

тельно ко всем случаям действия правовой нормы[29]. Сложно переоценить значение судебной практики в разрешении вопроса о размере компенсации морального вреда как для истца, определяющего размер искомой суммы, так и для ответчика, определяющего свое отношение к иску, а также судьи, принимающего решение о размере компенсации. Причем, в контексте правил, установленных ст.ст. 330, 379.7 ГПК РФ относительно оснований для отмены или изменения судебных постановлений вышестоящим судом, нарушение границ судейского усмотрения при определении размера компенсации морального вреда, представляет собой неправильное применение норм материального (но не процессуального) права. Кроме того, судейское усмотрение в части определения размера компенсации морального вреда не относится к переоценке установленных судом первой инстанции фактических обстоятельств дела и представленных участвующими в деле лицами доказательств, а потому размер компенсации может быть пересмотрен судом вышестоящим судом, в том числе и кассационной инстанцией[30].

Трудности практического характера относительно того, что «размещаемые в сети Интернет тексты судебных актов имеют пробелы в указании фактически взысканных сумм»[31], в настоящее время разрешены. На основании п. 3.2. Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2017 «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»»[32], из текстов судебных актов при размещении на официальных сайтах судов не исключается указание о денежных суммах, требуемых заявителем либо присужденных в его пользу, в том числе о размере компенсации морального вреда. Тем самым возможность мониторинга судебных решений истцам обеспечена. Отметим, что правило об обязательности для суда указанного истцом в исковом заявлении размера компенсации морального вреда не так давно установилось в судебной практике. Так, в Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г., Верховный Суд РФ указывал, что суд не связан той величиной компенсации, на которой настаивает истец. В настоящее время суды ориентированы на принятие за основу заявленного истцом в иске размера компенсации морального вреда, обязательное приведение в судебном постановлении мотивов в случае его снижения[33].

Думается, что введение тарифной системы размеров компенсации морального вреда в зависимости от вида нарушения, представляя собой правовое «прокрустово ложе», в первую очередь, нарушит право потерпевшего на его оценку, исходя из того, что объективной этики не существует. Вместе с тем, если истец, по мнению суда, указал в исковом заявлении слишком малую, незначительную денежную сумму, которая явно не соответствует тяжести причиненных ему физических и нравственных страданий, суд, руководствуясь требованиями разумности и справедливости, должен вынести данный вопрос на обсуждение и выяснить у истца, не заблуждается ли он по данному поводу.

С учетом изложенного, проблема определения размера компенсации морального вреда видится не в отсутствии экономически обоснованных тарифов в зависимости от вида посягательства на нематериальные блага потерпевшего, а в недостаточной мотивации судом принимаемого решения. Как отмечает Верховный Суд РФ «не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску. Национальные суды всегда должны в своих решениях приводить достаточные мотивы, оправдывающие ту или иную сумму компенсации морального вреда, присуждаемую заявителю»[34]. Именно недостаток мотивации приводит к необоснованному размеру компенсации морального вреда. Следовательно, обоснование исчерпывающим образом взыскиваемого размера компенсации морального вреда само по себе выступает одном из пределов (границ) судейского усмотрения. При вынесении решения суд должен подробно остановиться на оценке каждого фактического обстоятельства причинения морального вреда и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

Таким образом, определение размера компенсации морального вреда представляет собой механизм, включающий в себя комплекс решений, принимаемых на основе правоприменительного усмотрения несколькими субъектами (сторонами внесудебного соглашения, истцом, ответчиком и судом). При этом действующее законодательство содержит достаточно ориентиров, необходимых правоприменителю при разрешении данного вопроса.

---

[29] Вильнянский С.И. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института. 1956. Вып. 7. С 3-18.

[30] Дело в том, что согласно п. 3 ст. 390 ГПК РФ суд кассационной инстанции не вправе производить переоценку установленных судом первой инстанции фактических обстоятельств дела, на что нередко ссылаются суда данного уровня, отказывая в рассмотрении вопроса о соответствии размера компенсации морального вреда последствиям гражданско-правового нарушения.

[31] Вешкурцева З.В. Указ. соч. С. 135.

[32] Утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2017 во исполнение требований Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», введено в действие с 27 сентября 2017 года // СПС «Гарант».

[33] См., напр.: п. 4 Обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 2021 г., утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022 // СПС «Гарант».

[34] Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

Библиографический список

1. Аубакирова-Тер-Григорян Н.М. Судейское усмотрение: понятие и существенные черты // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – №8 (153). – С. 100-107.

2. Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. / Аарон Барак; Вступ. ст. М. В. Баглая. – М.: НОРМА, 1999. – 364 с.

3. Бойко Д.В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2011. – 34 с.

4. Вешкурцева З.В. Компенсация морального вреда при нарушении личных неимущественных прав и при посягательстве на нематериальные блага: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 24 с.

5. Егизарова С.В. Компенсация морального вреда, причиненного при оказании медицинских услуг: теоретический и практический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 29 с.

6. Ермакова К.П. Пределы судебного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 26 с.

7. Корнакова С.В. Усмотрение как результат формирования внутреннего убеждения судьи // Lex Russica. – 2022. – № 5 (186). – С. 107-116.

8. Конорезов Н.А. К вопросу о судебном усмотрении в гражданском и арбитражном процессе // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 8 (174). – С. 82-85.

9. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство). Учебник // под. ред. И.К. Пискарева: Проспект, 2011. – 728 с.

10. Севастьянов А.П. Значение судейского усмотрения при выборе наказания в рамках санкции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 101-102.

11. Сенякин И.Н., Никитин А.А. Роль юридического усмотрения в ограничении прав личности // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 302-309.

12. Тихий А.В. Усмотрение как элемент механизма формирования внутреннего убеждения судьи при рассмотрении уголовных дел // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 2 (115). – С. 206-212.

13. Чабан Е.А. Административное усмотрение: понятие и особенности // Административное право и процесс. – 2013. – № 11. – С. 64-69.

14. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 304 с.

Рецензент: Томина А.П., и.о. заведующего кафедрой частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

РУЗАЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ОГУ, 460018, Оренбург, проспект Победы 13, elena280407@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ИННОВАЦИИ В МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ: РОЛЬ БИОБАНКОВ

RUZAEVA ELENA MIKHAILOVNA
Candidate of Law, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chair of Civil Law and Process, OSU, 460018, Orenburg, Victory Avenue 13, elena280407@yandex.ru

THE IMPACT OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION ON MEDICAL TECHNOLOGY INNOVATION: THE ROLE OF BIOBANKS

Аннотация: *Данная статья посвящена анализу концептуальных подходов к определению понятия «интеллектуальная собственность» в контексте динамично развивающейся медицинской промышленности. Автор в работе исследует ключевые теоретические позиции, включая дискуссии о природе ИС как объекта правового регулирования. Особое внимание в исследовании уделено специфике медицинского сектора, где высокие риски, длительные циклы разработки и этические ограничения создают комплексную систему требований к охране интеллектуальной собственности. Эти факторы требуют от предприятий адаптации классических правовых стратегий и разработки новых подходов, соответствующих особенностям рынка здравоохранения и биомедицины.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность; медицинская промышленность; стратегии защиты интеллектуальной собственности; патентование; управление инновациями, биоматериалы*

Annotation: *This article focuses on analyzing the conceptual approaches to defining the concept of «intellectual property» in the context of the rapidly evolving medical industry. The author explores key theoretical perspectives, including discussions on the nature of IP as a subject of legal regulation. The study emphasizes the specific characteristics of the medical sector, where high risks, long development cycles, and ethical constraints create a complex system of requirements for intellectual property protection. These factors necessitate businesses to adapt traditional legal strategies and develop new approaches that align with the unique demands of the healthcare and biomedical markets.*

Keywords: *intellectual property; medical industry; intellectual property protection strategies; patenting; innovation management, biomaterials*

Интегральной составляющей медицинских исследований, как на фундаментальном, так и на прикладном уровнях, является применение образцов биологических материалов человека, которые, в подавляющем большинстве случаев, депонируются в специализированных коллекциях биобанков. Актуальность приобретают вопросы, связанные с определением правового статуса биобанков как субъектов права и с определением правового режима сведений, собираемых биобанками, а также с особенностями использования таких сведений в том числе для научных целей.

Доступность человеческих биоматериалов является важнейшим компонентом медицинских исследований, жизненно важным для здоровья и последующего лечения, вакцин и диагностики (в совокупности известных как «медицинские технологии»). Биоматериалы можно получить путем прямой передачи образцов (и связанных с ними данных) от участников, привлеченных к научным исследованиям, или через биобанки.

Биобанк определяется как «учреждение, которое собирает и хранит биологические материалы и связанные с ними данные и информацию в организованной системе, применимой к определенной популяции или ее подгруппе».

Существующие биобанки сильно различаются: от крупных популяционных биобанков до специализированных или целевых биобанков, таких как Британский банк стволовых клеток, который специализируется на хранении определенных типов биологических материалов. Биобанки являются важным ресурсом, предоставляющим биологические образцы исследовательскому сообществу.

Однако возникает противоречие: в биобанках, финансируемых из государственного бюджета, людей поощряют жертвовать образцы из альтруистических побуждений. Эта концепция подчеркивает, что доноры могут помогать другим, например, внося вклад в разработку новых медицинских технологий для населения. Однако медицинские технологии, разработанные с использованием этих биологических

материалов, как правило, защищены правами интеллектуальной собственности (ПИС), включая патенты. Эти ПИС в первую очередь принадлежат изобретателям или исследовательским компаниям, а не донорам или биобанкам. Правообладатели не обязаны учитывать интересы или ожидания доноров при использовании этих ПИС, и использование этих ПИС иногда может препятствовать доступу населения к медицинским технологиям[1].

В современной модели биобанков, финансируемых из государственного бюджета, выделяют два отдельных этапа:

первый этап – это процесс пожертвования, ориентированный на вклад донора в общественное благо;

второй этап – это процесс использования образцов.

В Европе отсутствует единая модель соглашения между биобанками и сторонними исследователями, а также юридическое обязательство обеспечивать разумный общественный доступ к последующим технологиям. Вместо этого условия таких соглашений обычно определяются самим биобанком и третьей стороной. Доноры, как правило, практически не контролируют продукты или знания, полученные в результате использования их образцов. Например, если технология разрабатывается с использованием образцов биобанка или если такая технология получена из образцов биобанка, права интеллектуальной собственности на эти технологии будут контролироваться соответствующими правообладателями, чьи намерения могут не совпадать с первоначальными намерениями донора.

Данное исследование не призывает доноров биобанков приобретать права интеллектуальной собственности на последующие технологии, а скорее подчеркивает важность того, как эти права могут быть использованы и каково их влияние на доступность технологий для общественности. Мы фокусируем внимание на биоэтических последствиях прав интеллектуальной собственности, утверждая, что существующая европейская правовая база игнорирует две ключевые области:

во-первых, как сообщать донорам на этапе донорства о том, как могут действовать права интеллектуальной собственности и каково их влияние на доступность технологий;

во-вторых, как используются права интеллектуальной собственности на последующих этапах и каково их потенциальное влияние на доступность для общественности.

В настоящее время этим биоэтическим вопросам уделяется недостаточно внимания, мы предлагаем восполнить этот пробел путем двух аргументов:

- во-первых, биобанки не несут обязательного юридического обязательства сообщать донорам о потенциальных будущих правах интеллектуальной собственности, возникающих в связи с медицинскими технологиями, и о том, как эти права интеллектуальной собственности могут повлиять на доступность медицинских технологий, что, в свою очередь, влияет на автономию доноров;

- во-вторых, отсутствие соответствующих обязательств по раскрытию информации, в сочетании с отсутствием юридических обязательств по предоставлению механизмов вмешательства для решения вопросов использования прав интеллектуальной собственности правообладателями (особенно когда доступ к информации необоснованно ограничен), может привести к тому, что доноры будут считать, что их пожертвование биологических материалов (и связанных с ними данных) является лишь средством достижения цели, потенциально затрагивающим их достоинство и интересы.

Данные проблемы проистекают из разделения между этапами пожертвования и использования биобанков. Исследователи выступают за более комплексный подход к биобанкам, финансируемым из государственного бюджета, учитывая интересы и ожидания доноров (и широкой общественности) в отношении будущего использования прав интеллектуальной собственности от этапа пожертвования до этапа использования, и предлагают несколько способов решения этой проблемы[2].

Важно отметить, что мы не выступаем против установления прав интеллектуальной собственности на последующие медицинские технологии, разработанные при поддержке образцов из биобанков - в современной модели инноваций в здравоохранении, а говорим о необходимости достижения баланса между стимулами к разработке новых медицинских технологий, предоставляемыми правами интеллектуальной собственности, и потенциальным влиянием прав интеллектуальной собственности на доступность технологий.

Многочисленные эмпирические исследования показали, что альтруизм, проистекающий из желания внести вклад в здоровье и общество, является ключевым фактором, мотивирующим людей жертвовать образцы в биобанки. В своем обзоре эмпирических исследований отношения общественности к пожертвованиям в биобанки Домарадзки и Павликовски выделили несколько основных мотивов для пожертвований: «Всепроникающее чувство ответственности и желание способствовать общественному благу... помогая другим и будущим поколениям; многие также надеются внести свой вклад в открытие новых знаний и разработку новых методов лечения, или принести пользу своей семье, родственникам или другим людям, или добиться лучших результатов в здравоохранении и исследованиях».

[1] Эминова В.С., Петрова Г.Д. Результаты интеллектуальной деятельности как основа инновационного развития здравоохранения // Вестник Академии знаний. 2024. №1 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-intellektualnoy-deyatelnosti-kak-osnova-innovatsionnogo-razvitiya-zdravoohraneniya (дата обращения: 24.02.2026).

[2] Фоменко Н.М., Гамарник И.А. Особенности обеспечение защиты интеллектуальной деятельности в медицинских разработках // Вестник евразийской науки. 2025. №1S. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obespechenie-zaschity-intellektualnoy-deyatelnosti-v-meditsinskih-razrabotkah (дата обращения: 24.02.2026).

Многие доноры надеются внести свой вклад в создание новых знаний и разработку новых методов лечения. Другие надеются, что их пожертвования принесут пользу их семьям, родственникам или сообществам, или рассчитывают получить медицинские услуги и результаты исследований. Например, исследование Кеттис-Линдблад в вопросах о готовности жителей Швеции сдавать образцы крови для исследовательских целей. Среди потенциальных доноров, выразивших готовность к пожертвованиям, основными мотивами были «польза для будущих пациентов» (89%), «польза для себя или своих семей» (61%), а для некоторых (32,1%) – «чувство ответственности»[3]. Хотя исследователи признают, что не все пожертвования доноров мотивированы общественным интересом, эти исследования показывают, что возможность получения общественной пользы посредством пожертвований, по-видимому, является ключевым фактором участия многих доноров в биобанках.

Биобанки, финансируемые из государственного бюджета, строят модели на основе общественных интересов и пользы для здоровья, привлекая доноров и используя биологические материалы. Именно данный подчеркивают потенциальную общественную пользу.

Например, Британский банк мозга при болезни Паркинсона заявляет: «изучая донорскую ткань мозга от людей с болезнью Паркинсона, включая постепенное понимание причин изменений в клетках мозга, способствует разработке многих новых методов лечения, которые в настоящее время находятся в стадии разработки».

Национальный ирландский биобанк COVID акцентирует внимание на использования образцов биобанка для получения новых знаний и понимания в области здравоохранения.

Европейский консорциум исследовательских инфраструктур биобанков и биомолекулярных ресурсов (BBMRI-ERIC) говорит, что разработка новых методов лечения – это цель исследования.

Что касается использования биобанков, в настоящее время в Европе нет обязательных законов, обязывающих правообладателей предоставлять донорам или биобанкам контроль над правами интеллектуальной собственности, возникающими в связи с этим, или обязывающих использовать образцы биобанков для разработки или содействия публичному доступу к технологиям, защищенным правами интеллектуальной собственности.

Ряд общих руководящих принципов и рекомендаций поощряет распределение выгод. Например, статья 15 Всеобщей декларации по биоэтике и правам человека 2005 года, принятой Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), гласит, что «выгоды, получаемые от любых научных исследований и их применения, должны распределяться между обществом в целом и международным сообществом, особенно между развивающимися странами... выгоды могут принимать форму:

(а) специальной и устойчивой помощи и признания отдельных лиц и групп, участвующих в исследованиях;

(б) доступа к качественным медицинским услугам;

(в) предоставления новых диагностических и терапевтических методов или продуктов, полученных в результате исследований;

(г) поддержки здравоохранения;

(д) доступа к научным и технологическим знаниям...».

Эта декларация содержит указания по включению принципа распределения выгод в национальное и региональное законодательство, однако она не имеет обязательной юридической силы[4].

Аналогичным образом, в «Руководстве по банкам биоматериалов человека и банкам генетических исследований» организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 2009 года также упоминается распределение выгод. В качестве идеального практического руководства статья 9.1 гласит, что операторы банков биоматериалов человека и банков генетических исследований должны иметь четкую стратегию распределения выгод, включая вопрос о том, «следует ли делиться тестами или продуктами, полученными в результате исследований, проведенных с использованием их ресурсов, с сообществом и/или общественностью, и как этого добиться».

Кроме того, статья 9.2 рекомендует операторам банков биоматериалов человека и банков генетических исследований «заключать соглашения о распределении выгод до начала исследований». Однако эти руководства не рассматривают вопрос о том, как правообладатели должны использовать права интеллектуальной собственности на такие продукты, полученные в результате исследований, и не упоминают требования по обеспечению публичной доступности технологий, защищенных правами интеллектуальной собственности. Толкование этих руководящих принципов означает, что если результаты исследований должны быть доступны сообществу, то, если эти технологии защищены правами интеллектуальной собственности, должны существовать механизмы, предотвращающие использование прав интеллектуальной собственности правообладателями в ограничительных целях, тем самым способствуя распределению выгод. Однако, поскольку соответствующие руководящие принципы не являются обязательными, такое широкое толкование маловероятно.

[3] Кеттис-Линдблад А., Ринга Л., Виберта Э., Ханссона М.Г. Восприятие потенциальными донорами шведской общественности процедур информирования и согласия // European journal of public health (2006). URL: semanticscholar.orgbmj.com (дата обращения: 24.02.2026).

[4] Горян Э.В., Котляр О.С. Охрана интеллектуальной собственности в медицине как фактор научного и технологического развития государства (опыт РФ и США) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15, № 1. С. 113-124.

В качестве идеального практического руководства эти рекомендации предусматривают, что исследователи должны ежегодно представлять в HBGRD (Базы данных биобанков и генетических исследований человека) отчеты о ходе работы, включая «список публикаций, опубликованных заявок на патенты и выданных патентов, связанных с исследованиями, проведенными с использованием ресурсов HBGRD». Однако эти рекомендации не распространяются на предоставление донорам информации о заявках на патенты или любых других правах интеллектуальной собственности, а также не включают обязательство информировать биобанки/доноров о том, как используются эти права интеллектуальной собственности или об их потенциальном влиянии на общественное использование последующих технологий.

Пункты о разделе прибыли вновь подчеркивают несоответствие в процессе создания биобанка: существует противоречие между вкладом донора на этапе донорства и его намерением, основанным на общественных интересах, и тем, как последующие медицинские технологии, разработанные на этапе использования, могут быть защищены правами интеллектуальной собственности, и как эти права интеллектуальной собственности могут препятствовать возможности доступа общественности к таким технологиям.

На основании вышеизложенного анализа можно констатировать, что существующая система может вызывать биоэтические проблемы, в том числе:

- влияние на автономию доноров из-за отсутствия обязательного требования в процессе информированного согласия раскрывать донорам информацию о потенциальной возможности получения патентов (и других прав интеллектуальной собственности) на последующие технологии, а также о том, как эти права интеллектуальной собственности могут повлиять на доступность технологии в целом;

- влияние интересы доноров, учитывая, что права интеллектуальной собственности могут быть использованы для препятствования доступности медицинских технологий.

Защита «автономии» в медицинских исследованиях обсуждалась в ряде правовых документов и руководящих принципов в Европе и на международном уровне. Хотя общепринятого определения «автономии» в биоэтике или медицинском праве не существует, ее основная концепция вращается вокруг информированного и самостоятельного принятия решений этическими субъектами. Современная биоэтика подчеркивает защиту автономии, фокусируясь на информированном согласии, правах пациентов и ценности принятия людьми собственных решений в отношении здравоохранения. Эта концепция распространяется на неприкосновенность частной жизни, добровольность, самоконтроль, свободу выбора, выбор собственной моральной позиции и принятие ответственности за этот выбор, а также включает в себя соображения самоконтроля и самоопределения. Проще говоря, автономия обычно рассматривается как выражение личной свободы.

Когда доноры желают передать биологические материалы в биобанк, в рамках процесса информированного согласия им предоставляется информация, которая теоретически должна помочь им принять взвешенное решение, тем самым защищая их автономию. Однако в контексте биобанков отсутствуют четкие правовые принципы, определяющие точные требования к информации, раскрываемой в процессе согласия. Поэтому характер предоставляемой информации и сам процесс согласия могут варьироваться в зависимости от ряда факторов, включая применимое законодательство соответствующих стран.

Аргументация, представленная Верховным судом Великобритании в деле «Монтгомери против **Совета по здравоохранению** Ланаркшира» (решение Верховного суда от 11 марта 2015 года), проливает свет на этот вопрос. Дело касалось информированного согласия пациентов при медицинском лечении и обязанности врачей раскрывать риски. В этом деле рассматривалось требование о раскрытии информации о рисках медицинского лечения в случаях халатности. В деле «Монтгомери» была подтверждена необходимость защиты информированного согласия как части более широкого права человека на самоопределение и автономию пациента, права, предусмотренного статьей 8 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) и гарантированного ее принятием Законом Великобритании о правах человека 1998 года. Для обеспечения надлежащего раскрытия информации, требуемого в соответствии со статьей 8 ЕКПЧ, суд отметил, что пациенты должны понимать «существенные риски» лечения и его альтернативы[5].

Хотя дело Монтгомери не имело отношения к исследованиям в области здравоохранения, автономия в таких исследованиях также гарантируется в литературе по правам человека, включая статью 8 ЕСПЧ. Поэтому, чтобы защитить автономию участников исследований в области здравоохранения, в Великобритании, исходя из аргументации Монтгомери, можно утверждать, что участники также должны быть осведомлены о любых существенных рисках, связанных с их участием в исследованиях в области здравоохранения, которые предполагают вмешательство в их организм. Развивая эту аргументацию дальше, в контексте исследований биобанков, мы считаем, что «существенные факторы», которые могут влиять на решения отдельных участников о донорстве, должны по возможности также раскрываться для защиты автономии этих участников.

Учитывая, что доноры надеются принести пользу общественному здравоохранению, особенно в контексте создания общедоступного биобанка, необходимо рассматривать факторы, которые будут влиять на то, как эти преимущества (включая разработанные тех-

[5] Mikhailova AA, Bogomiagkova ES, Nasykhova YA, Illarionov RA, Danilova MM, Tonyan ZN, Chernykh VB, Kovalenko LV, Bespalova ON and Glotov AS (2025) Healthcare professionals and scientists' collaboration with biobanks: a pilot study on the assessment of knowledge and attitudes toward biospecimen donation. Front. Med. 12:1497209.a

нологии) будут использоваться или доступны общественности, в том числе будущее развитие прав интеллектуальной собственности, как существенные соображения для доноров. Поэтому эти факторы должны быть раскрыты донорам в рамках процесса информированного согласия. Однако доноры должны в целом понимать, что исследования образцов биобанка могут порождать права интеллектуальной собственности, кто будет обладать этими правами интеллектуальной собственности и как эти права интеллектуальной собственности могут повлиять на приобретение последующих технологий.

Потенциальный контраргумент заключается в том, что, поскольку вероятность разработки медицинских технологий на основе биологического материала одного донора ограничена, такая информация не должна разглашаться. Однако вопрос о том, будет ли разработана технология на основе вклада конкретного донора, не имеет значения. Следует учитывать дух поступка донора, передающего образец в общественный биобанк. Если биобанк и мотивация донора сосредоточены на потенциальном вкладе образца в общественное благо, включая разработку новых технологий, то вопрос о том, как контролировать эти технологии (если возникнут права интеллектуальной собственности), становится существенным фактором. Это следует объяснить и обсудить с донором, так же как медицинский персонал обязан раскрывать информацию до того, как пациент получит медицинское вмешательство.

Для соблюдения требований информированного согласия существенные риски, которые могут возникнуть, должны быть раскрыты в общем виде. Аналогично, существенные факторы, которые могут повлиять на то, как используются или доступны преимущества, разработанные донором, должны быть раскрыты в общем виде. Как и при предоставлении пациенту информации о медицинской процедуре, даже если неясно, будет ли пациент подвергаться какому-либо риску, соответствующий персонал все равно обязан раскрыть потенциальные риски. Аналогично, даже если неясно, будет ли биологический материал донора способствовать разработке нового метода лечения, будут ли применяться права интеллектуальной собственности или как эти права интеллектуальной собственности повлияют на использование технологии, эти потенциальные права интеллектуальной собственности все равно должны быть раскрыты в общем виде, и должно быть объяснено, как они могут повлиять на доступ общественности к этим технологиям.

Существующие судебные дела демонстрируют, что информирование людей о том, как будут коммерциализированы результаты исследований, может повлиять на их решения относительно пожертвования биологических материалов. Например, дело Гринберг против Детской больницы Майами касалось семьи с ребенком, страдающим болезнью Канавана, которая пожертвовала биологические материалы и данные для разработки тестов/методов лечения и продвижения исследований этого заболевания. В этом случае были выделены и запатентованы гены, связанные с заболеванием, и были выданы патенты, выделение этих генов (и открытие связанных с ними характеристик) частично стало результатом медицинских исследований, проведенных с использованием биологических материалов и данных участников. Эти патенты, как утверждается, использовались в рамках эксклюзивных лицензионных соглашений, что привело к высоким патентным сборам и, следовательно, повлияло на доступность тестов. Истцы утверждали, что понимали, что тесты, разработанные в связи с исследованиями, которым они оказали решающую поддержку, должны быть доступны по доступной цене, и что исследования останутся в общественном достоянии для содействия изобретению более эффективных профилактических технологий и методов лечения болезни Канавана. Кроме того, истец заявил, что его не уведомили о намерении запатентовать или коммерциализировать результаты исследования, и что он не предоставил бы биологические материалы в таких условиях, если бы его уведомили заранее.

Спор был урегулирован в 2003 году путём заключения конфиденциального соглашения. В заявлении было указано, что за больницей Майами остаются исключительные права на патент, в том числе на предоставление лицензий, но некоторые способы использования гена Канавана будут применяться на безвозмездной основе в рамках научных исследований.

Как видно из вышеизложенного, если не предоставляется достаточная информация о потенциальных правах интеллектуальной собственности, возникающих в результате использования последующих технологий, и о том, как это может повлиять на доступность этих технологий, информация, полученная донором в процессе информированного согласия, является неполной, что может оказать существенное влияние на автономию донора.

Подводя итоги, отметим, что представленный обзор обосновывает положение о том, что внедрение инноваций в медицину и здравоохранение является приоритетом для многих стран и международных организаций. Результаты интеллектуальной деятельности, формируя основу для создания новаций, способствуют повышению доступности и качества медицинской помощи, а также снижению заболеваемости и смертности населения от различных заболеваний.

Повышение эффективности науки как сложной комплексной системы может быть обеспечено на основе слаженного функционирования ее звеньев. В этом аспекте особую актуальность приобретают вопросы совершенствования управления наукой, к которым относится и оценка результатов деятельности коллективов научных учреждений, их структурных подразделений и отдельных исследователей.

Для решения проблем активизации интеллектуальной деятельности, продуктивного взаимодействия между учеными-исследователями и организа-

циями-получателями услуг, необходимо разрабатывать эффективные механизмы стимулирования производства новаций, улучшать систему защиты интеллектуальной собственности и создавать условия для сотрудничества между лечебно-профилактическими организациями и научными центрами. Также важно проводить образовательные мероприятия для повышения осведомленности научных сотрудников о важности интеллектуальной собственности и ее значения в инновационном развитии.

Библиографический список

1. Горян Э.В., Котляр О.С. Охрана интеллектуальной собственности в медицине как фактор научного и технологического развития государства (опыт РФ и США) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 113-124.

2. Кеттис-Линдблад А., Ринга Л., Виберта Э., Ханссона М.Г. Восприятие потенциальными донорами шведской общественности процедур информирования и согласия // European journal of public health (2006). URL: semanticscholar.orgbmj.com.

3. Фоменко Н.М., Гамарник И.А. Особенности обеспечение защиты интеллектуальной деятельности в медицинских разработках // Вестник евразийской науки. – 2025. – №1S.

4. Эминова В.С., Петрова Г.Д. Результаты интеллектуальной деятельности как основа инновационного развития здравоохранения // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 1 (60).

5. Mikhailova A.A., Bogomiagkova E.S., Nasykhova Y.A., Illarionov R.A., Danilova M.M., Tonyan Z.N., Chernykh V.B., Kovalenko L.V., Bespalova O.N., Glotov A.S. Healthcare professionals and scientists' collaboration with biobanks: a pilot study on the assessment of knowledge and attitudes toward biospecimen donation // Front. Med. – 2025. – Vol. 12. Art. 1497209. – 13 p.

Рецензент: Черепанцева Ю.С., и.о. заведующего кафедрой предпринимательского и трудового Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент

ШЕВЧУК ЕЛЕНА ПАВЛОВНА
старший преподаватель кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева 66074, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а;
e-mail: elena-shevchuk-1978@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ К МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

SHEVCHUK ELENA PAVLOVNA
Senior Lecturer, Department of Civil Law, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk, Russia,
e-mail:elena-shevchuk-1978@mail.ru

APPLICATION OF CONSUMER PROTECTION LEGISLATION TO MEDICAL ACTIVITIES IN RUSSIA

Аннотация. *В статье анализируется дискуссия по поводу соотношения таких понятий как «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Выявляется, что высшей судебной инстанцией были даны разъяснения о применении норм законодательства о защите прав потребителей, которые должны распространяться на любые отношения в сфере медицинской деятельности – и на возмездные отношения с пациентом, и по программе обязательного медицинского страхования. Дальнейшая судебная практика показала, что это противоречит смыслу законодательства о защите прав потребителей, которое должно применяться к отношениям возмездного характера, возникающим между пациентом и медицинской организацией на основе отдельного договора и такую медицинскую деятельность следует квалифицировать как услугу, а к отношениям по оказанию медицинской помощи законодательство о защите прав потребителей применять не следует.*

Делается вывод о том, что необходимо применять единое правовое регулирование, поскольку сами действия медицинской организации носят комплексный характер, т.е. представляют собой несколько манипуляций, из которых сложно вычленить, какие из них привели к вредоностному эффекту для пациента и были оказаны в рамках медицинской помощи, а какие – по отдельному возмездному договору. Важно учитывать, что теперь лечащие врачи должны будут выбирать тактику обследования и лечения пациентов на основе клинических рекомендаций, но с учетом индивидуального подхода к пациенту при исполнении любых медицинских манипуляций. Все виды медицинской деятельности, как в рамках оказания медицинской помощи, так и на основе возмездного договора с пациентом должны соответствовать порядкам оказания медицинской помощи на основе таких рекомендаций и с учетом стандартов.

Ключевые слова: *законодательство о защите прав потребителей, медицинская помощь, медицинская услуга, медицинская деятельность, клинические рекомендации, стандарты и порядки оказания медицинской помощи, программа обязательного медицинского страхования, возмездный договор об оказании медицинских услуг.*

Annotation. *The article analyzes the discussion about the relationship between such concepts as «medical care» and «medical service». It turns out that the highest court provided clarifications on the application of consumer rights protection legislation, which should apply to any relationship in the field of medical activities - both paid and under the compulsory health insurance program. Further judicial practice has shown that this contradicts the meaning of consumer protection legislation, which should be applied to reimbursable relationships arising between a patient and a medical organization on the basis of a separate contract, and such medical activities should be qualified as a service, and consumer protection legislation should not be applied to relations in the provision of medical care.*

It is concluded that it is necessary to apply a unified legal regulation, since the actions of a medical organization themselves are complex in nature, i.e. represent several manipulations, from which it is difficult to isolate which of them led to a harmful effect for the patient and were provided as part of medical care, and which under a separate reimbursable agreement. It is important to consider that now attending physicians will have to choose tactics for examining and treating patients based on clinical recommendations, but taking into account an individual approach to the patient when performing any medical procedures. All types of medical activities, both within the framework of providing medical care and on the basis of a reimbursable agreement with the patient, must comply with the procedures for providing medical care based on such recommendations and taking into account standards.

Keywords: *legislation on the protection of consumer rights, medical care, medical services, medical activities, clinical recommendations, standards and procedures for the provision of medical care, compulsory health insurance program, paid contract for the provision of medical services.*

В научной литературе[1] и практике давно вызывает дискуссию соотношение таких понятий как «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Высшей судебной инстанцией были даны разъяснения норм законодательства о защите прав потребителей[2], что они должны применятся к любым отношениям в сфере медицинской деятельности – и к возмездным и по программе обязательного медицинского страхования (ОМС)[3]. В дальнейшем коллегия по гражданским делам отказалась от такой позиции, указав на то, что это противоречит смыслу законодательства[4] о защите прав потребителей, который должен применяться к отношениям возмездного характера, возникающим между пациентом и медицинской организацией на основе отдельного договора по правилам главы 39 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ[5]) и такую медицинскую деятельность следует квалифицировать как услугу, а к отношениям по оказанию медицинской помощи законодательство о защите прав потребителей применять нельзя.

Особенно остро развивается спор о соотношении понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» при применении ст. 238 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»[6]. Ранее эта статья на практике применялась и к возмездным, и к безвозмездным отношениям (по программе ОМС) в сфере медицинской деятельности. С учетом поправок, которые были внесены в уголовное законодательство в декабре 2024г., с 8 января 2025г. ст. 238 УК РФ[7] используют только в тех случаях, когда оказывается именно медицинская услуга на возмездных отношениях с пациентом как коммерческая деятельность, связанная с извлечением прибыли. Мы поддерживаем позицию профессора А.И. Плотникова[8], что эту норму не следует вообще применять к указанной сфере с учётом персонификации отношений с пациентом, которому адресована любая медицинская манипуляция. Данная же статья размещена в разделе преступлений против общественной безопасности, что не характерно для медицинской деятельности, кроме того, ни медицинская помощь, ни услуга не имеет экономической ценности как товар, что также противоречит замыслу законодателя, оказанная помощь или услуга не охватывает какие-либо общественные интересы, а касается исключительно интересов самого пациента и адресована ему.

Важно ли выявлять возмездные ли были отношения между медицинской организацией или нет? По большому счету, для услуги закон не выделяет такого критерия, как наличие встречного предоставления. Процесс поглощения услуг всегда является синхронным с ее оказанием, результат нематериален и не накапливается, что характерно для работ. Но при этом разграничивать услуги от иных отношений по наличию встречных предоставлений было бы некорректно, следует отметить и то, что среди объектов гражданских прав такой как помощь нет (ст. 128 ГК РФ).

Таким образом, понятие «медицинская помощь» в ст.2 Федерального закона от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323[9]) было определено как соотношение общего и частного – медицинская помощь, как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. Тем не менее продолжает существовать все та же дихотомия (тип отношений): для медицинских услуг характерен возмездный тип отношений с применением норм ГК РФ и законодательства о защите прав потребителей, а для медицинской помощи – безвозмездный для пациента тип отношений, имеющий социальную направленность по программе ОМС.

Однако несправедливо было бы утверждать, что медицинская услуга или помощь не имеет никакой экономической ценности, поскольку результат нематериален. Такой результат направлен на удовлетворение потребности заказчика в процессе ее оказания и имеет некий экономический эквивалент, хотя и

[1] См.: Рабец А.М. Права потребителей при оказании медицинских услуг // Законы Росси: опыт, анализ, практика. 2007. № 2. С. 10; Вильгоненко И.М., Степанова Л.П. Соотношение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» и их правовая природа // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. Т. 26. № 2. С. 104; Стеценко С.Г. Врачебные ошибки и несчастные случаи в практике работ учреждений здравоохранения: правовые аспекты // Юрист. 2004. № 2. С. 44-47; Тихомиров А.В. Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг: монография. М.: Статут, 2001. С.35; Шевчук С.С. Правовое регулирование оказания медицинских услуг // Журнал российского права. 2001. № 2. С.35; Шиманская С.В. Особенности гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С 15; Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. М.: БЕК, 1995. С. 32.

[2] О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. №2300-I // Российская газета. 1992. 7 апреля.

[3] Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ // Российская газета. 2010. 3 декабря; О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета. 2012. 11 июля.

[4] Определение СК Верховного Суда РФ от 15 июля 2019 г. № 44-КГ19-7 // СПС «Гарант».

[5] Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 6, 7, 8 февраля.

[6] См.: Савенков А.Н., Чучаев А.И., Антонова Е.Ю., Голик Ю.В., Иванчин А.В., Кленова Т.В., Коротких Н.Н., Кулыгин В.В., Маликов С.В., Новикова Е.В., Ображиев К.В., Плотников А.И., Ситникова А.И., Фаргиев И.А., Шеслер А.В., Яцеленко Б.В. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов / Том 2, Книга 1. Москва, 2024.

[7] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (часть I). Ст. 8524.

[8] URL: https://rutube.ru/video/private/d372cf6ed885d9f0e5aa78add9b8457a/?p=mZSKGz9QyQti_cgNBcaaBg (дата обращения: 01.10.2025).

[9] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. 23 ноября.

отличный от того, который свойственен товару, результату подрядных отношений. Стоит отметить, что в процессе оказания медицинской услуги на основе возмездного договора организация получает встречное предоставление от пациента, а при оказании медицинской помощи медицинские организации его получают из другого источника – фонда обязательного медницкого страхования. А в медицинской практике существуют порядки, стандарты, иные документы для определения качества медицинской помощи, законодатель не указывает специальный режим для медицинских услуг (ст. 37 ФЗ № 323). Изначально они были разработаны для определения экономической оценки медицинской помощи и ее качества, а порядки для определения организации такой помощи при этом данный закон не проводит никаких различий между тем, какой вид медицинской деятельности был оказан – возмездный или нет, все критерии оценки качества медицинских манипуляций едины не зависимо от, вышеупомянутых критериев, что также указывает о необходимости применения единого регулирования.

Стандартизация медицинской деятельности продолжает оставаться актуальной, а сами документы являются единственным инструментом оценки качества оказания медицинской помощи или услуги, а также они важны при выявлении условий наступления ответственности медицинской организации за нарушении ее функций. Таким образом, пока ФЗ № 323 предлагает три критерия оценки качества в ст. 2 (правильность и своевременность тактики ведения пациента, степень достижение результата), которые должны соотноситься со стандартами, но использование индивидуального подхода в интересах пациента возможно только при наличии протокола, легитимирующего отступления врача от схемы лечения, созданного по результатам консилиума врачей и при наличии такой возможности, предусмотренной Порядком применения клинических рекомендаций Минздрава РФ. Подчеркнем, что вполне логично применение единого критерия оценивания качества оказания медицинской помощи (услуг) и правового регулирования их оказания.

Таким образом, медицинская деятельность (помощь или услуга) должна соответствовать критериям качества ее оказания, предусмотренным ст. 2 Закона № 323 и определяться по ст. 37 этого же закона, которая должна осуществляться в соответствие с положением медицинской организации, порядками оказания, утвержденными Министерством здравоохранения РФ, на основе клинических рекомендаций и с учетом стандартов. Для медицинской помощи нет и не может быть иного обособленного регулирования оценки качества и характеристик медицинской помощи. Клинические рекомендации представляют собой «научный пласт» медицинской деятельности по конкретному заболеванию (состоянию), алгоритм действия врача и также не предполагают различий для вида манипуляций по возмездному договору или по программе ОМС.

На наш, взгляд следует применять единое правовое регулирование – законодательство о защите прав потребителей, поскольку сами действия медицинской организации носят комплексный характер, т.е. представляют собой целую комбинацию манипуляций, из которых сложно вычленить какие были причиной вреда здоровью пациента и были оказаны медицинской организацией по программе ОМС (медицинская помощь), а какие по отдельному возмездному договору оказания медицинских услуг. Важно учитывать, что теперь лечащие врачи должны будут выбирать тактику обследования и лечения пациентов на основе клинических рекомендаций, но с учетом индивидуального подхода к пациенту при исполнении любых договорных конструкций на основании Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27.10.2025 № 642н «Об утверждении порядка применения клинических рекомендаций»[10].

Правовое регулирование осуществления и защиты прав граждан в сфере здравоохранения регулируются главным образом Конституцией РФ, законодательством об основах охраны здоровья граждан, о защите прав потребителей и целым рядом специальных законов и подзаконных актов[11]. Общие условия ответственности установлены в ГК РФ, однако специфика заключается в установлении условий ответственности и критериев ненадлежащего исполнения данных услуг (помощи) в специальных актах[12].

Гражданское законодательство и применение законодательства о защите прав потребителей обеспечивает более эффективную защиту прав пациентов в России. Ранее нами анализировалась правовая оценка медицинских ошибок и определялись критерии ответственности за ущерб, нанесенный жизни и здоровью пациентов в процессе предоставления медицинских услуг. Гражданский иск имеет направленность - восстановить имущественное положения потерпевшего, которое существовало до факта нарушения его субъективного права. На основании гражданского процессуального законодательства (далее – ГПК РФ[13]) субъектами ответственности в таких случаях являются организации, а непосредственно фактических исполнителей медицинской помощи (услуги) следует привлекать к процессу по ст. 42 ГПК РФ в качестве 3-го лица (врача, фельдшера, акушера

[10] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27.10.2025 № 642н «Об утверждении порядка применения клинических рекомендаций». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512090012 (дата обращения: 01.10.2025).
[11] О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650; Об иммунопрофилактике инфекционных болезней: федер. закон от 17 сент. 1998 г. № 157-ФЗ // СЗ РФ РФ. 1998. № 38. Ст. 4736.
[12] Рузавина Е.Ю. Реализация прав граждан на создание эффективных инструментов определения качества оказания медицинской помощи // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 6. С. 85-92.
[13] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября.

и др.). В случаях реорганизации юридического лица у должника обязанность по возмещению причиненного вреда пациентам переходит правопреемнику, а в случаях ликвидации в соответствии с п. 1 ст.64 ГК РФ требования граждан о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью подлежат удовлетворению в порядке первой очереди.

Другой стороной обязательств в сфере медицинской деятельности всегда выступает пациент – физическое лицо, потребляющее полезный эффект этой услуги. Согласие на любое медицинское вмешательство (помощь или услугу) гражданин выражает в рамках добровольного самостоятельного волеизъявления, а несовершеннолетний гражданин может выразить такое согласие уже с 15 лет, и родители часто лишены возможности участвовать в решении вопроса о необходимости того или иного вмешательства, как, и лишены права на информацию о его состоянии здоровья. Несовершеннолетние в силу отсутствия опыта, знаний не в состоянии адекватно оценить ситуацию при принятии решения о подобном медицинском воздействии.

Подводя итог, отметим, что в сфере здравоохранения субъектами ответственности чаще являются медицинские организации любой организационно-правовой формы, а правом требования наделены пациенты в случае ненадлежащего исполнения самой услуги или причинения вреда здоровью. Объектом в данном случае будут действия указанной организации или предпринимателя, направленные на возмещение причиненного имущественного вреда и компенсацию морального вреда[14]. Само здоровье можно охарактеризовать как принадлежащее гражданину от рождения неотчуждаемое нематериальное благо, только физические лица могут обладать правом на здоровье. Это право неотчуждаемо и неразрывно связано с ним, даже при ограничении лица дееспособности или признании гражданина недееспособным в судебном порядке, право на здоровье сохраняется и не может быть ограничено никаким органом.

Несмотря на то, что судебная практика неоднозначно подходит к применению законодательства о защите прав потребителей к медицинской деятельности, применяя ее к услугам, но не к медицинской помощи в отдельных случаях выявляется необходимость использования единого правового регулирования к любым видам медицинской деятельности в силу ее комплексного характера. Важно учитывать, что в настоящее время лечащие врачи должны будут выбирать тактику обследования и лечения пациентов на основе клинических рекомендаций, но с учетом индивидуального подхода к пациенту при исполнении любых медицинских манипуляций. Все виды медицинской деятельности, как в рамках оказания медицинской помощи, так и на основе возмездного договора с пациентом должны соответствовать порядкам оказания медицинской помощи на основе таких рекомендаций и с учетом стандартов для наиболее эффективной защиты прав граждан в сфере здравоохранения.

Библиографический список

1. Вильгоненко И.М., Степанова Л.П. Соотношение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» и их правовая природа // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. – Т. 26. – № 2. – С. 104-107.

2. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. – М.: БЕК, 1995. – 260 с.

3. Рабец А.М. Права потребителей при оказании медицинских услуг // Законы Росси: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 2. – С. 10-17.

4. Рузавина Е.Ю. Реализация прав граждан на создание эффективных инструментов определения качества оказания медицинской помощи // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 6. – С. 85-92.

5. Савенков А.Н., Чучаев А.И., Антонова Е.Ю., Голик Ю.В., Иванчин А.В., Кленова Т.В., Коротких Н.Н., Кулыгин В.В., Маликов С.В., Новикова Е.В., Ображиев К.В., Плотников А.И., Ситникова А.И., Фаргиев И.А., Шеслер А.В., Яцеленко Б.В. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов / Том 2, Книга 1. – Москва, 2024. – 680 с.

6. Стеценко С.Г. Врачебные ошибки и несчастные случаи в практике работ учреждений здравоохранения: правовые аспекты // Юрист. – 2004. – № 2. – С. 44-47.

7. Тихомиров А.В. Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг: монография. – М.: Статут, 2001. – 256 с.

8. Шевчук Е.П. Проблемы осуществления и защиты прав граждан России в медицинской сфере // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. – 2025. – № 2. – С.352-355.

9. Шевчук С.С. Правовое регулирование оказания медицинских услуг // Журнал российского права. – 2001. – № 2. – С.35-40.

10. Шиманская С.В. Особенности гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 22 с.

Рецензент: Позднякова А.С., к.ю.н., доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[14] Шевчук Е.П. Проблемы осуществления и защиты прав граждан России в медицинской сфере // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. 2025. № 2. С.352-355.

ЯФАРОВ АЙРАТ АЗАТОВИЧ,
адвокат Негосударственной некоммерческой организации коллегии адвокатов «Ваш Поверенный», аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет» г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: airat.yafarov@mail.ru

СДЕЛКА, СОВЕРШЕННАЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ОБМАНА ИЛИ НАСИЛИЯ: ДОКАЗЫВАНИЕ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

YAFAROV AIRAT AZATOVICH,
advocate of the Non-State Non-Profit Organization of the Bar Association «Your Attorney», postgraduate student of the Law Faculty of the Orenburg State University Orenburg, Russian Federation, e-mail: airat.yafarov@mail.ru

A TRANSACTION MADE UNDER THE INFLUENCE OF DECEPTION OR VIOLENCE: EVIDENCE AND LEGAL CONSEQUENCES

Аннотация. *В статье проведено комплексное исследование теоретических и практических аспектов недействительности сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия или угрозы. На основе анализа действующего гражданского законодательства, практики его применения и научной литературы выявляются проблемные аспекты доказывания перечисленных обстоятельств и предлагаются пути решения указанных проблем. Особое внимание уделено соотношению реальной воли сторон с их волеизъявлением, стандартам доказывания, процедурным вопросам и правовым последствиям признания сделки недействительной.*

Ключевые слова: *недействительность сделки, обман, насилие, угроза, порок воли, волеизъявление, доказывание, реституция, исковая давность.*

Annotation. *The article provides a comprehensive study of the theoretical and practical aspects of the invalidity of transactions made under the influence of deception, violence, or threats. Based on an analysis of current civil legislation, the practice of its application, and scientific literature, the article identifies problematic aspects of proving these circumstances and suggests ways to address these issues. Special attention is given to the relationship between the parties' actual will and their expressed will, the standards of proof, procedural matters, and the legal consequences of declaring a transaction invalid.*

Keywords: *invalidity of the transaction, deception, violence, threat, vice of will, expression of will, proof, restitution, statute of limitations.*

Защита участников гражданского оборота от совершения невыгодных для них сделок под воздействием обмана или насилия является одной из фундаментальных задач гражданского права. Статья 179 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает механизм признания таких сделок недействительными. Однако практическое применение этой нормы сопряжено с рядом сложностей, связанных с доказыванием, размежеванием смежных оснований недействительности и определением надлежащих правовых последствий.

В условиях цифровой экономики способы обмана контрагентов становятся все более изощренными (фишинг, мошеннические онлайн-платформы, введение в заблуждение с помощью сложных финансовых инструментов). Параллельно сохраняются и эволюционируют традиционные формы психологического и экономического насилия (угрозы, шантаж), доказать которые в суде крайне сложно. Нормы статей 178 и 179 Гражданского кодекса РФ содержат оценочные категории («обман», «насилие», «угроза», «существенное значение»). Отсутствие их детализированного легального определения приводит к противоречивой судебной практике, правовой неопределенности и судебным ошибкам. Ключевой проблемой является дисбаланс в распределении бремени доказывания. Потерпевшая сторона часто не обладает необходимыми ресурсами и информацией, чтобы подтвердить наличие умысла контрагента на обман или реальность примененной угрозы, что создает высокий риск того, что противоправные действия останутся безнаказанными, а права добросовестных участников оборота будут нарушены[1].

Основная правовая норма, регулирующая недействительность сделок, совершенных под влиянием обмана и насилия, – статья 179 Гражданского кодекса Российской Федерации, введенная Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ[2]. Данным За-

[1] Аблятипова Н.А., Григорчук Н.В. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок: анализ судебной практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 216-222.

[2] Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

коном было существенно переработано содержание нормы, отделено основание обмана от основания насилия и угрозы, и введены специальные правила, касающиеся обмана со стороны третьих лиц. В соответствии с пунктом 1 статьи 179 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием насилия или угрозы, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Пункт 2 этой же статьи устанавливает, что сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной также по иску потерпевшего.

Исключительный характер оспариваемых сделок определяется тем, что они не являются ничтожными, а потому требуют судебного акта для их признания недействительными. Это означает, что в отличие от ничтожных сделок, такие сделки продолжают действовать до момента вынесения судом решения об их недействительности[3].

Применение норм статьи 179 ГК РФ дополняется разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[4], а также в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 декабря 2013 года № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации»[5].

Обман в гражданско-правовом смысле – умышленное введение другой стороны в заблуждение относительно обстоятельств, имеющих значение для совершения сделки. Обман может выражаться как в активном действии (предоставление ложной информации), так и в бездействии (умышленном умолчании об существенных обстоятельствах). Согласно пункту 2 статьи 179 ГК РФ обманом признается также намеренное умолчание об обстоятельстве при заключении сделки. Обман имеет следующие признаки: умышленный характер (виновное лицо сознает, что вводит другую сторону в заблуждение); направленность на введение в заблуждение относительно обстоятельств, имеющих значение для принятия решения о совершении сделки; причинная связь между обманом и совершением сделки; наличие ущерба или диспропорции в стоимостных показателях сделки (хотя это не всегда обязательно).

В свою очередь насилие – физическое или психическое воздействие на волю лица для понуждения его к совершению сделки или к отказу от ее6 совершения. Насилие в гражданско-правовом смысле шире, чем в уголовно-правовом, и может включать физическое воздействие (удары, побои), психическое воздействие, не выраженное в форме угрозы (например, запирание в помещении), воздействие на близких лиц потерпевшего. Для признания сделки недействительной насилие должно быть непосредственной или существенной причиной совершения сделки, противозаконным, реальным или осуществимым (не абстрактным), значительным по своему характеру и воздействию.

Угроза – психическое воздействие на волю лица посредством заявлений о причинении зла в будущем (физического вреда, материального ущерба, распространения позорящих сведений и т.п.) с целью понудить его к совершению сделки. Характеристики угрозы, достаточные для признания сделки недействительной: реальность (объективная возможность осуществления); существенность (лицо должно иметь основания опасаться ее реализации); противозаконность (угроза совершением незаконных действий); причинная связь с волеизъявлением. При этом для признания сделки недействительной необходимо установить реальность и осуществимость угрозы. Психологические выводы об угрозе, полученные через длительное время после сделки, сами по себе не достаточны, а требуется объективное подтверждение угрозы (свидетели, документы, видеозаписи).

Важным отличием угрозы от насилия является то, что первая относится к будущему времени и действует на психику лица, в то время как второе может быть как настоящим действием, так и психическим воздействием[6].

В то же время есть вероятность того, что к угрозам могут быть отнесены некоторые принятые в деловой практике приемы ведения переговоров. Например, когда сторона договора заявляет, что в случае несогласия другой стороны совершить определенную сделку ей придется отказаться от сотрудничества с этой стороной по другим перспективным проектам, переориентироваться в будущем на конкурента, реализовать те или иные свои права (например, по отказу от договора)[7].

Статьи 178 ГК РФ «Существенное заблуждение» и статья 179 ГК РФ «Обман» регулируют существенно различные ситуации, несмотря на кажущееся сходство обоснований. Судебная практика различает эти два основания. В частности, отмечается, что сделка не может быть признана недействительной одновременно по статьям 178 и 179 ГК РФ, что вытекает из логики законодательства: если другая сторона сама заблуждалась, то она действовала без умысла на обман, и применяется только статья 178 ГК РФ; если

[3] Каражеляскоов Б.А., Юнусов М.Ф. Угроза правомерными действиями как основание для оспаривания сделки // Аграрное и земельное право. 2022. № 6 (210). С. 72-73.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[5] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 декабря 2013 года № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2.

[6] Аверина А.А. Сделки, совершенные под влиянием обмана, угрозы, насилия и неблагоприятных обстоятельств // Юрист спешит на помощь. 2025. № 1. С. 15-19.

[7] Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации (отв. ред. А.Г. Карапетов). Москва: М-Логос, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

же она умышленно вводила в заблуждение, то это обман, и применяется статья 179 ГК РФ.

Одной из проблем применения статьи 179 ГК РФ является вопрос о распределении бремени доказывания. Действующее законодательство не содержит специальных норм, отличающих стандарты доказывания в этой области от общих правил. По общему правилу, установленному статьей 56 Гражданского процессуального кодекса РФ и статьей 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ, каждая сторона должна доказать обстоятельства, на которые она ссылается. Применительно к спорам о признании сделки недействительной означает, что истец (потерпевшая сторона) должен доказать следующие обстоятельства: наличие обмана (или насилия, угрозы), причинную связь между обманом и решением совершить сделку, что без обмана он не совершил бы сделку (субъективный момент), а в некоторых случаях – причиненный ущерб. Ответчик же может доказывать отсутствие обмана или его несущественность, отсутствие причинной связи, что истец знал о ложности информации, что истец был недобросовестен при оспаривании сделки.

Однако судебная практика демонстрирует определенные отступления от формального распределения бремени. Суды, особенно при наличии явных признаков манипуляции уязвимыми лицами (пожилыми, больными), склонны предполагать наличие обмана и требовать от ответчика объяснений[8].

По смыслу пункта 99 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 при рассмотрении дел об оспаривании сделок требуется установить следующее:

1. наличие самого обмана – предоставление заведомо ложной информации, активное введение в заблуждение или умышленное умолчание о существенных фактах;

2. существенность обмана – обман должен касаться обстоятельств, имеющих значение при принятии решения о совершении сделки. Обман о мотивах (например, зачем другой стороне нужно имущество) обычно не считается существенным;

3. причинную связь – необходимо установить, что без обмана потерпевший не совершил бы сделку. Это является субъективным элементом доказывания;

4. умышленный характер – обманывающее лицо должно сознавать, что сообщает ложную информацию, и стремиться благодаря этому добиться совершения сделки;

5. добросовестность потерпевшего – суд должен убедиться, что потерпевший был добросовестен в своем доверии, а не игнорировал явные признаки недостоверности информации.

Важно отметить, что наличие уголовного дела или уголовного преследования не является обязательным условием для признания сделки недействительной по статье 179 ГК РФ. Суд вправе делать выводы на основе гражданского стандарта доказывания, который является более мягким, чем уголовно-процессуальный. Материалы предварительного расследования, обвинительные заключения, приговоры могут быть использованы как вспомогательные доказательства, но не являются решающими[9].

Развитие онлайн-платформ привело к новым формам обмана: фиктивные объявления, поддельные реквизиты, использование персональных данных. Ключевым вопросом здесь остается установление добросовестности потерпевшего: мог ли он при надлежащей проверке выявить признаки мошенничества. Согласно пункту 2 статьи 179 ГК РФ обман потерпевшего третьим лицом (представителем, риелтором, адвокатом) может быть основанием для признания сделки недействительной при условии, что другая сторона знала или должна была знать об обмане. Особенно часто это встречается в делах о купле-продаже недвижимости. При этом суды требуют доказать осведомленность другой стороны, что часто представляет объективную сложность.

Судебная практика последних лет демонстрирует значительное внимание к делам о признании сделок недействительными, совершенными пожилыми лицами. Однако суды выработали достаточно строгий стандарт: одного только возраста или состояния здоровья недостаточно. Необходимо доказать конкретные обстоятельства обмана или давления. В одном из решений Верховный Суд РФ установил, что осведомленность банка об обмане со стороны риелтора при заключении договора купли-продажи квартиры предполагается не автоматически, а требует наличия конкретных доказательств. Банк, заключивший договор купли-продажи в соответствии со стандартной процедурой и не имевший оснований подозревать мошенничество, не может нести ответственность за действия третьего лица, если риелтор не был его представителем.

Вопрос же о том, является ли заблуждение существенным или нет, должен решаться судом с учетом конкретных обстоятельств каждого дела исходя из того, насколько заблуждение существенно не вообще, а именно для данного участника сделки[10].

Приведем примеры из текущей судебной практики. Так, Якутский городской суд рассмотрел дело о признании договора купли-продажи квартиры недействительным[11]. Пожилая женщина обратилась в суд с требованием признать договор купли-продажи квартиры недействительным, ссылаясь на то, что она была

[8] Энциклопедия судебной практики. Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ) // СПС «Гарант».

[9] Жихарева И.А., Петров И.В. Сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств в гражданском праве // Научные известия. 2022. № 28. С. 310-312.

[10] Определение Верховного Суда РФ от 25 марта 2014 года № 4-КГ13-40 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 1 октября 2025 года по делу № 2-1316. URL: https://zakon.ru/blog/2025/11/16/fenomen_dolinoj_pobezhdyon_verhovnyj_sud_yakutii_opredeleniem_po_delu_№2-1316_argunova_vs_kirillina_ (дата обращения: 12.01.2026).

введена в заблуждение третьими лицами (предполагаемыми мошенниками), находилась в преклонном возрасте и была неспособна понимать значение своих действий. Суд первой инстанции удовлетворил иск. Однако апелляционный суд отменил решение, установив, что истица действовала вполне последовательно: заключила агентский договор с риелтором, затем предварительный договор, а затем основной договор купли-продажи – это не свидетельствует об ее неспособности. Материалы дела не содержали доказательств того, что покупатель и банк знали или должны были знать о том, что пенсионерка не имела намерений продавать квартиру. Мошенники действовали автономно, без причастности к ним банка или покупателя. Признание сделки недействительной без возврата денег перекладывало бы последствия деятельности мошенников на добросовестного покупателя. Это решение иллюстрирует твердую позицию судов на защиту добросовестных участников оборота, даже если потерпевшим является уязвимое лицо.

В Самарском областном суде было рассмотрено и разрешено дело о признании договора купли-продажи недействительным вследствие обмана при получении кредита[12]. Истица, будучи пенсионеркой, обратилась в организацию для получения кредита под залог квартиры. Сотрудники организации пояснили, что они предоставят ей деньги в долг, и она должна подписать бумаги, которые будут отправлены в банк для перечисления денег. На деле истица подписала договор купли-продажи ее квартиры и договор финансовой аренды (лизинга), не осознавая сути документов. Суд установил, что налицо был явный обман относительно содержания подписываемых документов. Истица была введена в заблуждение относительно юридических последствий своих действий. Обман был умышленным и имел причинную связь с совершением сделки. Между истицей и сотрудниками организации имелась явная диспропорция в знаниях и понимании. На основании вышеприведенного суд признал сделку недействительной и применил реституцию.

В арбитражной практике стандарт доказывания обмана является достаточно высоким. Суды исходят из предположения, что субъекты предпринимательской деятельности должны быть более внимательны при совершении сделок[13]. Обман относительно качества товара обычно не признается основанием для применения статьи 179 ГК РФ, если истец имел возможность провести проверку, но не воспользовался ею. Так, суд отклонил требование о признании сделки недействительной как совершенной под влиянием обмана на основании якобы существенного завышения стоимости имущества оценщиком. Суд указал, что обман должен касаться обстоятельств, существенных для сделки, и что одного только несовпадения оценок недостаточно, если стороны осознавали рыночные риски.

Пункт 2 статьи 179 ГК РФ содержит важную норму: «Сделка, совершенная под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом, может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что другая сторона либо лицо, к которому обращена односторонняя сделка, знали или должны были знать об обмане». Таким образом, обман третьей стороны может служить основанием для признания сделки недействительной только при выполнении дополнительного условия – осведомленности другой стороны об обмане.

Закон устанавливает презумпции (предположения) об осведомленности стороны об обмане в тех случаях, если виновное в обмане третье лицо являлось представителем стороны сделки; если оно было ее работником или служащим; если оно содействовало другой стороне в совершении сделки. При наличии любого из этих обстоятельств предполагается, что сторона знала об обмане. Такая презумпция может быть опровергнута доказательствами обратного.

В практике часто возникают сложности при определении того, является ли третье лицо (например, риелтор, оценщик, консультант) представителем или работником другой стороны. Ведь риелтор может действовать от имени продавца, но при этом юридически являться независимым лицом. В этом случае при совершении обмана риелтором требуется доказать, что продавец знал об обмане или должен был знать, что может быть достаточно сложным.

Кроме того, нет ответа на вопрос о том, что означает «содействие» в совершении сделки. Например, если банк рекомендовал покупателю риелтора, является ли это содействием. Можно сказать, что судебная практика по этому вопросу еще не сложилась, но тенденция такова, что простая рекомендация не считается содействием в смысле статьи 179 ГК РФ.

Сделки, совершенные под влиянием обмана или насилия, являются оспоримыми. К требованиям об их признании недействительности применяется одногодичный срок исковой давности, предусмотренный статьей 181 ГК РФ. Началом течения срока служит момент, когда потерпевший узнал или должен был узнать об обстоятельствах, позволяющих требовать признания сделки недействительной, в частности об обмане (когда потерпевший узнал о ложности информации); о примененном насилии или угрозе (когда опасность миновала или потерпевший смог от нее избавиться).

Однако на практике возникает вопрос о том, когда потерпевший «должен был узнать». Суды часто применяют критерий разумности: разумный человек в положении потерпевшего должен был заподозрить обман. Но это вносит элемент субъективности. Так, истец обратился в суд через 15 лет после совершения сделки, утверждая, что был обманут. Суд отклонил иск, указав, что истец при надлежащей осмотритель-

[12] Решение Октябрьского районного суда г. Самары по признанию договора купли-продажи недействительным на основании ст. 179 ГК РФ // СПС «Гарант».

[13] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23 сентября 2015 года № Ф06-26132/15 по делу № А65-23809/2014 // СПС «Гарант».

ности должен был узнать об обмане намного раньше. Учитывая давность сделки, суд счел применение срока исковой давности обоснованным.

Если же другая сторона активно скрывает обман (например, подделывает документы, препятствует выявлению истины), то начало течения срока может отсчитываться от момента фактического обнаружения обмана, а не от момента, когда потерпевший «должен был» его узнать. В исключительных случаях суд может восстановить пропущенный срок исковой давности, если истец пропустил его по уважительным причинам. Однако суды достаточно сдержанны в применении этого механизма.

Судебная практика выработала подход, при котором лицо не может ссылаться на недействительность сделки, если оно само было недобросовестно. Так, например, покупатель квартиры длительное время исполнял обязательства по договору (платил налоги, коммунальные услуги, осуществлял ремонт). Лишь когда возникла необходимость продать квартиру (и цены выросли), то покупатель заявил об обмане. Суд отказал в удовлетворении иска, указав на недобросовестность истца.

Итак, в заключение отметим, что статья 179 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает важный механизм защиты участников гражданского оборота от совершения сделок под влиянием обмана и насилия. Однако практическое применение этой нормы сопряжено с рядом сложностей. Четкое различие между обманом (умышленным введением в заблуждение) и заблуждением (неверным восприятием) остается критически важным для определения правовых последствий. Стандарт доказывания обмана должен быть справедливо сбалансирован: суд должен защитить потерпевшего, но не нарушить права добросовестного контрагента. Причинная связь между обманом и совершением сделки выступает субъективным элементом, требующим тщательного анализа судом. Добросовестность сторон является существенным фактором при применении норм о недействительности сделок. Независимость гражданского и уголовного судопроизводства означает, что суд вправе признать сделку недействительной по причине обмана независимо от наличия или результатов уголовного преследования. Нотариальное удостоверение сделки не исключает возможность признания ее недействительной по причине обмана. Однако нотариус обязан проверить дееспособность сторон и соответствие их воли содержанию сделки. Расширение роли нотариата в предотвращении обмана может быть одним из направлений развития. Современные вызовы, связанные с цифровизацией и появлением новых форм мошенничества, требуют дальнейшего развития как законодательства, так и судебной практики. При этом актуальным остается вопрос о том, как обеспечить защиту наиболее уязвимых участников гражданского оборота, не ущемляя при этом права добросовестных лиц.

Библиографический список

1. Аблятипова Н.А., Григорчук Н.В. Заблуждение и обман как условия недействительности сделок: анализ судебной практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – С. 216-222.

2. Аверина А.А. Сделки, совершенные под влиянием обмана, угрозы, насилия и неблагоприятных обстоятельств // Юрист спешит на помощь. – 2025. – № 1. – С. 15-19.

3. Жихарева И.А., Петров И.В. Сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств в гражданском праве // Научные известия. – 2022. – № 28. – С. 310-312.

4. Каражеляскоv Б.А., Юнусов М.Ф. Угроза правомерными действиями как основание для оспаривания сделки // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 6 (210). – С. 72-73.

5. Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации (отв. ред. А.Г. Карапетов). – Москва: М-Логос, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Энциклопедия судебной практики. Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ) // СПС «Гарант».

Рецензент: Ефимцева Т.В., д.ю.н., профессор кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

ЯХВАРОВ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 15, ser-yakhvarov@yandex.ru

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ДОЛЬЩИКОВ (УЧАСТНИКОВ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА) ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЗАСТРОЙЩИКА

YAKHVAROV SERGEY GRIGORIEVICH
PhD-student, Department of Civil Law Disciplines of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Chuvash State University named after I.N.Ulyanov», 15 Moskovskiy prospect, 428015 Cheboksary, Russia, ser-yakhvarov@yandex.ru

GUARANTEES OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS PROTECTION OF SHAREHOLDERS (PARTICIPANTS IN SHARED-EQUITY CONSTRUCTION) IN CASE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF THE DEVELOPER

Аннотация. *Рассмотрены нормы материального права в части гарантий защиты прав и законных интересов дольщиков (участников долевого строительства) при несостоятельности (банкротстве) застройщика, включая положения Федерального закона РФ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Проведен сравнительно-правовой анализ судебных актов в части требований участников долевого строительства по их включению в реестр требований о передаче в собственность жилых помещений несостоятельного застройщика.*

Ключевые слова: *договор участия в долевом строительстве; участник строительства; застройщик; объект строительства, многоквартирный дом, жилое помещение, машино-место, нежилое помещение; несостоятельность (банкротство); требование о передаче жилого помещения, машино-места, нежилого помещения; денежное требование; реестр требований участников строительства; публично-правовая компания - «Фонд развития территорий» (Фонд).*

Review. *The norms of substantive law in terms of guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of shareholders (participants in shared-equity construction) in the event of insolvency (bankruptcy) of a developer, including the provisions of Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 «On Insolvency (Bankruptcy)», Federal Law No. 218 of July 29, 2017-Federal Law «On the Public Law Company «Territorial Development Fund» and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» are discussed. A comparative analysis of judicial acts regarding the requirements of participants in shared-equity construction for their inclusion in the register of requirements for the transfer of ownership of residential premises of an insolvent developer was performed.*

Keywords: *contract of participation in shared-equity construction; construction participant; developer; construction object, apartment building, residential premises, parking space, non-residential premises; insolvency (bankruptcy); requirement to transfer residential premises, parking space, non-residential premises; monetary claim; register of participants' claims construction; public law company - «Fund for the Development of Territories» (Fund).*

Введение

Наличие благоустроенного жилья является ключевым фактором государства, определяющим достойное существование граждан. Вопросы привлечения денежных средств для строительства объектов долевого строительства имеют большую социальную значимость для государства.

В связи с увеличением количества заключаемых договоров участия в долевом строительстве, социальной важностью и значимостью для государства является обеспечение гарантий участникам строительства при возведении застройщиками новых многоквартирных домов и иных объектов недвижимости. Заключение таких договоров с экономической точки зрения объясняется стремлением улучшить жилищные условия наименее затратным и более выгодным способом по цене существенно ниже готового объекта строительства. Поэтому со стороны госу-

дарства данным правоотношениям уделяется пристальное внимание правового регулирования строительной отрасли в целях усиления гарантий прав и зашиты законных интересов дольщиков.

Актуальность обеспечения таких гарантий способствовала принятию Федерального закона Российской Федерации от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 214-ФЗ[1]).

Возникновение большого числа не введенных объектов долевого строительства, и, как следствие, большого числа «обманутых дольщиков» также стали предпосылкой необходимости правового регулирования правоотношений между застройщиками объектов долевого строительства и участниками такого строительства.

С целью реализации государственного правового регулирования в строительной отрасли при банкротстве застройщиков введен § 7 Федерального закона Российской Федерации от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ № 127-ФЗ[2]). Положения данного параграфа предусматривают особые правила процедуры банкротства застройщиков с целью обеспечения приоритетной защиты граждан – участников строительства как непрофессиональных инвесторов. При этом положениями статьи 201.9 ФЗ № 127-ФЗ статус участника строительства гарантирует приоритетное удовлетворение требований по отношению к другим кредиторам. В рамках ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрен и конкретный правовой механизм по непосредственной подаче арбитражному управляющему заявления в целях включения конкретных требований долевика в реестр требований обанкротившейся строительной компании.

Между тем, пробелы правового регулирования общественных отношений в сфере участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и отсутствие единообразия судебной практики при рассмотрении споров становятся причиной нарушений гарантированных прав и законных интересов участников строительства как физических, так и юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В связи с этим, весьма актуальны как проблемы защиты гарантированных государством прав и законных интересов участников строительства, так и проблемы правового регулирования общественных отношений в сфере участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости при несостоятельности (банкротстве) застройщика. При этом гарантиям прав граждан, как более слабой стороне в гражданско-правовых отношениях, при несостоятельности (банкротстве) застройщика уделяется особое внимание.

Целью настоящего исследования является анализ основных нормативных положений, касающихся гарантий защиты прав и законных интересов дольщиков (участников долевого строительства) при несостоятельности (банкротстве) застройщика, Федерального закона РФ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Федерального закона РФ от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее – ФЗ № 218-ФЗ[3]). Сравнительно-правовой анализ судебных актов по отстаиванию прав и законных интересов отдельных участников долевого строительства (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) при несостоятельности (банкротстве) застройщика с целью выявления проблематики и выработки практических рекомендаций (правового механизма) для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по их включению в реестр требований несостоятельного застройщика.

Основная часть

Несмотря на все преимущества долевого строительства, одним из отрицательных моментов участия в данном процессе является возможная несостоятельность (банкротство) застройщика. В действующих экономических реалиях возможны ситуации, когда застройщик до сдачи объекта долевого строительства и его передачи дольщику признается несостоятельным (банкротом).

Ранее в юридической литературе авторами отмечались проблемы банкротства застройщиков. Согласимся с профессором С.А. Карелиной, которая в своей научной работе пришла к следующему выводу: «Проблема приостановления строительства помещений в многоквартирных домах и домах блокированной застройки, вызванная финансовой несостоятельностью застройщиков, имеет перспективу преодоления. Конечно, преодоление требует значительных усилий по качественному совершенствованию и адаптации юридической техники и механизмов банкротства застройщиков к условиям рынка. Процесс этот труден, но необходим для повышения привлекательности российской юрисдикции и обеспечения защиты прав граждан – участников долевого строительства как непрофессиональных участников инвестирования объектов жилищного фонда»[4].

Между тем, на практике не всегда участник долевого строительства, как кредитор несостоятельного застройщика, может полностью удовлетворить свои законные интересы, включая как требования о возврате внесенных денежных средств в связи с растор-

[1] Федеральный закон РФ от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 40.
[2] Федеральный закон РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
[3] Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4767.
[4] Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 240 с.

жением договора, так и требования о включении дольщика в реестр требований несостоятельного застройщика по передаче объекта долевого строительства.

В соответствии с информацией, размещенной на официальном сайте Центрального банка РФ о финансировании долевого строительства - «Информация о проектном финансировании: заключении кредитных договоров с застройщиками, использующими счета эскроу для расчетов по договорам участия в долевом строительстве, и открытии счетов эскроу для расчетов по договорам участия в долевом строительстве»:

- на 01 мая 2023 г. количество действующих кредитных договоров составляло – 7 261, на общую сумму – 13 238 802,5 млн. руб.;

- на 01 мая 2024 г. количество аналогичных договоров – 10 105, на общую сумму – 18 260 477,69 млн. руб.;

- на 01 декабря 2024 г. количество кредитных договоров составило – 11 311, на общую сумму – 20 096 659,20 млн. руб[5].

Приведенные статистические данные при их анализе и сравнении позволили выявить увеличение количества кредитных договоров на 01 декабря 2024 г. по сравнению с 2023 г. в 1,6 раза и, как следствие, увеличение количества заключаемых договоров долевого строительства.

Согласно размещенной информации официального сайта – «Единая информационная система жилищного строительства», по состоянию на 01 января 2025 г. в соответствии с ФЗ № 127-ФЗ открыто конкурсных производств в отношении застройщиков: всего строительных компаний – 37, регионов – 14. При этом общее количество не введенных в эксплуатацию домов – 94, общей площадью – 939 тыс. кв.м[6].

Приведённые данные введенных конкурсных производств в отношении застройщиков в России являются неутешительными и заслуживают особого внимания государства на законодательном уровне. Наглядно видно количество не введенных объектов долевого строительства из-за несостоятельности застройщиков.

В связи с чем, существующие экономические реалии требуют совершенствования законодательства по защите прав и законных интересов участников долевого строительства, как физических, так и юридических лиц, при банкротстве застройщика. Именно по этой причине Федеральный закон РФ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» и Федеральный закон РФ «О несостоятельности (банкротстве)» со дня их принятия многократно подвергались изменениям.

Принятие Федерального закона РФ от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» также способствовало повышению гарантий защиты прав и законных интересов участников строительства – физических лиц при банкротстве застройщика. При этом главной целью деятельности публично-правовой компании «Фонд развития территорий» является содействие реализации государственной жилищной политики, направленной на повышение гарантий защиты прав и законных интересов граждан – участников строительства, имеющих требования о передаче жилых помещений, машино-мест, нежилых помещений.

Материально-правовой интерес лица при заключении договора долевого участия в строительстве заключается в приобретении по окончании строительства соответствующего объекта в собственность.

После возбуждения в отношении застройщика процедуры несостоятельности (банкротства) защиту такого интереса обеспечивают положения § 7 главы IX ФЗ № 127-ФЗ в силу Федерального закона РФ от 12 июля 2011 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статьи 17 и 223 Арбитражного процессуального кодекса РФ в части установления особенностей банкротства застройщиков, привлекавших денежные средства участников строительства»[7].

Статьёй 201.9 ФЗ № 127-ФЗ закреплено, что основной целью введения законодателем положений § 7 является установление особых правил банкротства застройщиков с целью обеспечения приоритетной защиты граждан – участников строительства как непрофессиональных инвесторов. При этом статус участника строительства гарантирует приоритетное удовлетворение требований по отношению к другим кредиторам.

Также Федеральным законом РФ от 25 декабря 2018 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» введена ч.3.1 ст. 201.1 ФЗ № 127-ФЗ, которая расширила права участников долевого строительства по получению в собственность «машино-места» и «нежилого помещения»[8]. При этом ранее ФЗ № 127-ФЗ не предусматривал передачу в собственность таких объектов.

[5] Информация официального сайта ЦБ России. 2025. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/equity_const_financing (дата обращения: 04.01.2025).

[6] Информация официального сайта Единая информационная система жилищного строительства. 2025. URL: https://наш.дом.рф/сервисы/каталог-новостроек/список-проблемных-объектов (дата обращения: 04.01.2025).

[7] Федеральный закон от 12.07.2011 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статьи 17 и 223 Арбитражного процессуального кодекса РФ в части установления особенностей банкротства застройщиков, привлекавших денежные средства участников строительства» // СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 4301.

[8] Федеральный закон от 25.12.2018 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» и отдельные законодательные акты РФ» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8404.

Кроме того, в ч.1 ст. 201.1 § 7 ФЗ № 127-ФЗ законодателем установлены общие положения несостоятельности (банкротстве) застройщика и определены основные понятия, такие как: 1) застройщик – лицо, привлекающее денежные средства и (или) имущество участников строительства, которым выступает юридическое лицо, жилищно-строительный кооператив, индивидуальный предприниматель, к которым имеются требования о передаче жилых помещений или денежные требования; 2) участник строительства – физическое лицо, имеющее к застройщику требование о передаче жилого помещения, требование о передаче машино-места и нежилого помещения или денежное требование, а также Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование, имеющие к застройщику требование о передаче жилого помещения или денежное требование; 3) требование о передаче жилого помещения, машино-места и нежилого помещения – требование участника строительства о передаче ему на основании возмездного договора в собственность жилого помещения (квартиры или комнаты), машино-места и нежилого помещения (не превышающего семи квадратных метров) в многоквартирном доме, которые на момент привлечения денежных средств и (или) иного имущества участника строительства не введены в эксплуатацию, или индивидуального жилого дома, строительство которого осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» (далее – индивидуальный жилой дом) и строительство которого на дату привлечения денежных средств и (или) иного имущества участника строительства не завершено (далее – договор, предусматривающий передачу жилого помещения); 4) денежное требование – требование участника строительства о: возврате денежных средств, уплаченных до расторжения договора, предусматривающего передачу жилого помещения, и (или) договора, предусматривающего передачу машино-места и нежилого помещения, и (или) денежных средств в размере стоимости имущества, переданного застройщику до расторжения такого договора; возмещении убытков в виде реального ущерба, причиненных нарушением обязательства застройщика передать жилое помещение, машино-место, нежилое помещение по договору; возврате денежных средств, в случае признания договора недействительными, в размере стоимости имущества, переданного застройщику по такому договору; 5) объект строительства – многоквартирный или индивидуальный жилой дом, машино-место и нежилое помещение, включая незавершенные объекты строительства; 6) земельный участок, подлежащий застройке; 7) реестр требований участников строительства - реестр, содержащий требования о передаче жилых помещений и требования о передаче машино-места и нежилого помещения или денежные требования.

Состав лиц, участвующих в деле при банкротстве строительной компании, закреплен ч. 1 ст. 34 ФЗ № 127-ФЗ. В него включены: должник-застройщик; арбитражный управляющий; участники строительства, имеющие требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений; уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющий контроль и надзор в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости на территории осуществления данного строительства; а также в силу ч.1 ст. 201.2 ФЗ №127-ФЗ публично-правовая компании «Фонд развития территорий» (Фонд).

Здесь необходимо отметить следующее. Федеральным законом РФ от 27.06.2019 № 151-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» и отдельные законодательные акты РФ» (далее – ФЗ № 151-ФЗ[9]) были внесены изменения в положения § 7 главы IX Закона о банкротстве, регламентирующие банкротство застройщиков. В частности, в силу п. 2 ч. 1 ст. 201.1 ФЗ №127-ФЗ из понятия участник строительства были исключены слова «юридическое лицо».

Также положения п. 2 ч. 1 ст. 201.1 ФЗ №127-ФЗ не содержат в понятии участник строительства – слова «индивидуальный предприниматель».

Таким образом, в настоящее время под участником строительства понимается исключительно физическое лицо, имеющее к застройщику требование о передаче жилого помещения, требование о передаче машино-места и нежилого помещения или денежное требование, а также Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование, имеющие к застройщику требование о передаче жилого помещения или денежное требование.

Более того, поскольку юридические лица и индивидуальные предприниматели по субъектному составу не являются участниками строительства, следовательно, такие лица не имеют права заявлять требования о передаче в собственность объекта строительства.

В случае несостоятельности (банкротства) застройщика, участник строительства вправе обратиться либо к арбитражному управляющему либо в публично-правовую компанию «Фонд развития территорий» (Фонд).

В силу положений п. 3 ч. 1, ч. 6 ст. 201.1, ст. 201.7 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» для признания лица, обратившегося с требованием о включении в реестр требований о передаче объекта строительства его участником, необходимо соблю-

[9] Федеральный закон от 27.06.2019 № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ» и отдельные законодательные акты РФ» // СЗ РФ. 2019. № 26. Ст. 3317.

дение совокупности следующих условий: наличие связывающего с застройщиком договорного обязательства о передаче объекта в будущем и фактическая передача застройщику денежных средств и (или) иного имущества.

Участник строительства вправе защищать своё нарушенное право при несостоятельности (банкротства) застройщика одним из следующих способов:

- во-первых, либо путём направления управляющему требования о передаче объекта строительства либо требования о возврате уплаченных денежных сумм и их включение в соответствующий реестр кредиторов несостоятельного застройщика (п.п. 2, 2.1, 3, 3.1, 4 ч. 1 ст. 201.1, ч.ч. 2, 3, 3.1 ст. 201.4 ФЗ № 127-ФЗ);

- во-вторых, путём подачи заявления о возмещении уплаченных денежных средств в публично-правовую компанию «Фонд развития территорий» (ч.1 ст. 13, п. 5 ч. 2 ст. 13.1 ФЗ № 218-ФЗ).

В первом случае, предъявление участником строительства своих требований при банкротстве застройщика регламентировано ч.1 ст. 201.4 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которому с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства в отношении застройщика все разногласия по заявленным требованиям рассматриваются в соответствующем суде. При этом положениями ч.ч. 2, 3, 3.1, 7 ст. 201.4 ФЗ № 127-ФЗ определено, что конкурсный управляющий самостоятельно рассматривает заявленные требования и, при наличии оснований, включает их в реестр требований участников строительства. В ином случае, действия (бездействия) конкурсного управляющего по не включению требований лиц, участвующих в деле о банкротстве (участников строительства), могут быть обжалованы и заявлены в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве с учётом положений статьи 60, ч.4 ст. 201.4, ч. 8 ст. 201.4 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)».

В таких случаях, на основании ч. 10 ст. 201.4 ФЗ №127-ФЗ, арбитражный суд выносит определение либо о включении, либо об отказе во включении указанного требования в реестр требований участников строительства. При этом удовлетворенные судом требования участника строительства, конкурсный управляющий обязан включить в реестр кредиторов в силу ч. 11 ст. 201.4 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)».

На основании ч. 13 ст. 201.4 ФЗ №127-ФЗ, участники строительства после их включения в реестр имеют право участвовать с правом голоса в собраниях кредиторов застройщика и право предъявлять возражения относительно требований других кредиторов в порядке, установленном статьей 100 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)», что, несомненно, также является гарантией зашиты прав долевиков.

Таким образом, безусловно, вышеназванные основные нормативные положения Федерального закона РФ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» гарантируют защиту прав и законных интересов дольщиков – участников долевого строительства по передаче в собственность объекта строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщика.

В силу второго случая и на основании ч. 15 ст. 201.4 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)», требования участников строительства, включенные в реестр требований участников строительства после дня принятия Фондом решения о финансировании мероприятий (ч. 2 ст. 13.1 ФЗ № 218-ФЗ), либо после дня принятия Фондом субъекта РФ решения о финансировании мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства, подлежат удовлетворению в порядке, предусмотренном абз. 2 п.п. 3 п. 1 ст. 201.9 ФЗ №127-ФЗ. В этом случае участники строительства получают возмещение на основании положений ст. 13 ФЗ РФ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (Фонд).

В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 13.1 ФЗ № 218-ФЗ, имущество Фонда в целях финансирования мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства по строительству многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости может использоваться, в том числе на выплату возмещения гражданам в соответствии со статьей 13 данного закона.

Поэтому одной из гарантий зашиты прав граждан – физических лиц, как участников строительства и имеющих требования о передаче жилого помещения, машино-места или нежилого помещения и включенных в реестр требований участников строительства, является право требовать выплаты соответствующего возмещения на основании принятого «Фондом развития территорий» решения о финансировании указанных в п.5 ч. 2 ст. 13.1 ФЗ № 218-ФЗ мероприятий за счет его имущества в порядке, установленном Правительством РФ (ч.1 ст. 13).

Постановлением Правительства РФ от 07 октября 2017 г. № 1233 «Об утверждении Правил выплаты публично-правовой компанией «Фонд развития территорий возмещения» гражданам – участникам строительства, имеющим требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений»[10] предусмотрена возможность выплат гражданам – участникам долевого строительства денежных средств (далее – Правила № 1233).

В частности, Правила № 1233 устанавливают возможность выплат гражданам – участникам долевого строительства денежных средств, имеющим требования о передаче незавершенных объектов строительства по договорам участия в долевом строительстве как жилых помещений, машино-мест и нежилых по-

[10] Постановление Правительства РФ от 07.10.2017 г. № 1233 «Об утверждении Правил выплаты публично-правовой компанией «Фонд развития территорий возмещения» гражданам – участникам строительства, имеющим требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений» // СЗ РФ. 2017. № 42. Ст. 6171.

мещений на основании п. 3.1. ч. 1 ст. 201.1 ФЗ №127-ФЗ, и включенным в реестр требований застройщика.

Этими же Правилами № 1233 установлена возможность выплат гражданам – участникам долевого строительства, имеющим денежные требования и включенным в реестр требований застройщика, соответствующего возмещения, подлежащего удовлетворению в порядке абз. 2 п. 3 ч. 1 ст. 201.9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и ч. 3.15 ст. 13.1 ФЗ № 218-ФЗ.

Выплату возмещения гражданам, обратившимся с заявлением о выплате возмещения, осуществляет публично-правовая компания «Фонд развития территорий» (п. 5 ч. 2 ст. 13.1 ФЗ № 218-ФЗ).

Выплата возмещения осуществляется на основании решения о финансировании мероприятий по завершению строительства объекта незавершенного строительства или решения об изменении решения о финансировании мероприятий по завершению строительства объекта незавершенного строительства на решение об изменении способа восстановления прав граждан.

Если основанием для выплаты возмещения является решение «Фонда развития территорий» о финансировании, то граждане вправе обратиться с заявлением о выплате возмещения с даты принятия Фондом решения о финансировании и до даты завершения процедуры конкурсного производства застройщика. Если же основанием для выплаты возмещения является решение об изменении способа восстановления прав граждан, то граждане вправе обратиться с заявлением о выплате возмещения не позднее 3 лет со дня размещения на сайте Фонда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации о принятии Фондом решения об изменении способа восстановления прав граждан.

Таким образом, создание государством публично-правовой компании «Фонд развития территорий» направлено на повышение гарантий защиты прав и законных интересов граждан – участников строительства по финансированию за счет имущества Фонда незавершенного объекта строительства либо путём выплаты гражданам – участникам строительства соответствующего возмещения. Следовательно, в настоящее время публично-правовой компании «Фонд развития территорий» является гарантом соблюдения прав и законных интересов граждан - участников долевого строительства, в случае несостоятельности (банкротства) застройщика.

Между тем, пробелы правового регулирования общественных отношений в сфере участия в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и отсутствие единообразия судебной практики при рассмотрении споров становятся причиной нарушений гарантированных прав и законных интересов отдельных участников строительства – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В связи с чем, заслуживает внимания проблематика возможности приобретения такими участниками в собственность объектов строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщика.

На практике сравнительно-правовой анализ двух нижеуказанных судебных актов в части требований участников долевого строительства (первый – индивидуальный предприниматель, второй – юридическое лицо) по их включению в реестр требований о передаче в собственность жилых помещений несостоятельного застройщика – ООО «Фирма «Старко», г. Чебоксары показал следующее.

Определением Арбитражного суда Чувашской Республики от 17 марта 2021 г. по делу № А79-8908/2018 заявление индивидуального предпринимателя Борисовой И.В. о включении в реестр требований о передаче в собственность жилого помещения несостоятельного застройщика- ООО «Фирма «Старко», г. Чебоксары удовлетворено[11].

Правовой анализ судебного акта показал, что при рассмотрении несостоятельности (банкротства) застройщика применяются специальные нормы ФЗ № 127-ФЗ. При этом, поскольку по субъектному составу, как указано выше, индивидуальный предприниматель не является участником строительства, следовательно, он не имеет прав заявлять требования о передаче в собственность жилого помещения.

Однако, используя правовой механизм в виде прекращения правоспособности индивидуального предпринимателя - исключение его из единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей в связи с принятием предпринимателем решения о прекращении данной деятельности, вышеизложенная проблема была успешно решена.

Следует отметить, что решение данной проблематики также возможно законодательным способом путём дополнения правовой нормы п. 2 ч. 1 ст. 201.1 ФЗ №127-ФЗ с расширением понятия «участник строительства», включив в его субъектный состав слова «индивидуальный предприниматель».

Правовой анализ другого судебного акта – Постановления Первого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2022 г. по делу № А79- 8908/2018, которым Определение Арбитражного суда Чувашской Республики от 22 ноября 2021 г. по заявлению юридического лица – ООО «Строй и Новация» о включении в реестр требований о передаче в собственность жилого помещения несостоятельного застройщика – ООО «Фирма «Старко», г. Чебоксары, оставлено без изменения, апелляционная жалоба юридического лица – ООО «Строй и Новация» без удовлетворения[12], показал следующее.

Как следует из описательной части судебного акта, между ООО «Строй и Новация» и ООО «Фирма «Старко» заключен договор долевого участия в строительстве многоквартирного жилого дома. Решением суда от 17 июня 2020 г. застройщик – ООО «Фирма «Старко» признано несостоятельным (бан-

[11] Определение Арбитражного суда Чувашской Республики от 17.03.2021 г. по делу № А79-8908/2018 // СПС Гарант.
[12] Постановление первого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2022 г. по делу № А79-8908/2018 // СПС Гарант.

кротом). ООО «Строй и Новация» обратилось в суд с заявлением о включении требования Общества в реестр о передаче жилого помещения.

Отказывая в удовлетворении заявления ООО «Строй и Новация» суд со ссылкой на ст. 201.1 ФЗ № 127-ФЗ, определив субъектный состав, сделал следующий вывод: «...Таким образом, участником строительства в редакции Закона о банкротстве применимой к спорным правоотношениям являются только граждане, а также РФ, субъект РФ или муниципальное образование, имеющие к застройщику требование о передаче жилого помещения или денежное требование...Анализ изменений, внесенных в Закон о банкротстве в период с 2017 г. по 2019 г., позволяет сделать вывод о том, что в условиях банкротства застройщиков приоритет в защите и восстановлении нарушенных прав остается на стороне граждан. Юридические лица, вступившие в правоотношения с застройщиком и преследующие цель извлечения прибыли от такой деятельности, в условиях банкротства должника не могут получить удовлетворение в одной очереди удовлетворения с гражданами... Понятие «участник строительства» закреплено в п.п. 2 п. 1 ст. 201.1 Закона о банкротстве. Законом № 151-ФЗ были внесены существенные изменения в положения параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве, регламентирующие банкротство застройщиков. В частности, в силу подпункта 2 пункта 1 статьи 201.1 Закона о банкротстве из понятия участник строительства были исключены слова «юридическое лицо» и, как следствие, в настоящее время под участником строительства понимается исключительно физическое лицо, имеющее к застройщику требование о передаче жилого помещения, требование о передаче машиноместа и нежилого помещения или денежное требование, а также РФ, субъект РФ или муниципальное образование, имеющие к застройщику требование о передаче жилого помещения или денежное требование...».

Анализ второго судебного акта показал, что при рассмотрении несостоятельности (банкротства) застройщика также применяются специальные нормы ФЗ № 127-ФЗ. При этом, как и в первом случае, поскольку юридическое лицо - ООО «Строй и Новация» не является участником строительства по субъектному составу и, следовательно, не имеет прав заявлять требования о передаче в собственность жилого помещения, то судом правомерно было отказано в удовлетворении заявления ООО «Строй и Новация» по включению в реестр соответствующего требования несостоятельного застройщика – ООО «Фирма «Старко», г.Чебоксары.

Между тем, решение данной проблематики возможно законодательным способом путём дополнения правовой нормы п. 2 ч. 1 ст. 201.1 ФЗ №127-ФЗ с расширением понятия «участник строительства», включив в его субъектный состав слова «юридическое лицо».

Кроме того, возможен и иной правовой механизм в виде уступки права требования жилого помещения несостоятельного застройщика путём заключения договора уступки права (договора цессии) с физическим лицом, который и обратится в арбитражный суд с заявлением о включении требования в соответствующий реестр.

Заключение

Подводя итог можно сделать выводы, что возникновение большого числа не введенных объектов долевого строительства, и, как следствие, большого числа «обманутых дольщиков» стали предпосылкой необходимости правового регулирования правоотношений между участниками долевого строительства и застройщиками таких объектов, в случае несостоятельности (банкротства) последних.

Приведённая аналитика введенных конкурсных производств в отношении застройщиков в России является не утешительной и заслуживает особого внимания со стороны государства на законодательном уровне. При этом необходим баланс между частными интересами - по созданию привлекательных экономических условий для развития строительной отрасли и публичными – по усовершенствованию законодательства в части усиления защиты прав и законных интересов граждан.

После возбуждения в отношении застройщика процедуры несостоятельности (банкротства) защиту материально-правового интереса гражданина обеспечивают положения § 7 главы IX Федерального закона РФ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», правовые положения которого направлены в первую очередь на введение законодателем особых правил банкротства застройщиков по обеспечению приоритетной защиты граждан – участников строительства как непрофессиональных инвесторов. При этом статус участника строительства гарантирует приоритетное удовлетворение требований по отношению к другим кредиторам.

Также законодатель дополнительно ввёл норму ч. 3.1 ст. 201.1 ФЗ № 127-ФЗ, в которой определил такие понятия как машино-места и нежилое помещение как объекты долевого строительства, тем самым, расширив права участников долевого строительства на получение таких объектов в свою собственность. В связи с чем, безусловно, данные положения гарантируют защиту прав участников строительства по передаче в собственность объекта строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщика.

Принятие Федерального закона РФ от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» также способствовало повышению гарантий защиты прав и законных интересов участников строительства – физических лиц при банкротстве застройщика. При этом главной целью деятельности публично-правовой компании «Фонд развития территорий» является содействие реализации государственной жилищной политики, направленной на повышение гарантий защиты прав и законных интересов граждан – участников строительства, имеющих требования о пере-

даче жилых помещений, машино-мест, нежилых помещений. Поэтому публично-правовая компании «Фонд развития территорий» является гарантом соблюдения прав и законных интересов долевиков при банкротстве строительных компаний.

Правовой анализ судебных актов показал, что под участником строительства понимается исключительно физическое лицо, имеющее к застройщику требование о передаче жилого помещения, требование о передаче машино-места и нежилого помещения или денежное требование, а также Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование, имеющие к застройщику требование о передаче жилого помещения или денежное требование. Поскольку юридические лица и индивидуальные предприниматели по субъектному составу не являются участниками строительства, следовательно, такие лица не имеют права заявлять требования о передаче в собственность объекта строительства.

Между тем, решение данной проблематики возможно законодательным способом путём дополнения правовой нормы п. 2 ч. 1 ст. 201.1 Федерального закона РФ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», включив в понятие «участник строительства» – в его субъектный состав – слова «юридическое лицо» и «индивидуальный предприниматель». Используя правовой механизм как прекращения правоспособности индивидуального предпринимателя – исключение его из единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей также решит проблему включения требований такого лица в соответствующий реестр. Возможен и иной правовой механизм в виде уступки права требования жилого помещения несостоятельного застройщика путём заключения договора уступки права (договора цессии) с физическим лицом, который и обратится в арбитражный суд с заявлением о включении требования в соответствующий реестр.

Библиографический список

1. Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения: монография. – М.: Юстицинформ, 2018. – 240 с.

Рецензент: Салиева Р.Н., Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования и экологии, д.ю.н., профессор.

Раздел третий

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

АЛЬ-МСАФИР ДУРАЙД МОХАММЕД ХАССУН
аспирант кафедры «организации судебной и прокурорско-следственной деятельности», «Московский государственный юридический университет имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)», Россия, г. Москва, duraidmhmd78@gmail.com

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ИРАК

AL-MSAFIR DURAID MOHAMMED HASSOUN
Post-graduate student of the Department of «Organization of Judicial and Prosecutorial investigative activities», «Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA)» Russia, Moscow, duraidmhmd78@gmail.com

MEASURES TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF THE PROSECUTION SERVICE IN SAFEGUARDING CITIZENS' SOCIAL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF IRAQ

Аннотация. *В статье предлагаются институциональные, законодательные и организационные меры, направленные на повышение эффективности работы органов прокуратуры в Российской Федерации и Республике Ирак. В России видится важным развитие специализированных подразделений прокуратуры по социальным направлениям и оптимизация деятельности с помощью технологий. Для Ирака обосновывается необходимость нормативного расширения мандата прокуратуры в сфере защиты социальных прав, укрепления кадрового потенциала, в том числе через заимствование российского опыта, и обеспечения институциональной независимости. Реализация предложенных мер усилит защиту социальных прав граждан и укрепит доверие общества к институту прокуратуры.*

Ключевые слова: *прокуратура; социальные права; реформы; Российская Федерация; Республика Ирак; прокурорский надзор.*

Abstract. *The article proposes institutional, legislative, and organizational measures aimed at enhancing the efficiency of the prosecution service in the Russian Federation and the Republic of Iraq. For Russia, the development of specialized prosecutorial units in the field of social rights and the optimization of activities through technological tools are emphasized. For Iraq, the necessity of normatively expanding the prosecutorial mandate in the protection of social rights, strengthening human resources-including through the adaptation of Russian experience – and ensuring institutional independence is substantiated. The implementation of these measures will reinforce the protection of citizens' social rights and strengthen public trust in the prosecution service.*

Keywords: *prosecution service; social rights; reforms; Russian Federation; Republic of Iraq; prosecutorial oversight.*

Введение

Защита социальных прав граждан органами прокуратуры необходима в современном правовом государстве. Анализ статистики свидетельствует о высокой распространенности нарушений социальных прав в России и Ираке. Так, в 2022 г. органы прокуратуры Российской Федерации выявили более 2,4 млн нарушений прав и свобод граждан, в том числе свыше 213 тыс. нарушений законодательства об оплате труда, около 793 тыс. нарушений прав несовершеннолетних и 390 тыс. нарушений в сфере жилищно-коммунального хозяйства[1]. Для сравнения, прокуратура Республики Ирак в 2024 г. выявила порядка 16,8 тыс. нарушений прав и свобод граждан, включая 3,2

[1] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980 (дата обращения: 09.06.2025).

тыс. нарушений прав детей и 343 нарушения трудовых прав[2]. Разница в абсолютных показателях частично объясняется численностью населения – население РФ почти втрое больше[3], а также степенью полномочий прокуратуры.

Российская прокуратура обладает надзорным мандатом вне уголовной сферы, тогда как в Ираке деятельность прокуроров сосредоточена преимущественно на уголовном преследовании и судебном представительстве, что оставляет значительные пробелы в защите социальных прав вне рамок уголовного процесса. Среди слабых стороны системы Российской Федерации – колоссальная нагрузка на прокуроров общего профиля, которым приходится сопровождать сотни тысяч социальных исков ежегодно, и отсутствие узкоспециализированных подразделений по социальным вопросам. В Республике Ирак – ограниченность юридических средств прокурорского вмешательства при нарушениях социальных прав, дефицит кадров с соответствующей квалификацией, а также коррупция и отсутствие независимости. Кроме того, в Ираке наблюдается низкая осведомленность населения о своих социальных правах, что ведет к слабому вовлечению граждан в процессы их защиты.

Цель данной статьи – проанализировать указанные недостатки и предложить пути повышения эффективности деятельности органов прокуратуры в сфере защиты социальных прав в РФ и РИ. Сравнительно-правовой подход позволяет выявить успешные практики, применяемые в одной стране и потенциально пригодные для адаптации в другой, с учетом историко-правовых и институциональных отличий.

Повышение эффективности прокуратуры России в защите социальных прав граждан

Одним из приоритетных направлений реформирования деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в сфере защиты социальных прав граждан выступает институциональная специализация. Научная литература подтверждает, что после внесения изменений в ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК) в 2009 г.[4], предоставивших прокурору право обращаться в суд в защиту граждан по широкому кругу социальных дел, возникла дилемма перегрузки: либо существенно расширять штат, либо ограничивать практику предъявления исков[5]. В этих условиях создание специализированных подразделений (по трудовым правам, правам несовершеннолетних, охране здоровья, жилищному обеспечению и т. д.) видится удачным решением. Его целесообразность подтверждает успешный опыт функционирования институционально выделенных – военной, транспортной и природоохранной – прокуратур[6].

Перспективным направлением является цифровизация. Реализация Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 г.[7] предполагает формирование единой защищенной информационной системы и перевод документооборота в электронный формат. Уже внедрены интернет-приемные и Единый реестр проверок[8], позволяющий отслеживать результаты контрольных мероприятий, а также развивается система электронного документооборота. Дальнейшая цифровизация должна предусматривать создание национального онлайн-реестра обращений граждан по вопросам социальных прав с интеграцией в государственные информационные системы – например, в реестры социальных выплат. Подход обеспечит проактивное выявление задолженностей по заработной плате, перебоев в начислении пособий, дефицита медицинских услуг и иных нарушений. По своей сути это соответствует принципу законности, закрепленному в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»[9].

Условие эффективности прокуратуры – межведомственная координация. ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» прямо предоставляет прокурору право требовать от контрольных органов проведения проверок[10], однако данное полномочие используется в ограниченном объеме. Оптимизация алгоритма взаимодействия могла бы предполагать передачу типичных нарушений профильным инспекциям с оставлением за прокуратурой контроля за устранением нарушений, тогда как наиболее сложные и прецедентные дела целесообразно сопровождать непосредственно.

Необходимо повысить качество публичной отчетности. Конституционный принцип гласности, закрепленный в законе о прокуратуре[11], реализуется в виде регулярных статистических отчетов и ежегодного доклада Генерального прокурора РФ о состоянии законности. Кроме этого, целесообразна подготовка специализированных обзоров по социальным направ-

[2] Iraq 2024 Human Rights Report. URL: https://iq.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/103/2025/08/624521_IRAQ-2024-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf (дата обращения: 5.04.2025).

[3] Итоги ВПН-2020. Том 1 Численность и размещение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 09.06.2025).

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 45 и 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 05.04.2009 № 43-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Васильчикова Н.А. Актуальные вопросы участия в деле прокурора в порядке ч. 3 ст. 45 ГПК РФ // Криминилистъ. 2024. № 3 (48). С. 131-136.

[6] Абдулина Д.И. Военная прокуратура: статус, структура и компетенция // Молодой ученый. 2024. № 40(539). С. 207-208.

[7] Приказ Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года». URL: https://genproc.gov.ru/documents/orders/document-1253244/ (дата обращения: 09.06.2025).

[8] Федеральная служба по аккредитации. Единый реестр проверок. URL: https://proverki.gov.ru (дата обращения: 05.04.2025).

[9] Федеральный закон от 17.01.1992 №?2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. №?47. Ст.?4472.

[10] Там же. Статья 21.

[11] Там же. Пункт 2 статьи 4.

лениям: трудовые права, жилищное обеспечение, здравоохранение и т. д. Публикация докладов в открытом доступе будет способствовать росту доверия населения. Исследования подтверждают, что активность прокуратуры в защите прав человека коррелирует с повышением ее авторитета и восприятием как действенного механизма социальной справедливости[12].

Повышение эффективности прокуратуры Ирака в сфере социальных прав

Главное направление совершенствования деятельности прокуратуры Республики Ирак – нормативное расширение ее мандата. Действующая модель встроена в судебную систему и ориентирована преимущественно на уголовное преследование, что ограничивает возможности прокуроров защищать социальные права граждан вне уголовного процесса[13]. Конституция Ирака 2005 г. закрепляет право на труд[14], социальное обеспечение[15], охрану здоровья[16] и образование[17], однако фактическая роль прокуратуры в данных сферах минимальна. В результате массовые нарушения – задержка заработной платы, незаконные увольнения, дискриминация при получении социальных услуг, отказ в предоставлении пособий – остаются без должного реагирования, если граждане не способны самостоятельно инициировать судебную защиту. Решение проблемы возможно через внесение изменений в Закон № 49 от 2017 г. «Об органах публичного обвинения», который следует дополнить положениями, прямо обязывающими прокуратуру реагировать на нарушения социальных прав. При этом прокурору должно быть предоставлено право по собственной инициативе инициировать делопроизводство в административном или судебном порядке, а также обращаться в суд в интересах конкретных лиц и неопределенного круга граждан, что является функциональным аналогом российской ст. 45 ГПК РФ. Нововведение станет системным рубежом и превратит прокуратуру Ирака в реальный институт защиты населения.

Расширение юридического мандата должно сопровождаться выработкой процессуальных механизмов реализации новых полномочий: процедур обращения граждан в прокуратуру, сроков рассмотрения заявлений, права прокурора проводить проверку фактов до обращения в суд. Важно нормативно закрепить обязательное участие прокурора в судебных процессах по социальным делам – трудовым конфликтам, нарушениям прав детей, случаям неоказания социальных услуг. Введение аналогичных инструментов уже продемонстрировало свою результативность в России: по данным Генеральной прокуратуры РФ, более 98 % исков прокуроров в социальной сфере ежегодно удовлетворяются судами, что подтверждает их высокую правовую значимость и эффективность[18].

Важно принимать антикоррупционные меры. Это проблема иракской правовой системы, подрывающая доверие общества к государственным институтам и препятствующая реализации социальных гарантий. Для борьбы с явлением необходимо создать в структуре прокуратуры подразделение по надзору за соблюдением антикоррупционного законодательства, ввести обязательное декларирование доходов и имущества прокуроров, обеспечить регулярную ротацию кадров, установить строгую дисциплинарную ответственность за недобросовестное поведение. Кроме того, прокуроры должны быть наделены обязанностью проверять коррупционную составляющую в каждом случае нарушения социальных прав: например, при вымогательстве платы за бесплатные медицинские услуги или хищении бюджетных средств, предназначенных для социальных выплат.

Остро стоит задача институциональной независимости. В условиях, когда прокуратура организационно подчинена Высшему судебному совету и зависима от внешнего контроля при формировании бюджета и кадровых решений, сложно рассчитывать на ее способность защищать интересы граждан в конфликте с влиятельными политическими и административными структурами. Для повышения автономности необходимо закрепить отдельное финансирование органов прокуратуры, реформировать процедуру назначения Генерального прокурора и руководителей на основе парламентского или коллегиального участия, ввести принципы несменяемости прокурорских работников. Лишь при условии гарантированной институциональной самостоятельности прокуратура сможет осуществлять надзор за законностью, в том числе в сфере социальных прав.

Более того, в Ираке отсутствует централизованная цифровая инфраструктура статистического учета прокурорских проверок и обращений граждан, которые действуют в РФ. Введение аналогичных электронных платформ, с учетом требований по защите персональных данных и обмену агрегированной информацией, могут стать шагом в сторону институционального укрепления прокуратуры и повышения доверия общества к ее деятельности.

Законодательные изменения будут декларативными без кадрового обеспечения. Ситуация в Ираке осложняется нехваткой квалифицированных проку-

[12] Никологорская Ю.В. Новые формы взаимодействия прокуратуры с институтами гражданского общества как механизм формирования общественного доверия // Вестник МФЮА. 2017. № 1. С. 141-148.

[13] Закон Республики Ирак №?49 от 2017 г. «О публичном обвинении» // Iraqi Official Gazette, No. 4437, 06.11.2017.

[14] Ст. 22. Конституция Республики Ирак: офиц. текст. URL: https://iq.parliament.iq/%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8% B1%D8%A7%D9%82%D9%8A/ (дата обращения: 05.04.2025).

[15] Закон О прокуратуре. Статья 30.

[16] Закон О прокуратуре. Статья 31.

[17] Закон О прокуратуре. Статья 34.

[18] Ковалев А.А. Защита органами прокуратуры РФ социальных прав граждан в судах общей юрисдикции: текущее состояние и перспективы // Теория и практика общественного развития. 2019. №?5(135). С. 78-82.

роров, не имеющих опыта ведения гражданских дел и специальных знаний в области социального права и международных стандартов защиты прав человека[19]. В этой связи необходимо реализовать программу подготовки и переподготовки, включающую специализированные курсы по трудовому, жилищному, пенсионному и медицинскому законодательству, правам женщин и детей. Прокуроры должны овладеть навыками сбора доказательств по делам о нарушениях социальных прав, научиться эффективно взаимодействовать с органами социальной защиты и использовать цифровые инструменты контроля. Важным ресурсом станет международное сотрудничество: целесообразно организовать стажировки иракских прокуроров в России, где накоплен значительный опыт прокурорского надзора в социальной сфере, а также пригласить российских специалистов для проведения семинаров и тренингов на арабском языке. Уже подписанный в октябре 2024 г. Протокол о взаимопонимании между Генеральной прокуратурой РФ и Высшим судебным советом Ирака создает основу для систематического обмена методическими материалами и совместных учебных программ[20].

Таблица 1. Адаптация элементов российского прокурорского надзора в сфере защиты социальных прав к условиям Ирака

Элемент российской модели	Цель	Адаптация в условиях Ирака	Контроль реализации
Акт прокурорского реагирования (представление, протест и др.)	Оперативное внесудебное устранение нарушений законности	Введение процессуального института прокурорского представления с обязательным рассмотрением компетентным органом или судом в срок до 10—15 дней	Судебная проверка правомерности представлений; установление кратких сроков их рассмотрения; право адресата на обжалование
Иск в защиту интересов граждан и общества	Обеспечение судебной защиты социально уязвимых категорий населения и охрана общественных интересов	Закрепление обязательного участия прокурора в делах о нарушении социальных прав; предоставление права инициировать такие дела	Определение перечня категорий дел с обязательным участием прокурора; унификация судебной практики через отчетность и методические рекомендации
Специализация прокуроров (создание профильных подразделений)	Углубление профессиональной экспертизы и обеспечение единообразия практики надзора	Формирование специализированных секций в структуре прокуратуры: по трудовым правам, жилищным вопросам, защите прав детей и в сфере здравоохранения	Введение профессиональных стандартов деятельности; обязательная переподготовка кадров; регулярный аудит качества работы и методик
Цифровой учет и аналитика	Систематизация информации и выявление типичных нарушений	Создание единого электронного реестра обращений по вопросам социальных прав с возможностью обмена агрегированными данными между ведомствами	Определение минимального стандарта собираемых данных; защита персональной информации; проведение совместных аналитических обзоров

Заключение

Сравнительный анализ показывает, что эффективность деятельности прокуратуры по защите социальных прав может быть значительно повышена за счет внутренних реформ и через взаимодействие между странами.

Основные направления повышения эффективности российской прокуратуры в социальной сфере можно свести к четырем взаимосвязанным блокам: институциональной специализации, цифровой трансформации, межведомственной координации и публичной гласности. Они направлены на повышение результативности уже имеющихся полномочий. Этот опыт, будучи адаптированным, может служить ориентиром для правопорядков иных государств, включая Республику Ирак.

Реформирование прокуратуры Ирака требует расширение мандата, подготовку кадров, борьбу с коррупцией, укрепление независимости и правовое просвещение. В совокупности эти меры создадут фундамент для эффективной защиты социальных прав, а творческая адаптация российского опыта позволит ускорить процесс институциональной трансформации.

[19] Birk, J. Criminal Justice: Prosecution, Research, and the Flaws in an Imperfect System. Self Publisher, 2023.

[20] Генеральная прокуратура Российской Федерации и Высший судебный совет Республики Ирак подписали Протокол о взаимопонимании (10 октября 2024) // РАПСИ. 10.10.2024. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20241010/310318417.html (дата обращения: 05.04.2025).

Библиографический список

1. Абдулина Д.И. Военная прокуратура: статус, структура и компетенция // Молодой ученый. – 2024. – № 40(539). – С. 207-208.

2. Васильчикова Н.А. Актуальные вопросы участия в деле прокурора в порядке ч. 3 ст. 45 ГПК РФ // Криминалистъ. – 2024. – № 3 (48). – С. 131-136.

3. Ковалев А.А. Защита органами прокуратуры РФ социальных прав граждан в судах общей юрисдикции: текущее состояние и перспективы // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 5(135). – С. 78-82.

4. Никологорская Ю.В. Новые формы взаимодействия прокуратуры с институтами гражданского общества как механизм формирования общественного доверия // Вестник МФЮА. – 2017. – № 1. – С. 141-148.

5. Birk J. Criminal Justice: Prosecution, Research, and the Flaws in an Imperfect System. – Self Publisher, 2023. – 245 p.

6. Iraq 2024 Human Rights Report. URL: https://iq.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/103/2025/08/624521_IRAQ-2024-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf.

Рецензент: Шамардин А.А., к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

ГРИШИНА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА
доктор юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, криминологии и уголовно-исполнительного права Московского университета имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ), 111024, г. Москва, Шоссе Энтузиастов 1-ая, 6, Grishina.K.ru@yandex.ru

САЮШКИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, Elena.zrb@mail.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ, ПРАВОВОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ВЗГЛЯД

GRISHINA EKATERINA PAVLOVNA
doctor of Law, associate Professor of the Department of criminal law Disciplines, Criminology, and Penal Law of the A.S. Griboyedov Moscow State University (IMPE), 111024, Moscow, 1st Entuziastov Highway, 6, Grishina.K.ru@yandex.ru

SAYUSHKINA ELENA VLADIMIROVNA
candidate of Law, Associate Professor of the Department of criminal law sciences of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, Elena.zrb@mail.ru

ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THEORETICAL, LEGAL AND APPLIED VIEWS

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с цифровизацией доказательственной деятельности по уголовным делам, обосновывается актуальность научных исследований, направленных на формирование парадигмы электронных доказательств, определение их свойств и видов, а также специфики использования в предварительном расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел с учетом ценностных установок правосудия, прежде всего, принципа справедливости.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, электронные доказательства, электронный документ, свойства доказательства, процессуальная форма, искусственный интеллект, цифровизация.*

Annotation. *The article discusses issues related to the digitalization of evidence in criminal cases, justifies the relevance of scientific research aimed at forming a paradigm of electronic evidence, determining its properties and types, as well as the specifics of its use in the preliminary investigation and judicial review of criminal cases, taking into account the values of justice, primarily the principle of fairness.*

Keywords: *criminal proceedings, electronic evidence, electronic document, properties of evidence, procedural form, artificial intelligence, digitalization.*

Внедрение IT-технологий по все сферы государственной и общественной жизни, расширение перспектив задействования достижений искусственного интеллекта в целях реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации – отличительная особенность современных реалий, основа которых заложена Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203[1] (далее – Стратегия информационного общества).

Сегодня можно с полной уверенностью говорить о том, что цифровой мир давно стал реальностью, главное – непрерывно развивать способности существования в нем, познавать его закономерности, научиться извлекать и использовать аккумулируемую в нем информацию в социально значимых целях.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в выступлении на пленарном заседании XXVIII Петербургского международного экономического форума 20 июня 2025 г. акцентировал внимание на необходимости повсеместного распространения позитивных

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» // СЗ РФ. № 20. Ст. 2901.

технологических изменений с тем, чтобы новые цифровые, технологические решения были доступны, позволяли странам и регионам, городам выходить на новый уровень развития, прогресса, подниматься вверх, добиваться того, чтобы эффект от технологического прорыва приносил благо, пользу всем ... То есть чтобы был реализован фундаментальный принцип – принцип справедливости»[2].

Стратегия информационного общества определила цели, задачи и меры, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию национальных приоритетов. Перечисленные направления актуальны для всех видов государственной деятельности, в том числе уголовного судопроизводства.

Влияние информационных технологий на уголовно-процессуальные отношения продолжает углубляться, что особенно проявилось в период пандемии COVID-19, когда данные технологии нередко становились необходимым средством взаимодействия между людьми, организациями и органами власти[3]. И подобная тенденция проявляется не только в электронном документообороте, видео-фиксации следственных действий и судебных заседаний, аудиопротоколировании судебных заседаний, использовании видеоконференцсвязи в допросе, изъятии и использовании в доказывании электронных носителей информации, но и в применении относительно нового вида доказательств – электронных.

Примечательно, что организация обмена доказательствами в электронной форме заявлена в качестве основной цели Конвенции против киберпреступности, принятой резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 декабря 2024 г.[4], подписанной на церемонии, проходившей в г. Ханое (Вьетнам) 25-26 октября 2025 г. представителями 71 государства, в том числе России.

Электронные доказательства – это любая информация в электронном (цифровом) виде, то есть полученная и/или обработанная с применением компьютерных технологий, соответствующая требованиям, установленным уголовно-процессуальным законом, главным из которых является способность устанавливать одно или несколько обстоятельств, перечисленных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс).

С.В. Зуев отмечает отличительные особенности электронного доказательства, позволяющие отграничить его от электронного документа и вещественного доказательства в «классическом» понимании:

- отсутствие требования об обязательных реквизитах, присущего документу;

- возможность менять при копировании своего носителя, что для вещественного доказательства в силу его уникальности невозможно[5].

Новаторский подход к констатации свойств электронных доказательств в уголовном судопроизводстве прослеживается в диссертационном исследовании Р.И. Оконенко, включающего в перечень свойств электронных доказательств (помимо прочих) простоту передачи и копирования сведений с одного носителя на другой, относительность и неочевидность содержания[6].

С практической точки зрения оправданно выделение и такого свойства электронных доказательств как наличие технической возможности представления их органу предварительного расследования или суду, поскольку на сегодняшний день в силу неготовности УПК РФ к электронному документообороту, наличествует правовая возможность представления в суд в цифровом формате только ходатайств, заявлений и жалоб[7].

Техническая составляющая оперирования доказательствами упомянутого вида позволяет ставить вопрос о возможном расширении границ непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании (ст. 240 УПК РФ) за счет введения нового понятия – электронной непосредственности, «согласно которой существующая реальность рассматривается участниками процесса через призму технических устройств в процессе исследования и оценки доказательств»[8].

Оценка реальности, заложенной в память электронного устройства (носителя информации), сложна, поскольку электронная информация не имеет формы, не воспринимается органами чувств человека, поэтому нереальна для познания без электронного носителя[9]. К тому же ее сбор сопряжен с опреде-

[2] Речь Президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании XXVIII Петербургского международного экономического форума 20.06.2025 // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77222 (дата обращения: 23.10.2025).

[3] Малыгин К.В. Правовые и инфраструктурные проблемы цифровизации уголовного судопроизводства // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 502-503.

[4] Конвенция против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемых с использованием информационнотелекоммуникационных систем, и об обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям // Сайт ООН. Русскоязычная версия. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243?ysclid=mhroc6cfmk812531972 (дата обращения: 10.12.2025).

[5] Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3(26). С. 48.

[6] Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 9.

[7] Пастухов П.С. Понятие и значение документирования доказательственной информации по уголовным делам // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 356.

[8] Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8.

[9] Мичурин В.С. Электронная информация и особенности ее собирания в уголовном судопроизводстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (2) С. 36.

лёнными трудностями прикладного и процессуального характера, не случайно законодатель предусмотрел особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве всех следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ), а не только обыска и выемки, как это имело место до принятия Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 533[10], дополнившего Кодекс данной статьей.

Электронными доказательствами являются: электронные документы и иные документы в электронной форме; информация в СМИ (главным образом – размещенная на ресурсах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), вбирающая в себя цифровую и аналоговую информацию, передаваемую посредством электронной связи[11]; электронные сообщения, цифровые аудио- и видеозапись, фотоизображение; Информация Интернет-порталов (официальных сайтов) публичных органов и организаций; SMS-сообщения, в том числе эмодзи **(emoji)**; бизнес-мессенджеры и социальные сети; лог-файлы; электронные копии (образ) документов; доменные имена; цифровые отпечатки сайтов (веб-архивы) и другие.

В силу информационной модели доказательств, закрепленной в УПК РФ, согласно которой доказательствами по уголовному делу являются сведения, вопрос об отнесении к электронным доказательствам юнита (носителя искусственного интеллекта, робота, устройства, системы) вызывает оживленные дискуссии в научной среде. Так, О.В. Гладышева, В.А. Семенцов, Я.В. Лошкобанова полагают, что электронные доказательства – это прежде всего своеобразная информация, отличающаяся специфическими признаками, которые нужно учитывать в уголовном судопроизводстве, обладающем особыми правилами по установлению фактических обстоятельств, требованиями к свойствам фактических данных[12].

В то же время абсолютное большинство ученых склоняются к мысли о том, что в структуре электронного доказательства в любом процессе наличествует запись – основа источника электронного доказательства, и технический носитель информации[13], что вполне справедливо, поскольку искусственный интеллект не может существовать обособленно, не будучи закрепленным на материальном устройстве (аппаратно-программном средстве) и воспроизводимым с него. Принято также различать цифровую, звуковую и видеозапись как составляющую электронного доказательства[14].

Востребованность электронной доказательственной информации в уголовном судопроизводстве в значительной степени обусловлена увеличением показателей преступности в сфере информационных технологий (данные ГИАЦ МВД России за 2021–2025 г. отражены в таблице)[15].

Таблица. **Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации**

Период	Показатели					
	Всего зарегистрировано преступлений	+ / ? (в сравнении с предыдущим годом) в %	С использованием			
			расчетных (пластиковых) карт	компьютерной техники	сети «Интернет»	средств мобильной связи
январь-декабрь 2021 г.	517722	+ 1,4	165658	27529	351463	217552
январь-декабрь 2022 г.	522065	+ 0.8	127149	29140	381112	212963
январь-декабрь 2023 г.	676951	+ 29,7	132849	36385	526794	302865
январь-декабрь 2024 г.	765365	+13,1	115469	42347	649064	346045
январь-сентябрь 2025 г.	522000	- 7,4				

[10] Федеральный закон от 27.12.2018 № 533 «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53. Ч. I. Ст. 8459.
[11] Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2022. С. 11.
[12] Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 16. С. 95.
[13] Лаевская А.В. Электронные доказательства в гражданском и хозяйственном процессе Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 4.
[14] Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 24.
[15] https:// мвд.РФ (дата обращения: 24.12.2025).

Приведенные показатели свидетельствуют о необходимости расширения перспектив и разработки новых направлений использования цифровой информации в доказательственной деятельности по уголовным делам, совершенствования методов ее получения, закрепления, хранения обработки, проверки, изучения и главное – облачения в процессуальную форму.

Оперативное собирание, надлежащее закрепление и объективная оценка цифровых доказательств на предварительном следствии представляет собой в высшей степени актуальное требование, при несоблюдении которого вынесение судом законного, обоснованного и справедливого решения будет существенно затруднено, если вообще возможно. Именно их этих соображений Конституционный Суд РФ в определении от 25 января 2018 г. № 189-О[16] указал, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения (п. 2).

Признавая бесспорную значимость электронных доказательств как оперативной, объективной (достоверной), доступной информации, в то же время следует согласиться с профессором С.В. Зуевым в том, что полный переход к «цифровому судопроизводству» на данном этапе в сфере уголовного процесса вряд ли возможен, так как остается максимально востребованным участие человека в ходе досудебного производства по уголовным делам и при рассмотрении их в суде[17].

Созвучное мнение высказано профессором Н.Н. Апостоловой, утверждающей, что «правосудие осуществляется в отношении людей и во благо людей. Это означает, что его нравственно-правовая гуманистическая суть не может быть заменена никакими IT-технологиями, применение которых в уголовном судопроизводстве необходимо для совершенствования и повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности»[18].

Оперирование в уголовном судопроизводстве электронными доказательствами должно соответствовать принципам законности, справедливости, презумпции невиновности, гласности, состязательности и равноправия сторон, уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности личности и другим, являющимся не только правовыми установками, но и нравственными ориентирами.

В значительной степени формированию надлежащего правового режима использования электронных (цифровых) доказательств в уголовном судопроизводстве способствует принятие во внимание их ключевых особенностей в процессе проверки и оценки.

Проверка электронных доказательств по правилам, установленным ст. 87 УПК РФ, должна осуществляться не только путем сопоставления с другими доказательствами или получения иных доказательства, но, прежде всего, установления источников, особенно, когда речь идет о возможности использования в доказывании электронных результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 89 УПК РФ). Источник должен быть определяемым, не вызывающим сомнения, не подвергшийся трансформации, искажающей содержание заключенного в нем контента. Законными должны быть и сами оперативно-розыскные мероприятия, и их результаты (без провокации, угроз, фальсификации сведений).

Самым сложным для оценивая является свойство допустимости, поскольку по смыслу ст. 75 УПК РФ, каждое электронное доказательство должно быть получено с соблюдением требований Кодекса. Формально следователь может самостоятельно изъять любой носитель электронной информации, но в целях предотвращения повреждения или утраты последней изъятие электронных носителей осуществляется в ходе производства следственных действий с участием специалиста (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ). Представляется, что помимо «универсальных» требований (о надлежащих источнике, субъекте, способе собирания, форме получения и закрепления), свойство допустимости электронных доказательств должно дополняться определенными характеристиками электронной информации (воспроизводимость, проверяемость, аутентичность, верифицированость, наглядность).

Аутентичность электронной информации является стержневым фактором достоверности электронных доказательств, то есть соответствия их объективной действительности и обоснованности.

Относимость электронного доказательства означает его способность устанавливать или опровергать одно или несколько обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Относимость выполняет роль разумного предела, исключая из сферы доказывания не имеющую отношения к делу информацию, облегчая тем самым задачу органов предварительного расследования и суда.

Достаточность – свойство совокупности доказательств, поэтому оно оценивается независимо от их вида; электронные доказательства лишь дополняют общую массу доказательственной информации, при этом действует стержневое правило о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

В подведение итогов отметим, что электронные доказательства представляют собой самостоятельную

[16] Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС «Гарант».

[17] Зуев С.В. Стандарты высокотехнологичного (виртуального) уголовного процесса // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 498.

[18] Апостолова Н.Н. Доказывание по уголовным делам с использованием IT-технологий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. №2. С. 108.

категорию, которая вправе претендовать на законодательное урегулирование. В это связи видится оправданным дополнение части 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 7 следующего содержания: «7) электронные данные».

УПК РФ также целесообразно дополнить ст. 80.1 «Электронные (цифровые) доказательства» в следующей редакции: «Электронные (цифровые) доказательства – сведения, полученные или обработанные с применением компьютерных технологий, представленные в цифровом формате, соответствующие требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

В дальнейшем видится целесообразным принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащего перечень электронных доказательств и разъясняющего их особенности, а также предъявляемое к ним требования.

Библиографический список

1. Апостолова Н.Н. Доказывание по уголовным делам с использованием IT-технологий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10. – №2. – С. 104-109.

2. Гладышева О.В., Семенцов В.А., Лошкобанова Я.В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2024. – № 16. – С. 89-99.

3. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 185 с.

4. Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 3(26). – С. 46-51.

5. Зуев С.В. Стандарты высокотехнологичного (виртуального) уголовного процесса // Пермский юридический альманах. – 2023. – № 6. – С. 495-500.

6. Лаевская А.В. Электронные доказательства в гражданском и хозяйственном процессе Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2017. – 28 с.

7. Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 28 с.

8. Малыгин К.В. Правовые и инфраструктурные проблемы цифровизации уголовного судопроизводства // Пермский юридический альманах. – 2023. – № 6. – С. 501-511.

9. Мичурин В.С. Электронная информация и особенности ее собирания в уголовном судопроизводстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 1 (2). – С. 34-40.

10. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – 24 с.

11. Пастухов П.С. Понятие и значение документирования доказательственной информации по уголовным делам // Пермский юридический альманах. – 2025. – № 8. – С. 344-357.

12. Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств доказывания на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2022. – 210 с.

Рецензент: Резепкин А.М., к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

ЖЕРЕБЯТЬЕВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), мировой судья в отставке (460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, каб. № 506, igoriviv@mail.ru)

ШАМАРДИН АРТЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент (460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, каб. № 610, shamardin@mail.ru)

ДЕЛА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ZHEREBYATYEV IGOR VLADIMIROVICH
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Orenburg Institute (branch) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University» (MGUA), retired Justice of the Peace (460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, office No. 506, igoriviv@mail.ru)

SHAMARDIN ARTYOM ALEKSANDROVICH
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Orenburg Institute (branch) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University» (MGUA), Associate Professor, (460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, office No. 610, shamardin@mail.ru)

PRIVATE PROSECUTION CASES: CURRENT STATE AND PROSPECTS

Аннотация. *Институт частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве сталкивается с системными проблемами, связанными с балансом между публично-правовой природой уголовного преследования и частными интересами потерпевшего. Несмотря на попытки реформирования, включая Федеральный закон № 535-ФЗ 2025 года, институт сохраняет фундаментальные недостатки, затрудняющие реализацию конституционного права на судебную защиту. В статье анализируются институциональные и конституционные проблемы института частного обвинения в России. Рассматриваются последствия реформы 2025 года (ФЗ №535-ФЗ), статистические тенденции, нормативные дефекты и практические сложности, связанные с доказыванием и процессуальным статусом участников. Авторы аргументирует нецелесообразность сохранения частного обвинения в текущем виде и предлагает переход к модели частно-публичного обвинения с сохранением элементов диспозитивности.*

Ключевые слова: *дела частного обвинения, Раздел XI УПК РФ, Глава 41 УПК РФ, процесс доказывания, субъекты доказывания, мировой судья, уголовное преследование, примирение, прекращение дела.*

Review. *The institution of private prosecution in Russian criminal proceedings faces systemic challenges related to the balance between the public law nature of criminal prosecution and the private interests of the victim. Despite attempts at reform, including Federal Law No. 535-FZ of 2025, the institution retains fundamental flaws that hinder the implementation of the constitutional right to judicial protection. This article analyzes the institutional and constitutional issues surrounding the institution of private prosecution in Russia. The article examines the consequences of the 2025 reform (Federal Law No. 535-FZ), statistical trends, regulatory defects, and practical difficulties related to proof and the procedural status of participants. The authors argue that it is not advisable to maintain private prosecution in its current form and propose a transition to a model of private-public prosecution while preserving elements of disposition.*

Keywords: *private prosecution cases, Section XI of the Code of Criminal Procedure, Chapter 41 of the Code of Criminal Procedure, the process of proof, subjects of evidence, justice of the peace, truth, criminal prosecution, reconciliation, termination of the case.*

Введение

Современное состояние правового регулирования рассмотрения уголовных дел частного обвинения, оставляет, по мнению авторов, желать лучшего. Поэтому в рамках настоящего научного исследования мы предпримем попытку рассмотреть некоторые наиболее существенные пробелы правового регулирования и, в конечном счете, перспективы самого существования института частного обвинения в отечественном уголовном процессе.

1. Институциональные и конституционные основы проблем института частного обвинения

Институт частного обвинения традиционно представляет собой один из наиболее противоречивых сегментов российского уголовного судопроизводства. В его основе лежит попытка законодателя найти баланс между публично-правовой природой уголовного преследования и частными интересами потерпевшего, которому делегируется право не только инициировать уголовный процесс, но и самостоятельно поддерживать обвинение. Однако современная правоприменительная парадигма неумолимо демонстрирует, что формальная процессуальная диспозитивность, лишенная государственно-властного обеспечения, трансформируется в непреодолимый барьер для реализации конституционного права граждан на судебную защиту.

Изначально, в самой первой редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее также – УПК, УПК РФ) специфика рассмотрения дел указанной категории затрагивала не только мировых судей, но и судей военных гарнизонных судов (ч. 5 ст. 31 УПК РФ, ст. 7 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 23.06.1999 года № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»[1]). Позднее из подсудности мировых судей был изъят состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также – УК РФ). Данный состав преступления был передан в подсудность районных судов[2].

Согласно действующей редакции части 2 статьи 20 УПК РФ к делам частного обвинения относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных лишь ч. 1 ст. 115 УК РФ и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ.

Еще 28 мая 2024 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (законопроект № 636713-8, принят в первом чтении в Государственной Думе 1 апреля 2025 года)[3]. Данным законопроектом предусматривается изменение вида уголовного преследования за «бытовую» клевету (ч.1 ст. 128.1 УК РФ) с частного на частно-публичное.

Как отмечается в пояснительной записке к данному законопроекту, частный порядок уголовного преследования предполагает возложение на лицо, пострадавшее от клеветы, бремени доказывания события и других обстоятельств преступления, а также наделение его правом и обязанностью самостоятельно поддерживать обвинение в суде (статья 43 УПК РФ), при этом неявка данного лица без уважительной причины в суд влечет прекращение уголовного дела по реабилитирующему основанию (часть 3 статьи 249 УПК РФ). В случае оправдания подсудимого по уголовному делу частного обвинения суд вправе взыскать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по данному делу, а при прекращении дела в связи с примирением сторон обвинения и защиты процессуальные издержки взыскиваются с одной или обеих сторон (часть 9 статьи 132 УПК РФ), тогда как по делам публичного и частно-публичного обвинения в таких случаях процессуальные издержки взыскиваются с лица, в отношении которого прекращается уголовное дело или уголовное преследование, или возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Итак, с 18 июня 2025 г. уголовные дела о клевете без квалифицирующих признаков (ч.1 ст. 128.1 УК РФ) выведены из сферы частного обвинения и отнесены к частно-публичному обвинению. Это решение само по себе симптоматично: законодатель фактически признал, что по крайней мере в отношении клеветы прежняя модель, основанная на инициативе и доказательственной активности потерпевшего, не обеспечивает должного уровня защиты последнего.

Особенность частного обвинения состоит в том, что заявление потерпевшего выполняет функцию, аналогичную обвинительному акту: в нем должны быть изложены обстоятельства события, данные о лице, привлекаемом к ответственности, сведения о свидетелях и доказательствах, а также сформулирована просьба к суду принять заявление (ст. 318 УПК РФ). Для профессионального участника процесса эта конструкция выглядит «естественно», но для обычного потерпевшего – гражданина без юридической подготовки – она означает необходимость в кратчайший срок превратить жизненный конфликт в юридически квалифицированное описание, пригодное для «запуска» уголовного судопроизводства.

Государство, гарантируя защиту прав потерпевших от преступлений, не может самоустраняться от выполнения своей базовой функции охраны правопорядка. Конституционный Суд Российской Феде-

[1] Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.

[2] Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[3] Законопроект № 636713-8 «О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об изменении вида уголовного преследования в отношении клеветы, предусмотренной частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/636713-8 (дата обращения: 25.02.2026).

рации неоднократно указывал на то, что закрепление требований, предъявляемых к реализации прав и законных интересов потерпевших от преступлений, осуществляется федеральным законодателем, однако это не освобождает государство от обязанности обеспечивать эффективные механизмы восстановления нарушенных прав.

В этой логике Постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 13-П[4], которые мы рассмотрим далее, стало не просто точечным реагированием на частный казус, а фактически – «диагностикой» системного дефекта правового регулирования, проявившегося в коллизии подсудности и процессуальной формы по делам частного обвинения, когда такие дела объективно попадали в районные суды, но глава 41 УПК РФ в прежней редакции была сформулирована как «производство у мирового судьи».

2. Аудит правоприменительного кризиса: реализация Постановления Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 13-П

Точкой бифуркации в развитии института частного обвинения стало выявление непреодолимой коллизии между правилами предметной подсудности и процессуальной формой, что потребовало вмешательства органа конституционного нормоконтроля.

Суть проблемы, рассмотренной Конституционным Судом (далее также – КС РФ), состояла в следующем: уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч.1 ст. 116.1 УК РФ, по правилам подсудности могли рассматриваться районным судом, однако районные суды отказывали в принятии заявления частного обвинителя, мотивируя это тем, что глава 41 УПК РФ в прежней редакции прямо регламентировала процедуру «у мирового судьи», а для районного суда специальный порядок якобы отсутствует. Конституционный Суд отверг такую практику и сформулировал конституционно-правовой смысл оспариваемых норм: их содержание не предполагает отказа районного суда в принятии заявления по делу частного обвинения по мотиву «неурегулированности» процессуального порядка; напротив, суд обязан обеспечить реализацию права на судебную защиту, применяя действующее регулирование с учётом его конституционного смысла.

Тем самым КС РФ, по существу, указал на пределы допустимости «нормативного вакуума» в уголовном процессе: пробел (или неудачная законодательная техника) не может служить оправданием отказа в доступе к правосудию. Важно и другое: КС РФ фактически адресовал законодателю требование устранить нормативную неопределённость и унифицировать процессуальный порядок по делам частного обвинения для разных судов, в которые такие дела могут попасть в силу правил подсудности.

Реализация данной правовой позиции получила выражение в Федеральном законе от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[5] (далее – Закон № 535-ФЗ), который прямо ориентирован на унификацию особенностей производства по делам частного обвинения и устранение «привязки» процедуры исключительно к мировому судье.

Во-первых, Закон № 535-ФЗ изменил саму архитектуру раздела XI УПК РФ: вместо прежнего наименования «Особенности производства у мирового судьи» закреплено более нейтральное «Особенности производства по уголовным делам частного обвинения», а в ряде норм произведена терминологическая замена «мировой судья» > «суд», «мировые судьи»> «суды».

Во-вторых, ключевой для практики блок изменений затронул главу 41 УПК РФ: статья 319 изложена в новой редакции, статьи 320, 322 и 323 признаны утратившими силу, тем самым законодатель устранил фрагментарность и «избыточную привязку» процедуры к мировому судье, создав модель, применимую и в районном суде при рассмотрении дел частного обвинения (УПК РФ, гл. 41 в ред. Закона № 535-ФЗ: ст. 319 – новая редакция; ст. 320, 322, 323 – утратили силу).

В-третьих, Закон № 535-ФЗ уточнил ряд общих норм, обеспечивающих работоспособность процедуры: например, введена часть 1.1 статьи 233 УПК РФ, устанавливающая специальный срок начала судебного разбирательства по делам, подсудным мировому судье (не ранее 3 суток и не позднее 14 суток со дня поступления дела в суд). Очевидно, что эта новелла направлена на ускорение судопроизводства и предотвращение волокиты. Однако в контексте институциональных проблем частного обвинения введение императивного 14-дневного срока порождает серьезные практические риски для потерпевшего. В столь сжатый временной промежуток частный обвинитель (не обладающий оперативно-розыскным и следственным аппаратом) должен самостоятельно обеспечить сбор доказательств, установить местонахождение свидетелей и обеспечить их явку в суд.

При этом сама логика Закона №535-ФЗ показывает: законодатель устраняет именно «технический» дефект регулирования (несоответствие процессуальной формы возможной подсудности), но тем самым ещё более отчётливо проявляется фундаментальная проблема института – отсутствие у потерпевшего ресурсов, сопоставимых с публичным обвинением, при возложении на него обязанности фактически вести «мини-процесс» от заявления до доказывания и поддержания обвинения. Поэтому, на наш взгляд, данная проблема института частного обвинения требует

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 № 13-П по делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403290001 (дата обращения: 01.03.2026).

[5] Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. №535-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: https://rg.ru/documents/2026/01/12/fz535 (дата обращения: 01.03.2026).

концептуального подхода – на уровне политики уголовно-процессуального регулирования.

В этой связи дальнейший анализ в статье будет направлен на обоснование вывода о нецелесообразности сохранения частного обвинения в его нынешнем виде и на разработку модели реформирования: перевод дел частного обвинения в категорию частно-публичного обвинения при сохранении элементов диспозитивности (волеизъявление потерпевшего как условие начала/продолжения преследования; гибкие механизмы примирения и восстановительных процедур). Такой подход, как представляется, согласуется с общей логикой, обозначенной Конституционным Судом РФ: уголовное судопроизводство не может быть устроено так, чтобы формальная диспозитивность превращалась в фактическую недоступность судебной защиты.

3. Нецелесообразность сохранения института частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве РФ: теоретико-доктринальное и практическое обоснование

Частное начало в уголовном процессе традиционно связывают с возможностью потерпевшего распоряжаться судьбой преследования: инициировать его, поддерживать обвинение, отказаться от обвинения, примириться и тем самым завершить производство. В доктрине справедливо подчеркивается, что диспозитивность означает зависимость движения дела от волеизъявления сторон, а распорядительные действия (включая отказ от обвинения и примирение) выступают юридическими фактами, определяющими исход процесса[6]. Однако именно в делах частного обвинения диспозитивность нередко приобретает деформированный характер: формальная свобода потерпевшего «распоряжаться» делом подменяется фактической обязанностью потерпевшего *обеспечить* движение процесса – прежде всего посредством собирания и представления доказательств, а также преодоления процедурных барьеров на стадии принятия заявления, что вступает в противоречие с конституционной логикой принципа обеспечения доступа к правосудию.

3.1. Эмпирическая и статистическая верификация правоприменительной практики (2020–2024 гг.)

Анализ показателей за 2020-2024 годы демонстрирует устойчивый, непрерывный спад количества уголовных дел частного обвинения, возбуждаемых судами по заявлениям граждан. Количество заявлений, поступивших мировым судьям по делам частного обвинения, демонстрирует устойчивое сокращение данного производства. Так, в 2020 году в порядке частного обвинения было возбуждено по заявлениям, поступившим в суд, 6 035 уголовных дел, в 2021 году – 5 259, в 2022 году – 4 743, в 2023 году – 4 330, в первом полугодии 2024 года - 2 043[7].

Еще показательнее то, что значительная часть заявлений возвращается заявителям – примерно треть обращений «отсекается» на пороге суда – до начала судебного разбирательства. Это означает, что препятствием выступает формально-содержательная сложность заявления как процессуального документа.

Судебная статистика по делам частного обвинения, возбужденным по заявлениям, поступившим непосредственно в суд, за 2024 г. фиксирует следующую картину: рассмотрено 3964 дела; осуждено 1 110 лиц; оправдано 318 лиц; прекращено производство в отношении 2536 лиц[8].

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ демонстрируют устойчивую тенденцию сокращения массива дел частного обвинения. По отчётным данным формы судебной статистики число осуждённых составляет: 2021 г. – 3434, 2022 г. – 3411, 2023 г. – 3083[9].

Прекращение производства доминирует: почти две трети рассмотренных дел заканчиваются прекращением – 2536 из 3964 (около 64% от рассмотренных дел)[10]. Поверхностный взгляд мог бы трактовать это как торжество восстановительного правосудия и успешное примирение сторон. Однако глубинное изучение практики показывает, что значительная часть таких прекращений представляет собой вынужденную «рациональную капитуляцию» потерпевшего. Столкнувшись с бюрократическими препятствиями, постоянными переносами судебных заседаний, давлением со стороны подсудимого и невозможностью доказать вину, частный обвинитель предпочитает отказаться от обвинения или пойти на формальное примирение, лишь бы выйти из изнурительного процесса. Таким образом, статистика прекращений зачастую маскирует латентный отказ в правосудии.

3.2. Нормативные дефекты процессуального статуса участников по делам частного обвинения

Отдельной проблемой, усиливающей дисфункции частного обвинения, выступает неопределенность процессуального положения лица, в отношении которого подано заявление.

В соответствии со статьей 47 УПК РФ, процессуальный статус обвиняемого жестко привязан к формальным юридическим актам публичного уголовного преследования: вынесению постановления о привлечении в качестве обвиняемого, составлению об-

[6] Шамардин А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе РФ. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2002. С. 22.

[7] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5670 (дата обращения: 28.02.2026).

[8] Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1 (дата обращения: 28.02.2026).

[9] Основные статистические показатели состояния судимости. URL: https://cdep.ru/userimages/Sbornik_Sudimost_2020-2024.xls (дата обращения: 28.02.2026).

[10] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

винительного акта или обвинительного постановления. Что же касается частного обвинения, то в научной литературе обоснованно отмечается, что до момента принятия заявления судом такое лицо не приобретает статуса обвиняемого, а значит, права и гарантии стороны защиты оказываются «подвешенными» между фактическим наличием обвинительного утверждения и отсутствием четко оформленного процессуального статуса[11].

Период, предшествующий этому моменту (проверка правильности составления заявления, возвращение его для устранения недостатков), порождает правовой вакуум. Фактически в отношении гражданина уже выдвинуто уголовно-правовое требование, формируется угроза уголовного преследования, но де-юре он не наделен статусом подозреваемого или обвиняемого, что ограничивает его конституционное право на квалифицированную юридическую помощь и возможность активно участвовать в формировании доказательственной базы на самых ранних, критически важных этапах конфликта.

3.3. Практические аспекты проблемы ограниченных процессуальных возможностей частного обвинителя в доказывании

Что и по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения средства доказывания по ним – это доказательства, собранные по уголовному делу в установленном уголовно-процессуальным законом порядке. Но вот что касается субъектов доказывания, то уголовные дела частного обвинения все-таки имеют, на наш взгляд, свою специфику.

Наука уголовно-процессуального права традиционно считает субъектами доказывания дознавателя, следователя, прокурора и суд (судью). УПК РФ в ст. 86 также указывает на вышеперечисленных лиц (ч. 1), упоминая, вместе с тем, что подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший[12], гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2)[13]. Участие в доказывании защитника мы в рамках настоящей статьи затрагивать не будем.

В научной литературе вопрос об участии частного обвинителя в доказывании обстоятельств уголовного дела поднимался уже давно и неоднократно[14]. Вместе с тем мы полагаем, что самостоятельное участие частного обвинителя в собирании, фиксации, предоставлении, оценке доказательств – фикция. Во-первых, о нем нет упоминания в ст. 86 УПК, на что мы уже обращали внимание. Во-вторых, статьи 42, 43, 246, 319 и иные УПК РФ не закрепляют подобного правомочия за обычным физическим лицом, не обладающим властными полномочиями. В-третьих, законодатель не зря закрепил в этой связи в норме ч.2 ст. 319 УПК РФ своеобразный «костыль» для частного обвинителя (как, в принципе, и для стороны защиты), указав, что «по ходатайству сторон *мировой*[15] судья вправе оказать им содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно».

Нам представляется, что фундаментальный конфликт заложен в самой архитектуре института частного обвинения: возложение на частное лицо (зачастую не обладающее ни юридической квалификацией, ни финансовыми ресурсами, ни, тем более, властными полномочиями) бремени доказывания вины подсудимого вступает в объективное противоречие со стандартами уголовно-процессуального доказывания. В условиях современного усложнения социальных связей и способов совершения правонарушений (включая цифровизацию коммуникаций) самостоятельный сбор доказательств частным обвинителем становится фактически невыполнимой задачей.

Доказательственная судьба дел по ч. 1 ст. 115 УК РФ и ч.1 ст. 116.1 УК РФ в значительной степени определяется медицинскими документами. Однако потерпевший не управляет качеством медицинской фиксации – он зависит от того, насколько корректно врач описал повреждения, насколько своевременно он обратился, была ли проведена необходимая диагностика, и может ли документ быть «прочитан» в уголовно-правовой квалификации. В повседневной реальности боль и повреждение часто фиксируются неполно: нет детализированного описания, отсутствует указание на давность, нет последовательности обследований. Позднее это превращается в проблему: суд требует не «общих слов», а оснований для вывода о наличии/отсутствии, например, лёгкого вреда здоровью и причинно-следственной связи.

Отсюда типичная ситуация: частный обвинитель приносит справку из травмпункта, но защита ставит под сомнение её достаточность и требует экспертного заключения. Судья, оставаясь в рамках беспристрастности, вправе назначить экспертизу (ст. 195, 283 УПК РФ), но инициирование этого вопроса, формулирование ходатайства и обоснование необходимости экспертизы в реальности вновь ложатся на потерпевшего, который зачастую не понимает, как «юри-

[11] Жеребятьев И.В., Караева А.А. К вопросу о процессуальном положении лица, в отношении которого подано заявление частного обвинения // Мировой судья. 2020. № 8. С. 25.

[12] Причем только потерпевший, но не частный обвинитель!

[13] Более подробно о субъектах доказывания см., например: Караева А.А. Доказывание и доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / А.А. Караева; Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ, 2021; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание: монография. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995, Насонова И.А., Сидорова Е.И. О субъектах доказывания в уголовном процессе России // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 235-240 и др.

[14] См., например: Жирова М.Ю. Особенности доказывания по делам частного обвинения: автореф. дис. канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 7; Абдулхаджиев А.М., Мальцагов И.Д. Субъекты доказывания по уголовным делам частного обвинения // Вопросы студенческой науки. Выпуск №9 (37), сентябрь 2019. С. 237-240 и др.

[15] В ранее действовавшей редакции закона.

дически» сформулировать проблему. В итоге «медицинская» очевидность превращается в процессуальную неопределённость.

Современные бытовые конфликты почти всегда оставляют цифровые следы: записи камер, переписку, аудио и видео на телефоне. На уровне житейского восприятия это выглядит как сильная позиция потерпевшего: «всё записано». Но уголовно-процессуальная реальность строже. Возникают вопросы: кем и как получена запись, не нарушена ли целостность файла, можно ли установить дату записи, не подвергался ли материал монтажу, соблюдены ли требования относимости и допустимости. Защита профессионально «разбирает» такие доказательства, тогда как частный обвинитель обычно воспринимает запись как самоочевидное доказательство, не понимая, что процессуальная ценность цифрового следа во многом определяется процедурой его представления и проверки.

Особенно болезненна ситуация с записями камер видеонаблюдения (магазин, двор, подъезд): потерпевший зачастую не может получить оригинал, а время хранения ограничено. В публичном преследовании это решается оперативными запросами и следственными действиями; в частном обвинении потерпевший рискует утратить ключевой материал ещё до того, как суд приступит к делу. В этой точке «приватизация доказывания» становится максимально наглядной: доказательство как бы существует, но процессуально оно «не доезжает» до суда.

Многие дела частного обвинения логически требуют осмотра места происшествия, фиксации повреждений имущества, локализации следов борьбы, восстановления событий. Однако частный обвинитель не располагает следственными инструментами. Суд может исследовать материалы и осматривать предметы, но суд не заменяет следствие: он не должен превращаться в орган собирания доказательств. Поэтому в делах частного обвинения именно такие «простые» следственные действия оказываются недоступны.

Парадокс заключается в том, что институт частного обвинения исходно рассчитан на «простые» дела, не требующие сложного расследования. Но практика показывает: даже «простые» дела часто требуют хотя бы минимального объёма процессуальной фиксации, иначе доказательство распадается на слова сторон. И тогда суд, вынужденный действовать строго в рамках состязательности, получает конфликтную конструкцию «слово против слова» – где исход определяется либо случайными факторами (явка свидетелей), либо процессуальным опытом стороны.

3.4. Роль суда в доказывании: между пассивностью и обвинительным уклоном

В делах частного обвинения государственное обвинение по общему правилу отсутствует (за исключением случаев вступления прокурора в процесс в целях защиты лиц, находящихся в зависимом состоянии – часть 4 статьи 20, части 4 и 8 статьи 318 УПК РФ). Обвинение поддерживает сам потерпевший (частный обвинитель).

УПК РФ в статье 15 закрепляет принцип состязательности, согласно которому суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а лишь создает условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей. Часть 2 статьи 319 УПК РФ позволяет мировому судье (или судье районного (гарнизонного) суда) по ходатайству сторон оказывать им содействие в собирании доказательств.

Примечательно, что УПК РФ, возлагая на судью обязанности разъяснить права сторонам, одновременно требует от него сохранять беспристрастность. Однако, в условиях, когда обвинение поддерживает частный обвинитель, любая чрезмерная активность суда в доказывании способна быть воспринята как выход за пределы функции правосудия, а чрезмерная пассивность неизбежно ведет к фактическому отказу в судебной защите тем потерпевшим, которые не располагают ресурсами для самостоятельного доказывания.

Нормативная конструкция дел частного обвинения в действующем УПК РФ построена таким образом, что инициирование и фактическое «движение» процесса привязаны к активности потерпевшего (частного обвинителя), тогда как государственный ресурс уголовного преследования либо отсутствует, либо подключается лишь в исключительных ситуациях. Ключевой вопрос здесь – как обеспечить допустимую меру диспозитивности, *не перекладывая* на потерпевшего обязанность по защите нарушенных преступлением прав, которая по своей природе должна оставаться функцией публичной власти.

Но сама логика возбуждения производства и подготовки к судебному разбирательству объективно принуждает частного обвинителя быть не просто заявителем, а фактическим организатором обвинения. Именно он должен сформулировать обвинение в заявлении и обеспечить его доказательственную «опору» (ст. 318 УПК РФ), представить сведения о свидетелях, доказательствах и т.п., а также поддерживать обвинение в суде (ст. 43 УПК РФ). При этом частный обвинитель не располагает публично-властными инструментами собирания и закрепления доказательств, которыми обладают дознаватель и следователь в публичном и частно-публичном обвинении. Формально суд может оказывать содействие в собирании доказательств – но такое содействие неизбежно ограничено требованием беспристрастности суда и состязательной природой судебного разбирательства, иначе «помощь» начинает выглядеть как подмена функции обвинения.

Наиболее распространённый источник доказательств по делам о побоях и причинении лёгкого вреда здоровью – показания свидетелей. Однако именно с ними частный обвинитель чаще всего переживает первый «провал». Свидетель в бытовом конфликте, как правило, – родственник, сосед, коллега, случайный очевидец. Его участие зависит от множества

внепроцессуальных факторов: страха испортить отношения, давления со стороны обвиняемого, элементарной усталости от повторных вызовов.

Формально закон предоставляет суду возможность обеспечить явку и допрос свидетелей, но частный обвинитель фактически несёт бремя инициирования, уточнения адресов, ходатайств о вызове, и – что особенно важно – несёт риск того, что при неявке ключевых свидетелей доказательственная конструкция рушится. Это усиливается тем, что в делах частного обвинения нередко отсутствует полноценная «досудебная фиксация» показаний, а значит, суд вынужден оценивать доказательства преимущественно в условиях текущего разбирательства, где любая неявка критична.

На основе собственного опыта работы мировым судьей один из авторов этой статьи может с уверенностью утверждать: в действительности сторона обвинения самостоятельно получить достаточную совокупность относимых, допустимых и достоверных доказательств по уголовному делу частного обвинения не имеет возможности почти никогда. И для того, чтобы постановить приговор, отвечающий всем предъявляемым к нему уголовно-процессуальным законом требованиям, либо вынести иное решение, судья, по сути, единолично занимается сбором всех необходимых доказательств: истребует сведения о предыдущих судимостях, о постановке привлекаемого к уголовной ответственности лица на учет в психоневрологический или наркологический диспансер; запрашивает копии предыдущих приговоров в отношении привлекаемого лица, характеристику его личности; истребует данные о телефонных переговорах и о нахождении мобильного телефона привлекаемого лица в момент совершения инкриминируемого ему деяния, записи камер видеонаблюдения, назначает различные экспертизы, в том числе по определению степени тяжести вреда, причиненного преступлением. Судья, и только судья, определяет достаточность той или иной совокупности доказательств, необходимой для вынесения того или иного решения по делу.

Да, все это должно делаться, как требует закон, исключительно по ходатайству частного обвинителя. Но практика, как всегда, вносит свои, порой очень существенные, коррективы. Разве рядовому обывателю, выступающему частным обвинителем, придет в голову, что необходимо ходатайствовать перед судьей, например, о запросе сведений о предыдущих судимостях привлекаемого к уголовной ответственности лица? Или о назначении той или иной экспертизы? Или об истребовании иных сведений, необходимых для правильного разрешения уголовного дела с учетом требований ст.ст. 6, 7, 297 и др. УПК РФ? А ведь даже невинное, на первый взгляд, истребование сведений о предыдущих судимостях и, при их наличии – копий приговоров, – фактически ставит судью на сторону обвинения, так как эти приговоры могут свидетельствовать о наличии в действиях привлекаемого лица рецидива преступлений (что повлечет назначение более тяжкого наказания в соответствии со ст. 68 УК РФ). Эти же приговоры могут стать причиной применения положений ст.ст. 69 и 70 УК РФ. И продолжать подобные примеры (которые, повторимся, на практике встречаются сплошь и рядом), можно бесконечно.

В этой связи мы может сделать очень неприглядный, на первый взгляд, вывод о том, что дела частного обвинения проявляют себя не как «квинтэссенция» состязательности уголовного судопроизводства, а наоборот, свидетельствуют о том, что судья по ним, по сути, совмещает в себе все три основные уголовно-процессуальные функции – обвинения, защиты[16] и отправления правосудия.

3.5. Упразднение института частного обвинения как способ обеспечить реализацию конституционного права потерпевших на доступ к правосудию

Федеральный закон №535-ФЗ, реализуя постановление КС РФ № 13-П, действительно устранил часть ранее выявленных институциональных недостатков. Но данная реформа почти не затронула ядро проблемы – отсутствие у частного обвинителя «государственной поддержки доказывания». Исключение по-прежнему составляют случаи, когда дело фактически «переходит» в публичный режим через механизмы возбуждения и расследования в общем порядке (ч. 4 ст. 20, ч. 4 ст. 147 УПК РФ), однако это именно исключение, а не правило.

Перечисленные типовые ситуации складываются в единый вывод: потерпевший оказывается в роли обвинителя, но без тех инструментов, которые в уголовном процессе исторически и функционально связаны с обвинением как публичной функцией.

Поэтому, признавая безусловную полезность закона № 535-ФЗ как способа устранения правовой лакуны, дальнейший анализ должен выходить за пределы юридической техники: ключевым остаётся вопрос, может ли вообще институт частного обвинения быть сохранён как самостоятельная модель уголовного преследования в современных условиях – или его нужно заменить более жизнеспособной конструкцией, сохранив диспозитивность, но вернув государству обязанность обеспечивать доказывание.

Итак, ключевая проблема частного обвинения не сводится к подсудности и не исчерпывается унификацией главы 41 УПК РФ. Она глубже: частное обвинение институционально закрепляет ситуацию, когда публично-правовые последствия (судимость, уголовная ответственность, иные правовые эффекты) достигаются посредством механизма, где бремя фактического движения дела и доказательственного обеспечения в значительной мере лежит на потерпевшем.

Давайте задумаемся над следующим: чем отличается состав преступления, предусмотренный ч.1 ст. 128.1 УК РФ, изъятый из числа дел частного обви-

[16] Так как судья по делам частного обвинения на практике собирает доказательства и в пользу подсудимого, особенно, если у него отсутствует квалифицированный защитник по соглашению.

нения, от составов преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 115 и ч.1 ст. 116.1 УК РФ в контексте вида уголовного преследования? Так, в Пояснительной записке к законопроекту № 636713-8 основной упор делается на следующие моменты:

1. усиление защиты конституционных прав граждан (ч.1 ст. 23, ч.2 Конституции Российской Федерации);

2. бремя доказывания события и других обстоятельств преступления возложено на самого частного обвинителя, равно как и наделение его правом и обязанностью самостоятельно поддерживать обвинение в суде (ч. 3 ст. 246; п. 2 ч. 4, ч. 5 ст. 321 УПК РФ);

3. дополнительное обязательное для суда основание прекращение уголовного дела по реабилитирующему основанию – неявка частного обвинителя без уважительной причины в суд (ч.3 ст. 249 УПК РФ);

4. иной порядок взыскания процессуальных издержек по делам частного обвинения (ч.9 ст. 132 УК РФ).

Но и по «остающимся» делам частного обвинения мы наблюдаем абсолютно такую же ситуацию. Несомненно (так как это одна и та же процессуальная форма рассмотрения уголовных дел), пункты 2-4 применимы и к умышленному причинению легкого вреда здоровью (без отягчающих обстоятельств), и к нанесению побоев лицом, подвергнутым административному наказанию.

Что касается п. 1, то и преступления, предусмотренные ч.1 ст. 115 УК РФ, и преступления, предусмотренные ч.1 ст. 116.1 УК РФ, расположены в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII «Преступления против личности» УК РФ. В этом же разделе расположена глава 17 УК РФ («Преступления против свободы, чести и достоинства личности»), в которой как раз и размещена статья о клевете. То есть мы видим (исходя из построения Особенной части УК РФ по принципу от наиболее важных конституционных прав личности к, с позволения сказать, «менее важным»), уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч.1 ст. 115 УК РФ и ч.1 ст. 116.1 УК РФ, также защищены Конституцией РФ. В частности, это можно вывести из анализа нормы ч.2 ст. 21 Конституции РФ («Никто не должен подвергаться ... насилию...»).

В качестве примера вновь приведем Постановление Конституционного Суда от 28.03.2024 г. № 13-П[17]. Суд исходил из того, что изменение правил подсудности само по себе не означает отмены частного порядка уголовного преследования и не может приводить к формированию «процессуального вакуума», при котором потерпевший фактически лишается возможности реализовать право на судебную защиту. Суд подчеркнул, что иное толкование означало бы создание непропорционального барьера доступа к правосудию и перекладывание на гражданина последствий законодательной «несостыковки» процессуальных норм. Одновременно Суд напомнил и о компенсирующем механизме ч. 4 ст. 20 УПК РФ: если преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы (в том числе когда данные о лице, совершившем преступление, не известны), уголовное дело может быть возбуждено уполномоченными органами и расследовано в общем порядке. Тем самым конституционно-правовой смысл института частного обвинения увязан Конституционным Судом РФ с обеспечением реальной возможности судебной защиты нарушенных прав и свобод.

Следовательно, мы можем утверждать, что по тем же самым основаниям, что приведены в пояснительной записке к законопроекту №636713-8 об изменении вида уголовного преследования по ч.1 ст. 128.1 УК РФ, возможно изменить вид уголовного преследования и по оставшимся двум составам преступлений.

Так в чем концептуальное отличие дел публичного, частно-публичного и частного обвинения? Доктринально это ставится в зависимость, в первую очередь, от волеизъявления потерпевшего (при его наличии). По делам публичного обвинения оно, естественно, не требуется в принципе, по остальным видам уголовного преследования оно необходимо. И здесь кроется вторая особенность дел всех трех категорий – основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и дискреционные полномочия суда на принятие соответствующего решения.

Рассмотрим немного более подробно этот момент.

Согласно ч.2 ст. 20 УПК РФ, дела частного обвинения *подлежат* прекращению в связи с примирением *потерпевшего с обвиняемым*. То есть законодатель не предусматривает никаких иных условий для прекращения уголовного дела (возмещение ущерба, отсутствие у привлекаемого к уголовной ответственности лица неснятой или непогашенной судимости и проч.). Судья обязан прекратить уголовное дело частного обвинения по этому основанию (если, конечно, оно не было возбуждено в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ). Что касается дел частно-публичного обвинения, то закон (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) прямо запрещает прекращать уголовные дела данной категории в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

То есть, исходя из характера правоотношений, главенствующая роль по делам частно-публичного обвинения (как и по делам публичного обвинения) принадлежит уже не обвинителю – частному лицу, а именно стороне обвинения, где потерпевший уже не играет решающей роли, все существенные для дела решения принимаются государственными органами и их должностными лицами. Именно поэтому уголовные дела частно-публичного и публичного обвинения прекращаются по совершенно иному основанию – в связи с примирением *сторон*. И здесь при прекраще-

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 №13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой // СЗ РФ. 2024. №14. Ст. 1958.

нии уголовного дела необходимо соблюдение ряда дополнительных условий: а) лицо должно впервые привлекаться к уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ); б) лицо должно загладить причиненный потерпевшему вред (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ). Кроме того, прекращение уголовного дела по этому основанию является правом, а не обязанностью суда.

Еще двумя характерными основаниями прекращения уголовных дел частного обвинения являются отказ потерпевшего (частного обвинителя) от обвинения (ч.5 ст. 321 УПК РФ) и неявка потерпевшего (частного обвинителя) в судебное заседание без уважительных причин (ч.3 ст. 249 УПК РФ).

Исторически ч. 3 ст. 249 УПК РФ связывала неявку частного обвинителя (потерпевшего) в судебное заседание без уважительных причин с прекращением уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть по реабилитирующему основанию «за отсутствием в деянии состава преступления». Такая конструкция порождала очевидный дефект: суд, не исследуя обстоятельства дела, и не устанавливая ни события, ни причастности лица, был обязан констатировать отсутствие состава преступления исключительно по формальному процессуальному факту – неявке частного обвинителя.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13 апреля 2021 г. № 13-П[18] признал соответствующие положения неконституционными в той мере, в какой они приводили к прекращению дела частного обвинения «за отсутствием в деянии состава преступления» именно по причине неявки частного обвинителя. Суд указал, что такое прекращение способно восприниматься как подтверждение фактических обстоятельств (будто деяние имело место, но «не дотягивает» до преступления), что ущемляет право подсудимого на справедливое судебное разбирательство и нарушает принцип юридического равенства. До внесения изменений в законодательство Суд предписал прекращать такие дела по пункту 1 части 1 статьи 24 УПК РФ – «в связи с отсутствием события преступления».

Федеральным законом от 28 июня 2022 г. № 201-ФЗ законодатель реализовал указанную правовую позицию, изменив п. 5 ч. 1 ст. 24 и изложив ч. 3 ст. 249 УПК РФ в новой редакции: теперь по делам частного обвинения неявка частного обвинителя без уважительных причин влечет прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ[19]. Смысл такой коррекции заключается в том, чтобы исключить фиктивное «установление» элемента состава преступления судом при отсутствии исследования доказательств, сохранив при этом процессуальную диспозитивность частного обвинения.

Таким образом, «перевод» уголовных дел частного обвинения в категорию дел частно-публичного обвинения расширяет возможность применения средств уголовной репрессии к обвиняемому лицу, снижает вероятность прекращения уголовных дел вследствие сокращения оснований к этому.

Почему же тогда дела частного обвинения, возбужденные в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ, должны прекращаться исключительно по ст. 25 УПК РФ? Разве в этом контексте имеет значение, известно ли лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 115 УК РФ, или не известно, или это лицо было установлено оперативно-следственным путем?

Сама постановка этого вопроса показывает ключевую проблему ч. 4 ст. 20 УПК РФ: формально речь идет о преступлениях частного обвинения, но по факту процессуальная форма зависит от того, способен ли потерпевший инициировать и поддерживать обвинение. Если инициирование дела берет на себя государство (в связи с зависимым/беспомощным состоянием потерпевшего или когда лицо, совершившее преступление, не установлено), то публичный элемент неизбежно усиливается: возбуждение дела, производство предварительного расследования, поддержание обвинения в суде осуществляются уже не частным лицом, а органами уголовного преследования.

Из этой логики обычно выводится и «переключение» режима прекращения: примирение сторон перестает быть автоматически обязывающим основанием прекращения, а начинает оцениваться судом через призму общих механизмов прекращения по нереабилитирующим основаниям, то есть с дополнительными условиями и с сохранением дискреции суда. Данный подход мотивируется тем, что само вмешательство государства по ч. 4 ст. 20 УПК РФ предполагает наличие повышенных рисков давления на потерпевшего и необходимость учитывать публичный интерес в уголовном преследовании.

Вместе с тем нельзя игнорировать и обратную сторону: различие в режиме прекращения дела зависит не от природы посягательства (она одинакова: ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116.1 УК РФ), а от обстоятельств начала производства (известность/неизвестность лица, фактическая способность потерпевшего к самостоятельной защите). Это создает риск неравенства правового положения участников, когда одинаковые по сущности дела прекращаются по разным моделям исключительно из-за «стартовой» процессуальной траектории.

В доктринальном плане отсюда вытекает аргумент de lege ferenda: целесообразно нормативно уточнить, что по делам частного обвинения, возбужденным в порядке ч. 4 ст. 20 УПК РФ, примирение потерпевшего с обвиняемым может влечь прекращение без обязательного применения ограничений ст. 76 УК РФ, но при проверке судом добровольности прими-

[18] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2021 №13-П «По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // СЗ РФ. 2021. №17. Ст. 3044.

[19] Федеральный закон от 28.06.2022 № 201-ФЗ «О внесении изменений в статьи 24 и 249 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. №27. Ст. 4602.

рения, с сохранением возможности продолжения преследования при наличии признаков систематического насилия либо иных обстоятельств, свидетельствующих о публичной значимости преследования.

Отсюда предлагаемый выход: *частное обвинение как самостоятельный вид уголовного преследования должно быть упразднено*, а оставшиеся составы переведены в частно-публичное обвинение. Более того, перечень подобных преступлений даже следует расширить.

Предлагаемая реформа не должна быть сведена к простой «миграции» двух составов. Напротив, целесообразно использовать частно-публичное обвинение как *системную* форму для широкого круга преступлений, где:

· затрагиваются преимущественно *частные интересы* и личная сфера;

· потерпевшему нередко требуется *конфиденциальность* и контроль над возбуждением дела.

Ещё на стадии разработки действующего УПК в проектах обсуждалось *значительное расширение* перечня дел частно-публичного обвинения (вплоть до нескольких десятков составов)[20].

В этой парадигме расширение круга частно-публичных дел должно включать, как минимум, три блока:

1. Дела, связанные с посягательствами на конституционные права личности, где инициирование процесса целесообразно ставить в зависимость от воли потерпевшего (например, отдельные составы без квалифицирующих признаков: нарушение неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, жилища и др.), поскольку частный интерес здесь доминирует.

2. Имущественные преступления небольшой и средней тяжести, где для потерпевшего ключевым является восстановление нарушенных прав и возмещение ущерба.

3. Составы главы 23 УК РФ (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях), поскольку уже действующий механизм ст. 23 УПК РФ (привлечение «по заявлению или с согласия» руководителя организации) по своей юридической природе отражает усиление частноправовых начал и близок логике частно-публичного обвинения: запуск преследования зависит от волеизъявления «потерпевшей» организации, но доказывание обеспечивается государством.

Иными словами, реформа должна затрагивать не один-два состава, а *саму архитектуру ст. 20 УПК РФ*: частно-публичное обвинение следует рассматривать как основную модель там, где публичная функция доказывания необходима, но воля потерпевшего должна сохранять определяющее значение для начала и судьбы процесса.

3.6. Необходимость коррекции нормативной модели частно-публичного обвинения

Здесь возникает необходимость проанализировать ряд недостатков действующей модели частно-публичного обвинения. Ключевой ее дефект – *блокирование примирения*: ч. 3 ст. 20 УПК РФ прямо указывает, что такие дела «прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат». В результате возникает внутренне противоречивая конструкция: дело начинается по воле потерпевшего, но в ситуации реального восстановления вреда и исчерпания конфликта воля потерпевшего *не имеет процессуального значения*.

С учётом того, что именно восстановление прав потерпевшего в рассматриваемых категориях дел зачастую важнее «карательного» результата, предлагаем:

1. исключить из ч. 3 ст. 20 УПК РФ запрет на прекращение дел частно-публичного обвинения в связи с примирением;

2. закрепить специальное основание прекращения по делам частно-публичного обвинения в виде примирения потерпевшего с обвиняемым *без дополнительного ограничивающего «фильтра» в виде требования совершения преступления впервые*, сохранив при этом процессуальные гарантии добровольности и недопущения давления (судебная проверка добровольности примирения и реальности заглаживания вреда, возможность мотивированного отказа суда утвердить примирение при признаках принуждения)[21].

Такой механизм, сохраняет диспозитивность и соответствует логике восстановительного правосудия.

4. Перспективы развития правового регулирования производства у мировых судей

Сама тенденция к унификации после принятия Закона № 535-ФЗ ставит перед доктриной и законодателем дополнительный вопрос: *не утрачиваются ли особенности процессуальной формы мировой юстиции* как «первичного» звена правосудия, для которого исторически и функционально характерны примирительная ориентация и упрощённость процедур. Универсализация порядка рассмотрения «малозначительных» дел способна обесценить идею мировой юстиции как самостоятельной подсистемы, если процедура перестаёт быть реально более простой и примирительной по сравнению с ординарной моделью[22].

Если частное обвинение будет упразднено, то для мировой юстиции закономерно встанет задача: чем заменить «малую» форму, сохранив скорость, доступность и примирительную направленность, но не возвращаясь к «самообслуживанию» потерпевшим?

[20] Шамардин А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе РФ. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2002. С. 71.

[21] Необходимость такой судебной проверки применительно к делам частного обвинения предлагалась одни из авторов еще в 2001 г. См.: Шамардин А.А. Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом // Российская юстиция. 2001. №2. С. 60-61.

[22] Нурмухаметов Р.Н. Судебное производство по уголовным делам, подсудным мировым судьям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2025. С. 11–12.

Ответ видится в разработке и включении в УПК РФ *самостоятельной главы об упрощённом (суммарном) производстве у мировых судей,* где нормативно будут закреплены:

· активная роль суда в содействии примирению и восстановительным практикам;

· экономия процессуальных средств при сохранении стандартов справедливого разбирательства с возможностью использования элементов модели «протокольной формы досудебной подготовки материалов»;

· понятные критерии применимости (невысокая общественная опасность и простота доказывания),

· процессуальные гарантии добровольности соглашений и защиты от давления.

Однако данный вопрос выходит за рами настоящего исследования и требует отдельной глубокой проработки.

Заключение

Постановление Конституционного Суда РФ № 13-П и Федеральный закон №535-ФЗ устранили правовую неопределённость по вопросу подсудности дел частного обвинения, однако не затронули ядро проблемы: частное обвинение как модель строится на переносе публичной функции доказывания в частную сферу, что деформирует доступ к правосудию. С учётом фактического сужения круга дел частного обвинения и общей тенденции «схлопывания» института целесообразно упразднить частное обвинение как вид уголовного преследования, заменив его частно-публичной моделью.

При этом реформа должна быть не точечной, а системной: требуется существенно расширить круг дел частно-публичного обвинения, сохранив решающее значение волеизъявления потерпевшего для начала и судьбы процесса. Наконец, необходимо снять нынешние жёсткие ограничения на примирение в частно-публичном обвинении и закрепить возможность прекращения дела при реальном заглаживании вреда и под судебным контролем его добровольности.

Библиографический список

1. Абдулхаджиев А.М., Мальцагов И.Д. Субъекты доказывания по уголовным делам частного обвинения // Вопросы студенческой науки. – 2019. № 9(37). – С. 237-240.

2. Жеребятьев И.В., Караева А.А. К вопросу о процессуальном положении лица, в отношении которого подано заявление частного обвинения // Мировой судья. – 2020. – № 8. – С. 25-29.

3. Жирова М.Ю. Особенности доказывания по делам частного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2012. – 20 с.

4. Караева А.А. Доказывание и доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие; Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ, 2021. – 107 с.

5. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание: монография. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. – 268 с.

6. Насонова И.А., Сидорова Е.И. О субъектах доказывания в уголовном процессе России // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 2. – С. 235-240.

7. Нурмухаметов Р.Н. Судебное производство по уголовным делам, подсудным мировым судьям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2025. – 25 с.

8. Шамардин А.А. Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С. 60-61.

9. Шамардин А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе РФ. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2002. – 200 с.

Рецензент: Великий Д.П., к.ю.н., и.о. заведующего кафедрой уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

ЖОВНИР СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, e-mail:post@oimsal.ru

МАКАРОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА
магистрант заочного отделения магистратуры Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, e-mail: makarova-29-1977@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ И ШПИОНАЖУ

ZHOVNIR SERGEY ALEKSANDROVICH
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences at the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Associate Professor (460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, e-mail: post@oimsal.ru)

MAKAROVA ANASTASIA SERRGEEVNA
Master's student of the correspondence department of the magistracy Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50 tel. 89538379228 e-mail: makarova-29-1977@mail.ru

CRIMINAL LAW COUNTERACTION OF STATE TREASON AND ESPIONAGE

Аннотация: *Настоящая статья представляет собой исследование, направленное на осмысление трансформации уголовно-правовых средств противодействия посягательствам на безопасность государства в современном российском законодательстве. Центральным предметом анализа выступает динамика развития составов государственной измены и шпионажа, рассматриваемая в контексте последовательного включения в Уголовный кодекс Российской Федерации новых норм о конфиденциальном сотрудничестве и об оказании помощи противнику. Метод сравнительного анализа редакций статей 275 и 276 УК РФ позволил выявить направления законодательной политики: от защиты внешней безопасности в в узком значении к охране безопасности в ее комплексном понимании. Эмпирическую основу работы составляют данные судебной практики, показывающие наличие дискуссионных вопросов, связанных с квалификацией, толкованием оценочных признаков. Авторы приходят к заключению, что в условиях существенных изменений правоприменительной деятельности насущной потребностью является унификация подходов путем разработки специализированного акта судебного толкования, что будет способствовать повышению уровня правовой определенности.*

Ключевые слова: *государственная измена, шпионаж, национальная безопасность, угроза внешней безопасности, ущерб безопасности государства, новая редакция нормы о государственной измене, оказание помощи иностранному государству, сотрудничество с иностранным государством, оказание помощи противнику.*

Abstract: *This article is a study aimed at understanding the transformation of criminal law means of countering attacks on state security in modern Russian legislation. The central focus of the analysis is the dynamics of the development of the offenses of treason and espionage, which are examined in the context of the consistent inclusion of new provisions on confidential cooperation and assistance to the enemy in the Criminal Code of the Russian Federation. The method of comparative analysis of the versions of Articles 275 and 276 of the Criminal Code of the Russian Federation has allowed us to identify the directions of legislative policy: from the protection of external security in a narrow sense to the protection of security in its comprehensive understanding. The empirical basis of the work is based on judicial practice data, which shows the existence of controversial issues related to qualification and interpretation of evaluative features. The authors conclude that in the context of significant changes in law enforcement, it is essential to unify approaches by developing a specialized judicial interpretation act, which will contribute to increasing legal certainty.*

Keywords: *treason, espionage, national security, threat to external security, damage to state security, new version of the treason norm, assistance to a foreign state, cooperation with a foreign state, assistance to the enemy.*

Уголовно-правовое противодействие представляет собой основной инструмент борьбы с преступностью. В научной литературе высказана позиция, согласно которой противодействие преступности состоит из уголовного права, уголовного национального законодательства и уголовно-правовой политики[1]. Однако, на наш взгляд, под уголовно-правовым противодействием преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства следует понимать скорее целостную, системно организованную деятельность государства, которая реализуется посредством уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминологических мер. Уголовно-правовое противодействие государственной измене, шпионажу основано на положениях главы 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

УК РФ в своей первой редакции от 13 июня 1996 года определяет государственную измену как «шпионаж, выдачу государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенную гражданином Российской Федерации»[2]. Последняя же редакция уголовного закона от 29 декабря 2025 года определяет государственную измену как «совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации»[3].

Сопоставление приводит нас к выводу о целенаправленной адаптации законодателем состава преступления, изложенного в статье 275 УК РФ, путем расширения его объективной стороны и круга уголовно-наказуемых деяний.

Во-первых, законодатель уточнил и расширил понятие «оказание помощи». Общая формулировка заменена на перечень видов помощи, включающий финансовую, материально-техническую, консультативную или иную помощь.

Во-вторых, объективная сторона стала состоять из четырех альтернативных действий, дополненных «переходом на сторону противника». Изменение стало своевременным и ожидаемым ответом на те вызовы, что стоят перед страной. В пояснительной записке к проекту Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ[4] отмечалось, что «принятие предусмотренных законопроектом изменений будет способствовать повышению эффективности системы выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности, осуществляемой в целях подрыва основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности государства»[5].

В-третьих, конкретизирован субъект выдачи государственной тайны в рамках состава государственной измены. Исходная формулировка «выдача государственной тайны» заменена на другую, предусматривающую наличие юридического основания обладания соответствующими сведениями. Указанные изменения направлены на обеспечение соответствия норм уголовного права положениям Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне»[6], способствуют реализации принципа правовой определенности и предотвращению необоснованного привлечения к уголовной ответственности за распространение информации, не обладающей статусом государственной тайны или приобретенной вне установленных законом условий обращения с такими сведениями.

В-четвертых, еще одним важным изменением стало включение международных организаций в число потенциальных получателей сведений и помощи, что учитывает возрастающую роль международных институтов в современном мире, в том числе и их враждебную деятельность, чаще всего (к сожалению, направленную против интересов Российской Федерации).

В-пятых, претерпела изменения формулировка целей преступной деятельности. Вместо узко ориентированной формулировки «проведение враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации» введена универсальная конструкция: «деятельность, направленная против безопасности Российской Федерации». Это позволяет охва-

[1] См. по этому вопросу: Уголовно-правовые меры противодействия преступности и проблемы их применения органами внутренних дел: учебное пособие / В.Н. Нестеров, Н.Ю. Приходько, Н.В. Черненко. Москва: Академия управления МВД России, 2021. С. 10.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ в ред. Федерального закона от 29 декабря 2025 года № 534-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8321.

[4] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 29 (Часть II). Ст. 5227.

[5] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Законопроект № 130406-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8 (дата обращения: 10.01.2026 года).

[6] О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 в ред. Федерального закона от 8 августа 2024 года № 249-ФЗ // СЗ РФ. 1997. 41. Ст. 8220. 8235; СЗ РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4945.

тывать не только внешние угрозы, но и внутренние факторы, способные нанести ущерб различным аспектам национальной безопасности, например, обороноспособности, экономической состоятельности или технологическому суверенитету.

В контексте исследования законодательной динамики норм о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства представляется необходимым провести аналогичный анализ эволюции состава шпионажа, предусмотренного статьей 276 УК РФ. Сравнение первоначальной редакции и действующей позволяет выявить системные коррективы, направленные на совершенствование юридической конструкции состава. Первоначальная редакция определяла шпионаж как «передачу, а равно собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передачу или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб внешней безопасности Российской Федерации».

Действующая редакция существенно модифицирована, изложена следующим образом: «Передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или собирание по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации либо передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи противнику сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации, совершенные в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники с участием Российской Федерации, то есть шпионаж...».

Следовательно, во-первых, произошло расширение объекта уголовно-правовой охраны, ведь первоначальная редакция статьи была направлена исключительно на защиту внешней безопасности государства. Действующая формулировка ставит под защиту безопасность Российской Федерации в ее целостном конституционно-правовом понимании. Изменение позволило распространить действие нормы на охрану не только суверенитета и территориальной целостности страны, но и на иные компоненты национальной безопасности (в том числе - внутренние компоненты).

Во-вторых, законодатель закрепил новую разновидность шпионажа, совершенного в особых условиях, к которым относятся действия, связанные с передачей противнику любой информации, которая может быть использована против Вооруженных Сил РФ и иных воинских формирований, если эти действия совершены (что, на наш взгляд, особенно важно) в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники. Новела конструирует специальный состав «военного шпионажа», закрепляя его повышенную общественную опасность.

В-третьих, нормативное описание деяния получило более четкую структуру ввиду того, что законодатель последовательно и единообразно закрепил исчерпывающий перечень альтернативных действий – передача, собирание, похищение, хранение, применив его ко всем предусмотренным статьей вариантам противоправного поведения.

На основании проанализированного ранее констатируем, что современный этап уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере защиты основ конституционного строя и безопасности государства характеризуется активной законодательной модернизацией, направленной на формирование детализированной и иерархически структурированной системы составов преступлений. Реализация данной концепции обеспечивается совокупностью взаимосвязанных норм. Основу составляют традиционные составы преступлений: статьи 275, 276 УК РФ. А вот их развитие и конкретизация представляет собой новейшее законодательное дополнение, выраженное в статьях 275.1 и 276.1 УК РФ. Принятие Федеральных законов от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ и от 28 декабря 2024 года № 510-ФЗ является системной реформой, поскольку они, помимо введения новых составов преступлений, внесли сопряженные коррективы в существующие нормы[7].

В рамках анализа состава государственной измены предметом отдельного рассмотрения стала научная публикация В.И. Михайлова[8]. После ознакомления с указанным авторским исследованием, нам удалось сделать некоторые важные выводы, которые в дальнейшем будут сопровождаться анализом материалов судебной практики.

Основополагающим выводом является доктринальная характеристика государственной измены как единого сложного альтернативного преступления. Объективная сторона указанного преступления образуется несколькими альтернативными действиями, интегрированными единой целью, выраженной в содействии иностранному адресату (иностранному государству, международным организациям, иностранной разведке, иностранным организациям) в деятельности, направленной против безопасности нашей страны. Важнейшим следствием такого подхода является тезис о фактически открытой диспозиции нормы, которая как бы ограничена законодательно зафиксированными формами, но при этом охватывает любые

[7] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2024 года № 510-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8520.

[8] См.: Михайлов В.И. Особенности конструкции объективной стороны государственной измены и ее значение для квалификации // Журнал российского права. 2025. № 5. С. 105-121.

новые способы оказания помощи, не предвиденные на момент кодификации, что обеспечивает гибкость правового регулирования в условиях динамичной оперативной обстановки.

В.И. Михайлов оспаривает необходимость установления двустороннего контакта или сговора с иностранным адресатом для квалификации, а достаточно лишь доказать осознание виновным того, что его односторонние действия объективно способствуют такой деятельности. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 мая 2013 года № 56-Д13-25С служит наглядным и значимым подтверждением теоретического тезиса, выдвинутого в научной литературе, о том, что для квалификации по ст. 275 УК РФ достаточно доказать осознанное виновным объективное содействие иностранному государству. Ключевое значение имеет не столько установление формального двустороннего сговора или прямого контакта с иностранным агентом, сколько доказанность целенаправленной деятельности обвиняемого в интересах такого государства.

Так, например, гражданин С. был осужден за собирание, хранение и передачу через посредника сведений, составляющих государственную тайну. В своей жалобе он оспаривал полноту доказательств, указывая, в частности, на то, что передавал документы с измененными реквизитами. Эта позиция косвенно основывалась на представлении о необходимости доказывания полноценной договоренности и детализированного контакта с представителем иностранных спецслужб для признания состава государственной измены оконченным. Однако Верховный Суд РФ, оставляя приговор в силе, сформулировал правовую позицию, которая выходит за рамки такого формального подхода. Суд сделал акцент на установлении осознанного характера действий виновного. Было признано доказанным: осужденный понимал секретный характер сведений, осознавал, что конечным адресатом является представитель иностранного государства, и целенаправленно действовал в его интересах. На это указывало использование специальных технических средств, соблюдение конспирации и получение денежного вознаграждения. Таким образом, центр тяжести в доказывании сместился с установления личного контакта на установление осведомленности и направленности умысла.

Кроме того, суд подтвердил широкое понимание объективной стороны преступления, указав, что состав является оконченным уже на стадии собирания и хранения сведений в целях их последующей передачи. Это толкование, имеющее важное значение по нашему мнению, включает подготовительные действия, которые могут носить односторонний характер[9].

Мы полагаем неправильным квалифицировать действия виновного по совокупности преступлений, если иное деяние, например, контрабанда или диверсия, совершено в целях оказания помощи иностранному государству в ущерб безопасности России. В этом случае, на наш взгляд, другое преступление поглощается составом государственной измены как способ реализации «иного оказания помощи». В современной правоприменительной практике встречаются случаи, когда действия лица, направленные на оказание помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в ущерб безопасности России, получают уголовно-правовую оценку по совокупности преступлений, одним из которых является государственная измена. Анализ разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяет критически пересмотреть данную практику и обосновать иной взгляд на квалификацию подобных деяний как единого преступления против основ государственной безопасности.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» № 11 высшая судебная инстанция сформулировала концептуальную позицию по разграничению составов преступлений, сопряженных с государственной изменой, подчеркнув, что в условиях вооруженного конфликта нарушения порядка военной службы приобретают особую опасность, так как напрямую подрывают оборонный потенциал государства. Позиция Пленума Верховного Суда РФ, высказанная в п.60 указанного Постановления заключается в том, что противоправные действия военнослужащего, например, нарушение уставных правил несения того или иного вида специальной военной службы, если оно вызвано умыслом оказать содействие иностранному субъекту в ущерб безопасности России, утрачивает признаки воинского преступления и подлежит квалификации исключительно по статье 275 УК РФ о государственной измене[10].

Эта позиция основана на классическом уголовно-правовом принципе приоритета специальной нормы над общей. Согласно данной логике, статья 275 УК РФ выступает как состав, который поглощает иные общественно опасные деяния, если они служат лишь инструментом для реализации единой цели – нанесения ущерба государственной безопасности в интересах внешних сил. Предложенный Пленумом Верховного Суда РФ подход подлежит, по нашему мнению, системному толкованию в правоприменительной практике. В частности, акты диверсии или терроризма, совершенные по заданию иностранного государства, международной либо иностранной организации или их представителей должны квалифицироваться как государственная измена в форме «ино-

[9] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 мая 2013 года № 56-Д13-25С. URL: https://www.vsrf.ru/files/14403/ (дата обращения: 12.01.2026 года).

[10] О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/32440/ (дата обращения: 12.01.2026 года).

го оказания помощи», без вменения совокупности преступлений. Аналогично, контрабанда стратегических товаров, предназначенных для усиления противника или финансирование террористических структур, действующих в интересах иностранного адресата, должны рассматриваться не как самостоятельные преступления, а в качестве способов совершения государственной измены.

Выделим следующие основные моменты, важные, по нашему мнению, в рамках анализа уголовно-правового противодействия государственной измене. Ключевым является понимание, что государственная измена представляет собой единое сложное преступление. Его суть состоит в умышленном оказании любой помощи иностранному государству, организации или их представителям в деятельности, которая заведомо направлена против безопасности России. Важно, что эти деяния должны быть совершены именно гражданином нашей страны.

В современной уголовно-правовой доктрине сохраняет свою актуальность дискуссия о квалификации деяний, совершаемых лицами с двойным гражданством (бипатридами), в сфере посягательств на безопасность государства. Данная проблема, как обоснованно указано в исследовании Е.К. Симоновой, В.В. Истоминой и Т.М. Чёрного, порождается коллизией специальных субъектных признаков, закрепленных в смежных составах преступлений. Нами отмечалось ранее, что норма статьи 275 УК РФ в качестве специального субъекта предусматривает исключительно гражданина Российской Федерации, в то время как диспозиция статьи 276 УК РФ адресована иностранным гражданам и лицам без гражданства. Это создает теоретическую неопределенность в выборе применимой уголовно-правовой нормы в отношении бипатрида, чьи действия подпадают под объективные признаки шпионажа или иной помощи иностранному адресату[11].

Проведенный авторами системный анализ приводит к методологически значимому выводу: факт наличия у индивида гражданства иностранного государства не образует юридического препятствия для привлечения его к уголовной ответственности по статье 275 УК РФ при условии сохранения за ним гражданства Российской Федерации. Данная позиция получает нормативное обоснование в части 1 статьи 62 Конституции РФ, а также в статье 10 Федерального закона от 28 апреля 2023 года «О гражданстве Российской Федерации», которые устанавливают, что Российская Федерация рассматривает такого индивида исключительно в качестве собственного гражданина, игнорируя для целей национальной юрисдикции его связь с иным государством[12]. Таким образом, совершение деяний, образующих объективную сторону государственной измены, бипатридом подлежит квалификации по статье 275 УК РФ, что согласуется с принципом адекватности уголовной репрессии степени общественной опасности посягательства на фундаментальные основы государственности.

Однако, как отмечают исследователи, сохраняющаяся легальная неоднозначность формулировки диспозиции создает потенциал для судебных ошибок. В целях устранения данного пробела и формирования однозначной правовой позиции предлагается редактировать диспозицию части 1 статьи 275 УК РФ, дополнив ее альтернативной формулой: «гражданин Российской Федерации или лицо, имеющее гражданство Российской Федерации». Подобная редакционная правка обеспечит исчерпывающую нормативную определенность, исключив любые попытки стороны защиты апеллировать ко второму гражданству как обстоятельству, нивелирующему составообразующие признаки субъекта тяжкого государственного преступления.

Обращаем внимание на необходимость доктринального и легального уточнения содержания признака «участие» при квалификации такой формы государственной измены, как «переход на сторону противника». Мы придерживаемся позиции широкого толкования данного понятия, приведенного в примечании 2 к статье 275 УК РФ, предлагается распространить его не только на непосредственное ведение боевых действий, но и на оказание любого иного содействия: консультационного, материально-технического, логистического. Возвращаясь к анализу статьи 275 УК РФ отметим, что законодатель, перечисляя в тексте закона конкретные формы государственной измены, такие как шпионаж или переход на сторону противника, закрепляет лишь наиболее часто встречающиеся формы. В связи с этим перечень не является исчерпывающим, а фраза «иное оказание помощи» создает юридически открытый список возможных действий. Такой подход является верным, потому что заранее предвидеть все возможные способы нанесения ущерба безопасности в быстро меняющемся мире просто невозможно. Следовательно, в качестве государственной измены может быть квалифицировано практически любое действие, важно лишь то, что оно объективно помогает иностранному адресату и совершено с целью нанести ущерб безопасности государства.

Важно обратить внимание, что «иное оказание помощи» является универсальной нормой, охватывающей как действия, которые сами по себе не являются преступными, к примеру, предоставление жилья иностранному агенту, фитак и деяния, предусмотренные иными статьями УК РФ. Если гражданин совершает диверсию с целью помочь иностранному государству, то, по нашему мнению, такую ситуацию следует квалифицировать не по совокупности преступлений, а исключительно как государственную измену.

Объективная сторона раскрывается посредством нескольких ключевых форм, одной из которых яв-

[11] См. по этому вопросу: Симонова Е.К., Истомина В.В., Чёрный Т.М. Государственная измена: проблемы квалификации // Право и управление. 2024. № 7. С. 214-215.

[12] О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ в ред. Федерального закона от 29 декабря 2025 года № 538-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215; СЗ РФ. 2025. № 52 (Ч. I). Ст. 8325.

ляется шпионаж. Шпионаж при этом имеет тоже некоторые особенности, на наш взгляд, он состоит только из передачи сведений, составляющих государственную тайну, поскольку оказание иной помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, которая может заключаться в собирании, похищении, передаче сведений, не составляющих предмет государственной тайны, является самостоятельным признаком диспозиции ст. 275 УК РФ.

Для квалификации любого деяния важен момент окончания преступления, а состав государственной измены сформулирован как формальный и, в связи с этим, будет считаться оконченным с момента совершения деяния по оказанию помощи, независимо от фактического получения ее адресатом или причинения материального ущерба безопасности страны. И действительно, отнесение данного состава к преступлениям с материальным составом было бы совершенно неправильным и нелогичным, ведь ущерб безопасности страны причиняется не действием субъекта преступления, а враждебной деятельностью иностранного государства, международной либо иностранной организации или их представителей.

В данном случае не требуется доказывать реальность сговора или прямого контакта с иностранным представителем. Достаточно установить, что гражданин действовал в одностороннем порядке, но с осознанием того, что его действия объективно помогают враждебной деятельности против нашей страны. Таким образом, гражданин должен осознавать: его действия приносят, либо в дальнейшем могут принести ущерб безопасности России.

Дефиниция понятия «переход на сторону противника» была впервые нормативно установлена и приобрела юридическое закрепление посредством принятия Федерального закона от 14 июля 2022 года № 260-ФЗ. Под «переходом на сторону противника» понимается участие в составе сил (войск) противника в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники либо добровольное участие в деятельности органов власти, учреждений, предприятий, организаций противника, заведомо направленной против безопасности Российской»[13]. И это, безусловно, правильная практика закрепления содержания новых терминов в примечании к ст. 275 УК РФ, поскольку позволяет судам и органам правопорядка трактовать данную категорию единообразно.

Ранее нами уже отмечалось, что объект посягательства в статье 275 УК РФ был изменен, и на данный момент охватывает безопасность Российской Федерации. Следует отметить, что под национальной безопасностью России понимается «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»[14]. Исходя из этого, и на основании анализа «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» можно прийти к выводу, что «безопасность» в контексте статьи 275 представляет собой комплексное понятие, включающее государственную, экономическую, военную, информационную и иные виды безопасности.

В.И. Михайлов обращает особое внимание на возможность признания деяния в рассматриваемой нами сфере малозначительным[15]. Автор полагает, что это прямо не исключается законом, однако может быть реализовано лишь в исключительных случаях, когда действия объективно не способны оказать какое-либо содействие иностранному адресату. В качестве примера приведен случай оказания российским гражданином «незначительной финансовой помощи вооруженным силам противника». Другие исследователи: А.Н. Соловьев, С.В. Дьяков категорически отрицают возможность признания деяния малозначительным при государственной измене[16]. По нашему мнению, с практической точки зрения признание каких-либо действий в рамках состава государственной измены малозначительными представляется юридически несостоятельным и недопустимым по следующим основаниям. Государственная измена направлена против безопасности нашей страны, являющейся высшей социальной и конституционной ценностью. Сам факт умышленного действия, совершенного с целью оказания содействия иностранному адресату в ущерб этому объекту, уже формирует повышенную общественную опасность. Опасность в этом случае будет заключатся в нарушении государственного суверенитета и основополагающих общественных отношений, что не подлежит количественному измерению. Кроме того, состав государственной измены сконструирован как формальный, ввиду чего считается оконченным с момента совершения самого деяния по оказанию какой-либо помощи, независимо от наступления последствий, а также их размера и характера. Правовая оценка в данном случае дается не практическому результату деяния, а самому факту его совершения. Необходимо учитывать современный характер угроз национальной безопасности. В настоящих условиях даже «незначительная финансовая помощь вооруженным силам противника» может иметь серьезный пропагандистский и деморализую-

[13] См. примечание 2 к статье 275 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года // СЗ РФ. 2025. № 52 (Ч. I). Ст. 8321.

[14] См. подпункт 1 пункта 5 статьи 1 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. II). Ст. 5351.

[15] См.: Михайлов В.И. Вопросы конструкции состава государственной измены и их влияние на квалификацию // Российский следователь. 2025. № 9. С. 47-48.

щий эффект, используясь в информационном противоборстве.

Кроме того, в современной ситуации, характеризующейся отсутствием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства, правовые позиции, отраженные в решениях по конкретным делам, приобретают особую методологическую значимость. Несмотря на отсутствие в отечественной правовой системе официального статуса у судебного прецедента, акты высшей судебной инстанции по резонансным делам выступают в роли ориентирующего вектора правоприменительной деятельности. В данном контексте любое решение, связанное с отказом признать деяние преступлением в силу его малозначительности, неизбежно экстраполируется на аналогичные правоотношения, формируя прецедент толкования.

В этой связи использование положений части 2 статьи 14 УК РФ в отношении государственной измены представляется сопряженным с глубокими системными рисками. Существует высокая вероятность того, что действия, обладающие формальными признаками низкой интенсивности, например, микрофинансовые транзакции, могут быть использованы в качестве легитимного прикрытия для масштабной деструктивной активности. Более того, следует учитывать аксиологическую и превентивную природу уголовно-правового запрета государственной измены. Диспозиция статьи 275 УК РФ устанавливает безусловный запрет на любые формы преднамеренного сотрудничества с иностранными субъектами в ущерб интересам России.

Введение в УК РФ статьи 275.1 представляет собой значимую новацию в системе норм, обеспечивающих охрану государственной безопасности. Системно-правовой анализ данной нормы в ее связи со смежными составами, прежде всего с государственной изменой, позволяет выявить как доктринальную логику законодателя, так и существенные правоприменительные риски, порождаемые её конструкцией. Статья 275.1 УК РФ криминализирует деяние, которое по своей природе является предшествующим государственной измене. Её объективная сторона сформулирована как установление и поддержание отношений сотрудничества на конфиденциальной основе с представителем иностранного государства, международной или иностранной организации. Ключевым квалифицирующим признаком выступает специальная цель, выраженная в оказании содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации. Таким образом, законодатель конструирует состав, характеризующийся усечённой объективной стороной, ввиду этого преступление считается оконченным в момент самого факта сговора или дачи согласия на тайное сотрудничество, даже при отсутствии какой-либо последующей передачи сведений или совершения конкретных действий в ущерб интересам государства. Данная норма выполняет превентивную функцию, позволяя правоохранительным органам вмешиваться на наиболее ранней, подготовительной стадии формирования угрозы.

Доктринальное и практическое значение имеет разграничение составов, предусмотренных статьями 275.1 и 275 УК РФ. Как верно указывает А.Г. Хлебушкин, дифференциация проводится по признаку стадии осуществления преступного умысла. Статья 275.1 УК РФ охватывает стадию подготовки и покушения, выразившиеся в договоренности и создании условий для будущей деятельности. В момент, когда виновное лицо переходит от сговора к реальным деяниям, образующим объективную сторону государственной измены, происходит поглощение менее тяжкого состава более тяжким. Прямое указание в диспозиции ст. 275.1 УК РФ на ее применение «при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275, 276, 276.1 УК РФ» подчеркивает субсидиарный характер данной нормы. Следовательно, квалификация должна осуществляться исключительно по статье 275 УК РФ, если в действиях лица установлены все признаки этого состава, что исключает искусственное дробление единого преступления и применение совокупности[17].

Однако, законодатель не раскрывает содержание таких определяющих понятий, как «конфиденциальная основа», «деятельность, заведомо направленная против безопасности Российской Федерации». Отсутствие легальных дефиниций или устоявшихся доктринальных толкований создает предпосылки для расширительного применения нормы. Под рассматриваемое деяние могут быть потенциально подведены различные формы профессиональной коммуникации (научной, журналистской, правозащитной) с иностранными коллегами и организациями, что стирает грань между противоправным сговором и законным международным взаимодействием, гарантированным Конституцией РФ.

Указанные материально-правовые проблемы усугубляются спецификой процессуального порядка рассмотрения данной категории дел. Производство по статьям, связанным с государственной тайной и безопасностью, часто осуществляется в условиях закрытого судебного разбирательства с существенными ограничениями в ознакомлении с материалами дела даже для стороны защиты.

Таким образом, статья 275.1 УК РФ, будучи логичным с точки зрения уголовно-правовой политики инструментом раннего реагирования на угрозы безопасности, в своем действующем редакционном изложении порождает системные правовые дефекты. Норма характеризуется чрезмерной гибкостью и

[16] См.: Соловьев А.Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 158; см. также: Дьяков С.В. Малозначительность деяния и уголовная ответственность // Социалистическая законность. 1980. № 7. С. 31.

[17] См.: Хлебушкин А.Г. Квалификация сотрудничества на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией и его отграничение от государственной измены // Уголовное право. 2024. № 7. С. 60-63.

неопределенностью, что в условиях ограниченных процессуальных гарантий по делам данной категории приводит к ее применению, выходящему за рамки первоначального законодательного замысла. Для исправления сложившейся ситуации, по нашему мнению, требуется либо детальная законодательная конкретизация оценочных признаков состава, либо формирование строгих критериев их толкования в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Анализ состава преступления, предусмотренного статьей 276 УК РФ, неразрывно связан с рассмотрением статьи 275 УК РФ, формируя целостный механизм уголовно-правовой охраны государственной безопасности. Эти нормы, характеризуются значительным сходством объективной стороны, однако их принципиальное разграничение основано на признаке специального субъекта. Государственная измена может быть совершена только гражданином или лицом, имеющим гражданство Российской Федерации, в то время как субъектом шпионажа выступает исключительно иностранный гражданин или лицо без гражданства. Таким образом, одно и то же деяние, например передача государственной тайны, получает различную юридическую оценку в зависимости от гражданства виновного лица.

Диспозиция статьи 276 УК РФ предусматривает ответственность за несколько видов деяний, среди которых особую сложность для правоприменения представляет шпионаж, связанный с передачей или собиранием по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, «иных сведений», не составляющих государственную тайну, для использования их против безопасности России. Судебная практика, как следует из анализа Кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 июля 2024 года № 128-УД24-5-А1, демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию этого понятия. Так, по уголовному делу в отношении А.И. Качура, предметом преступления была признана оперативная информация о задержании лица, которая по мнению государственного обвинения, была способна нанести ущерб государственной безопасности. Подобный подход размывает границы состава, создавая правовую неопределенность относительно того, какая именно информация может стать основанием для обвинения[18].

Введение в УК РФ в конце 2024 года статьи 276.1, устанавливающей ответственность за оказание помощи противнику произошло в условиях обострения внешнеполитической конфронтации и призвано устранить правовой пробел в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории России. Ключевым признаком данного состава преступления является оказание противнику финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи. Понятие «противник» трактуется законодателем широко, включая не только иностранные государства, непосредственно участвующие в вооруженном конфликте с Россией, но и международные или иностранные организации, оказывающие им системное содействие. Таким образом, норма нацелена на пресечение самых разнообразных каналов поддержки враждебной деятельности, от прямых поставок вооружений до косвенной помощи.

Субъектом преступления может быть только иностранный гражданин или лицо без гражданства, достигшее возраста 16 лет и находящееся на территории России. Санкция статьи, предусматривающая лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, относит это деяние к категории особо тяжких, что подчеркивает исключительную общественную опасность таких действий в представлении законодателя. Несмотря на кажущуюся ясность, правоприменение новой нормы сопряжено с рядом серьезных проблем и правовых рисков. Открытый перечень видов помощи, особенно формулировка «иная помощь», в отсутствие судебных разъяснений создает почву для чрезмерно широкого и не всегда предсказуемого толкования. Сложной доказательственной задачей является установление субъективной стороны: «заведомой направленности» действий виновного против безопасности страны. В условиях частой закрытости таких процессов это порождает риски объективного вменения. Кроме того, отсутствие законодательно установленного минимального порога ответственности теоретически позволяет привлекать к суду даже за символические действия, ставя под вопрос принцип соразмерности наказания.

Важнейшей практической задачей становится точное разграничение статьи 276.1 УК РФ со смежными составами. От шпионажа ее отделяет предмет посягательства: шпионаж всегда связан со сведениями, содержащими государственную тайну или иную информацию, в то время как оказание помощи может не затрагивать информационную сферу вовсе. Наиболее сложная грань пролегает между этой нормой и государственной изменой в форме «иного оказания помощи». Решающим критерием здесь выступает гражданство субъекта: если помощь оказывает гражданин России, его действия квалифицируются как государственная измена по статье 275 УК РФ. Более того, если гражданин России выступает организатором или пособником в деятельности иностранца, его действия также следует квалифицировать как государственную измену, а не рассматривать в качестве соучастия в преступлении, предусмотренном ст. 276.1 УК РФ, применяя положения ч. 4 ст. 34 УК РФ. В качестве противовеса репрессивной функции законодатель предусмотрел специальное основание для освобождения от уголовной ответственности. Следовательно, статья 276.1 УК РФ логично дополняет систему защиты государственного суверенитета, создавая специализированный инструмент для

[18] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2024 года № 128-УД24-5-А1 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09072024-n-128-ud24-5-a1/ (дата обращения: 15.01.2026 года).

нейтрализации поддержки противника.

Следует отметить, что в условиях динамичного реформирования уголовного законодательства, направленного на усиление защиты государственной безопасности, включая имплементацию новых составов и примечаний к статьям УК РФ, анализ доктринальных подходов и судебной практики указывает на сохраняющиеся риски некорректной интерпретации норм статей 275, 275.1, 276, 276.1 УК РФ.

Отсутствие унифицированного подхода к правоприменению во многом детерминировано тем, что отсутствует специальное Постановление Пленума Верховного Суда РФ в данной сфере, разъясняющее особенности квалификации преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ. В научной среде отсутствие подобного акта связывают с рядом объективных факторов. Во-первых, отмечается относительная однообразность и предсказуемость текущей судебной практики, которая не создает для нижестоящих судов непреодолимых системных коллизий. Во-вторых, специфика самих диспозиций статей предполагает ограниченный и узкоспециализированный характер правовых ситуаций, что снижает потребность в масштабном официальном толковании. В-третьих, существенным сдерживающим фактором выступает особая процессуальная сложность и деликатность содержания дел о государственной измене и шпионаже. Данное обстоятельство требует от высшей судебной инстанции исключительной взвешенности при обнародовании официальных правовых позиций, касающихся методологии квалификации.

Анализ судебной статистики за период 2022 – 2025 годов однозначно свидетельствует о качественной трансформации и беспрецедентной количественной динамике применения норм главы 29 УК РФ. Наблюдается экспоненциальный рост числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по статьям 275, 275.1, 276 и 276.1 УК РФ, достигший своего исторического максимума в 2025 году. Такой скачкообразный рост, сопряженный с фундаментальными изменениями в характере правоприменительной деятельности, актуализирует дискуссию о дальнейших векторах совершенствования как законодательного регулирования, так и судебного руководства практикой.

Качественные изменения в правоприменении носят системный характер. Во-первых, произошло существенное изменение социально-демографического портрета обвиняемых лиц, по рассматриваемой группе дел. Так, если в предшествующий период преобладали лица, имевшие непосредственный доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, то в настоящее время обвинения все чаще предъявляются гражданам, не обладавшим таким доступом, – представителям IT-сферы, научно-преподавательского состава, гражданским активистам. Это свидетельствует о расширительном толковании диспозиций, в частности понятия «иное оказание помощи», когда в качестве доказательств могут использоваться контакты с иностранными гражданами, публичные высказывания или факты частных пожертвований[19].

Во-вторых, значительно расширилась географическая и юрисдикционная палитра судопроизводства по данной категории дел. Приговоры выносятся судами общей юрисдикции в регионах, где ранее подобная практика была единичной, а также судами, действующими на территориях, включенных в состав Российской Федерации, что порождает вопросы о полноте и консолидации официальной статистики.

В-третьих, формируется новая, ранее нехарактерная тенденция квалификации деяний по совокупности статей о государственной измене и о преступлениях террористической направленности (ст. 205, 205.1, 205.5 УК РФ). Данная практика представляет собой существенное отступление от ранее господствовавшего в теории и правоприменении подхода, согласно которому состав государственной измены, как специальная норма, поглощал иные деяния, служившие способом оказания помощи иностранному адресату. Однако современная судебная практика демонстрирует иной подход. Как видно из конкретных судебных решений, суды все чаще исходят из того, что составы, например, государственной измены и организация деятельности террористической организации, и участие в деятельности такой организации не находятся в отношениях общей и специальной нормы. В обоснование такой позиции указывается, что эти преступления посягают на различные непосредственные объекты, соответственно, внешнюю безопасность государства и общественную безопасность, а также различаются по субъекту и объективной стороне. Следовательно, их совершение образует идеальную совокупность преступлений. На примере одного из уголовных дел видно, что лицу, обвиняемому в таких деяниях, действия были квалифицированы по совокупности статей, а окончательное наказание назначено путем частичного сложения, составив 9 лет 8 месяцев лишения свободы[20].

Данная тенденция квалификации по совокупности преступлений обладает значимыми правовыми последствиями. Это создает, в том числе, правовую неопределенность и ставит перед правоприменителем сложную задачу по разграничению ситуаций: когда иное преступление является лишь способом государственной измены, а в каких случаях образует самостоятельное посягательство. Отсутствие четких кри-

[19] См. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-ноябрь 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/75687768/ (дата обращения: 15.01.2026 года); см. также Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/ (дата обращения: 15.01.2026 года).

[20] См. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.2025 N 226-УД25-2-А6 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29042025-n-226-ud25-2-a6/ (дата обращения: 17.01.2026 года).

териев такого разграничения в руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ усугубляет риски произвольного и противоречивого применения уголовного закона. Верховный Суд РФ подтвердил формальную конструкцию состава государственной измены (ст. 275 УК РФ), указав, что даже сбор сведений в определенных условиях образует оконченный состав, а не стадию покушения[21].

В связи с этим закономерно возникает два ключевых вопроса о дальнейшем развитии правового регулирования. Что касается целесообразности продолжения внесения изменений в главу 29 УК РФ, представляется, что этап активного законодательного реформирования, связанный с введением новых составов (ст. 275.1, 276.1 УК РФ) и уточнением ключевых понятий, в целом, завершен. Действующая правовая конструкция демонстрирует высокую степень гибкости и охвата. Следовательно, текущим приоритетом должна стать не дальнейшая криминализация, а доктринальная и судебная конкретизация уже существующих норм, направленная на повышение правовой определенности оценочных понятий и минимизацию рисков их произвольного толкования.

Второй вопрос о необходимости разработки специального постановления Пленума Верховного Суда должен быть решен, по нашему мнению, положительно. В условиях массовости, географической рассредоточенности и качественной новизны практики применения статей 275, 275.1, 276, 276.1 УК РФ отсутствие единых руководящих разъяснений создает «правоприменительный вакуум» и ведет к фрагментации и противоречивости судебных решений. Такое постановление является насущной потребностью для обеспечения принципа единообразия судебной практики и должно дать разъяснения по критически важным аспектам: разграничению объективных сторон смежных составов, критериям оценки доказательств в делах, не связанных с государственной тайной, правовым основаниям квалификации по совокупности, а также принципам индивидуализации наказания. Конечно, на данный момент необходимый уровень судебного надзора и методической поддержки обеспечивается посредством публикации тематических обзоров судебной практики Верховного Суда, а также через правовые позиции, транслируемые в решениях по конкретным делам. Но все же это не тот уровень регулирования, к которому стоит стремиться.

Таким образом, анализ эмпирических данных приводит к выводу о том, что динамика применения норм о государственной измене и шпионаже вступила в новую фазу, для которой характерен беспрецедентный количественный рост на фоне качественной трансформации практики. Ответом на вызовы этой новой фазы должна стать смена парадигмы, то есть переход от расширения законодательных запретов к их глубокой юридической конкретизации через авторитетное судебное толкование. Разработка постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященного вопросам применения статей 275, 275.1, 276 и 276.1 УК РФ, представляется не просто целесообразной, а необходимой мерой для обеспечения правовой определенности, законности и единообразия судебной практики в одной из наиболее значимых и чувствительных сфер уголовно-правовой охраны.

Библиографический список

1. Дьяков С.В. Малозначительность деяния и уголовная ответственность // Социалистическая законность. – 1980. – № 7. – С. 30-31.

2. Михайлов В.И. Вопросы конструкции состава государственной измены и их влияние на квалификацию // Российский следователь. – 2025. – № 9. – С. 45-49.

3. Михайлов В.И. Особенности конструкции объективной стороны государственной измены и ее значение для квалификации // Журнал российского права. – 2025. – № 5. – С. 105-121.

4. Симонова Е.К., Истомина В.В., Чёрный Т.М. Государственная измена: проблемы квалификации // Право и управление. – 2024. – № 7. – С. 214-219.

5. Соловьев А.Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – 235 с.

6. Уголовно-правовые меры противодействия преступности и проблемы их применения органами внутренних дел: учебное пособие / В.Н. Нестеров, Н.Ю. Приходько, Н.В. Черненко. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 112 с.

7. Хлебушкин А.Г. Квалификация сотрудничества на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией и его отграничение от государственной измены // Уголовное право. – 2024. – № 7. – С. 58-66.

Рецензент: Хмелевская Т.А., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

[21] См. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8342307 (дата обращения: 17.01.2026 года).

ИГНАТЬЕВ МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13 (4-й учебный корпус); m89166810785@gmail.com

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

MIKHAIL EVGENIEVICH IGNATYEV
Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Forensic Science Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); 119991, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, Building 1, Bldg. 13 (Academic Building 4); m89166810785@gmail.com

CERTAIN ASPECTS OF THE COMMITMENT AND INVESTIGATION OF CORRUPTION-ORIENTED CRIMES IN THE SPHERE OF HEALTHCARE

Аннотация: *В статье исследуются особенности совершения, раскрытия и расследования преступлений коррупционной направленности в сфере здравоохранения. Автор анализирует характерные формы коррупционного поведения медицинских работников, обусловленные сочетанием гуманитарных и административных аспектов их профессиональной деятельности. В частности, приводятся примеры реальной судебной практики и ключевые методы выявления коррупционных схем в здравоохранении.*

Ключевые слова: *коррупция; здравоохранение; медицина; должностное лицо; взятка; мошенничество; подарки; пожертвования; расследование; криминалистика; правоприменительная практика.*

Abstract: *This article examines the specifics of the commission, detection, and investigation of corruption-related crimes in healthcare. The author analyzes the characteristic forms of corrupt behavior among healthcare workers, stemming from a combination of humanitarian and administrative aspects of their professional activities. Specifically, examples of actual judicial practice and key methods for identifying corruption schemes in healthcare are provided.*

Key words: *corruption; healthcare; medicine; official; bribe; fraud; gifts; donations; investigation; forensics; law enforcement practice.*

Коррупция в сфере здравоохранения представляет серьёзную угрозу национальной безопасности России, поскольку напрямую затрагивает здоровье населения и эффективность государственных институтов. Согласно данным официальной статистики количество зарегистрированных в стране преступлений коррупционной направленности в 2024 году составило 38503 (рост на 5,8% по сравнению с предыдущим годом), из них преступления, связанные со взяточничеством – 23 240 (рост на 14,6%), при этом взятки составляют примерно 60% всех коррупционных дел[1].

Специальной статистики по коррупции именно в здравоохранении не публикуется. Тем не менее, по данным региональных прокуратур, следственных органов и СМИ, число коррупционных преступлений в данной отрасли составляет значительную долю от общего объёма подобных преступлений и продолжает расти.

В сфере здравоохранения коррупция принимает специфические формы, обусловленные двойственной природой профессии (гуманитарная – лечение пациентов; административная – управление ресурсами). К преступлениям коррупционной направленности в этой сфере прежде всего относятся деяния, связанные:

- с исполнением медицинскими работниками своих должностных обязанностей (административно-хозяйственных, организационно-распорядительных или властных функций);
- отношениями собственности в здравоохранении (незаконное распоряжение имуществом и бюджетными средствами);
- осуществлением профессиональной медицинской деятельности (оказание медицинских услуг).

Обязательный критерий любого преступления коррупционной направленности – наличие прямого умысла (лицо осознает сущность своего деяния и желает его совершить).

Руководители медицинских организаций (главные врачи, их заместители, заведующие отделения-

[1] Отчет МВД РФ «О состоянии преступности в России за январь – декабрь 2024 года». URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращения: 01.11.2025)

ми и т.п.) – должностные лица, совершают преступления коррупционной направленности, включая взятки[2], за использование своего должностного положения, обусловленного организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями.

Так, суд в г. Ростове-на-Дону в 2024 году вынес обвинительный приговор в отношении заместителя главврача онкологического диспансера Ростовской области, которая в 2021 и 2022 г.г. неоднократно получала взятки в размере от 100 до 160 тыс. руб. от пациентов и их родственников за решение вопросов, связанных с госпитализацией, назначением лечения дорогостоящими препаратами, а также иных вопросов, которые входили в её компетенцию[3].

Преступления коррупционной направленности, связанные с отношениями собственности в здравоохранении, могут осуществляться как должностными лицами организаций, осуществляющих медицинскую деятельность с пациентами (медицинскими организациями), так и должными лицами других организаций, например научно-исследовательских институтов, имеющих лицензию на медицинскую деятельность (организациями медицинского профиля). Так, Головинским районным судом г. Москвы в 2024 году вынесен обвинительный приговор в отношении руководителя Санкт-Петербургского научно-исследовательского института вакцин и сывороток (СПбНИИВС) ФМБА, который обвинялся в покушении на получение взятки в размере 20 млн. руб. от генерального директора ООО «Русбиофарм» (дистрибьютор медизделий и препаратов) за пролонгацию договоров между указанными организациями на поставку вакцины[4].

Как показывает практика медицинские работники, непосредственно связанные с осуществлением своих профессиональных функций и не являющиеся должностными лицами, также привлекаются к уголовной ответственности за совершения преступлений коррупционной направленности. Например, имея корыстный мотив и выдавая за взятку листок временной нетрудоспособности или документы о признании субъекта инвалидом, врач считается должностным лицом, т.к. исполняет при этом организационно-распорядительные функции.

В тоже время, когда медицинский работник выполняет только свои профессиональные функции (например, проводит операцию) он должностным лицом не является и соответственно не может быть в случае получения вознаграждения за указанные действия (как правило денег или подарка) привлечен к уголовной ответственности как за получение взятки.

Вместе с тем, врач может быть привлечен к уголовной ответственности за мошенничество[5], если он получил денежные средства (иную имущественную выгоду) обманув пациента о необходимости или условиях операции (например, за возможность ее проведения «с использованием дорогостоящего оборудования», «без долгого времени ожидания получения квоты» либо за проведение операции, но без медицинских показаний).

Так, врач-ортопед хирургического отделения НУЗ «Отделенческая клиническая больница на станции Владивосток» ОАО «РЖД» был осужден на 8 лет лишения свободы за то, что в период с 2015 г. по 2018 г. путем обмана и злоупотребления доверием получил от 34 пациентов 5,7 млн. руб., убедив их в необходимости проведения операций на коленных, тазобедренных и голеностопных суставах без медицинских показаний. При этом операции фактически не проводились: пациентам вводился наркоз, но хирургического вмешательства не следовало[6].

Кроме того, медицинский работник, не будучи должностным лицом, при наличии корыстного мотива, может быть привлечен к уголовной ответственности за соучастие в коррупционном преступлении (к примеру, выразившееся в фальсификации медицинских документов).

Определенную сложность представляют вопросы о подарках и пожертвованиях.

Так, в соответствии со ст.575 ГК РФ, медицинским работникам нельзя принимать подарки на сумму свыше 3000 руб. от находящихся у них на лечении пациентов. В связи с существованием указанной правовой нормы, среди многих бытует мнение, что взятка перестает быть таковой, если ее размер ниже 3000 руб., то есть ее получение не является уголовно-наказуемым, что, разумеется, является заблуждением. Как уже указывалось ранее, только медицинский работник, не являющийся должностным лицом и выполняющий свои профессиональные обязанности, не привлекается к уголовной ответственности за получение вознаграждения за эту деятельность, хотя это по своей сути является так называемой бытовой коррупцией. Последняя может быть обусловлена созданием искусственного «дефицита» оказания медицинской помощи и быть сознательной «политикой» отдельно взятой медицинской организации, которая берет на себя роль «торгового» предприятия, извлекая прибыль «из кармана» пациентов.

[2] Взятка может быть получена в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания должностному лицу услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав.

[3] URL: https://mariel.gov.ru/upload/medialibrary/428/5a8zqduladrnv483c7hkg494c3x3izis.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

[4] URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/23/12/2024/676963479a7947da64f562e8 (дата обращения: 01.11.2025).

[5] Данное преступление не относится к преступлениям коррупционной направленности, т.к. врач в данном случае не является должностным лицом, государственным или муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (См. перечень преступлений коррупционной направленности (№ 23), содержащийся в Указаниях Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «Консультант плюс»).

[6] URL: https://sapa.media/v-primore-vracha-otpravili-v-koloniyu-za-provedenie-fiktivnyh-operaczij-20250617/ (дата обращения: 01.11.2025).

Дарение вещи или права в общеполезных целях (пожертвование), регламентированное ст.582 ГК РФ и обусловленное определенными обстоятельствами (например, для покупки медицинского оборудования), возможно в отличие от подарка на любую сумму. Даже занимающий должностное положение медицинский работник, при получении оформленного надлежащим образом пожертвования, не подлежит за это уголовной ответственности.

Ниже перечислены наиболее распространённые способы совершения коррупционных преступлений в сфере здравоохранения:

Заключение договоров по завышенным ценам. Подготовка и заключение контрактов с коммерческими организациями на строительство, реконструкцию, ремонт зданий и поставку оборудования, расходных материалов или медикаментов по стоимости, существенно превышающей рыночную. Например, контрактная служба больницы может необоснованно завысить начальную цену закупки и заключить договор по завышенной стоимости для хищения бюджетных средств.

Назначение ненужных процедур и медикаментов. Врачи могут назначать пациентам обследования, исследования или дорогостоящие лекарственные препараты без медицинских показаний, получая за это вознаграждение от фармацевтических компаний или через посредников. При этом часто используются «благотворительные фонды» и общественные организации для легализации взяток под видом целевых взносов.

Манипулирование квотами и направлением на лечение. Решение вопросов о предоставлении дорогостоящей высокотехнологичной помощи вне очереди или за плату. Нередко применяется схема «двойного финансирования»: процедуру формально оплачивают из бюджета (получение квоты), но помимо этого часть оплаты требует сам медработник с пациента или страховой компании. Такие случаи описываются в СМИ: пациента формально включают в протокол лечения, чтобы «получить квоту», хотя реальной необходимости процедуры нет.

Фальсификация отчётности и «мертвые души». В медицинские, страховые и бухгалтерские документы вносятся сведения о несуществующих пациентах или фиктивных операциях; выставляются завышенные счета. Также практикуется фиктивное трудоустройство «мертвый душ» (например, родственников) для начисления зарплаты и хищения бюджетных средств.

Незаконный оборот лекарств. Хищение и незаконная продажа лекарственных препаратов (включая фальсифицированные или просроченные) в системе обеспечения населения. В такие схемы вовлечены и чиновники, и руководители лечебных учреждений, и собственники аптек и фирм-дистрибьюторов.

Сокрытие следов преступлений. Для маскировки преступлений коррупционной направленности фальсифицируются документы, уничтожаются или подменяются договоры, под видом возврата денежных средств оформляются фиктивные операции, используются различные приёмы маскировки источников незаконного дохода.

Выявление и раскрытие преступлений коррупционной направленности в здравоохранении затруднено их латентностью. Кроме того, часто отмечается недостаточная подготовленность сотрудников правоохранительных органов для выявления таких дел.

Для расследования этих преступлений ключевую роль играют тщательный финансово-экономический анализ деятельности организации, установление связей между медработниками и коммерческими контрагентами, цифровая криминалистика (анализ электронных переводов, переписки, метаданных), а также допрос лиц, обладающих криминалистически значимой информацией. Развитие цифровых инструментов и прозрачных систем закупок, основанное на анализе судебно-следственной практики, позволит выявлять не только исполнителей коррупционных схем, но и их организаторов.

Важно также развивать превентивные меры. Специалисты[7] отмечают необходимость антикоррупционной профилактики[8] и административных реформ: совершенствование финансирования здравоохранения, повышение оплаты труда медиков и усиление контроля качества медицинской помощи на всех уровнях.

Библиографический список

1. Балебанова Т.А. Современное состояние коррупции в здравоохранении России и меры ее предупреждения: криминологическое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 31 с.

2. Дамм И.А. Антикоррупционная профилактика в системе противодействия коррупции // Национальная безопасность. – 2018. – № 4. – С. 33-37.

Рецензент: Жеребятьев И.В., к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), мировой судья в отставке.

[7] См. напр.: Балебанова Т.А. Современное состояние коррупции в здравоохранении России и меры ее предупреждения: криминологическое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 31 с.

[8] См. Дамм И.А. Антикоррупционная профилактика в системе противодействия коррупции // Национальная безопасность. 2018. № 4. С. 33-37.

ИСМАГИЛОВ РИНАТ АЛЬБЕРТОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета Университета ФСИН России, 196602, Санкт-Петербург, ул. Саперная, д. 34, лит. А, rinatismagilov@mail.ru

СЕРДЮК ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, 190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, дом 96, pavel.ser@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ISMAGILOV RINAT ALBERTOVICH
PHD in Law, associate professor Deputy Head of the Department of Penal Enforcement Law and Organization of the Execution of Sentences Not Related to the Isolation of Convicts from Society, Faculty of Law, University of the Federal Penitentiary Service of Russia, 196602, Saint Petersburg, Sapernaya str., 34, lit. Ah, rinatismagilov@mail.ru

SERDYUK PAVEL LEONIDOVICH
PHD in Law, associate professor associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 96 Moika River Embankment, 190000, St. Petersburg, pavel.ser@mail.ru

ON THE ISSUE OF THE EVIDENTIARY VALUE OF THE RESULTS OF FORENSIC PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATION USING A POLYGRAPH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. *В представленной статье авторами анализируются вопросы использования полиграфа в уголовном судопроизводстве. Отмечены мнения ученых-криминалистов по затронутой проблеме. Дана краткая характеристика полиграфу. Изучена судебная практика, доказательственное значение заключения психофизиологической экспертизы, проведенного с использованием полиграфа. Авторами также сформировано предложение о возможности использования искусственного интеллекта для анализа результатов применения полиграфа.*

Ключевые слова: *полиграф, расследование преступлений, доказательство, искусственный интеллект, криминалистика, уголовное судопроизводство, психофизиологическое исследование.*

Review. *In the presented article, the authors analyze the issues of using a polygraph in criminal proceedings. The opinions of criminologists on the problem raised are noted. A brief description of the polygraph is given. Judicial practice and the evidentiary value of the conclusion of a psychophysiological examination conducted using a polygraph have been studied. The authors also formulated a proposal on the possibility of using artificial intelligence to analyze the results of using a polygraph.*

Keywords: *polygraph, crime investigation, evidence, artificial intelligence, criminology, criminal justice, psychophysiological research.*

Проведение психофизиологической экспертизы, с использованием полиграфа в ходе расследовании преступлений и дальнейшая оценка судом, является довольно дискуссионным вопросом среди ученых-криминалистов, а также правоприменителей.

Полиграф (детектор лжи) – это прибор, предназначенный для регистрации физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций (измене-

нием дыхания, кровяного давления, биотоков мозга, сердца, кожи, мускулатуры и т.д.)[1].

Современный компьютерный полиграф - это высокопроизводительный портативный компьютер с сенсорным блоком и датчиками сбора данных. Блок датчиков необходим для приема сигналов от датчиков, регистрирующих информацию о физиологических процессах, преобразования их в электрические сигналы, отображаемые в виде графиков, и передачи их на компьютер. Датчики полиграфа регистрируют следующие физиологические данные человека:

· верхнее (грудное) и нижнее (брюшное) дыхание;

· сердечно-сосудистую деятельность: частоту сердечных сокращений, наполнение кровеносных сосудов и/или кровяное давление;

· электрическую активность кожи (кожное сопротивление, кожно-гальванический рефлекс).

В настоящее время полиграф широко применяется при производстве по уголовным делам. Особенно распространено его применение в Следственном комитете Российской Федерации. Однако, наряду с этим, обладая вполне признанной эффективностью на практике, использование полиграфа остается одним из самых неоднозначных исследований в процессе доказывания и не имеет самостоятельной законодательной регламентации. В 2010 году депутатами Государственной Думы Российской Федерации был рассмотрен один из законопроектов № 478780-5 «О применении полиграфа», который был возвращен субъекту права законодательной инициативы в связи с отсутствием заключения Правительства Российской Федерации[2]. В дальнейшем данный законопроект не рассматривался. Таким образом, можно заключить, что убедительного обоснования достоверности заключения психофизиологического исследования к настоящему времени нет.

На сегодняшний день одной из наиболее перспективных технологий, внедряемых во все области жизнедеятельности человека, является искусственный интеллект. Вероятным развитием полиграфа как технического средства, решающего задачи установления обстоятельств по уголовному делу, является, на наш взгляд, использование физиологических реакций человека в процессе его применения, и проведение полиграфологом исследования технологии искусственного интеллекта для их оценки полученных результатов.

Отрасль юридической науки, такая как – уголовно-процессуальная наука, выделяет несколько терминов: автоматизация уголовного процесса, цифровизация правосудия, электронное правосудие. Это связано с повышением востребованности среди ученых-юристов в использовании, как информационных технологий, цифровых доказательств, так и автоматизации роботов и искусственного интеллекта. За счет выдвинутых технологий можно прийти к замене традиционных творческих функций, которые ранее были свойственны лишь человеку[3].

Полиграф используется для оценки достоверности показаний, но его результаты судами в качестве доказательств не принимаются. Например, определение суда кассационной инстанции от 16 апреля 2020 г. № 77-410/2020 (Шестой кассационный суд общей юрисдикции, г. Самара)[4]. Далее рассмотрим правовую позицию, сформулированную Верховным Судом Российской Федерации, которая определяет, что для психофизиологического исследования с использованием полиграфа отсутствуют научно-обоснованные методики (апелляционные определения от 10.10.2019 № 57-АПУ19-5 и от 17.09.2019 № 1-АПУ19-17сп)[5]. Отражение выделенной правовой позиции закреплено в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Несмотря на судебную позицию, практика по данным делам остается неизменной. Построение курса развития для «системы выявления обмана» полностью зависит от того, каким образом себя проявят новейшие технологии и смогут ли они соответствовать современной практике по использованию полиграфических датчиков. Важно, чтобы главная цель, которую перед собой ставит полиграф – выявление лжи, была достигнута в абсолютном виде.

Для совершенствования полиграфа следует рассмотреть следующие аспекты:

1) дополнительным каналом передачи информации будет выступать не нейрон периферической нервной системы, а центральная нервная система непосредственно, например, регистрация электрической активности головного мозга путем проведения электроэнцефалографии или помещение пациента в аппарат-томограф, обладающий сильным магнитным полем, который позволяет видеть внутренние органы и ткани человека;

2) перечисленные методы диагностики могут послужить альтернативой полиграфу, заменив его полностью или частично.

Исследования проводятся благодаря технологической оснащенности, за счет чего имеют немалый успех. Магнитно-резонансная томография, исследование вызванных потенциалов функционально направлены на работу с центральной нервной системой,

[1] Прокуроры об актуальном в законодательстве: официальный сайт Прокуратуры г. Москвы. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_77/activity/ legal-education/about-law? item =78560404 (дата обращения: 05.11.2025).

[2] Государственная Дума Российской Федерации: официальный сайт. URL: http:// sozd.duma.gov.ru/bill/478780-5 (дата обращения: 05.09.2025).

[3] Попова И.П. Автоматизация уголовного процесса: зло или благо для общества? // Мировой судья. 2019. № 11. С. 4.

[4] Шестой кассационный суд общей юрисдикции: официальный сайт. URL: https://6kas.sudrf.ru/ modules.php? namesud_delo&srv_num=1&name_op= doc&number=2684031&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 05.11.2025).

[5] Прокурор разъясняет, является ли заключение психофизиологической экспертизы с применением полиграфа доказательством в уголовном судопроизводстве?: официальный сайт прокуратуры Пензенской области. URL:https://epp.genproc.gov.ru/ web/proc_58/activity/legal-education/explain?it em=24479094 (дата обращения: 05.11.2025).

что помогает оценить состояние сосудов и выяснить причину патологий неврологических симптомов. Такая обработка данных может помочь в считывании когнитивных процессов, таких как память, общая умственная нагрузка, эмоциональная составляющая и внимание. Теоретически получается, что при использовании таких технологий можно добиться высоких результатов на полиграфологических исследованиях. Такая процедура станет более эффективной за счет фокуса не на вторичных процессах, которые соотносились с двигательной системой и эмоциональной составляющей, а на нейронах непосредственно центральной нервной системы. Это может послужить возможностью создания доказательной базы в уголовном процессе.

Статистический прирост опросов и допросов в работе следователей и оперуполномоченных не решает ряд проблем с применением полиграфа.

Проблемой полиграфологического исследования служат реакции, которые выдает испытуемый. Они могут быть связаны с желанием ввести специалиста в заблуждение посредством ответа на вопрос недействительными фактами, а могут свидетельствовать об эмоциональном стрессе или же удивлении. В таком случае основной задачей полиграфолога является распознавание правильной природы суждения. Но последнее может быть лишь вероятностью.

В ходе уголовного судопроизводства допускается использование технических средств, включающих кино-, фотосъемку и другие технические средства, и методы идентификации, фиксации и изъятия следов преступления и доказательств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ). Но считается ли полиграф техническим средством фиксации? Единого мнения по этому поводу нет. Кроме того, отсутствие четких инструкций по применению полиграфа в действующем законодательстве и, в частности, уголовно-процессуальном законодательстве создает условия для различного толкования оснований его применения.

Профессор В.А. Семенцов в своих публикациях положительно смотрит на проведение судебно-психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. Также он предлагает следующее по совершенствованию законодательства: дополнить УПК РФ новой ст. 194.1 «Проверка показаний на полиграфе», внести в ст. 58 УПК РФ новую ч. 5 «Об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения», а также внести изменения в ч. 1 ст. 307 УК РФ, предусматривающую ответственность за ложность подготовленного заключения специалиста[6].

Исследования В.И. Комиссарова и Ю.И. Холодного также проводили научные исследования по использованию полиграфа. Они отмечают эффективность полиграфа при раскрытии, расследовании преступлений[7].

Однако некоторые учёные-криминалисты и судебные эксперты призывают к осторожному, взвешенному отношению к использованию полиграфа. Так, профессор В.Ю. Шепитько обоснованно указывает, что «возможность использования специальных приборов (лайдетекторов, вариографов, полиграфов и др.) показывает динамику изменений кровяного давления, частоты пульса, уровня дыхания и др. Такие показатели могут способствовать ориентации следователя при выдвижении предположений о ложности либо правдивости сообщаемой информации. Однако рассматриваемая «диагностика» не исключает ошибок, так как возникновение соответствующих психофизиологических реакций у допрашиваемого может быть вызвано необычностью обстановки допроса, неправильной постановкой следователем вопросов, пренебрежительным отношением к свидетелю или обвиняемому, демонстрацией обвинительного уклона и т.д.[8]

Упоминая «различные спекуляции на тему экспертизы на полиграфе», профессор Т.Ф. Моисеева признаёт: «Пока мы не имеем достоверные методики данного исследования, назвать это экспертизой нельзя. Сам полиграф – это всего лишь прибор, а специалист, который его применяет, по сути, проводит психолого-психофизиологическое исследование. Таким образом, этому специалисту необходимо иметь фундаментальные знания в области психологии, физиологии. Но самое главное, что для обоснования применяемых им программ нужно провести глубокие научные изыскания на предмет установления связей между психикой и физиологией человека применительно к процедуре уголовного судопроизводства. И не только это»[9].

Профессор Ю.К. Орлов полагает, что предметом судебной экспертизы выступают «факты, обстоятельства ... устанавливаемые посредством экспертизы»[10]. Но проводимые исследования с полиграфом говорят об обратном – материальные факты не устанавливаются, фиксируются лишь следы, оставленные в памяти человека, а также его отношение к тому или иному событию. Существенные возражения вызвало неумелое оперирование теоретиками полиграфологии аппаратом теории вероятностей в попытках «обосновать» точность их манипуляций[11].

Д.В. Зотов и В.А. Панюшкин обосновали ряд недостатков психофизиологического исследования с использованием полиграфа:

[6] Семенцов В.А. Новое следственное действие - проверка показаний на полиграфе // Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 163.

[7] Комиссаров В.И., Холодный Ю.И. Полиграф как средство получения процессуально значимой информации по уголовному делу // Правоведение. 1999. № 1. С. 184.

[8] Шепитько В.Ю. Проблемные лекции по криминалистике. Харьков: Апостіль, 2012. С. 73.

[9] Моисеева Т.Ф. Типичные ошибки при назначении, производстве судебной экспертизы и оценке её результатов // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 11.

[10] Орлов Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза: общие понятия: учебное пособие. М., 2004. Выпуск 2. С. 13.

[11] Белкин А.Р. Ещё раз о полиграфе, о текущем моменте и о судебной экспертизе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6 (29). С. 87.

· сознание работает по определённым принципам, но закономерности его функционирования не познаны, поэтому нет объективной возможности исследования психических процессов напрямую при помощи полиграфа, так что основные положения проблемы полиграфа основываются на весьма спорной идее сведения сознания к поведению и гипотезе о его отражении через мануальные, вербальные и висцеральные реакции;

· реакции, фиксируемые полиграфом, носят универсальный характер и проявляются не только на стимулы, которые создаются при постановке вопросов, – отсутствуют достаточные основания для утверждения, что реакция обследуемого вызвана ложью или утаиванием информации;

· в методических рекомендациях по использованию полиграфа повышенное внимание уделяется предтестовой беседе, убеждающей проверяемого, что полиграф обмануть нельзя, что заставляет сомневаться в достоверности полученных в ходе опроса данных, – и делают вывод: «данные, полученные в ходе тестирования, не являются обоснованными, и полиграфолог, прибегая к обману испытуемого, использует принцип «психологической дубинки» для выяснения интересующих его обстоятельств, что, конечно, недопустимо»[12].

Не менее серьёзная критика полиграфологического исследования присутствует и с уголовно-процессуальных позиций.

Как отмечает Т.Ю. Ничипоренко: «Каждый случай применения полиграфа в доказывании по уголовному делу является попыткой придать доказательственное значение тому, что доказательством являться не может». Причиной данного высказывания, по ее мнению, является исключительность компетенции судьи, суда присяжных, прокурора, следователя и дознавателя, которые оценивают достоверность полученных сведений по результатам исследования (важно отметить, что полиграфолог не наделен подобными компетенциями). В последующем такое поведение расценивается как вторжение в исключительную компетенцию органов предварительного расследования и суда[13].

Проведённый анализ высказываний по поводу применения полиграфа показал, что заключение психофизиологической экспертизы с применением полиграфа является сомнительным доказательством. В связи с чем, считаем возможным проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа немного в другом русле, до разработки научно обоснованной методики проведения данного вида исследования и принятия ФЗ «О применении полиграфа». Например, весьма интересной представляется идея использования полиграфа по инициативе самого обвиняемого (подозреваемого), стремящегося таким путём удостоверить свою невиновность или непричастность. Разумеется, доказательственного значения выводы специалиста-полиграфолога и в этом случае не имеют, однако в качестве *ориентирующей* информации (пусть и не бесспорно достоверной) они могут породить обоснованные сомнения в виновности обвиняемого (подозреваемого).

Сходную идею высказывали Д.Е. Кун и А.С. Подшибякин: проверка на полиграфе может служить достаточным процессуальным основанием для снятия подозрений[14].

Подводя итог исследованию, отметим, что внедрение современных технологий в уголовное судопроизводство повышает результативность и качество производства по уголовным делам, способствует соблюдению процессуальных сроков, применению новых методов сбора и закрепления доказательств по делу, обеспечению безопасности участников уголовного процесса при неукоснительном соблюдении их конституционных прав и свобод. В связи с чем, перед учеными-криминалистами, учеными-медиками стоит задача разработать обоснованную методику психофизиологического исследования с использованием полиграфа, а также способы усовершенствования таких исследований посредством применения искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Белкин А.Р. Ещё раз о полиграфе, о текущем моменте и о судебной экспертизе // Библиотека криминалиста. – Научный журнал. – 2016. – № 6 (29). – С. 79-91.

2. Зотов Д.В., Панюшкин В.А. Обман в уголовном судопроизводстве: сущность, допустимость, формы // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. – С. 79-82.

3. Комиссаров В.И., Холодный Ю.И. Полиграф как средство получения процессуально значимой информации по уголовному делу // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 180-185.

4. Кун Д.Е. Обеспечение прав участников следственных действий при применении полиграфа // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 5. – С. 73-76.

5. Моисеева Т.Ф. Типичные ошибки при назначении, производстве судебной экспертизы и оценке её результатов // Уголовный процесс. – 2013. – № 3. – С. 10-17.

6. Ничипоренко Т.Ю. Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам: взгляд процессуалиста // Уголовный процесс. – 2008. – № 3. – С. 45-48.

[12] Зотов Д.В., Панюшкин В.А. Обман в уголовном судопроизводстве: сущность, допустимость, формы // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 80.

[13] Ничипоренко Т.Ю. Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам: взгляд процессуалиста // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 47.

[14] Кун Д.Е. Обеспечение прав участников следственных действий при применении полиграфа // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 75.

7. Орлов Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза: общие понятия: учебное пособие. – М., 2004. – Выпуск 2. – 23 с.
8. Попова И.П. Автоматизация уголовного процесса: зло или благо для общества? // Мировой судья. – 2019. – № 11. – С. 3-14.
9. Семенцов В.А. Новое следственное действие - проверка показаний на полиграфе // Избранные статьи по уголовному процессу. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – С. 162-165.
10. Шепитько В.Ю. Проблемные лекции по криминалистике. – Харьков: Апостіль, 2012. – 152 с.

Рецензент: Сизова А.С., к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Университета ФСИН России, доцент, майор внутренней службы.

КАРАЕВА АНЖЕЛА АНАТОЛЬЕВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского государственного университета, 460000, г. Оренбург, пр. Победы, 13, angela77735@mail.ru

НИКУРАДЗЕ НАТАЛЬЯ ОЛЕГОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского государственного университета, 460000, г. Оренбург, пр. Победы, 13, nikinatali2012@yandex.ru

РОЛЬ ПСИХОЛОГА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЗАЩИТА ПРАВ И СОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

KARAEVA ANZHELA ANATOLIEVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Orenburg State University, 460000, Orenburg, 13 Pobedy Ave., angela77735@mail.ru

NIKURADZE NATALIA OLEGOVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Orenburg State University, 460000, Orenburg, 13 Pobedy Ave., nikinatali2012@yandex.ru

THE ROLE OF A PSYCHOLOGIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROTECTING RIGHTS AND ASSISTING INVESTIGATION IN CRIMINAL CASES INVOLVING MINORS

Аннотация. *Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает обязательное участие психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних, однако не закрепляет его процессуальный статус и механизм привлечения в качестве участника уголовного судопроизводства. В статье рассматриваются особенности участия психолога в уголовном судопроизводстве. Анализируя действующее уголовно-процессуальное законодательство, мнения ученых процессуалистов, в качестве доминантной в исследовании выделяется проблема легализации процессуального положения «психолога» в уголовном судопроизводстве. Предложено законодательно регламентировать понятие «психолог», четко определив компетенцию и процессуальную роль данного участника на всех этапах уголовного процесса, а также разработать конкретные механизмы взаимодействия психологов с правоохранительными органами.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, участники уголовного судопроизводства, процессуальный статус, психолог, несовершеннолетний, следственные действия, допрос, психическое состояние.*

Review. *Current criminal procedure legislation requires the mandatory participation of psychologists in criminal cases involving minors, but does not define their procedural status or the mechanism for their involvement as a participant in criminal proceedings. This article examines the specifics of psychologist participation in criminal proceedings. Analyzing current criminal procedure legislation and the opinions of procedural scholars, the study highlights the issue of legalizing the procedural status of «psychologists» in criminal proceedings as a dominant issue. It is proposed to legislatively regulate the concept of «psychologist,» clearly defining the competence and procedural role of this participant at all stages of the criminal process, as well as to develop specific mechanisms for interaction between psychologists and law enforcement agencies.*

Key words: *criminal proceedings, participants in criminal proceedings, procedural status, psychologist, minor, investigative actions, interrogation, mental state.*

Российское уголовно-процессуальное законодательство уделяет особое внимание защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Это обусловлено тем, что несовершеннолетние находятся на стадии формирования своей личности и их физическая и психологическая незрелость требует от правовой системы особого подхода. Отсутствие достаточного жизненного опыта и необходимых базовых знаний и навыков в области права делает их более

уязвимыми к возможному давлению со стороны должностных лиц органов предварительного расследования и лишает возможности самостоятельно и эффективно защищать свои права и отстаивать законные интересы. В связи с этим, российская правовая система ориентирована на создание условий, гарантирующих эффективную защиту прав и законных интересов данной категории лиц, а также на снижение рисков негативного влияния их участия в уголовном процессе на психическое развитие и последующую социализацию.

Одним из гарантийных механизмов защиты прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства является обязательное участие педагога или психолога в случаях, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ). При этом, законодательным пробелом следует счесть отсутствие надлежащей правовой регламентации процессуального статуса такого участника и порядка его привлечения в уголовном судопроизводстве. Во избежание законодательных неточностей, неопределенностей, могущих привести к формализму участия психолога, в результате которого гарантии защиты прав несовершеннолетних становятся ничтожными ввиду отсутствия должного оказания им психологической поддержки в качестве содействия должностным лицам органов предварительного расследования при производстве следственных действий, требуется поиск оптимальных путей совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства.

Сегодня систему правовых гарантий защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве составляет множество нормативно-правовых актов как международного, так и национального уровня. В первую очередь к их числу стоит отнести принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 году Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (далее – Правила). Закладывая основу социальной политики государств-участниц по обеспечению благополучия несовершеннолетних, в целях минимизации вмешательства правосудия и применения Правил в отношении несовершеннолетних, впервые были сформированы и закреплены на международном уровне унифицированные требования, направленные на защиту несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых на всех этапах уголовного судопроизводства. Данные правила акцентируют внимание на необходимости правовой регламентации на национальном уровне дополнительных мер и специальных механизмов защиты их прав и законных интересов, учитывая особенности психического и физического развития[1].

Во исполнение указанных положений в Российской федерации принят ряд нормативно-правовых актов, что свидетельствует о приоритете защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, при этом система действующего законодательства постоянно совершенствуется с учетом развития общественных отношений в условиях социально-экономической формации общества. Так, согласно федеральному закону от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации подчеркивает важность детства как одного из самых значимых этапов в жизни каждого человека защита прав и законных интересов детей является приоритетной задачей для общества и государства[2]. Участие несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве связано с угрозой возникновения тяжелых психологических травм, которые могут оказать разрушительное воздействие на их психику[3]. Стресс, связанный с участием в уголовном процессе, может вызвать у несовершеннолетнего страх за свое будущее и привести к развитию таких серьезных психических состояний, как депрессия, суицидальные наклонности и др. В связи с этим, закон обязывает создавать условия, обеспечивающие соблюдение всех процессуальных прав несовершеннолетних, независимо от их статуса в уголовном процессе – будь то обвиняемый, подозреваемый, свидетель или потерпевший[4]. Кроме того, 1 июня 2012 года был принят Указ Президента № 761«О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» (далее – Стратегия), в числе приоритетных направлений закрепивший необходимость создания «дружественного к ребенку правосудия», посредством комплексного подхода, включающего юридические и социально-психологические аспекты защиты и обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних. Данная Стратегия заложила основы реформирования системы профилактики правонарушений, совершаемых как в отношении несовершеннолетних, так и самими несовершеннолетними, а также предотвращения насилия в отношении них, повышения гуманности и дружественности правосудия и исполнения наказания к ребенку, развитие системы правовых мер социально-психологической поддержки несовершеннолетних на всех этапах производства по уголовным делам[5]. В связи с этим, особую значимость приобретают специалисты в области ювенальных технологий (медиаторы, психологи, социальные педагоги и т.п.), оказывающие помощь и содействие на всех этапах взаимодействия несовершеннолетнего с правоохранительными органами и судебной сис-

[1] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 г.] // Советская юстиция. 1991. № 12. С.12-14.

[2] Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

[3] Смирнов В.Н. Юридическая психология: учебник пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Психология». Москва: Юнити -Дана, 2010. С. 213.

[4] Шувалова М.А. Необходимость индивидуального подхода к выбору между психологом и педагогом в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4. С. 236

[5] О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

темой. Положения Стратегии остаются актуальными и востребованными и в настоящее время, ввиду объявления в России десятилетия детства, направленного на повышение эффективности защиты детей на основе уже достигнутых результатов.

Анализ приведенных нормативно-правовых актов позволяет констатировать, что приоритетная роль в правовом механизме защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве отводится специалистам, оказывающих психологическую поддержку, а также содействие в установлении психологического контакта между несовершеннолетним и лицом, производящим следственные и иные процессуальные действия, предотвращении негативных психологических реакций и состояний несовершеннолетних не зависимо от их процессуального статуса. Как справедливо отмечает М.А. Шувалова «присутствие психолога при производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетних – это не просто соблюдение требований уголовно-процессуального закона, а часть государственной стратегии по обеспечению прав, законных интересов и безопасности детей в Российской Федерации[6].

В соответствии с требованиями УПК РФ участие психолога или педагога обязательно, если несовершеннолетний не достиг возраста шестнадцати лет или достиг, но страдает психическим расстройством или отставанием в психическом развитии. Участие психолога или педагога обеспечивается по усмотрению следователя, дознавателя или суда, если несовершеннолетнему исполнилось шестнадцать лет, у него нет проблем с психическим состоянием и отставания психического развития (ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 280 и ч. 3 ст. 425 УПК РФ)[7]. Используя в приведенных статьях разделительный союз «или», исходя из их буквального толкования, следует полагать, что законодатель уравнивает процессуальную роль педагога и психолога, наделяя их одинаковыми правами и обязанностями. Уголовно-процессуальный закон прямо не разграничивает случаи, когда в процессе следует привлекать психолога, а когда – педагога, за исключением ч. 4 ст. 191 УПК РФ, согласно которой при производстве отдельных следственных действий по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, такая альтернатива уже не допускается и привлекается только психолог.

Отсутствие четкого разграничения процессуальной роли педагога и психолога в уголовном процессе нельзя назвать юридически обоснованным. Во-первых, психолог изучает механизмы, формы проявления психики и поведение, поведенческие реакции личности в процессе ее жизнедеятельности. В уголовном судопроизводстве его процессуальная роль заключается в оказании на основе своих специальных знаний содействия при производстве отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних посредством проведения диагностики их психического и эмоционального состояния, что позволяет уполномоченным должностным лицам адаптировать тактику проведения следственного действия к индивидуальным особенностям психики несовершеннолетнего, а также помочь ему справиться с эмоциональным напряжением и стрессом[8]. Другими словами, психолог способен различать и анализировать эмоциональное состояние несовершеннолетнего, и может помочь в преодолении трудностей общения между следователем и ним, устранить недопонимания и определить наличие склонности к фантазированию и т.д.[9] Во-вторых, педагог, в отличие от психолога, фокусируется на образовательном процессе и лишен навыков тонкой работы с эмоциональным и индивидуально-психологическим состоянием несовершеннолетних. Основная роль педагога заключается во ведении учебно-воспитательного процесса, в умении грамотно и структурировано преподносить знания. Данного мнения придерживаются многие ученые в области уголовно-процессуального права. В частности, В.А. Лазарева и М.С. Демкина в своих научных трудах также обращают внимание на данную проблему, справедливо указывая, что, по сути, законодатель уравнял специалистов в двух совершенно разных областях знаний. По мнению ученых, у педагога и психолога цели и методы работы значительно отличаются, что подчеркивает исключительность и важность каждого из них[10].

По мнению М.Г. Янина «психолог, обладая специальными знаниями и навыками, играет ключевую роль в создании доверительных отношений, что является основополагающим для успешного общения с ребенком. Участвуя в следственных действиях, психолог помогает правильно интерпретировать показания подростка, что особенно важно, поскольку информация, полученная от детей, должна быть точно и полно зафиксирована в протоколах следственных действий, чтобы не исказить суть дела»[11].

Особое значение имеет участие психолога при производстве следственных действий, когда несовершеннолетний выступает в качестве потерпевшего или свидетеля. В условиях, когда несовершеннолетние

[6] Шувалова М.А. Необходимость индивидуального подхода к выбору между психологом и педагогом в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4. С. 236.

[7] Верещагина А.В. Педагог (психолог) в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан и Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 42.

[8] Лобзов К.М., Богданов А.В., Хазов Е.Н. Правовой статус личности как субъект и объект правоотношений в современном законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) // Вестник экономической безопасности. 2015. № 7. С. 22.

[9] Фомина И.А., Горбачева Е.В. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3 (32). С. 95.

[10] Лазарева В.А., Демкина М.С. Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 3. С. 103.

[11] Янин М.Г. Проблемные вопросы производства следственных и судебных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. Т.5. Вып1. С. 62.

становятся жертвами или свидетелями насильственных преступлений, они часто сталкиваются с серьезными эмоциональными и психологическими барьерами, которые могут проявляться в виде сильного эмоционального стресса, страха, подавленности или даже полного замешательства. Психолог, работающий с детьми, которые пережили преступные события, способен оказывать поддержку, необходимую для того, чтобы облегчить процесс получения правдивых и полных показаний. Эмоциональное состояние несовершеннолетнего может сильно повлиять на его способность делиться своими переживаниями и сведениями об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Психолог, присутствующий на следственных действиях, играет важную роль в создании безопасной и комфортной атмосферы для общения между несовершеннолетним и следователем. Несовершеннолетние, которые находятся в стрессовой ситуации, часто могут не понимать, как правильно ответить на вопросы или могут бояться последствий своих показаний. Участие психолога позволяет преодолеть эти барьеры, создавая условия, в которых он может свободно, без страха давать показания, объективно воспринимать обстоятельства уголовного дела.

Работа психолога в ходе производства следственных и иных процессуальных действий выходит далеко за рамки простого наблюдения. Его участие ориентировано на установление психологического контакта с несовершеннолетним, что позволяет последнему чувствовать себя более уверенно и спокойно. Психолог также помогает формулировать вопросы, учитывая возрастные и индивидуальные психологические особенности несовершеннолетнего. Это особенно важно, поскольку правильно заданные вопросы могут значительно повысить вероятность получения точных и достоверных сведений. Кроме того, немаловажна роль психолога в оценке достоверности показаний несовершеннолетних, поскольку его специальные знания позволяю выявлять противоречия и несоответствия в показаниях, а также предотвращать возможное влияние со стороны третьих лиц, которые могут попытаться оказать давление на несовершеннолетнего с целью склонения его к даче ложных показаний или введения в заблуждение.

С учетом изложенного, полагаем, что перед началом каждого следственного или иного процессуального действия с участием несовершеннолетнего лицу, осуществляющему его производство, целесообразно консультироваться с психологом. Эта практика позволит установить положительный контакт и взаимодействие с несовершеннолетним участником, с учетом рекомендаций психолога относительно психологических и возрастных особенностей несовершеннолетнего спланировать их производство, определить перечень допустимых вопросов, их последовательность при производстве допроса, исключить нежелательные вопросы с целью не допустить у несовершеннолетнего возникновения дополнительного стресса или тревоги. Такая подготовка минимизирует риск искажения информации, вызванного стрессом или давлением со стороны должностных лиц, осуществляющих производство следственных и иных процессуальных действий.

В этой связи Н. Курмаева высказывает мнение «об исключении альтернативного подхода привлечения специалистов к участию в следственных действиях и предлагает сделать обязательным участие именно психолога, так как данный специалист обладает более высокой квалификацией и опытом в оценке умственной отсталости и различных психических расстройств у несовершеннолетних»[12].

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание – процессуальный статус психолога практически не регулируется уголовно-процессуальным законодательством. В УПК РФ не предусмотрены требования, которым он должен соответствовать (наличие и уровень образования, стаж и место работы и т.д.). Кроме того, нет четкого перечня прав и обязанностей, что не позволяет психологу полноценно участвовать в уголовно-процессуальных отношениях, и лишает его возможности пользоваться уголовно-процессуальными гарантиями, предусмотренными для других участников уголовного судопроизводства. В связи с этим, роль психолога в уголовном процессе сводиться к номинальной[13]. Для сравнения, п. 62 ст. 5 УПК РФ содержит определение понятия «педагог», под которым понимается работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся, и не предусматривает понятие психолога, что в свою очередь создает правовую неопределенность и затрудняет процесс привлечения психологов к производству процессуальных действий, что, безусловно, негативно сказывается на их качестве и эффективности[14].

Вопрос о том, какими критериям должен отвечать психолог, чтобы стать участником уголовного процесса, требует тщательного рассмотрения. Очевидно, что психолог должен иметь соответствующее образование и его уровень, которые формируют необходимую базу знаний и навыки для работы с несовершеннолетними. По мнению А.Р. Напсоковой, «важно, чтобы психолог, работающий в уголовном процессе, имел специализацию, ориентированную на работу с несовершеннолетними, поскольку именно они чаще всего становятся фигурантами дел, выступая в качестве подозреваемых, свидетелей или потерпевших»[15]. Другим обязательным критерием яв-

[12] Курмаева Н. Проблемы участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Мировой судья. 2009. № 5. С. 17.
[13] Латыпов В.С. Оказание содействия педагогом и психологом в российском уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1 (47). С. 144.
[14] Напсокова А.Р., Танашев Б.В. Правовой статус психолога и педагога как участника уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Том 16. № 5. С. 39.
[15] Ганага В.С., Стельмах В.Ю. Особенности и проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 360.

ляется наличие практического опыта работы с несовершеннолетними (например, не менее двух лет), поскольку психолог, работающий с детьми и подростками, должен уметь адекватно оценивать ситуацию, в которой находится несовершеннолетний, и понимать его эмоциональное состояние.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости законодательной регламентации процессуального статуса участника уголовного судопроизводства «Психолог», закреплении его определения в целях повышения эффективности практики правоприменения. Предлагаем закрепить в ст. 5 УПК РФ понятие «психолог», следующего содержания: «Психолог – лицо, обладающее специальными знаниями в области психологии, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в пределах его профессиональной компетенции в установлении наличия или отсутствия обстоятельств подлежащих доказыванию по уголовному делу, иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, с учетом индивидуальных психологических особенностей личности и механизмов деятельности психики, посредством оказания психологической помощи несовершеннолетним участникам уголовного процесса, установления коммуникации и объективного восприятия ими обстоятельств уголовного дела, в целях обеспечения их прав и законных интересов».

Дополнить действующий УПК РФ статьей 58.1 «Психолог», закрепляющей процессуальный статут психолога в уголовном процессе, следующего содержания: «1. Суд, следователь, дознаватель в праве по собственной инициативе или по ходатайству сторон в случаях установленных настоящим Кодексом привлекать для участия в производстве следственных и иных процессуальных действиях психолога в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 164 УПК РФ. Перед началом процессуального действия, в котором участвует психолог, суд, следователь, дознаватель удостоверяется в его компетентности, выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, свидетелю разъясняет психологу его права и ответственность.

2. Психолог вправе:

1) знать цель вызова его судом, следователем, дознавателем;

2) с разрешения суда, следователя, дознавателя задавать вопросы участникам процессуального действия;

3) ознакамливаться с протоколом процессуального действия, в котором он участвовал, и подавать на него замечания;

4) отказаться от участия в производстве следственного действия или иного процессуального действия, если он не обладает соответствующей компетенцией.

3. Психолог обязан:

1) являться по вызовам следователя, дознавателя или в суд;

2) предъявлять документы, подтверждающие его квалификацию и соответствующее образование;

3) оказывать содействие в установлении психологического контакта с участниками с учетом их возраста и индивидуально-психологических особенностей;

4) обеспечивать психологическую безопасность участников следственных и иных процессуальных действий.

4. Психолог не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве психолога, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования специалист несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Кроме того, необходимо разработать конкретные механизмы взаимодействия психологов с правоохранительными органами, что, безусловно, повысит эффективность расследования и обеспечит более законное и справедливое уголовное судопроизводство.

Библиографический список

1. Верещагина А.В. Педагог (психолог) в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан и Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 2 (70). – С. 40-50.

2. Ганага В.С., Стельмах В.Ю. Особенности и проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 24. – С. 354-363.

3. Курмаева Н. Проблемы участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Мировой судья. – 2009. – № 5. – С. 16-18.

4. Лазарева В.А., Демкина М.С. Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – № 3. – С. 101-107.

5. Латыпов В.С. Оказание содействия педагогом и психологом в российском уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (47). – С. 138-144.

6. Лобзов К.М., Богданов А.В., Хазов Е.Н. Правовой статус личности как субъект и объект правоотношений в современном законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 7. – С. 20-25.

7. Напсокова А.Р., Танашев Б.В. Правовой статус психолога и педагога как участника уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. Том 16, № 5. – С. 38-43.

8. Смирнов В.Н. Юридическая психология: учебник пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Психология». Москва: Юнити-Дана, 2010. – 319 с.

9. Фомина И.А., Горбачева Е.В. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 3 (32). – С. 94-99.

10. Шувалова М.А. Необходимость индивидуального подхода к выбору между психологом и педагогом в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 4. – С. 235-239.

11. Янин М.Г. Проблемные вопросы производства следственных и судебных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – Т.5. Вып1. – С. 60-69.

Рецензент: Журкина О.В., заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Оренбургского государственного университета, к.ю.н., доцент.

КУКОВЯКИН АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ
доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, г. Омск, пр-т Комарова, 5, aekukovyakin@mail.ru

КУЗНЕЦОВ АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доцент кафедры «Юриспруденции» ФГБОУ ВО «Оренбургский ГАУ», доцент кафедры Уголовного права ФГБОУ ВО Оренбургский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18; tolik_kuznetsov_2013@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

KUKOVYAKIN ALEXANDER EVGENYEVICH
Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences 5 Komarova Avenue, Omsk, aekukovyakin@mail.ru

KUZNETSOV ANATOLIY VLADIMIROVICH
Associate Professor of the Department of Jurisprudence at the Orenburg State Agrarian University, Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Orenburg State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, 18 Chelyuskintsev Street, Orenburg; tolik_kuznetsov_2013@mail.ru

PROBLEMS OF CRIME CATEGORIZATION ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Аннотация: *категоризация преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации представляет собой правовую основу дифференциации уголовной ответственности и справедливого назначения наказания. Однако действующая модель, закреплённая в статьях 14-16 УК РФ, сталкивается с рядом системных проблем: расплывчатостью критериев тяжести, пересечением составов из разных глав Особенной части, неспособностью адекватно регулировать новые виды преступности и предоставлением суду дискреционных полномочий по снижению категории преступления на основании части 6 статьи 15 УК РФ. Такой подход подрывает принцип законности и ведёт к субъективизму в правоприменении. На основе анализа научной доктрины, судебной практики, материалов Генеральной прокуратуры, статистики МВД России и международных стандартов предлагаются меры по совершенствованию системы категоризации, направленные на укрепление её предсказуемости, научной обоснованности и соответствия современным вызовам.*

Ключевые слова: *категоризация преступлений, статья 15 УК РФ, общественная опасность, тяжесть преступления, судебное усмотрение, уголовное законодательство, дифференциация ответственности, киберпреступность, неосторожные деяния.*

Abstract: *the categorization of crimes in the Criminal Code of the Russian Federation serves as the legal basis for differentiating criminal liability and ensuring fair sentencing. However, the current model, enshrined in Articles 14-16 of the Criminal Code, faces several systemic problems: vagueness of severity criteria, overlap of criminal compositions from different chapters of the Special Part, inability to adequately regulate new forms of crime, and granting courts discretionary powers to reduce the category of an offense under Part 6 of Article 15 of the Criminal Code. This approach undermines the principle of legality and leads to subjectivism in law enforcement. Based on an analysis of legal doctrine, judicial practice, data from the Prosecutor General's Office, MVD statistics, and international standards, the article proposes measures to improve the categorization system, aimed at enhancing its predictability, scientific validity, and responsiveness to contemporary challenges.*

Keywords: *categorization of crimes, Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, public danger, severity of the offense, judicial discretion, criminal legislation, differentiation of liability, cybercrime, negligent offenses.*

Категоризация преступлений – один из краеугольных камней всей системы уголовного права. Она не просто классифицирует деяния по признаку тяжести, но формирует правовую основу для реализации принципов справедливости, индивидуализации наказания и дифференциации ответственности. Согласно статье 15 УК РФ, преступления подразделяются на четыре категории – небольшой, средней, тяжкие и особо тяжкие – в зависимости от характера и степени общественной опасности, которая, в свою очередь, определяется в первую очередь максимальным сроком лишения свободы, предусмотренным за конкретное деяние. Именно эта категоризация определяет возможность применения условного осуждения (ст. 73 УК РФ), влияет на квалификацию рецидива (ст. 18 УК РФ), служит основанием для освобождения от уголовной ответственности (ст. 75-76.2 УК РФ) и учитывается при назначении вида исправительного учреждения.

Тем не менее, несмотря на кажущуюся логичность и системность, действующая модель категоризации всё чаще подвергается критике как в научной литературе, так и в практике правоприменения. Как подчёркивает А.В. Наумов, российская модель категоризации во многом унаследовала советский подход, при котором основное внимание уделялось формальной группировке преступлений по объекту посягательства, а не реальному уровню социального вреда[1]. В условиях стремительной трансформации преступности – от цифровых угроз до сложных экономико-экологических деликтов – эта модель демонстрирует признаки морального и функционального устаревания.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что в 2025 году в России было зарегистрировано более 1771,2 тыс. преступлений, из которых около 50 % приходится на преступления против собственности, а доля киберпреступлений, хотя и относительно небольшой, но остаётся стабильным[2]. В этих условиях сохранение жёсткой, формализованной и неадаптивной системы категоризации становится не просто теоретической проблемой, но и практическим барьером на пути эффективного правосудия. Суды вынуждены «подгонять» новые реалии под старые рамки, что неизбежно ведёт к ошибкам, несправедливым решениям и потере доверия к правовой системе.

В качестве анализа проблем категоризации можно отметить, что центральной и наиболее деструктивной проблемой современной системы стал институт, введённый в 2011 году – часть 6 статьи 15 УК РФ[3], наделившая суд правом при наличии исключительных обстоятельств, смягчающих вину, изменять категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну ступень вниз. Норма была задумана как гуманистическая мера, позволяющая учитывать индивидуальные обстоятельства конкретного дела. Однако на практике она трансформировалась в инструмент судебного правотворчества, фактически позволяющий суду пересматривать законодательную оценку общественной опасности деяния.

Ярким примером служит правоприменение по ч. 3 ст. 260 УК РФ (Незаконная рубка лесных насаждений). По своей конструкции – это преступление относится к категории тяжких, поскольку максимальное наказание – до 7 лет лишения свободы. Однако, в ряде дел, суд, ссылаясь на наличие смягчающих обстоятельств (в частности, раскаяние подсудимого(ых), возмещение материального и морального вреда и др.), снизил категорию до «небольшой или средней тяжести»[4]. Последствия этого шага многослойны: во-первых, подсудимый(ые) автоматически становится субъектом возможного освобождения от наказания по ст. ст. 75-76.2 УК РФ; во-вторых, утрачивается смысл дифференциации между причиненным ущербом, поскольку любой ущерб может быть признан «небольшой тяжести»; в-третьих, создаётся прецедент, который другие суды могут использовать произвольно.

Такой подход получил разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10[5], который, признав право суда учитывать индивидуальные обстоятельства, фактически легитимировал подмену объективной оценки общественной опасности субъективной. Это противоречит самой идее законности, согласно которой любое решение должно основываться на чётко определённой норме, а не на усмотрении конкретного судьи.

Вторая группа проблем связана со структурной несогласованностью Особенной части УК РФ. Преступления часто пересекаются по объекту, объективной и субъективной стороне. Например, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (глава 25) нередко содержат признаки экономических преступлений (глава 22), если речь идёт о крупном бизнесе по производству и сбыту. Аналогично, экологические преступления (глава 26) могут повлечь вред здоровью (глава 16) или даже смерть, но формально остаются «экологическими». Это приводит к тому, что суды зачастую затрудняются в выборе квалификации, что, в свою очередь, влияет на категорию пре-

[1]Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 884 с.
[2]О состоянии преступности в Российской Федерации в 2025 году. URL: https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/77848182/ (дата обращения: 24.02.2026).
[3] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СПС «Гарант».
[4] Приговор Гурьевского городского суда (Кемеровская область) № 1-144/2022 1-17/2023 от 22 сентября 2023 г. по делу № 1-144/2022. URL: http: //sudact.ru/regular/doc/xszKJj4XC1Wt/ (дата обращения: 24.02.2026); Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 17 января 2018 года по делу № 22-31/2018. URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=70882 (дата обращения: 24.02.2026); Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда республики Адыгея от 29 ноября 2021 года по делу № 22-839/2021. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/727623065 (дата обращения: 24.02.2026).
[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

ступления и размер наказания.

По данным Генеральной прокуратуры РФ и Верховного Суда РФ в целом по уголовным делам в РФ доля оправдательных приговоров крайне мала (около 0,15% в 2022-2024 гг.). Однако по экологическим составам (особенно ст. 260 «Незаконная рубка» и ст. 256 «Незаконная добыча водных ресурсов») процент дел, возвращаемых прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ из-за нарушений при составлении обвинительного заключения, традиционно выше среднего и может достигать 3–5% в зависимости от региона. Основными причинами ошибок по данным категориям преступлений выступают: Неправильное разграничение преступления и административного проступка (ст. 8.2 КоАП против ст. 247 УК РФ). Ошибки в расчете экологического ущерба, который является квалифицирующим признаком. Неверное определение субъекта преступления (привлечение рядовых исполнителей вместо ответственных должностных лиц)[6]. Допущенные ошибки в квалификации свидетельствует о системной проблеме.

Третья проблема – неспособность системы адаптироваться к новым угрозам. Киберпреступность, фишинг, мошенничество с использованием криптовалют, распространение вредоносного ПО – все эти деяния не вписываются в традиционную модель категоризации, основанную на причинении физического вреда или материального ущерба[7]. Между тем ущерб от таких преступлений может быть колоссальным: по данным из открытых источников, только в 2024 году ущерб от успешных операций кибермошенников составил свыше 200 млрд рублей. Однако, большинство таких деяний квалифицируются по статье 159 УК РФ (мошенничество) как средней тяжести, даже если ущерб исчисляется миллионами. Это создаёт ложное впечатление о «мягкости» таких преступлений и снижает сдерживающий эффект уголовного закона.

Причины системных недостатков и корни этих проблем лежат в области современного законотворчества. Как справедливо отмечает А.И. Бастрыкин, многие изменения в УК РФ вносятся под влиянием текущей политической повестки, а не на основе системных научных и доктринальных разработок, с привлечением экспертного сообщества. В этой связи межведомственное взаимодействие с привлечением соответствующих специалистов является вдумчивым и результативным подходом, в том числе и для совершенствования законодательства[8]. Часть 6 статьи 15 УК РФ – яркий пример следованию конъюнктуре: норма была принята в рамках так называемой «гуманизации» уголовной политики без широкого обсуждения в юридическом сообществе, без анализа её последствий для всей системы уголовной ответственности и без учёта международного опыта.

Во многих странах, включая Германию и Францию, категоризация преступлений строго закреплена в законе и не подлежит пересмотру судом. Суд может назначить более мягкое наказание, но не может изменить саму категорию деяния. В США система категоризации (felony/misdemeanor) также жёстко регламентирована, и суд не вправе её менять. Российский же подход, по сути, уравнивает законодательную и судебную ветви власти в оценке общественной опасности, что нарушает принцип разделения властей.

Кроме того, российская уголовно-правовая доктрина остаётся в значительной степени, изолированной от междисциплинарных знаний и практик. Оценка общественной опасности по-прежнему строится на формальных юридических критериях, без учёта криминологических, социологических и психологических данных.

Например, не учитывается, что неосторожные преступления против жизни часто связаны с системными проблемами – неисправностью оборудования, усталостью персонала, отсутствием контроля – и не всегда отражают личную вину конкретного человека. Между тем законодатель продолжает подходить к ним как к проявлению индивидуальной безответственности, что ведёт к репрессивным, но неэффективным мерам.

Наконец, бюрократическая инерция замедляет адаптацию УК РФ к новым вызовам. Процедура внесения изменений долгая, а инициаторами выступают в основном силовые ведомства, ориентированные на репрессивные меры, направленные на решение сиюминутных задач, а не на системное развитие права. При этом факты учета мнения научного сообщества и проведения правовых экспертиз с прогнозированием последствий скорее является исключением. В результате кодекс отстаёт от реальности, а суды вынуждены «договаривать» за законодателя, что противоречит принципу верховенства закона.

В плане возможностей совершенствования системы категоризации решение должно быть комплексным и многоуровневым.

На законодательном уровне, на наш взгляд, необходимо:

1. Исключить или существенно ограничить часть 6 статьи 15 УК РФ. В идеале – отменить её полностью. В качестве компромисса – разрешить снижение категории только для преступлений средней тяжести при наличии исключительно низкой степени вины и отсутствии рецидива.

2. Дополнить статью 15 УК РФ критериями оценки общественной опасности, включая не только формальный признак наказания, но и реальный вред, способ совершения, мотив, последствия для жертвы и общества, а также общественное восприятие тяжести деяния.

[6]Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/31278/ (дата обращения: 24.02.2026).

[7] Милованова М.М., Шурухнов В.А. Кибермошенничество: взаимосвязь способа совершения преступления и личности преступника // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 2(44). С. 63-71.

[8] Бастрыкин А.И. О практике взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации и МВД России при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 2(48). С. 9-11.

3. Создать отдельную главу в Особенной части УК РФ, посвящённую преступлениям в сфере информационных технологий и цифровой экономики, с чёткой градацией по степени причиненного ущерба (например, до 500 тыс., от 500 тыс. до 10 млн, свыше 10 млн рублей) и, соответственно, категориями тяжести.

4. Уточнить границы между главами УК РФ, введя в Общую часть норму о приоритете объекта посягательства при наличии конкуренции составов.

На практическом уровне следует:

– разработать методические рекомендации для судов по применению статьи 15 УК РФ, включая типовые ситуации;

– внедрить в программы повышения квалификации судей учебные модули по криминологической и социологической оценке тяжести преступлений;

– использовать международные стандарты, такие как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.)[9] и Будапештская конвенция о киберпреступности (2001 г.)[10], как ориентир при пересмотре подходов к категоризации.

На институциональном уровне целесообразно создать при Министерстве юстиции РФ межведомственный экспертный совет по мониторингу и корректировке категорий преступлений с участием представителей науки, судебной власти, правоохранительных органов и гражданского общества. Совет должен ежегодно публиковать аналитические отчёты, в которых оценивается соответствие действующих категорий реальным угрозам.

На основании изложенного можно сделать вывод, что категоризация преступлений – не техническая, а глубоко содержательная и концептуальная проблема уголовного права. Она отражает не только правовую культуру общества, но и уровень зрелости всей правовой системы. Действующая модель, несмотря на внешнюю стройность, страдает от внутренних противоречий, вызванных поспешными законодательными изменениями, доктринальной незрелостью и отсутствием гибкости перед лицом новых угроз. Часть 6 статьи 15 УК РФ, призванная гуманизировать наказание, на практике подрывает принцип законности и допускает субъективизм.

Для восстановления баланса необходимо вернуть приоритет норме над усмотрением, усилить роль научной доктрины в законотворчестве и внедрить междисциплинарные подходы в оценку общественной опасности. Только такой путь позволит создать справедливую, предсказуемую и адаптивную систему уголовной ответственности, соответствующую вызовам XXI века и отвечающую как интересам личности, так и требованиям общественной безопасности. Без этого любые попытки борьбы с преступностью будут оставаться формальными, а доверие граждан к правосудию – неустойчивым.

Библиографический список

1. Бастрыкин А.И. О практике взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации и МВД России при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2025. – № 2(48). – С. 9-11.

2. Милованова М.М., Шурухнов В.А. Кибермошенничество: взаимосвязь способа совершения преступления и личности преступника // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2024. – № 2(44). – С. 63-71.

3. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2024. – 884 с.

Рецензент: Чичкин А.В., заведующий кафедрой «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Оренбургский ГАУ», к.ю.н., доцент.

[9] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята Резолюцией ГА ООН от 15.11.2000 № 55/25) // СПС «Гарант»..

[10] Конвенция о киберпреступности (Будапешт, 23.11.2001, ETS № 185) // СПС «Гарант». Примечание: РФ не является участником Конвенции; в ООН ведётся работа над универсальной конвенцией по киберпреступности с участием РФ.

НОСЫРЕВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
преподаватель СПО Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, ул. Комсомольская, 50, m-nosyreva1701@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С СОБИРАНИЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РАМКАХ СВО

NOSYREVA MARIA ALEXANDROVNA
Teacher of secondary vocational education, Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow state law university (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, m-nosyreva1701@mail.ru

PROBLEMATIC ISSUES RELATED TO THE COLLECTION OF EVIDENCE IN THE INVESTIGATION OF MILITARY CRIMES

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблем, возникающих при сборе доказательств в ходе расследования военных преступлений, совершенных в рамках специальной военной операции (СВО) на Украине. Автор выделяет ключевые препятствия, с которыми сталкиваются правоохранительные органы: ограниченный доступ к местам преступлений из-за боевых действий, уничтожение материальных доказательств, трудности в получении свидетельских показаний и идентификации жертв. Особое внимание уделено необходимости внедрения современных технологий, таких как спутниковое зондирование, беспилотные летательные аппараты и краудсорсинговые платформы.*

Ключевые слова: *военные преступления, сбор доказательств, специальная военная операция (СВО), спутниковое зондирование, цифровые доказательства.*

Review. *The article analyzes the challenges faced by law enforcement agencies in collecting evidence during the investigation of war crimes committed during the special military operation in Ukraine. The author highlights the key obstacles faced by law enforcement agencies, including limited access to crime scenes due to ongoing hostilities, the destruction of physical evidence, and difficulties in obtaining witness statements and identifying victims. The article emphasizes the need for the implementation of modern technologies, such as satellite imagery, unmanned aerial vehicles, and crowdsourcing platforms.*

Key words: *war crimes, evidence collection, special military operation (SVO), satellite sensing, and digital evidence.*

Актуальность выбранной темы обусловлена отсутствием научной исследованности и методических рекомендаций, связанных с расследованием преступлений, совершенных в период проведения специальной военной операции на Украине (далее – СВО). Агрессивный характер вооруженного конфликта вынуждает правоприменителей искать новые способы в рамках доказывания военных преступлений. Необходимо как усовершенствовать уже созданные методики, так и разрабатывать новые рекомендации для работы уполномоченных субъектов, которые осуществляют сбор доказательств на территории ведения боевых действий.

Общие принципы собирания доказательств закреплены статьей 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Субъекты, уполномоченные на собирание доказательств согласно ч.1 указанной статьи, встречаются с негативными факторами, препятствующими их работе.

Во-первых, это ограничение доступа к местности в условиях ведения боевых действия для проведения следственных и иных процессуальных действий. Артиллерийские обстрелы, атаки беспилотными летательными аппаратами создают угрозу здоровью и жизни следователей, а также приводят к уничтожению места совершения преступления.

Во-вторых, осложнение получения свидетельских показаний. В связи с постоянными эвакуациями населения, люди вынуждены укрываться в убежищах, либо покидать свое место жительства в статусе вынужденных переселенцев.

В-третьих, противник умышленно уничтожает физические объекты, совершает поджоги архивов, администраций и иных зданий, документов.

В-четвертых, усложняется процедура идентификации трупов. У жертв, как правило, отсутствуют документы, удостоверяющие личность. Также в связи с продолжительными обстрелами противника, эвакуация погибших происходит спустя долгое время после наступления смерти, что приводит к изменению физиологического состояния трупа. В таком случае одним из главных видов доказательств будет являться проведение судебно-медицинской экспертизы.

Необходимо внедрять в правоприменительную практику современные криминалистические методики с использованием эндоскопов, оптических лазер-

ных дальномеров, спутниковых навигаторов, беспилотных летательных аппаратов и др.

Технологии дистанционного зондирования, включая спутниковые системы и воздушные платформы, обеспечивают сбор уникальных доказательств, недостижимых традиционными методами, при расследовании предполагаемых массовых преступлений. Спутниковые сенсоры фиксируют электромагнитное излучение, отражённое от земной поверхности. После оцифровки полученные данные трансформируются в изображения, которые подвергаются спектральной коррекции, фильтрации и другим методам обработки для выделения или усиления определённых диапазонов волн. Это позволяет выявить информационные маркеры, не воспринимаемые человеческим зрением.

Интерпретация визуальных данных служит инструментом перекрёстной верификации с другими источниками: свидетельскими показаниями, документальными отчётами, материалами СМИ и краудсорсинговыми платформами. Отметим, что под краудсорсинговыми платформами мы подразумеваем платформы, предлагающие решение через распределение задач среди гражданского населения, что ускоряет расследование. Например, платформа Bellingcat использует краудсорсинг для анализа спутниковых снимков и геолокации видео в военных конфликтах.

К числу идентифицируемых объектов можно отнести воронки от взрывов, характерные для бомбардировок, структурные повреждения жилых зданий, целенаправленное разрушение объектов гуманитарной инфраструктуры, параметры лагерей для перемещённых лиц, признаки массовых захоронений.

Несмотря на рост доступности спутниковых данных, сохраняется дефицит стандартизации методов их анализа. Отсутствие общепринятых протоколов интерпретации снимков в контексте документирования военных преступлений затрудняет их системное применение следователями и дознавателями.

Спутниковые снимки способны выступать как прямыми доказательствами (фиксация динамики разрушений), так и косвенными (установление контекста преступления). Разработка унифицированных методик обработки данных и критериев их верификации остаётся критической задачей для повышения доказательной ценности дистанционного зондирования.

Недостаточно исследованной является процедура использования цифровых доказательств в рамках расследований преступлений в зоне СВО. Цифровые доказательства - любые сведения, сгенерированные, обработанные, сохраненные и (или) переданные в цифровом виде, на основе которых в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

На данный момент существуют уникальные интернет-ресурсы, содержащие данные боевиков Вооруженных Сил Украины (далее – ВСУ): «НемеZида», «Трибунал», «Волонтер». К примеру, Интернет-сайт «НемеZида» содержит базу с личными данными военнопленных украинцев, военных преступников (с подкатегориями: «вторжение в Курскую область», «главное управление разведки» и др.), иностранных пособников и наемников, сетевых террористов. Указанные платформы позволяют устанавливать обстоятельства уголовного дела сотрудникам правоохранительных органов.

Федеральным конституционным законом от 04.10.2022 г. №5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» был запущен в 2024 году процесс ликвидации государственных органов ДНР и образования новых региональных органов исполнительной власти ДНР в составе РФ[1]. Так, в результате реорганизации Представительство Донецкой Народной Республики в Совместном центре контроля и координации вопросов, связанных с военными преступлениями Украины (СЦКК), вошло в состав Администрации Главы и Правительства Донецкой Народной Республики в качестве самостоятельного структурного подразделения – Управления по вопросам документирования военных преступлений Украины.

Официальный Telegram-канал «Факты военных преступлений Украины» (более 15 тыс. подписчиков по состоянию на 01.04.2025 г.), владельцем которого является вышеназванное Управление, является источником официальной информации для гражданского населения, учреждений и СМИ о последствиях военных преступлений Украины. Например, «по оперативным линиям Управления за 7 апреля 2025 года поступила информация о жертвах среди гражданских лиц в городах Республики: в населенном пункте Горловка в результате сброса взрывоопасного предмета с БПЛА на автомобиль погиб один человек». Благодаря функционированию таких Интернет-платформ осуществляется сбор информации о фактах ведения огня со стороны вооруженных формирований Украины, жертвах, повреждениях жилых домов и объектов гражданской инфраструктуры.

Для повышения эффективности расследования уголовных дел, связанных с использованием запрещенных средств и методов ведения войны, важно внедрять современные технологии и методы сбора доказательств. Цифровые данные, аудио- и видеоматериалы, показания свидетелей и иные источники могут стать ключевыми элементами в установлении истины. Однако для их применения необходимо создать четкие правовые стандарты и регламенты, га-

[1] Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 №5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // СЗ РФ. 2022. №41. Ст. 6930.

рантирующие легитимность и надежность таких доказательств. Это позволит не только усилить доказательную базу, но и обеспечить соответствие процесса международным нормам права.

Проведённое исследование демонстрирует, что эффективное расследование военных преступлений в условиях СВО требует адаптации традиционных криминалистических подходов к реалиям гибридных конфликтов. На основе выявленных проблем и анализа текущих практик предлагаем следующие законодательные и методические рекомендации:

1. Внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Закрепить в ч. 2 ст. 74 УПК РФ понятие «цифровых доказательств» (спутниковые данные, материалы краудсорсинговых платформ, аудиовизуальные записи);

В главу 24 УПК РФ необходимо внести самостоятельное следственное действие – осмотр цифровой информации (следственного действия, направленного на обнаружение, закрепление и изъятие цифровых доказательств, в том числе с помощью технологий дистанционного зондирования);

2. Разработка межведомственного регламента.

Создать единую федеральную базу данных для агрегации информации с платформ типа «НемеZида», официальных Telegram-каналов и спутниковых систем. Доступ к базе должен быть регламентирован с учётом защиты персональных данных и оперативной безопасности;

3. Утверждение протоколов взаимодействия между Управлением по вопросам документирования военных преступлений Украины, Минобороны, МИД и международными организациями (МККК, ОБСЕ) для обмена доказательствами и координации расследований.

4. Оснащение следственных групп мобильными криминалистическими лабораториями, оснащёнными эндоскопами, лазерными сканерами и БПЛА для работы в зонах повышенного риска;

5. Использование алгоритмов искусственного интеллекта для анализа спутниковых снимков с автоматическим выделением маркеров военных преступлений.

В заключении отмечу, что интеграция инновационных технологий в уголовное судопроизводство должна сопровождаться синхронным развитием правовой базы. Только комплексный подход обеспечит эффективное расследование военных преступлений и защиту принципов справедливости в условиях современных конфликтов.

Рецензент: Жеребятьев И.В., к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), мировой судья в отставке.

ПЛОТНИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, plotnikovmgua@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РИСКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ

PLOTNIKOV ALEXANDER IVANOVICH
Doctor of Law, Associate Professor, Professor, of the Department of Criminal Law sciences of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, plotnikovmgua@yandex.ru

CRIMINAL LAW SIGNIFICANCE OF RISK IN HEALTH PROTECTION ACTIVITIES

Аннотация. *В статье рассматривается проблема допустимости рискованных действий с неблагоприятными последствиями в сфере деятельности по охране жизни и здоровья как обстоятельств, исключающих признания их преступными. Автор раскрывает понятие уголовно-правового риска применительно к данным обстоятельствам, анализирует законодательные условия их допустимости.*

Ключевые слова*. Риск, вред, условия, преступление, цель, жизнь, здоровье, достаточность, необходимость, допустимость.*

Review. *The article discusses the problem of the permissibility of risky actions with adverse consequences in the field of life and health protection as circumstances that exclude their recognition as criminal. The author reveals the concept of criminal law risk in relation to these circumstances and analyzes the legal conditions for their permissibility.*

Keywords: *Risk, harm, conditions, crime, purpose, life, health, sufficiency, necessity, and permissibility.*

Организм человека – весьма сложная система, состояние которой определяется множеством факторов самого разнообразного характера от наследственных до техногенных. Только их комплексное воздействие формирует определенный уровень как физического, так и психологического благополучия в работе организма. Соответственно, отследить именно те из них, которые вносят в тот или иной отрезок времени отклонение от нормы или болезненное состояние организма человека не простая задача. Несмотря на то, что современная медицинская техника позволяет многое увидеть в человеческом теле, поставить медицинский диагноз всегда сложно, а порою невозможно вообще. Еще труднее определить способы лечения и нейтрализации негативных факторов воздействия на здоровье человека. Поэтому деятельность по охране здоровья человека является заведомо рискованной, отнюдь не гарантирующей успеха и при использовании самых современных средств лечения.

Тем не менее, как и всякая деятельность, она не исключает ответственности тех, кто ее осуществляет. Разумеется, речь мы ведем о деятельности профессиональной, а не о любительской или тем более шарлатанской, что также встречается в этой сфере, но требует особого разговора.

Современное законодательство допускает определенную степень как профессионального, так и общебытового риска при любой деятельности. Определение границы рискованных действий – острая задача науки и законодательства. В деятельности по охране здоровья, естественно, она приобретает высокую актуальность, вытекающую из ценности жизни человека и значении, придаваемой этому законодательствами всего мира.

Риск обычно определяют как общественно полезную деятельность, в результате которой могут наступить неблагоприятные последствия. При этом негативный результат от рискованных действий предвидится и учитывается, хотя и не является желательным. Лицо, совершающее рискованные действия, надеется избежать его. О риске в науке уголовного права говорят обычно в плане нормы по ст. 41 УК РФ, как обстоятельстве, исключающим преступность деяния. Однако следует иметь в виду, что риск в уголовном праве имеет более общее значение, и учитывается и в других нормах. Учет поведения, имеющего положительную направленность, но приводящего к негативным последствиям, составляет основу неосторожности, например. Хотя при неосторожности мы имеем дело с неизвинительным риском, тем не менее объективно неосторожные действия – один из вариантов риска, который, кстати, ставит вопрос о разграничении неосторожности и извинительного риска по ст. 41 УК РФ, а отчасти и по ст. 39 УК РФ о крайней необходимости. Само по себе понимание того, что рискованные действия достаточно распространенное явление, подводит нас к необходимости более четко устанавливать границы извинительного риска в пределах статьи 41 УК РФ, исключающей

преступность совершенного рискованного деяния. В то же время оно свидетельствует о том, что не всякий риск правомерно рассматривать в рамках статьи 41 УК РФ. Нельзя, например, на основании абстрактного предположения о достаточно рискованной, в общем, абстрактном смысле, деятельности по охране жизни и здоровья рассматривать всю медицинскую деятельность через призму статьи 41 УК РФ. Мы полагаем, что в тех случаях, когда медицинская деятельность регламентирована нормативно, хотя ее результаты не всегда с точностью определяемы, не может рассматриваться как рискованная деятельность в смысле статье 41 УК РФ. Такова деятельность, например, осуществляемая по разработанным и утвержденным методикам, от которых медицинские работники не вправе отступать. Рискованная деятельность в смысле статьи 41 УК РФ – это деятельность неординарная, а ситуационная, обусловливаемая конкретными обстоятельствами места, времени, болезненного состояния.

В соответствии с частью 1 ст. 41 УК РФ (Обоснованный риск):

«Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели».

Охрана здоровья человека безусловно цель общественно полезная, а ее реализация – охраняемый уголовным законом интерес. Как видим, закон допускает в указанных целях причинения вреда. Характер и степень вреда в законе не конкретизируются, но из части 3 статьи, где запрещается причинение вреда или создание его угрозы для жизни многих людей, можно заключить, что вред жизни и здоровью людей как индивидуумов охватывается понятием вреда, допустимого при условиях, указанных в данной статье. В части 2 и 3 статьи 41 УК РФ определяются условия, при которых причинение вреда в указанных целях, допустимо. Их три (часть 2 статьи 41 УК РФ, два первых условия, и часть 3- последнее): 1) цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями; 2) предприняты достаточные меры для предотвращения возможного вреда; 3) риск не должен быть заведомо сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественным бедствием.

Что касается двух последних вредных последствий в виде угрозы для жизни многих людей и экологического бедствия, то они не возможны даже чисто теоретически при оказании медицинской помощи в силу ее индивидуального характера, не выходящего за пределы жизни и здоровья конкретного человека.

Наибольшие сложности возникают при определении, могла (не могла) быть достигнута цель действиями, не связанными с риском, то есть, иными действиями, и предприняты ли достаточные меры для предотвращения возможного вреда. Эти требования, фактически формулируемые как два (цель не может быть достигнута, не связанными с риском действиями (1), предприняты достаточные меры для предотвращения вреда (2), реально взаимосвязаны и часто взаимно предопределяются, так как если предприняты достаточные меры, то и рискованность фактически исключается или сводится к минимуму, а в обратном случае будет свидетельствовать о наличии не использованных возможностей оказать медицинскую помощь без риска.

Представим реальную картину оказания медицинской помощи. Во-первых, эта помощь может быть заранее планируемой, когда не требуется срочного вмешательства. Это одни условия, когда есть возможность все взвесить для наиболее эффективного лечения. И второе, экстренная медицинская помощь, когда требуется немедленное, часто оперативное вмешательство. Возможности для выбора эффективного лечения в последнем случае крайне ограничены.

Медицинские учреждения имеют разную техническую оснащенность, могут серьезно различаться по квалификации врачей. Значит ли это, что обязательно должны быть предприняты меры для транспортировки нуждающегося в помощи человека в клинику, где имеются наиболее благоприятные условия для медицинской помощи. Нам представляется очевидным, что при оказании плановой помощи такие меры должны быть предприняты. И на самом деле в реальной медицинской практике они предпринимаются. Медики разъясняют пациентам возможности медицинских учреждений, наличие технических условий оказания помощи в их и других медицинских учреждениях, дают соответствующие направления для медицинского обследования или отдельных медицинских процедур и рекомендации для лечения в других учреждениях. Это естественные меры, вытекающие из задач и гуманности самой медицинской профессии. Тем не менее следовало бы эту по факту существующую реальность узаконить нормативно. Мы, к сожалению, не обнаружили в нормативных актах, касающихся медицинской деятельности такого обязательного требования. Его несоблюдение с определенностью бы свидетельствовало о недостаточности принятых мер для избежания возможного причинения вреда из-за отсутствия благоприятных технических условий или квалификации медицинского персонала. В то же время нормативное регулирование позволило бы вообще вывести направление больного в то или иное учреждение или на соответствующую процедуру из зоны риска в смысле ст. 41 УК РФ. В современных условиях, где оказание медицинской помощи полностью или частично коммерциализировано, одного профессионализма и гуманности недостаточно для повышения гарантии оказания медицинской помощи.

Но дело, разумеется, не только в осведомленности о возможностях различных медицинских учреждений. В большей мере возможность (невозможность) избежания рискованных действий зависит от технологии оказания медицинской помощи, соблюдения применения (последовательности, продолжительности и т.п.) медицинских процедур, включая

использование инструментария, применения лекарственных препаратов, условий лечения (амбулаторное, стационарное и т.п.).

Таким образом, если даже лечение осуществляется в плановом, несрочном порядке, оно требует соблюдения определенных, как естественных, так и нормативных требований, при которых риск будет исключен или сведен к минимуму.

Условия оказания экстренной медицинской помощи обостряют вопрос возможности избегания риска. Во многих, по-видимому, в большинстве случаев, транспортирование больного в более оснащенное во всех смыслах медицинское учреждение становится невозможным по естественным причинам (требуется срочная операция, переливание крови и т.д.). Чаще всего экстренная помощь связана с травмами (автодорожными или иными транспортными, авариями, катастрофами и т.п.). Нередко ее приходится оказывать в ближайшем медицинском учреждении, например, в районной сельской больнице, где отсутствует, как правило, высокотехнологичное оборудование, а подчас и персонал. Приходится обходится тем, что есть. При этом бессмысленно и абсурдно выдвигать требование, чтобы врач направлял больного в другое учреждение или утверждать, что он не использовал медицинский инструментарий, существующий в других медицинских учреждениях более высокого (областного, республиканского и т.п.) уровня.

Таким образом, возможность избегания рискованных действия и принятия достаточных мер для предотвращения вреда зависят от конкретного болезненного состояния и условий оказания медицинской помощи: что в одних обстоятельствах может быть признано обоснованным, в других обстоятельствах нарушением закона. Это то, что называют вопросом факта. Общих границ допустимости и возможности рискованных действий на все случаи оказания медицинской помощи выработать невозможно.

Судя по известным и рассмотренным судами уголовным делам, обоснование отсутствия состава преступления в действиях медицинских работников встречается редко, однако вряд ли это свидетельствует о том, что правоприменители не используют статью 41 УК РФ об обоснованном риске. Боле обоснованно предположить, что большая часть оценок, связанных с риском в отношении медицинских работников, остается в материалах проверок об отказе в возбуждении уголовных дел либо в прекращенных делах, сведения о которых не попадают в судебную статистику. Кроме того, с учетом того, что статья об обоснованном риске относительно новая, она может скрываться за более общей формулировкой отказа в возбуждении дела или в его прекращении за отсутствием состава преступления.

Следует также учитывать пересечение нормы об обоснованном риске с нормой о крайней необходимости и об определенном их сходстве. Наступление вреда, о котором идет речь в статье 41 УК РФ, характерно и для ситуации крайней необходимости (статья 39 УК РФ). Их сущностное различие состоит в том, что опасность при крайней необходимости приходит из вне, и она лишь заменяется на иную. При обоснованном риске опасность создается действиями самого рискующего лица, и данная норма имеет в виду опасность, создаваемую им самим. При оказании медицинской помощи речь идет об опасности, создаваемой медицинским работником и не существующей до его вмешательства, либо хотя и существующей, но принципиально иной. Например, идет протекание болезненного состояния, нарушающего здоровье человека, но не представляющего непосредственной угрозы для его жизни, а применяемое рискованное лечение, хотя и прогнозируется как эффективное, но такую угрозу создает. В обычных условиях медицинские работники вряд ли будут прибегать к рискованным действиям, так как способов лечения, не связанных с риском, как правило, предостаточно. Но в медицине катастроф и травматическом лечении подобные ситуации вполне возможны. Если же нарушение здоровья, устраняется иным нарушением здоровья, например, разрыв связок коленного сустава устраняется травматическим в иной плоскости хирургическим вмешательством, то оно должно рассматриваться по правилам статьи 39 УК РФ о крайней необходимости, ибо никакого иного качественного вреда эта операция не создает. Опасность осложнений существует уже в наличии помимо нее, и операция, сопровождаемая естественной хирургической травматикой, эту опасность устраняет. Кроме того, хирургическая травматика в подобных случаях является неизбежной «платой» за предотвращение более опасного вреда, тогда как допустимые рискованные действия, исключают подобную неизбежность.

Таким образом, чаще всего медицинским работникам приходится действовать в условиях крайней необходимости, а не обоснованного риска, поскольку неизбежный физический вред в особенности при операбельном лечении является лишь ответной реакцией на уже существующую болезненную опасность, которая устраняется меньшим вредом. В чистом виде норма об обоснованном риске может быть связана с медицинским экспериментом как в области испытания препаратов, так и новых медицинских технологий лечения. Хотя применение ее возможно и в реальной, как уже отмечалось, медицинской практике.

Пересечение норм об обоснованном риске и крайней необходимости в медицинской практике ставит вопрос о реальном значении согласия на совершение в отношении него рискованных действий. Известно, что в медицинской практике лечение больного осуществляется с его согласия. Врачи не прибегают к лечебным мерам или хирургическому вмешательству, если больной не согласен. Однако само по себе согласие на медицинское воздействие, не устраняет нормативное значение положений об обоснованном риске или крайней необходимости и не является условием их осуществления, тем более, что в медицинских условиях его и не всегда возможно получить из-за состояния больного. В связи с этим в уголовном праве и науке давно рассматривается вопрос о вклю-

чении согласия потерпевшего в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния. Однако эта проблема более актуальна для других сфер общественно-полезной деятельности, например, спорта, в особенности таких его видов, как спортивная гимнастика, фигурное катание, где часто результаты связаны с физическими возможностями несовершеннолетних. В медицинской деятельности она самостоятельного значения не имеет.

В некоторых литературных источниках обнаруживается определения медицинского риска и стремление сформулировать его как специфический вид рискованных действий. По мнению О.М. Сариева медицинский риск представляет собой «совершение медицинским работником лечебно-диагностических мероприятий в целях излечения больного при условии отсутствия или неэффективности существующих методов диагностики или лечения, а также проведение медицинских исследований для излечения больных в будущем»[1]. Вряд ли с таким определением можно согласиться. Критикуемый автор значительно сужает сферу применения риска в медицинской деятельности, неосновательно обусловливая ее отсутствием или неэффективностью существующих методов лечения. Как было показано, выше рискованные действия при оказании медицинской помощи вполне реальны, а, по нашему мнению, и более естественно связаны с характером протекания болезни и условиями осуществления лечения. Не вытекает из закона и требование о специальной квалификации рискующих и некоего достаточного опыта их работы[2]. Такие требования хотя и разумны с точки зрения здравого смысла, но в том плане, что они должны учитываться для определения степени риска лицом, принимающим решение о совершение рискованных действий. Однако опыт медицинского работника и наличие специализации не могут быть безусловным препятствием для реализации права на риск. Ибо сами условия риска предполагают неординарность осуществления риска, а не регламентированность его строго формальными требованиями.

Близкие или подобные взгляды высказаны и некоторыми другим юристами[3]. Не убеждает в правильности критикуемой позиции и приводимый пример. Врач при обследовании больной по результатам УЗИ пришел к выводу, что у больной рак щитовидной железы. Больной была произведена операция по полному удалению щитовидной железы. Впоследствии выяснилось, что в ткани больной раковые клетки отсутствовали и злокачественной опухоли на щитовидной железе не было, а хирург поставил диагноз без необходимого гистологического исследования и заключения. Впоследствии больная обратилась с иском о взыскании с медицинского учреждения материального ущерба. Приведенный пример свидетельствует об элементарной медицинской ошибке. Осуществление подобной операции регламентировано медицинскими методиками и не нуждается в каких-либо дополнительных рискованных действиях. Хирург не осуществлял никаких рискованных действий, а допустил грубое нарушение существующей методики лечения. При этом он не может оправдываться, что фактически рисковал, ибо сознательное пренебрежение методиками лечения не вызывалось никакой необходимостью. Кроме того, нельзя смешивать деятельность конкретных лиц с обязательствами, вытекающими из деятельности медицинского учреждения. Непреступность или наоборот преступность действий медицинского работника не может механически переноситься на деятельность учреждения. Если медицинский работник не совершил преступления, – это не значит, что он не совершил и вообще никакого правонарушения и тем более это не исключает гражданско-правовой ответственности учреждения.

В литературе обсуждается вопрос о создании специальной нормы относительно обоснованного риска применительно именно к медицинской деятельности, то есть обоснованного медицинского риска. Мнения, естественно высказываются разные.[4] При этом наблюдается тенденция ограничивать сферу медицинского риска более жесткими требованиями в сравнении с общей нормой. Мы полагаем, что в решении этого вопроса следует исходить из общих требований обоснованного риска, а возможная норма применительно к медицине (если она будет принята) должны конкретизировать положения общей нормы, учитывая сложность медицинской сферы, а не вводить каких-либо принципиальных ее ограничений.

Нельзя, на наш взгляд, нельзя распространять понятие медицинского риска на всю медицинскую деятельность как таковую из допустимого, но абстрактного предположения, что вся медицинская деятельность рискованна. Оно должна касаться конкретной деятельности и конкретных ситуаций и выходить за пределы существующих официально признанных методик в силу неординарности сложившихся условий. В противном случае придется признать всю человеческую жизнь рискованным мероприятием.

Библиографический список

1. Кибальник А.Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников: монография / А.Г. Кибальник, Я.В. Старостина. – М.:Илекса, 2008. – 92 с.

2. Красуцких Л.В., Евстратенко Е.В. Субъективные признаки общественно обоснованного риска в сфере медицинской деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2014. – Том 14. – № 3. – С. 36-40.

[1] Сариев О.М. Обоснованный риск в медицинской деятельности и условия его правомерности // Вестник ТГУ. 2015. № 5 (145).
[2] Сариев О.М. Указ. Сочинение.
[3] Красуцких Л.В., Евстратенко Е.В. Субъективные признаки общественно обоснованного риска в сфере медицинской деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2014.Том 14. № 3. С. 36. См. также: Кибальник А.Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников: монография / А.Г. Кибальник, Я.В. Старостина. М.:Илекса, 2008. 92 с.
[4] См., напр.: Рарог А.И., Понятовская Т.Г. Медицинский риск в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 3. С. 321-331.

3. Сариев О.М. Обоснованный риск в медицинской деятельности и условия его правомерности // Вестник ТГУ. – 2015. – № 5 (145). – С. 246-251.
4. Рарог А.И., Понятовская Т.Г. Медицинский риск в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 32 -331.

Рецензент: Багун Э.А., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

РУБЦОВА АЛЕКСАНДРИНА СЕРГЕЕВНА
доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, 1259933, Садово-Кудринская ул., д.9, Москва, asrubtsova@msal.ru

УСТИНОВА ТАМАРА ДМИТРИЕВНА
профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, 1259933, Садово-Кудринская ул., д.9, Москва, tdustinova@ msal.ru

ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ОТДЕЛЬНЫХ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ И ОСОБО КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ

RUBTSOVA ALEKSANDRINA SERGEEVNA
Associate Professor of the Department of Law Associate Professor of the Chair of Civil Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor, 1259933, Sadovo-Kudrinskaya st., 9, Moscow, asrubtsova@msal.ru

USTINOVA TAMARA DMITRIEVNA
Professor of the Department of Law Associate Professor of the Chair of Civil Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, 1259933, Sadovo-Kudrinskaya st., 9, Moscow, tdustinova@msal.ru

ABUSE OF OFFICE: PROBLEMS OF CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF CERTAIN QUALIFIED AND ESPECIALLY QUALIFIED ELEMENTS

Аннотация: *Настоящее исследование посвящено анализу состава преступления, регламентированного статьей 286 УК РФ, с акцентом на дискуссионные аспекты при вменении квалифицирующих признаков. В работе рассматриваются актуальные вопросы квалификации действий, связанных с превышением должностных полномочий, принимая во внимание законодательные изменения, внесенные Федеральным законом № 307 от 14.07.2022. Значительное внимание уделяется анализу противоречий в теоретическом осмыслении и практическом применении норм о превышении должностных полномочий.*

Ключевые слова: *должностное лицо, превышение должностных полномочий, формы превышения должностных полномочий, квалификация.*

Abstract: *This study is devoted to the analysis of the elements of the crime regulated by Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, with an emphasis on controversial aspects in the imputation of qualifying features. This paper examines current issues regarding the classification of actions related to the abuse of official authority, taking into account legislative changes introduced by Federal Law No. 307 of July 14, 2022. Considerable attention is paid to analyzing the contradictions in the theoretical understanding and practical application of the rules on abuse of official authority.*

Key words: *official, abuse of official powers, forms of abuse of official powers, qualification.*

С момента принятия Уголовного кодекса РФ в 1996 г. редакция содержащихся в ст. 286 основного и квалифицированных составов не изменялась вплоть до 2022 г., когда Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ уголовный закон был дополнен новыми квалифицирующими признаками в части 3, а также были введены особо квалифицированные составы в частях 4 и 5 указанной статьи.

Так, в ч. 3 в настоящее время предусмотрена ответственность за превышение должностных полномочий группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «г»); в отношении несовершеннолетнего (п. «д»); совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (п. «е»).

В настоящей статье хотелось бы остановиться на

некоторых, на наш взгляд, спорных моментах, связанных с применением как вновь введенных квалифицированных составов, так и присутствующих изначально в уголовном законе.

В юридической литературе и в судебной практике существуют некоторые расхождения в определении «главы органа местного самоуправления», являющегося, по мнению законодателя, специальным субъектом ч. 2 ст. 286 УК РФ наряду с лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации. Так, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда № 19 указывается, что под главой органа местного самоуправления «следует понимать только главу муниципального образования – высшее должностное лицо муниципального образования, наделенное уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения». При этом делается ссылка на ст. 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1]. Вместе с тем, существует такое понятие, как «глава администрации муниципального образования (или глава местной администрации»), которым является либо глава муниципального образования (в основном, в поселениях), либо лицо, назначаемое на эту должность по контракту, заключенному по результатам конкурса на замещение данной должности на срок полномочий, определяемый уставом муниципального образования. Глава администрации муниципального образования обладает достаточно широкими полномочиями. В больших муниципальных образованиях, как правило, есть и глава муниципального образования, и глава администрации, поэтому, видимо, следует подойти к определению субъекта ч. 2 ст. 286 УК РФ более вдумчиво, учитывая сложившиеся современные тенденции, и, возможно, внести изменения, прямо указав в ч. 2 ст. 286 УК РФ после слов, а равно – «главой муниципального образования или главой администрации муниципального образования», исключив слова «глава органа местного самоуправления». Как вариант, внести соответствующие изменения в п. 10 приведенного выше постановления Пленума ВС РФ.

На данный момент существует устоявшаяся судебная практика, в соответствии с которой превышение должностных полномочий с применением насилия или угрозой его применения (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) охватывает наступление всех возможных последствий, – от побоев до тяжкого вреда здоровью, что совпадает и с позицией Верховного Суда РФ. Вместе с тем в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда № 19 содержится положение, в соответствии с которым причинение смерти по неосторожности охватывается квалифицированным составом превышения должностных полномочий, указанным в п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, по признаку тяжких последствий. Однако с такой позицией трудно согласиться. Полагаем, что в тех случаях, когда тяжкий вред здоровью повлек за собой наступление смерти, к которому субъект относился по неосторожности, требуется квалификация по совокупности с ч. 4 ст. 111 УК РФ, т.к. санкция ч. 3 ст. 286 УК РФ (до 10 лет лишения свободы) по сравнению с санкцией ч. 4 ст. 111 УК РФ (до 15 лет лишения свободы) является более мягкой и не учитывает более высокую степень общественной опасности совершенного деяния. Прочий перечень возможных последствий, которые могут быть оценены как тяжкие, приведенный в упомянутом пункте 21, не вызывает возражений, в частности, «самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.»[2].

В юридической литературе в свое время так же было высказано мнение о том, что если в ходе преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, смерть причиняется по неосторожности, то данный факт требует самостоятельной квалификации[3].

Новый квалифицированный состав превышения должностных полномочий – совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Законодательное закрепление данных групповых форм соучастия было необходимо в связи с тем, что участились случаи превышения должностных полномочий двумя и более лицами. Особо следует остановиться на последнем из перечисленных признаков.

Преступление, совершенное организованной группой, основывается на установлении устойчивых связей между ее участниками, которые объединились с целью совершения одного или нескольких преступных деяний. В такой группе присутствует руководитель (организатор), существует распределение ролей. Все участники организованной группы несут ответственность за оконченное преступление независимо от объема совершенных ими действий. Важно, что в организованную группу могут входить и лица, не наделенные должностными полномочиями, и выполняющие в ней возложенные на них действия, обеспечивающие превышение полномочий должностным лицом (лицами). Вместе с тем, все участники организованной группы привлекаются по п. «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Признание возможности присутствия в составе организованной группы в преступлении со специальным субъектом и иных лиц в последние годы поддерживается и учеными, и судебными органами, в решениях которых это можно установить. Видимо, уже назрела необходимость внести соответствующие изменения в ч. 4 ст. 35 УК РФ, включив в отдельный абзац положение следующего содержания: «Лицо, не являющееся специальным субъектом, может входить

[1] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 23.03.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 8 октября. № 202.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. № 207 (5031).

[3] Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. С. 167; Бардеев К.А. Сравнительный анализ судебной практики по ч. 3 ст. 286 УК РФ // Очерки новейшей камералистики. 2021. № 1. С. 98-101.

в состав организованной группы. В этом случае оно подлежит ответственности наряду со специальным субъектом за оконченное преступление».

Нельзя не обратиться к анализу санкции ч. 3 ст. 286 УК РФ, в которой появился рассматриваемый отягчающий ответственность признак. Сравнение приведенной санкции с санкцией ч. 3 ст. 111 УК РФ показывает, что тяжкий вред здоровью, причиненный группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ) влечет макисмальное наказание до 12 лет лишения свободы, в то время как максимальное наказание по ч. 3 ст. 286 УК РФ, содержащий одноименный признак, и плюс еще включающий и тяжкий вред здоровью предусматривает лишь максимальное наказание до 10 лет лишения свободы. Продолжая далее, следует отметить, что санкция ч. 3 ст. 286 УК РФ, в которой содержатся фактически пять квалифицированных достаточно серьезных составов преступления имеет минимальный предел лишения свободы в 3 года, в то время как деяние без отягчающих обстоятельств, квалифицируемое по ч. 1 ст. 286 УК РФ, наказывается до 4 лет лишения свободы. Налицо явная недооценка степени общественной опасности квалифицированных составов, что требует, на наш взгляд, внесение соответствующих изменений в уголовный закон.

Новый вид особо квалифицированного состава преступления содержится в ч. 4 ст. 286 УК РФ и охватывает деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей данной статьи, совершенные с применением пытки. Понятие пытки приводится в Примечании 1 к ст. 286 УК РФ. Под пыткой понимается «любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера». Ранее определение пытки было дано в Примечании к статье 117 УК РФ следующего содержания: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях». Новое определение носит более широкий характер, однако, как представляется, из него выпало важное указание на то, что человека понуждают к действиям, противоречащим его воле. Помимо этого, трудно представить пытку, которая облекается внешне в форму бездействия, тем более что законодатель противоречит сам себе, говоря о том, что при пытке «умышленно причиняется...». Вместе с тем содержание пытки, ее особенности как наиболее жестокого способа обращения с потерпевшим описаны крайне скудно, более пространно перечислены цели ее применения, но не ее характеристики. Нравственные страдания человек может испытывать и при высказывании в его адрес всего лишь какой-либо угрозы. При таком подходе законодателя под описание пытки скорее подойдет формулировка ряда статей из главы 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». Например, п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ (Истязание) или п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ: «с особой жесткостью, издевательством и мучением». Как уже отмечалось, пытка была исключена из числа квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ст. 117 УК РФ, но создается впечатление, что она осталось, и ее содержание сформулировано другими словами, более подходящими для этого феномена. В юридической литературе предлагается, в частности, при определении физических страданий руководствоваться положениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15. 11. 2022 г. № 38 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»[4], в соответствии с которыми под физическими страданиями следует понимать физическую боль, связанную с повреждением здоровья, либо заболевание[5]. Однако сильную боль можно испытывать и при причинении тяжкого вреда здоровью в результате нанесения, к примеру, единичного удара. Пытка же предполагает некий процесс в течение какого-то времени. Вывод из приведенных рассуждений заключается в необходимости пересмотра определения понятия пытки в УК РФ. На наш взгляд, следует поддержать новую формулировку пытки, предлагаемую в научных работах, которая определяет ее «как крайнюю степень проявления истязания, характеризующегося особой жестокостью, изощренностью способов воздействия на организм человека, силой причиненных ему мучений и страданий...»[6].

Думается, что законодатель, определив понятие пытки в главе о должностных преступлениях и одновременно исключив этот квалифицирующий признак из ч. 2 ст. 117 УК РФ, заранее предопределил, что субъектом, применяющим пытку, может быть только должностное лицо, хотя это далеко не так.

Разновидностью превышения должностных полномочий является принуждение к даче показаний конкретных участников уголовного процесса со стороны следователя, лица, производящего дознание или иного сотрудника правоохранительного органа с применением пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ). Следовательно, в ст. 302 УК РФ содержится специальная норма, которая в силу положений ст. 17 УК РФ должна применяться в подобных случаях, а не ч. 4 ст. 286 УК РФ.

[4] Российская газета. 2022. № 67. 25 ноября

[5] Суспицина Т.П. Применение насилия и пытки как признаки превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): проблемы законодательной регламентации // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке. Уголовная ответственность за должностные преступления. 2023. № 4. С. 100.

[6] Нуркаева Т.Н. Применение насилия и пытки как признаки превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): проблемы законодательной регламентации // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке. Уголовная ответственность за должностные преступления. 2023. № 4. С. 68.

К слову, санкция ч. 3 ст. 302 УК РФ идентична санкции ч. 4 ст. 286 УК РФ.

Возвращаясь к определению субъекта, применяющего пытку, необходимо отметить, что им может быть не только должностное лицо, но и иное лицо, не являющееся таковым, если оно применяет ее «с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание или иного сотрудника правоохранительного органа». Такой вывод вытекает из дословного текста диспозиции ст. 302 УК РФ.

В ч. 5 ст. 286 УК РФ предусмотрена ответственность за деяния, выразившиеся в превышении должностных полномочий с применением пытки, повлекшие по неосторожности смерть человека или причинение тяжкого вреда здоровью. В данном случае в уголовном законе предусмотрено преступление с двумя формами вины, при совершении которого имеет место умысел в отношении превышения должностных полномочий, осознанное применение пытки и неосторожное отношение к смерти или тяжкому вреду здоровью. Если пытка привела к легкому или средней тяжести вреда здоровью содеянное надлежит квалифицировать по ч. 4 ст. 286 УК РФ.

Вместе с тем формулировка ч. 5 ст. 286 УК РФ вызывает некоторые вопросы. Использование в диспозиции части 5 прилагательного «повлекшие» во множественном числе говорит о том, что субъект неосторожно относился и к смерти, и к тяжкому вреду здоровью. Но как быть в том случае, когда лицо имело умысел на причинение тяжкого вреда здоровью именно в результате применения пытки, чтобы доставить потерпевшему особые мучения и страдания? Квалифицировать содеянное по ч. 4 ст. 286 УК РФ? Как быть в тех случаях, когда такой тяжкий вред здоровью повлек смерть потерпевшего, к которой лицо относилось неосторожно? Видимо, квалифицировать по ч. 5 ст. 286 УК РФ.

Как уже отмечалось ранее, законодатель признал отягчающим обстоятельством превышение должностных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности (п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Данные понятия достаточно хорошо разработаны в науке уголовного права, представлены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (в ред. от 11.06.2020). Как представляется, суть такого деяния заключается в том, что корыстный мотив реализуется из источника, имеющего отношение к непосредственной деятельности должностного лица (выплата премии, повышение зарплаты и т.д.). Но как быть в том случае, когда корыстный мотив, определяющий решение превысить свои полномочия, реализуется за счет получения взятки от третьих лиц? По сути, должностное лицо совершает незаконные действия, что подразумевает квалификацию по ч. 3 ст. 290 УК РФ, но такие действия в принципе должны входить в его полномочия, но нет оснований для их совершения. В нашем же примере совершаемые действия выходят за пределы полномочий. Полагаем, что подобные случаи следует квалифицировать по п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ и по ч. 3 ст. 290 УК РФ.

В заключение следует отметить, что превышение должностных полномочий согласно законодательному определению, состоит в «совершение действий, явно выходящих за пределы полномочий» должностного лица. Следовательно, и основной, и квалифицированный, а так же особо квалифицированные составы совершаются только в форме действия(ий). Поэтому вызывает возражение имеющееся в юридической литературе мнение, что данное преступление может совершаться и в форме бездействия[7]. Подтверждение этому мы находим и при анализе отглагольного причастного прилагательного «выходящих», которое говорит о поведении человека, его поступке, а не о воздержании от него. В толковых словарях слово «превышение» означает «выйти за установленные пределы, пределы прав, полномочий»[8]. При бездействии лицо не только не превышает установленные для него полномочия, но вообще не исполняет их.

Библиографический список

1. Бардеев К.А. Сравнительный анализ судебной практики по ч. 3 ст. 286 УК РФ // Очерки новейшей камералистики. – 2021. – № 1. – С. 98-101.

2. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юристъ, 2000. – 367 с.

3. Нуркаева Т.Н. Применение насилия и пытки как признаки превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): проблемы законодательной регламентации // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке. Уголовная ответственность за должностные преступления. – 2023. – № 4. – С. 62-68.

4. Суспицина Т.П. Новое в уголовно-правовой оценке пытки // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке. Уголовная ответственность за должностные преступления. – 2023. – № 4. – С. 95-105.

5. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Азъ, 1994. – 907, [1] с.; 27 см.

6. Шиханов В.Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 176 с.

Рецензент: Воронин В.Н., к.ю.н., доцент кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[7] Шиханов В.Н. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 82.

[8] Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. - 907, [1] с.; 27 см.

Раздел четвертый

ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ГОРИНОВ ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ
заместитель начальника юридического отдела Некоммерческой организации «Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан», 420107, Республика Татарстан, г Казань, Петербургская ул, зд. 50 к. 24, Email: vlad-1797@mail.ru

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ В ВЕНЧУРНЫХ ПРОЕКТАХ

GORINOV VLADISLAV ANDREEVICH
Deputy Head of Legal Department Non-profit organization «Investment and Venture Fund of the Republic of Tatarstan», 420107, Republic of Tatarstan, Kazan, Peterburgskaya st., building. 50 k. 24, Email: vlad-1797@mail.ru

METHODS OF PROTECTING THE RIGHTS OF INVESTORS IN VENTURE PROJECTS

Аннотация. *Одной из тенденций развития современного права выступает активное развитие правового института венчурного инвестирования, являющегося комплексным, межотраслевым правовым институтом, правовое регулирование которого осуществляется нормами различных отраслей права, в том числе и гражданского – в частности, гражданское законодательство закрепляет правозащитные способы. Актуальность исследования проблематики способов защиты прав инвесторов в венчурных проектах обусловлена рядом взаимосвязанных факторов: угрозы национальной безопасности в условиях современной геополитической обстановки в мире; востребованность инвестирования в венчурные проекты в современной экономике; стремительное развитие цифровых технологий; появление новых форм мошенничества; недостатки действующей системы нормативно-правового регулирования; сложности защиты прав инвесторов в юридической практике; международный опыт развития рынка инвестиций. В этой связи на данном этапе развития цивилистических наук и венчурных инвестиций данная проблематика приобрела особую актуальность. В рамках исследования установлено, что судебная практика в подавляющем большинстве случаев складывается не в пользу субъектов инвестирования, что позволяет констатировать отсутствие эффективного механизма защиты прав субъектов венчурного инвестирования. По итогам проведенного исследования автором сделан вывод, что в настоящее время основной упор необходимо делать на повышение роли альтернативных способов урегулирования правовых конфликтов и защиты нарушенных прав субъектов венчурного инвестирования.*

Ключевые слова: *защита прав, способы защиты прав, общие гражданско-правовые способы защиты, венчурное инвестирование, субъекты инвестирования.*

Annotation. *One of the trends in the development of modern law is the active development of the legal institution of venture investment, which is a complex, intersectoral legal institution, the legal regulation of which is carried out by the norms of various branches of law, including civil law - in particular, civil legislation fixes human rights methods. The relevance of the study of the problem of methods of protecting the rights of investors in venture projects is due to a number of interrelated factors: threats to national security in the context of the current geopolitical situation in the world; the demand for investing in venture projects in the modern economy; the rapid development of digital technologies; the emergence of new forms of fraud; defects in the current system of legal regulation; the difficulties of protecting the rights of investors in legal practice; international experience in the development of the investment market. In this regard, at the current stage of development of civil sciences and venture investments, this issue has acquired particular relevance. The study found that judicial practice in the overwhelming majority of cases is not in favor of investment entities, which allows us to state the lack of an effective mechanism for protecting the rights of venture investment entities. Based on the*

results of the study, the author concluded that the primary focus currently needs to be on enhancing the role of alternative methods for resolving legal conflicts and protecting the violated rights of venture capital investors.

Keywords: *protection of rights, methods of protecting rights, general civil law protection methods, venture capital investing, investment entities.*

Исследователь проблематики правового регулирования венчурного инвестирования Р.М. Янковский в своем диссертационном труде небезосновательно замечает, что недостаток венчурных инвесторов на российском рынке обусловлен в том числе несовершенством законодательства, которое предприниматели из года в год отмечают в качестве одного из основных барьеров развития инновационной экономики в России, и несовершенством сформировавшейся на сегодняшний день системы способов защиты прав инвесторов в венчурных проектах и практики их применения[1].

Действительно, обеспечение надлежащей защиты признаваемых обществом интересов субъектов гражданского права предстает в качестве приоритетной задачи гражданско-правового регулирования в целом, а наличие эффективного механизма защиты субъективных гражданских прав и правовых интересов является неотъемлемым условием формирования подлинного гражданского общества и правового государства[2].

Прежде, чем рассматривать конкретные способы защиты прав инвесторов в венчурных проектах, необходимо определиться с тем, что представляют собой способы защиты прав в их общеправовом понимании. «Сама сущность способа защиты подразумевает требования, определяющие сам порядок защиты»[3].

Понятие способов защиты прав достаточно подробно разработано в цивилистике. Так, А.П. Сергеев определяет способы защиты гражданских прав как «закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя»[4].

Большая вариативность мнений правоведов наблюдается в части классификации способов защиты прав. Так, по субъектному критерию выделяются судебный, административный способы и способ самозащиты[5]. По властному критерию предлагается различать централизованные и децентрализованные способы[6].

По отраслевому критерию можно выделять гражданско-правовые, трудоправовые, административно-правовые, уголовно-правовые и другие способы. В зависимости от использования в рамках крупных подсистем системы права – частноправовые и публично-правовые способы, материально-правовые и процессуально-правовые, внутригосударственные и международно-правовые, наконец, способы, применяемые в рамках реального и виртуального (цифрового) права.

Отдельные исследователи предлагают такую классификацию способов защиты прав, которая базируется на объеме их применения в конкретных правоотношениях. При таком подходе можно вести речь об универсальных и специальных способах[7]. Так, к общим предполагается относить способы, предусмотренные гражданским законодательством для защиты всех субъективных гражданских прав[8]. На наш взгляд, подобный подход при всей его простоте не лишён недостатков, поскольку не все предусмотренные ст. 12 Гражданского кодекса РФ способы защиты могут быть применены для защиты непосредственно всех гражданских прав субъектов конкретных правоотношений. Так, если рассматривать данный вопрос на заявленной в теме настоящей статьи проблематике, то затруднительно утверждать о возможности применения в целях защиты нарушенных прав инвесторов в венчурных проектах таких «универсальных» частноправовых способов, как «признание недействительным решения собрания», признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону». И, напротив, с учетом современного уровня развития венчурных инвестиций не исключено, что потребуется разработка новых форм и способов защиты, которые в обозримом будущем могут претендовать на роль общих гражданско-правовых способов защиты.

Достаточно распространённой является классификация правозащитных способов, предложенная профессором В.В. Витрянским и впоследствии заимствованная отдельными исследователями с рядом модификаций. Учёный предлагает разграничивать правозащитные способы по критерию «характера последствий их применения». Соответственно обозначаются следующие способы защиты гражданских прав:

1) позволяющие подтвердить (удостоверить) право или прекратить (изменить) обязанность;

[1] Янковский Р.М. Правовое регулирование венчурного инвестирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 3-4.
[2] Любкина Н.А., Лубский Р.А. Проблемы защиты субъективных гражданских прав в Российской Федерации // Юристъ – Правоведъ. 2018. № 1 (84). С. 121.
[3] Титова Н.К. Основные способы (виды) защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 76.
[4] Латыпов Д.Н. Эволюция взглядов на способы защиты гражданских прав // Закон и право. 2022. № 1. С. 118.
[5] См.: Там же. С. 119.
[6] См.: Титова Н.К. Там же. С. 76.
[7] См.: Латыпов Д.Н. Там же. С. 119.
[8] См.: Там же.

2) предупреждающие (пресекающие) нарушение права;

3) восстанавливающие и (или) компенсирующие потери потерпевшего[9].

В доктрине представлены и другие позиции по вопросу о способах защиты гражданских прав. Следует подробнее остановиться на формах и способах защиты прав инвесторов в венчурных проектах.

Проблематика избрания надлежащих и эффективных способов защиты прав инвесторов в венчурных проектах в настоящее время приобретает особую актуальность в связи с высоким количеством нарушений в данной сфере. Актуальные статистические данные наглядно демонстрируют следующую картину. В последнее время в отечественном рынке инвестиций по-прежнему наблюдается весьма широкая распространенность различных недобросовестных практик, нарушения прав субъектов инвестирования. Согласно свежим официальным государственным и корпоративным данным за первые три квартала 2025 года, показатели находятся на критическом уровне, наблюдается рекордный рост нарушений[10]. Прослеживается негативная тенденция ослабления защиты субъективных прав потребителей финансовых услуг. Так, общее количество жалоб в Банк России возросло на 18,6% до 182,4 тысяч обращений - самый высокий показатель за последние семь лет наблюдений[11]. В свою очередь, масштабность проблематики нарушений прав выявлена и Службой финансового уполномоченного: произошло увеличение количества обращений на 19% до 78 тысяч случаев. Это означает, что почти каждый второй конфликт (42,8%) решается через досудебного финансового омбудсмена[12].

Возросла численность жалоб на брокеров и профессиональных участников (за 3 квартала предыдущего года – около 7000–7500, то есть рост на 27–36%. Среди главных нарушений – недобросовестное тестирование инвесторов», «скрытые комиссии и неисполнение поручений, технические сбои, потеря связи с биржей в критические моменты, абсурдные случаи навязывания услуг[13]. Только за первую половину года ЦБ выявил 4183 субъекта с признаками нелегальной деятельности (+20% к 2024)[14], среди которых присутствуют финансовые пирамиды, нелегальные брокеры. Весьма распространены случаи блокировки активов. Так, совокупный объем заблокированных активов составляет около 800 млрд рублей по различным оценкам[15].

Нарушения прав субъектов инвестирования имеют своим последствием нанесение экономического ущерба, причём в первую очередь речь идет о финансовом мошенничестве, урон от которого только за первые 5 месяцев предыдущего года возрос на 20%: 81 млрд руб. (официально зафиксированный ущерб)[16]. По расчетам экспертов, совокупный ущерб инвесторов и потребителей финансовых услуг может превысить 1,2 трлн рублей в 2025 году[17], что сопоставимо с 1% ВВП Российской Федерации.

Как обоснованно заявляют эксперты, в России должна действовать презумпция добросовестности для частных инвесторов в кейсах, где юридические претензии выдвигает государство[18], что будет способствовать росту доверия субъектов инвестирования.

При рассмотрении проблемы способов защиты прав инвесторов в венчурных проектах нельзя не принимать во внимание сформулированные правоприменительной судебной практикой правовые позиции. Так, необходимо уделять внимание тому, чтобы избранный правозащитный способ отвечал критерию надлежащего способа, что позволит освободиться от необходимости применять другие правозащитные способы. Под надлежащим правозащитным способом судебная практика понимает «такие меры, после принятия которых у истца отпадает необходимость защищать то же право другими способами»[19].

Выбираемый способ правовой защиты должен быть актуальным именно в данный конкретный момент, то есть он должен быть направлен на защиту от уже имеющегося нарушения либо на пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения[20]. Это объясняется тем, что ст. 12 Гражданского кодекса РФ и другими гражданско-правовыми нормами не закреплена возможность защиты гражданских прав от предполагаемого в будущем нарушения[21], в частности, присуждение к исполнению обязанности, которая возникнет в будущем[22]. Кроме того, следует иметь ввиду, что подлежит защите толь-

[9] Латыпов Д.Н. Там же. С. 119.

[10] Обзор Финпотребсоюза нарушений прав потребителей финансовых услуг и розничных инвесторов в России за 9 месяцев 2025 года // ФинПотребСоюз. URL: https://finpotrebsouz.ru/analytics/obzor-finpotrebsoyuza-narushenij-prav-potrebitelej-finansovyh-uslug-i-roznichnyh-investorov-v-rossii-za-9-mesyacev-2025-goda?ysclid=mldt980iss410827508 (дата обращения: 09.02.2026).

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] «Ложка дегтя»: как нарушение прав инвесторов мешает росту фондового рынка // РБК. URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/68cd57229a7947f55cc5ec3b?ysclid=mldt8iamek806721876&from=copy (дата обращения: 09.02.2026).

[19] Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 02 июня 2022 г. по делу № 33-157/2022 // СПС «Гарант»; Апелляционное определение СК по гражданским делам Липецкого областного суда от 23 августа 2021 г. по делу № 33-2871/2021 // СПС «Гарант».

[20] Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // Там же.

[21] Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 ноября 2008 г. № 13915/08 // СПС «Гарант».

[22] Там же.

ко нарушенное право, а не предполагаемое[23].

Необходимо учитывать, что Гражданский кодекс РФ не ставит использование общих гражданско-правовых способов защиты гражданских прав в зависимость от наличия специальных способов[24], на что было обращено внимание конституционно-судебной практики. Данный правовой подход нашёл отражение также в практике Верховного Суда России[25] и нижестоящих инстанций – судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Следует подчеркнуть, что неэффективность одного из выбранных правозащитных способов не препятствует продолжению принятия активных действий по защите нарушенных прав инвесторов, поскольку Гражданский кодекс РФ не содержит норм о том, что защита субъективных прав допустима только каким-то одним конкретным способом. Конституционный Суд РФ в одном из своих определений признал, что выбор способа защиты права принадлежит субъекту права, который вправе воспользоваться как одним из них, так и несколькими способами[26]. Данный подход получил последовательное развитие в практике Верховного Суда РФ[27] и нижестоящих судов.

Применительно к проблематике заявленной статьи один из наиболее распространенных в нашем государстве правозащитных способов, а именно судебный способ защиты субъективных прав инвесторов может быть реализован через арбитражный суд, куда может обратиться любой инвестор, в том числе и физическое лицо. Так, в последнее время Верховный Суд РФ последовательно отстаивает правовую позицию, согласно которой деятельность квалифицированного инвестора не может быть приравнена к деятельности, направленной на удовлетворение личных нужд, к ней применяются положения законодательства о ценных бумагах и она не может быть урегулирована положениями законодательства о защите прав потребителей, даже в отсутствие у инвестора, признанного квалифицированным, статуса индивидуального предпринимателя[28], в связи с чем требования о защите субъективных прав квалифицированных инвесторов подлежат рассмотрению в порядке арбитражного судопроизводства.

Анализируя судебную практику по делам о защите субъективных прав субъектов инвестирования, можно выявить следующую тенденцию. С одной стороны, гражданское законодательство закрепляет достаточно внушительный перечень способов защиты гражданами субъективных прав, а век цифровизации решает проблему доступности для населения нормативно-правовой информации благодаря информационным правовым системам («Гарант», «Консультант»), что позволяет выдвинуть предположение об осведомленности субъектов инвестирования со способами защиты своих нарушенных прав.

С другой стороны, практика свидетельствует об обратном – в рамках конкретных инвестиционных правоотношений права «слабой» стороны систематически нарушаются, причём далеко не всегда ввиду незнания законодательных норм, но зачастую вследствие злоупотребления субъективными правами, неисполнения взятых на себя юридических обязанностей. В свою очередь, лица, чьи субъективные права были нарушены, далеко не всегда обращаются за их защитой, в связи с отсутствием целостной картины о правозащитных способах либо неверия в их эффективность. Судебная практика также в подавляющем большинстве случаев складывается не в пользу субъектов инвестирования, что позволяет констатировать отсутствие эффективного механизма защиты прав субъектов венчурного инвестирования.

Приведем показательный пример из свежей судебной практики, в котором наглядно показано, как профессиональные инвесторы нарушают права «слабой» стороны правоотношения, отказывают в расторжении договора, возврате вложений со ссылкой на венчурный характер проекта. Истец решил участвовать в венчурном инвестиционном проекте. При этом, как обосновано замечено судебной инстанцией, «истец, будучи непрофессиональным участником данного сегмента экономической деятельности, не могла в полном объеме осознавать, что инвестиционный капитал предназначен для финансирования нового проекта (стартапа) и поэтому сопряжен с высокой или относительно высокой степенью риска»[29]. В силу наличия между сторонами конкретного инвестиционного правоотношения истец вполне обоснованно ожидает, а при наступлении определённых условий вправе «требовать соответствующих выплат (получать иные материальные блага), и это центральный элемент в понимании, как правового положения инвестора, так и сущности инвестирования вообще»[30]. Профессиональный участник рынка в данном деле допустил такие злоупотребления (суд прямо указал, что его поведение не отвечает признакам добросовестного поведения применительно к положениям ст. 10 ГК РФ[31]) как безвозмездное пользование вложенными деньгами со ссылкой на венчурный характер проекта, запрет выхода из проекта и расторжения

[23] Апелляционное определение СК по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 04 марта 2020 г. по делу № 33-3-1444/2020 // СПС «Гарант»; также: Апелляционное определение СК по гражданским делам Вологодского областного суда от 21 июня 2019 г. по делу № 33-3587/2019 // СПС «Гарант».

[24] Определение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2006 г. № 80-О // СПС «Гарант».

[25] См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2018 г. № 78-КГ18-57 // СПС «Гарант».

[26] Определение Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 1831-О // СПС «Гарант».

[27] См.: Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 апреля 2022 г. № 71-КГ22-4-К3 // СПС «Гарант».

[28] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 305-ЭС25-8687 по делу № А40-230895/2024 // СПС «Гарант».

[29] Решение Центрального районного суда г. Омска Омской области от 09 апреля 2024 г. по делу № 2-1643/2024 // СПС «Гарант».

[30] Там же.

[31] Там же.

договора, причём все риски участия были отнесены на гражданина, несмотря на то что по своему статусу он является «слабой» стороной, не обладает профессиональными знаниями в соответствующей сфере. Истцом не был получен минимально гарантированный доход, который он обоснованно мог ожидать, если бы вторая сторона договора действовала добросовестно. Подобное положение свидетельствует о наличии явного дисбаланса в правовых возможностях сторон конкретного инвестиционного правоотношения. В итоге исковые требования о расторжении договора и возврате вложений были удовлетворены в полном объёме.

Достаточно важна следующая позиция суда по вышеозначенному делу: «недостаток финансирования и иные проблемы компании для дальнейшей реализации проекта не принимаются во внимание, так как до заключения договора с истцом и привлечения средств истца, ответчик мог и должен был предвидеть все возможные предпринимательские риски своего долгосрочного проекта»[32].

Одна из причин того, почему инвесторам далеко не всегда удается достичь юридической справедливости на судебном уровне – сформулированная судебной практикой и основанная на гражданском законодательстве правовая позиция, в соответствии с которой избрание судебного способа защиты и средства защиты является правом заинтересованного лица (ст. 12 ГК РФ), однако реализация данного права безусловную обязанность суда по защите заявленного заинтересованным лицом права (интереса) не предопределяет[33]. С одной стороны, подобный подход видится отвечающим критерию справедливости, ибо в противном случае возникла бы парадоксальная ситуация, когда любое недобросовестное лицо сразу в момент обращения в суд было бы уверено в безусловном принятии судебного решения в его пользу. С другой стороны, отсутствие обязанности суда по защите любого заявленного истцом права должно сочетаться с отсутствием формального подхода и повышенным вниманием к проблеме реальной исполнимости судебного акта. Так, один из недостатков судебного способа защиты прав субъектов инвестирования состоит в том, что зачастую данный способ заканчивается лишь формальным вынесением законного и справедливого судебного акта, а вопросу его фактического исполнения, то есть реальной защиты и восстановления попранных субъективных прав уделяется явно недостаточно внимания. Согласно данным, представленным в отчете за 2024 год об исполнении арбитражных решений по инвестиционным соглашениям, Россия заняла третье место в мире по количеству неисполненных решений (всего десять)[34].

В этой связи необходимо согласиться с мнением тех ученых (в частности, В.В. Бутнев), которые утверждают, что такая, на первый взгляд, сильная сторона судебного правозащитного способа, как универсальный характер субъективного права на обращение в суд, присущий современному этапу государственно-правового развития, повлек за собой излишнюю загруженность субъектов, осуществляющих правосудие[35], а в таком случае вряд ли следует возлагать надежды на детальный, не формальный подход к каждому конкретному делу и полноценную защиту нарушенных субъективных прав в каждом конкретном случае. Справедливости ради отметим, что в данном вопросе сделаны определённые шаги: так, с осени 2024 года повышен размер государственной пошлины при обращении в арбитражный суд. Вместе с тем, на наш взгляд, данную проблему необходимо решать, конечно же, не снижением доступности правосудия (что неконституционно и несправедливо), но повышением роли альтернативных способов урегулирования правовых конфликтов и защиты нарушенных прав субъектов венчурного инвестирования.

В свете заявленной проблематики защиты прав субъектов инвестирования представляется особенно важным сделать акцент на том, что предусмотренный в ст. 12 ГК РФ перечень способов защиты гражданских прав не является исчерпывающим[36]. Судам следует учитывать современные тенденции развития социальных отношений, поощрять автономию воли сторон в вопросе избрания конкретных правозащитных способов. При этом немаловажно отметить, что использование истцом способа защиты права, не указанного в ст. 12 ГК РФ, не является безусловным основанием для отказа в иске[37].

В качестве иных правозащитных способов применительно к проблематике субъективных прав инвесторов, которые прямо не указаны в ст. 12 ГК РФ, но отвечают требованиям законодательства и квалифицируются сформировавшейся судебной практикой в качестве допустимых и легальных, можно выделить следующие:

- суд в качестве способа защиты нарушенного права может обязать ответчика не только воздерживаться от совершения каких-либо действий, но и совершить какие-либо действия[38];

- ведение видеозаписи (в том числе, и скрытой камерой) в местах, очевидно и явно открытых для

[32] Решение Центрального районного суда г. Омска Омской области от 09 апреля 2024 г. по делу № 2-1643/2024.
[33] Определение СК по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 05 мая 2022 г. по делу № 8Г-3698/2022[88-4483/2022 // СПС «Гарант».
[34] Инвестиционный арбитраж сегодня: текущие споры и перспективы их разрешения // pravo.ru. URL: https://pravo.ru/story/260053/ (дата обращения: 09.02.2026).
[35] См.: Любкина Н.А., Лубский Р.А. Там же. С. 125.
[36] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 г. № 3-П // СПС «Гарант».
[37] Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 12 июля 2005 г. № КГ-А40/5826-05-П // СПС «Гарант».
[38] Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 января 2013 г. № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // СПС «Гарант».

общего посещения и не исключенных в силу закона или правового обычая от использования видеозаписи, является элементом соразмерного и допустимого способа самозащиты гражданского права[39].

Вместе с тем не всякий «иной» правозащитный способ может быть применен субъектом инвестиционных правоотношений, несмотря на открытость перечня правозащитных способов, закрепленных в ст. 12 Гражданского кодекса России. К числу таковых судебная практика не относит следующие способы:

- требование о признании права на заключение договора[40];

- установление и признание факта заключения договора, так как констатация судом факта заключенности договора автоматически не понуждает ответчика к его исполнению[41];

- требование о признании незаконными действий юридического лица по исполнению гражданско-правового обязательства[42];

- обязание стороны исполнить обязательства по договору[43];

- признание не подлежащим исполнению обязательства[44];

- признание незаконными действий (бездействия) другой стороны гражданского правоотношения[45];

- признание права на требование убытков, установление мер и оснований ответственности[46];

- требование о соблюдении законодательства не является способом защиты, обеспечивающим восстановление нарушенного права, поскольку соблюдение закона является обязанностью всех граждан и организаций[47].

В качестве специальных способов защиты субъективных прав инвесторов предлагается выделять, в частности, льготы и преференции. Так, Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»[48] устанавливает основные цели государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в России, в числе которых развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в целях формирования конку рентной среды в экономике Российской Федерации; увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства и т.д.

Большой правозащитный потенциал содержат разнообразные договорные механизмы. Так, в данном ряду можно назвать соглашения между инвесторами и компанией, осуществляющей реализацию инновационного проекта[49], управление и права на получение информации, защита инвестора от размытия доли[50], полное снижение цены (full ratchet); средневзвешенная цена (weighed average ratchet); условие «Плати и играй» (pay to play)»[51], право «вето» при решении вопросов, преимущественное право, условия присоединения новых участников к условиям соглашение акционеров на уровне договора[52], условия продажи акций. Защита инвестора от смены состава участников компании (kight of first refusal/right of first offer/lock-up period) преследует цели обеспечения стабильности со става участников и защиты от недружественного поглощения в случае, если кто-либо из участников намерен выйти из компании посредством отчуждения своей доли третьему лицу[53].

Следующий специальный правозащитный способ – ликвидационные привилегии (liquidation preferences). По своей экономической сути данный механизм представляет из себя возможность получения инвестором определенной денежной суммы или иного имущества (размер которых, как правило, привязан к сумме вложенных инвестиций) в приоритетном перед другими участниками совместного предприятия порядке при наступлении определенных условий. Наиболее часто положения о ликвидационных привилегиях включаются в корпоративный договор[54]. При этом такие привилегии распространяются не только на ситуацию ликвидации компании. Несмотря на отсутствие в настоящее время прямого нормативно-правового регулирования данного вопроса, указанный правовой механизм является распро-

[39] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 июня 2021 г. N С01-699/2021 по делу № А56-62021/2020 // СПС «Гарант».

[40] Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28 апреля 2011 г. по делу № А32-8941/2009 // СПС «Гарант».

[41] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 сентября 2018 г. № Ф02-3609/18 по делу № А33-24220/2017 // СПС «Гарант».

[42] Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2012 г. № ВАС-16812/12 // СПС «Гарант».

[43] Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 8 октября 2002 г. № Ф04/3769-1475/А45-2 // СПС «Гарант».

[44] Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12 июля 2011 г. N Ф01-2421/11 по делу N А31-5384/2010 // СПС «Гарант».

[45] Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 августа 2012 г. № Ф08-4517/12 по делу № А53-26929/2011 // СПС «Гарант».

[46] Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 декабря 2012 г. № ВАС-16662/12 // СПС «Гарант».

[47] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 февраля 2022 г. № 80-КГ21-13-К6 // СПС «Гарант».

[48] Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.12.2025) // СПС «Гарант»

[49] Курилов К.Ю., Колачева Н.В. К вопросу о защите прав инвесторов при осуществлении инновационных проектов // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 86-87.

[50] Там же. С. 87.

[51] Там же. С. 88.

[52] Там же. С. 89.

[53] Там же. С. 89.

[54] Филатов А.А. Основания применения ликвидационной привилегии в хозяйственных обществах как механизма защиты прав и интересов инвесторов в российской правовой системе // Гражданское право. 2024. № 3. С. 31.

страненным и важным условием в инвестиционных (особенно в венчурных) сделках в мировой практике, периодически встречается и в отечественной практике[55].

По итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы и рекомендации по разрешению выявленных проблем. В рамках конкретных инвестиционных правоотношений права «слабой» стороны систематически нарушаются. В свою очередь лица, чьи субъективные права были нарушены, далеко не всегда обращаются за их защитой, в связи с отсутствием целостной картины о правозащитных способах либо неверия в их эффективность. Судебная практика также в подавляющем большинстве случаев складывается не в пользу субъектов инвестирования, а виновные лица остаются без наказания, что позволяет констатировать отсутствие эффективного механизма защиты прав субъектов венчурного инвестирования и негативным образом сказывается на развитии рынка инвестирования.

По нашему мнению, в настоящее время основной упор необходимо делать на повышение роли альтернативных способов урегулирования правовых конфликтов и защиты нарушенных прав субъектов венчурного инвестирования. Кроме того, с учетом современного уровня развития венчурных инвестиций не исключено, что потребуется разработка новых способов защиты, которые в обозримом будущем могут претендовать на роль общих гражданско-правовых способов защиты.

Дальнейшее исследование проблематики способов защиты прав инвесторов в венчурных проектах на сегодняшний день является остроактуальным и необходимым для создания в Российской Федерации полноценной рабочей системы защиты прав инвесторов в венчурных проектах, а также для дальнейшего развития рынка венчурных инвестиций и совершенствования отечественной экономики. Полноценная юридическая защита прав инвесторов в повседневной практике в настоящее время выступает одной из важнейших правовых основ устойчивого экономического развития российского государства и способствует обеспечению социальной и юридической справедливости в обществе. Полагаем, что тенденцией развития современного права в ближайшем обозримом будущем должна стать полноценная юридическая защищённость субъектов венчурного инвестирования.

Библиографический список

1. Курилов К.Ю., Колачева Н.В. К вопросу о защите прав инвесторов при осуществлении инновационных проектов // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6. № 2 (19). – С. 86-90.

2. Латыпов Д.Н. Эволюция взглядов на способы защиты гражданских прав // Закон и право. – 2022. – № 1. – С. 118-123.

3. Любкина Н.А., Лубский Р.А. Проблемы защиты субъективных гражданских прав в Российской Федерации // Юристъ – Правоведъ. – 2018. – № 1 (84). – С. 121-127.

4. Титова Н.К. Основные способы (виды) защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С. 76-80.

5. Филатов А.А. Основания применения ликвидационной привилегии в хозяйственных обществах как механизма защиты прав и интересов инвесторов в российской правовой системе // Гражданское право. – 2024. – № 3. – С. 31-33.

6. Янковский Р.М. Правовое регулирование венчурного инвестирования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 227 с.

Рецензент: Ефимцева Т.В., профессор кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

[55] Там же. С. 33.

ЕФИМЦЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры гражданского и предпринимательского права УВО «Университет управления «ТИСБИ», 460000, РФ, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, tve-26@mail.ru

ИВАНОВА МАРГАРИТА АЛЕКСАНДРОВНА
главный специалист-эксперт отдела защиты прав потребителей Управления Роспотребнадзора по Оренбургской области, 460000, РФ, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, margo05042002@mail.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

EFIMTSEVA TATIANA VLADIMIROVNA
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Orenburg Institute (Branch), of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Orenburg State University, Professor of the Department of Civil and Business Law of the TISBI University of Management, 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, tve-26@mail.ru

IVANOVA MARGARITA ALEKSANDROVNA
Chief Specialist-Expert of the Consumer Rights Protection Department of the Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing in the Russian Federation for the Orenburg Region, 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, margo05042002@mail.ru

CONCLUSION OF A RETAIL SALE CONTRACT BY DISTANCE METHOD

Аннотация. *В статье на основе анализа действующего законодательства, практики его применения и научной литературы рассматриваются некоторые аспекты договора розничной купли-продажи, заключенного дистанционным способом. В частности, статья посвящена анализу ключевых проблем, возникающих при заключении таких договоров, в том числе определения оферты и акцепта в интернет-торговле, специфике электронного чека, особенностях возврата товара, а также деятельности агрегаторов и маркетплейсов. При этом особое внимание уделяется защите прав потребителей при дистанционной торговле. Целью работы является выработка практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования розничной купли-продажи.*

Ключевые слова: *электронная коммерция, дистанционная торговля, договор розничной купли-продажи, момент заключения договора, оферта, акцепт, форма договора, электронный документ, защита прав потребителей, интернет-магазин.*

Annotation. *Based on the analysis of current legislation, the practice of its application, and scientific literature, the article examines certain aspects of the contract of retail sale concluded by remote means. In particular, the article focuses on the analysis of key issues that arise when concluding such contracts, including the definition of an offer and acceptance in online shopping, the specifics of electronic receipts, the features of product returns, and the activities of aggregators and marketplaces. Special attention is given to the protection of consumer rights in online shopping. The aim of the article is to provide practical recommendations for improving the legal regulation of retail sales.*

Keywords: *e-commerce, distance selling, retail sales contract, the moment of contract conclusion, offer, acceptance, contract form, electronic document, consumer protection, online store.*

Электронная торговля является наиболее динамично развивающейся отраслью в современной экономике с учетом того, что в нашей стране практически отсутствует реальное промышленное производство. С помощью информационных технологий цифровым компаниям открываются возможности для освоения новых рынков, обеспечивая интернет-потребителю разнообразные возможности приобретения продукции. Электронная торговля, являясь одной из главных составляющих цифровой экономики, приобретает все большую практическую значимость. Цифровизация существенно влияет на способы ведения бизнеса, в том числе в сфере торговли. В частности, цифровая трансформация экономики ускорила распространение платформенных моделей его осуществления[1]. Цифровая экономика – по сути, экономика цифровых платформ. При этом условием дальнейшего развития электронной торговли является полноценное правовое регулирование соответствующих общественных отношений[2].

Развитие информационных технологий и, как следствие, стремительный рост интернет-торговли привели к постановке вопросов, связанных с заключением договоров розничной купли-продажи дистанционным способом и защитой прав потребителей и продавцов. Традиционные понятия оферты, акцепта, формы сделки и момента ее заключения претерпевают существенные изменения в тех случаях, когда сделка заключается в виртуальном пространстве, и это сопряжено с определенными трудностями в правоприменении.

В гражданском праве оферта – адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение (ст. 435 ГК РФ). В свою очередь акцепт – ответ лица, которому адресована оферта, о ее принятии (ст. 438 ГК РФ)[3].

В контексте интернет-торговли предложение товара, размещенное на сайте интернет-магазина, традиционно рассматривается как публичная оферта (ст. 437 ГК РФ). Однако вопрос о том, является ли любое размещение товара на сайте безусловной публичной офертой, остается дискуссионным. Многие интернет-магазины указывают на возможность изменения цены, наличия товара или иных условий до момента подтверждения заказа. Такое указание фактически лишает предложение условий полноценной оферты, поскольку не выражает твердого намерения продавца заключить договор на представленных условиях[4]. Акцептом в интернет-торговле обычно считается подтверждение заказа покупателем через сайт интернет-магазина. Но и здесь возникают сложности. Например, автоматическая отправка уведомления о получении заказа не всегда означает акцепт, а лишь подтверждает факт получения запроса. Реальным акцептом должно считаться подтверждение продавцом возможности исполнения заказа на предложенных условиях.

Особенность данного договора одновременно является и недостатком, поскольку покупатель не имеет реальной возможности ознакомиться с товаром или его образцом, в том числе оценить качество товара, размер. Заключается договор с помощью каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и других) или иными способами. Необходимо упомянуть и момент заключения договора купли-продажи дистанционным способом. По сравнению с договором розничной купли-продажи момент заключения договора дистанционным способом сопровождается не только выдачей чека или иного документа, который подтверждает оплату, но и может быть определен моментом получения продавцом сообщения о намерении этот договор заключить. Как утверждает Л.Ю. Киселева: «При этом не ясно, когда таким моментом считается выдача чека, а когда – отправка сообщения»[5].

На наш взгляд, чек используется как некое подтверждение заключения договора купли-продажи дистанционным способом. Моментом получения продавцом сообщения о намерении покупателя заключить договор может быть заполнение определенной формы заказа в личном кабинете интернет-магазина, но выбрав одну позицию, покупатель может спустя какое-то время ее удалить. Именно поэтому для определения момента заключения договора при дистанционной продаже товара после получения продавцом сообщения покупателя о намерении заключить договор купли-продажи продавец предоставляет покупателю подтверждение заключения договора, которое должно содержать номер заказа или иной способ его идентификации, позволяющий покупателю получить информацию о заключенном договоре и его условиях, и уже затем покупатель может перейти к оплате заказа[6].

Однако в последнее время набирает популярность практика, когда покупатель оформляет заказ по слиш-

[1] Кузнецова Н.В. Правовое регулирование дистанционной торговли: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 169.

[2] Правовое регулирование электронной торговли в зарубежных странах: монография / О.М. Сакович, С.В. Соловьева, С.С. Щербак и др.; отв. ред. Н.Г. Семилютина, О.А. Терновая; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2019. 272 с.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[4] Гладков Е.Е. Защита прав потребителей по договору розничной купли продажи при дистанционном способе // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 4 (13). С. 14.

[5] Киселева Л.Ю. Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // Научные записки молодых исследователей. 2021. Т. 9. № 3. С. 29.

[6] Куйдина Т.А. Договор розничной купли-продажи дистанционным способом: актуальные проблемы правового регулирования // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 339.

ком заниженной стоимости (обычно называемой «смешной»), а суд встает на сторону покупателя при отказе продавца в выполнении условий данного договора. Позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу заключается в том, что при дистанционном способе продажи товара продавец обязан заключить договор розничной купли-продажи с любым лицом, выразившим намерение приобрести товар на условиях оферты. При этом высшая судебная инстанция ссылается на Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463[7].

Фиксация цены происходит в момент заключения договора между покупателем и интернет-магазином, который определяется моментом оформления заказа с присвоением ему номера, который позволяет потребителю получить информацию о заключенном договоре розничной купли-продажи и его условиях. Изменить цену, объявленную в момент оформления заказа, продавец в одностороннем порядке уже не вправе. Так, например, по одному делу суд установил, что предложение о продаже товара, размещенное на сайте продавца и обращенное к неопределенному кругу лиц, содержало все существенные условия договора, в том числе подробную информацию о товаре и его цене, в связи с чем являлось публичной офертой. Ответчик ссылался на ошибочное указание цены на сайте, но сформированные продавцом цены были указаны в публичной оферте, размещенной на сайте продавца, вследствие чего стали доступны любому покупателю, и именно с ними согласилась истица, принимая оферту.

Обязанность уточнять цену товара перед покупкой и выяснять, не является ли она ошибочной, законодательством на потребителя не возложена. Из установленных судом обстоятельств дела следует, что между сторонами сложились правоотношения по розничной купле-продаже товаров дистанционным способом, а следовательно, с момента выдачи кассовых чеков, подтверждающих оплату интернет-заказа, договор купли-продажи считается заключенным, и у ответчика возникла обязанность по передаче товара покупателю. При этом возврат уплаченных за товар денежных средств не является предусмотренным законом основанием для отказа от исполнения обязательства. В связи с этим Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ определила направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Следовательно, ключевой проблемой здесь является определение конкретного момента, когда предложение становится безусловной офертой, а действия покупателя – акцептом. Четкое разграничение этих понятий имеет определяющее значение для установления прав и обязанностей сторон и для разрешения возможных споров.

В соответствии с Федеральным законом от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации»[8] при осуществлении расчетов между организациями и (или) индивидуальными предпринимателями, а также организациями и физическими лицами при продаже товаров, выполнении работ и оказании услуг, организации и индивидуальные предприниматели обязаны применять контрольно-кассовую технику (ККТ).

В интернет-торговле в качестве подтверждения совершения оплаты и заключения договора все чаще используется электронный чек, направляемый покупателю на электронную почту или в виде SMS-сообщения[9]. Однако правовой статус электронного чека вызывает ряд вопросов[10]. В частности, является ли электронный чек полноценным эквивалентом бумажного чека и может ли служить достаточным доказательством заключения договора и факта оплаты товара в случае возникновения спора. С одной стороны, законодательство прямо предусматривает возможность использования электронных чеков. С другой стороны, необходимо учитывать особенности электронного документооборота и доказывания в суде. Важно обеспечить надлежащую аутентификацию отправителя электронного чека и подтверждение факта его получения покупателем.

Проблема усугубляется еще и тем, что электронный чек может быть легко подделан. Именно поэтому при возникновении споров суду необходимо оценивать совокупность представленных доказательств, включая выписку по банковскому счету, электронную переписку между сторонами и другие документы.

Закон от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[11] предоставляет покупателю, приобрет-

[7] Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. 2021. № 3. Ст. 593.

[8] Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.09.2025) // СЗ РФ. 2003. № 21. Ст. 1957.

[9] Адаменко А.П., Пискунова Н.И., Целовальникова И.Ю. Электронная форма сделки: проблемы теории и практики // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 156-159.

[10] Ассоциация «Национальный совет финансового рынка» (НСФР) предлагает установить рассылку кодов подтверждения, в том числе для банковских операций, через пуш-уведомления в Max в качестве полноценной альтернативы смс-сообщениям, а также закрепить возможность использования других способов подтверждения. Соответствующее предложение содержится в письме с заключением на законопроект со вторым пакетом мер против кибермошенников. Предлагаемая формулировка предусматривает не альтернативу, а одновременное направление кода по двум каналам, что может привести к снижению удобства для пользователей и удорожанию процесса подтверждения юридически значимых действий для участников рынка. (См. об этом: Подтверждение через Max предложили узаконить как альтернативу смс-кодам. РИА Новости. 27.01.2026. URL: https://ria.ru/20260127/podtverzhdenie-2070451138.html (дата обращения: 20.03.2026)).

[11] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

шему товар дистанционным способом, право отказаться от него в течение семи дней после получения товара без объяснения причин (ст. 26.1.). Если информация о порядке и сроках возврата товара не была предоставлена покупателю в письменной форме в момент доставки товара, то срок возврата увеличивается до трех месяцев. Данное правило создает определенные сложности для интернет-магазинов, особенно торгующих товарами, изготовленными по индивидуальному заказу или имеющими уникальные характеристики. Интернет-магазину необходимо организовать процедуру возврата товара, обеспечить его сохранность и провести экспертизу для определения причин возврата. Кроме того, необходимо учитывать транспортные расходы, связанные с возвратом товара.

Проблемой является и определение момента начала течения срока возврата. Считается ли моментом получения товара фактическая его передача покупателю курьерской службой или день, когда покупатель получил уведомление о готовности товара к выдаче в пункте выдачи заказов.

Однозначного ответа в законодательстве нет, и этот вопрос решается в каждом конкретном случае, исходя из содержания договора купли-продажи и обстоятельств дела. Если в договоре четко прописан момент перехода права собственности на товар, то именно он и будет определяющим. Однако если такой оговорки нет, то необходимо учитывать совокупность факторов. В доктрине существуют разные подходы к решению данного вопроса. Одни специалисты исходят из того, что срок возврата начинает течь с момента фактического получения товара покупателем, то есть с момента передачи его курьером или выдачи в пункте выдачи заказов, поскольку именно с этого момента покупатель имеет возможность ознакомиться с товаром, оценить его качество и принять решение о его возврате. В подтверждение этой позиции можно ссылаться на то, что закон предоставляет покупателю право осмотреть товар, потребовать проведения в его присутствии проверки свойств или демонстрации использования товара.

Второй подход состоит в том, что уведомление о готовности товара к выдаче является своего рода офертой продавца о передаче товара в собственность покупателя. С этого момента покупатель имеет возможность, но не обязанность, принять товар. Если он принимает решение забрать товар, то с момента получения уведомления начинается течение срока возврата. В поддержку такой позиции можно привести аргумент о том, что покупатель, получив уведомление, уже имеет возможность отказаться от товара, не забирая его.

В судебной практике встречаются разные решения вопроса о моменте начала течения срока возврата товара, и ответ на этот вопрос зависит от детального анализа конкретного договора купли-продажи и обстоятельств дела.

Агрегаторы и маркетплейсы - неотъемлемая часть интернет-торговли. Они предоставляют платформу для размещения предложений различных продавцов и облегчают поиск и сравнение товаров для покупателей. Однако правовое регулирование деятельности агрегаторов и маркетплейсов остается несовершенным, что порождает вопросы об их ответственности за ненадлежащее исполнение договоров купли-продажи. С одной стороны, агрегатор или маркетплейс не является стороной договора купли-продажи, так как он лишь предоставляет площадку для заключения сделок между продавцом и покупателем. В этом случае ответственность за ненадлежащее качество товара, нарушение сроков доставки и другие нарушения несет непосредственно продавец. С другой стороны, агрегатор или маркетплейс может оказывать дополнительные услуги, такие как организация доставки, прием оплаты и разрешение споров. В этом случае он может быть привлечен к ответственности наряду с продавцом. Иными словами, проблема заключалась в определении степени участия маркетплейса в процессе купли-продажи и разграничении зон ответственности между ним и продавцом, но теперь эта проблема решена, поскольку принят Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»[12].

Главная новелла вышеприведенного документа – признание маркетплейсов полноценными участниками торговых операций. Если раньше они выступали скорее посредниками, то теперь они несут ответственность наряду с продавцами. Это касается, в том числе вопросов качества товара, порядка их возврата и сроков доставки. Например, если покупатель заказывает размещенный на маркетплейсе товар у продавца и получает брак, ответственность несет не только сам продавец, но и цифровая платформа, предоставившая ему витрину.

Итак, заключение договора розничной купли-продажи дистанционным способом порождает целый ряд правовых проблем, связанных с определением момента и формы сделки, спецификой электронного чека, особенностями возврата товара, а также правовым статусом агрегаторов и маркетплейсов, что потребовало принятия соответствующего законодательства. Важно также сформировать единообразную судебную практику по рассмотрению и разрешению споров, возникающих в связи с заключением договоров розничной купли-продажи дистанционным способом. Для этого в каждом конкретном случае необходимо исследовать условия пользовательского соглашения, правила площадки и фактические действия агрегатора или маркетплейса. Только такой комплексный подход позволит обеспечить правовую определенность и стабильность в сфере интернет-торговли.

[12] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4643.

Библиографический список

1. Адаменко А.П., Пискунова Н.И., Целовальникова И.Ю. Электронная форма сделки: проблемы теории и практики // Юридическая наука. – 2023. – № 8. – С. 156-159.

2. Гладков Е.Е. Защита прав потребителей по договору розничной купли продажи при дистанционном способе // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2016. – № 4 (13). – С. 13-15.

3. Киселева Л.Ю. Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // Научные записки молодых исследователей. – 2021. – Т. 9. № 3. – С. 22-32.

4. Кузнецова Н. . Правовое регулирование дистанционной торговли: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 8. – С. 166-173.

5. Куйдина Т.А. Договор розничной купли-продажи дистанционным способом: актуальные проблемы правового регулирования // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 333-341.

6. Правовое регулирование электронной торговли в зарубежных странах: монография / О.М. Сакович, С.В. Соловьева, С.С. Щербак и др.; отв. ред. Н.Г. Семилютина, О.А. Терновая; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2019. – 272 с.

Рецензент: Томина А.П., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».

ПОПОВА АННА АЛЕКСЕЕВНА
аспирант ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», 460018, Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, anya95.0811@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ПРОЦЕДУРЕ РЕАБИЛИТАЦИИ ДОЛЖНИКА

POPOVA ANNA ALEKSEEVNA
Postgraduate Student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Orenburg Region, Orenburg, Pobedy Avenue, 13, anya95.0811@mail.ru

LEGAL STATUS OF AN ARBITRARY MANAGER IN THE PROCEDURE OF DEBTOR REHABILITATION

Аннотация. *Статья исследует институциональную трансформацию роли арбитражного управляющего в российском конкурсном праве: от доминирующей в практике модели «процессуального администратора» к модели ключевого субъекта реабилитационной процедуры «антикризисного управляющего», реализующего публично значимую функцию сохранения жизнеспособного бизнеса при соблюдении баланса интересов. Автор обосновывает необходимость такой трансформации правового статуса арбитражного управляющего. Научная новизна состоит в обосновании функциональной специализации арбитражного управляющего, разработке пакета гарантий независимости и в предложении модели вознаграждения, привязанной к сопоставлению результата реабилитации с ликвидационным сценарием.*

Ключевые слова: *арбитражный управляющий, банкротство, реабилитационные процедуры, внешнее управление, финансовое оздоровление, вознаграждение.*

Review. *The article explores the institutional transformation of the role of the arbitration administrator in Russian competition law: from the dominant model of the «procedural administrator» to the model of the key subject of the rehabilitation procedure, the «crisis manager», who implements the publicly significant function of maintaining a viable business while maintaining a balance of interests. The author substantiates the need for such a transformation of the legal status of the arbitration administrator. The scientific novelty consists in substantiating the functional specialization of the arbitration manager, developing a package of independence guarantees, and proposing a remuneration model based on comparing the rehabilitation outcome with the liquidation scenario.*

Keywords: *arbitration administrator, bankruptcy, rehabilitation procedures, external management, financial recovery, remuneration.*

Автор ставит целью работы – обосновать модернизацию правового статуса арбитражного управляющего как ключевого субъекта реабилитационных процедур банкротства и предложить модель институциональных стимулов, ориентированных на сохранение экономически жизнеспособного бизнеса.

Методологическая основа работы включает формально-юридический анализ положений Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[1] о правах, обязанностях, ответственности и вознаграждении управляющего, доктринальный анализ отечественных работ о независимости и публично-правовой функции управляющего, а также сравнительно-правовой подход с учетом европейских стандартов превентивной реструктуризации, закрепленную в Директиве (EU) 2019/1023, и на научные работы о регулировании деятельности insolvency practitioners[2].

В российском институте несостоятельности (банкротства) арбитражный управляющий формально наделен значительным объемом полномочий, однако фактически его роль нередко редуцируется до процессуально-административной. Это усиливает тенденцию к завершению дел о банкротстве ликвидационными исходами и снижает эффективность реабилитационных процедур (финансового оздоровления, внешнего управления, мирового соглашения). В литературе данная диспропорция описывается как результат институциональных ограничений реабилитационного потенциала и недостаточной «встроенности» стимулов к сохранению бизнеса в конструкцию процедуры. Оценку направлений развития реабили-

[1] О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[2] Директива (EU) 2019/1023 Европейского парламента и Совета от 20.06.2019 о превентивной реструктуризации и др. / Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and disqualifications, and on measures to increase the efficiency of procedures concerning restructuring, insolvency and discharge of debt, and amending Directive (EU) 2017/1132 (Directive on restructuring and insolvency) (Text with EEA relevance). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1023/oj/eng?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.02.2026).

тационных механизмов института банкротства в России, изучало не много ученых: А.Н. Ряховская[3], В.Н. Алферов[4] и др. Так, С.Е. Кован, анализируя этапы развития реабилитационного направления, указывает на низкие показатели результативности реабилитации и выводит необходимость корректировки институциональных параметров банкротства в сторону «работающих» механизмов оздоровления[5]. А.Н. Ряховская обосновывает, что повышение эффективности института банкротства должно включать увеличение числа реабилитационных процедур, реализуемых в настоящее время в незначительном объеме, и связывает это с задачами развития экономики и интересами бизнес-сообществах[6]. Еще можно выделить блок работ, посвященных правовой природе статуса управляющего и гарантиям его независимости[7]. А.А. Минина прямо фиксирует зависимость управляющего от лиц, предложивших его кандидатуру (или саморегулируемая организация или кредитор), и связывает наличие «востребованной» зависимости с экономической конструкцией вознаграждения (с отсылкой к ст. 20.6 Закона о банкротстве)[8]. Сходный тезис о решающем значении независимости для обеспечения баланса интересов участников процедуры формулирует Ю.А. Гартина: только при полной независимости от какой-либо стороны управляющий способен действовать добросовестно и поддержать баланс интересов всех лиц в деле о банкротстве[9]. А Ю.В. Семенова определяет арбитражного управляющего как ключевую фигуру в деле о банкротстве[10]. Вопрос ответственности управляющего в доктрине связан с критериями добросовестности и разумности. Е.В. Бобров подчеркивает, что публично-правовой характер предопределяет особый правовой и профессиональный статус управляющего, а оценка его поведения через призму добросовестности и разумности становится ключевой для гражданско-правовой ответственности[11].

Ключевым узлом в механизме реабилитации является правовой статус арбитражного управляющего. Российское законодательство закрепляет обязанность управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, что отражает публично-значимую природу его деятельности[12]. Вместе с тем в доктрине отмечается разрыв между нормативной моделью «нейтрального профессионального участника» и фактическими зависимостями управляющего в процедуре. Так А.А. Минина прямо связывает дефицит независимости с механизмом выдвижения/утверждения кандидатуры и «встроенной» зависимостью управляющего от субъектов, заинтересованных в управляемом исходе процедуры; при этом зависимость усугубляется экономикой вознаграждения и рисками отстранения[13]. С.В. Рязанов также подчеркивает, что только при реальной независимости управляющий способен обеспечить баланс интересов участников банкротства и реализовывать цели процедуры без «смещения» к одной из сторон[14]. Важный доктринальный контекст составляет вопрос о соотношении публичных и частных начал в деятельности управляющего. И.А. Емельянова и А.В. Ершов характеризует правовое положение управляющего через призму смешанной природы его функций и указывают на необходимость совершенствования регулирования с учетом публичного элемента банкротства[15]. Отдельного внимания заслуживает проблема ответственности управляющего. Е.В. Бобров показывает, что критерии добросовестности и разумности приобретают для управляющего не декларативное, а квалифицирующее значение: через них суды оценивают допустимость поведения управляющего как профессионального субъекта с повышенным стандартом заботливости[16]. Однако при отсутствии «защитного контура» для управленческого риска добросовестный управляющий рационально выбирает процессуально безопасные действия (инвентаризация, оспаривание сделок, торги) избегая инициатив, неизбежно связанных неопреде-

[3] Ряховская А.Н. Проблемы реализации реабилитационных процедур банкротства и возможности их разрешения // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70.

[4] Алферов В.Н. Развитие реабилитационной направленности института банкротства России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. №2 (26).

[5] Кован С. Е. Проблемы развития реабилитационного потенциала института банкротства // СРРМ. 2014. №2 (83).

[6] Ряховская А.Н. Там же.

[7] Полутин С.В., Мотькин Р.В., Мотькин В.Н. Социально-правовые аспекты профессионального положения арбитражных управляющих в условиях реформирования института банкротства в Российской Федерации // Регионология. 2021. №4 (117).

[8] Минина А.А., Богатырева А.Т. К вопросу о повышении гарантий независимостиарбитражного управляющего и качества реализации им публично-правовой целиинститута банкротства // Право и государство: теория и практика. 2021. №5(197).

[9] Гартина Ю.А. Арбитражный управляющий в процедуре банкротства: теоретико-правовые проблемы // Наука. Общество. Государство. 2022. №3 (39).

[10] Семенова Ю.В. Арбитражным управляющим – ключевая фигура в деле о банкротстве // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2017. № 6.

[11] Бобров Е.В. Добросовестность и разумность как критерии ответственности арбитражного управляющего // Закон и право. 2025. №4.

[12] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: обязанность управляющего действовать добросовестно и разумно (ст. 20.3) // СПС «Гарант».

[13] Минина А.А., Богатырева А.Т. К вопросу о повышении гарантий независимостиарбитражного управляющего и качества реализации им публично-правовой целиинститута банкротства. // Право и государство: теория и практика. 2021. №5(197).

[14] Рязанов С.В. Пути повышения независимости арбитражного управляющего в процедурах банкротства // Юридическая наука. 2023. №9.

[15] Емельянова И.А., Ершов А.В. Правовое положение арбитражного управляющего в современной России: соотношение публичных и частных начал // Вестник ПАГС. 2024. №1.

[16] Бобров Е.В. Добросовестность и разумность как критерии ответственности арбитражного управляющего // Закон и право. 2025. №4.

ленностью (переговоры о реструктуризации, сохранение операционной деятельности, финансирование текущих платежей). Наконец, в литературе системно анализируется вознаграждение управляющего как фактор мотивации. М.М. Сурина, исследуя судебную практику по фиксированной части вознаграждения, подчеркивает наличие устойчивых проблем в оплате труда управляющего и необходимость коррекции подходов[17]. А.А. Деев на материале практики по процентному вознаграждению показывает, что судебная оценка «вклада» управляющего остается сложной и нередко порождает непредсказуемость, что отрицательно влияет на инициативность и качество управления процедурой[18]. Зарубежные исследования подтверждают универсальные проблемы: надзор, ответственность и вознаграждение insolvency practitioners рассматриваются как инструменты предотвращения «рыночных провалов» в сфере профессиональных услуг. В сравнительном анализе A.F. Conceicao подчеркивается значимость институционального надзора и стандартов ответственности практиков[19], а M.S. Wee акцентирует роль судебного контроля и принципов соразмерности при определении вознаграждения[20].

В результате исследования автором выявлены ряд проблем:

- ответственность управляющего сконструирована как обязанность возместить убытки, причиненные ненадлежащим исполнением обязанностей, при установлении факта причинения судебным актом;

- системная проблема, которая состоит в том, что реабилитационная процедура по своей природе требует от управляющего управленческих решений, которые неизбежно связаны с риском и неопределенностью: когда «стандарт поведения» оценивается ретроспективно и преимущественно через негативные последствия, управляющий рационально тяготеет к действиям, которые проще «доказать» как соответствующие форме закона (процедурная дисциплина), чем к действиям, ориентированным на сохранение бизнеса (санационная дискретность);

- зависимость управляющего от субъектов, предложивших кандидатуру, превращается в фактор, влияющий на качество реализации публично-правовой цели банкротства;

- происходит ассиметрия стимулов вознаграждения арбитражного управляющего и его уклон на увеличение при ликвидации предприятия в процедуре банкротства;

- сложности баланса публичных и частных начал в правовом положении управляющего и о необходимости совершенствования регулирования с учетом публичного компонента банкротства.

Сегодня институт банкротства находится в процессе реформирования: смена модели банкротного процесса с ликвидационной на реабилитационную. Планируемые изменения призваны повысить гарантии независимости арбитражных управляющих.

В настоящее время существует два вида концепции, направленных на функциональную специализацию управляющих. Предлагается закрепить на законодательном уровне: управляющий – ликвидатор (профессиональный субъект, ориентированный на цели конкурсного производства: формирование и сохранность конкурсной массы, оспаривание сделок, реализация имущества, расчеты с кредиторами) или управляющий – санатор (профессиональный субъект, ориентированный на реабилитационные цели: восстановление платежеспособности, реструктуризация обязательств, поддержание непрерывности деятельности (going concern), переговоры с кредиторами и ключевыми контрагентами). Доктринальная линия ученых заключается в установлении повышенных требований к «санатору» и «ликвидатору»: наличие углубленных компетенций, опыт управленческой деятельности или участия в реструктуризациях, углубленный стандарт компетенций в сфере торговли, оценки, оспаривания сделок и процессуального сопровождения обособленных споров, объясняя их необходимость тем, что реабилитация – это «управление кризисом», а не только «ведение процедуры». Таким образом, будет происходить перенастройка стимулов – вознаграждение будет за реабилитационный эффект процедуры банкротства. И возникает дискуссия критики критериев вознаграждения или зарубежного опыта судебного контроля вознаграждения практиков.

Реализация концепции перевода управляющего в режим «субъекта реабилитации» невозможен без институциональных гарантий:

- необходимо установить процессуальные фильтры против злоупотребления жалобами и заявлениями, рассматриваемыми в рамках обособленных споров;

- закрепление принципов добросовестности/разумности действий и их более четких критериев оценки;

- требуется учет европейских подходов к превентивной реструктуризации и профессиональным стандартам практиков отраженных в сравнительно-правовых исследованиях и в Директиве ЕС.

Таким образом, в логике статьи реформу следует конструировать как связку «роль > компетенции > стимулы > защита независимости».

Предлагается усиление квалификационных требований через дифференцированный допуск и переаттестация арбитражного управляющего.

[17] Сурина М.М. Проблемы вознаграждения арбитражного управляющего // Вестник науки. 2024. №9 (78).
[18] Деев А.А. Вознаграждение арбитражного управляющего в банкротстве. Анализ актуальнойсудебной практики по установлению процентного вознаграждения // ВестникАкадемии права и управления. 2023. №3 (73).
[19] Conceicao A.F. Supervision and liability of insolvencypractitioners in EU Member States: a comparative analysis // January 2023 RevistaElectronica de Direito30(1):5-26_DOI:10.24840/2182-9845_2023_0001_0002_URL:_https://www.researchgate.net/publication/369047099_Supervision_and_liability_of_insolvency_practitioners_in_EU_and_national_law (дата обращения: 20.02.2026).
[20] Wee M.S. Principles and rules on insolvencypractitioners' remuneration // International Insolvency Review. 2021. https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/iir.1430?utm_source=chatgpt.com&utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 20.02.2026).

Критическая ошибка реформирования через одно «ужесточение» состоит в усилении ответственности без защиты пространства разумного предпринимательского риска. Российская практика уже демонстрирует высокий стандарт ответственности управляющего за процессуальные ошибки и последствия бездействия (например, риски пропуска сроков оспаривания сделок). Если аналогичный стандарт будет механически перенесен на решения санатора (инвестиционные, операционные, контрактные), реабилитация будет подавляться страхом ответственности.

Кроме этих предложений автором сделаны следующие выводы. В доктрине сформировалось устойчивое мнение, что реабилитационный потенциал банкротства в России реализуется плохо и требует институциональной перенастройки. Независимость управляющего, учеными признается как системообразующий признак процедуры банкротства, необходимый для ее эффективной работы. Стандарты добросовестности и разумности должны применяться к управляющему с учетом природы управленческих решений в санации. Вознаграждение выступает ключевым регулятором поведения управляющего – нерешенность критериев оплаты и непредсказуемость практики снижают инициативность и эффективность работы.

Для совершенствования законодательства по исследуемой теме требуется:

- разработать профессиональный стандарт для санатора;

- дифференцировать квалификационные требования и аттестационные механизмы под задачи ликвидации и санации;

- модифицировать структуру вознаграждения, установив реабилитационно-ориентированную переменную часть, привязанную к сопоставлению результата с ликвидационным сценарием. Предлагаем: новую конструкцию вознаграждения, ориентированную на реабилитацию: «двухкомпонентная премия санатора» — (а) премия за достижение контрольных точек плана реструктуризации; (б) премия за положительную разницу между реабилитационным и ликвидационным сценарием (incremental value). Новизна — в увязке вознаграждения не с валовыми денежными потоками процедуры, а с созданной/сохраненной стоимостью относительно ликвидации.

- создать процедурные гарантии независимости и фильтры против злоупотребления жалобными механизмами, обеспечив управляемый риск для добросовестных санационных решений. Разработана модель «антидавления" через процессуальные фильтры жалоб, исходящая из тезиса, что жалобный механизм в банкротстве выполняет не только охранительную, но и стратегически-давленческую функцию. Новизна — в квалификации злоупотребления жалобами как институционального риска реабилитации и в предложении формализовать критерии «дублирования/серийности» жалоб с приоритетом разрешения ключевых разногласий, влияющих на план санации.

Таким образом, научная новизна работы заключается в разработке теоретико-правовой модели арбитражного управляющего как ключевого субъекта реабилитационной процедуры и в предложении инструментов институционального дизайна (специализация, safe harbour, сравнительный тест эффекта и новая схема вознаграждения), обеспечивающих смещение стимулов от ликвидации к санации. Практическая значимость состоит в возможности использовать предложенные решения при подготовке поправок к Федеральному закону № 127-ФЗ, формировании профессионального стандарта управляющего-санатора и выработке критериев судебной оценки добросовестности и разумности управленческих решений в банкротстве.

Библиографический список

1. Алферов В.Н. Развитие реабилитационной направленности института банкротства России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2016. – №2 (26).

2. Бобров Е.В. Добросовестность и разумность как критерии ответственности арбитражного управляющего // Закон и право. – 2025. – № 4.

3. Гартина Ю.А. Арбитражный управляющий в процедуре банкротства: теоретико-правовые проблемы // Наука. Общество. Государство. – 2022. №3 (39).

4. Деев А.А. Вознаграждение арбитражного управляющего в банкротстве. Анализ актуальной судебной практики по установлению процентного вознаграждения // Вестник Академии права и управления. – 2023. – № 3 (73).

5. Емельянова И.А., Ершов А.В. Правовое положение арбитражного управляющего в современной России: соотношение публичных и частных начал // Вестник ПАГС. – 2024. – № 1.

6. Кован С.Е. Проблемы развития реабилитационного потенциала института банкротства // СРРМ. – 2014. – № 2 (83).

7. Минина А.А., Богатырева А.Т. К вопросу о повышении гарантий независимости арбитражного управляющего и качества реализации им публично-правовой цели института банкротства // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 5 (197

8. Полутин С.В., Мотькин Р.В., Мотькин В.Н. Социально-правовые аспекты профессионального положения арбитражных управляющих в условиях реформирования института банкротства в Российской Федерации // Регионология. – 2021. – № 4 (117).

9. Рязанов С.В. Пути повышения независимости арбитражного управляющего в процедурах банкротства // Юридическая наука. – 2023. – № 9.

10. Ряховская А.Н. Проблемы реализации реабилитационных процедур банкротства и возможности их разрешения // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 70.
11. Семенова Ю.В. Арбитражным управляющим – ключевая фигура в деле о банкротстве // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. – 2017. – № 6.
12. Сурина М.М. Проблемы вознаграждения арбитражного управляющего // Вестник науки. – 2024. – № 9 (78).
13. Conceicao A.F. Supervision and liability of insolvency practitioners in EU Member States: a comparative analysis // January 2023 Revista Electronica de Direito30(1):5-26_DOI:10.24840/2182-9845_2023_0001_0002_
14. Wee M.S. Principles and rules on insolvency practitioners' remuneration // International Insolvency Review. 2021.

Рецензент: Ковалева О.А., к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», доцент.

ЯКОВЕНКО НИНА АЛЕКСАНДРОВНА
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

ОТМЕНА ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ В ОТНОШЕНИИ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

YAKOVENKO NINA ALEKSANDROVNA
PHD in Law, associate professor of the Department of of business and labor law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, orenburg@msal.ru

CANCELLATION OF DISCIPLINARY SANCTIONS AGAINST MEDICAL PERSONNEL: ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Аннотация. *В статье проведено исследование теоретических и практических аспектов дисциплинарной ответственности, применяемой к работникам здравоохранения. Автором разграничиваются понятия дисциплинарного взыскания и мер материального воздействия, анализируются новеллы трудового законодательства, вступившие в силу с 1 сентября 2025 г. В работе проведена систематизации наиболее распространенных нарушений процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности медицинских работников, являющихся основаниями для отмены взысканий в судебном порядке. На основе анализа определений Верховного Суда РФ обосновывается тезис о необходимости учета фактов предшествующего поведения работника, его отношения к труду, социального статуса и последствий нарушения. Обосновывается вывод о том, что бремя доказывания законности применения взыскания и соблюдения процедуры возлагается на работодателя. Формулируются практические рекомендации, направленные на минимизацию юридических рисков при привлечении работников к дисциплинарной ответственности.*

Ключевые слова: *медицинские работники, дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, трудовые обязанности, профессиональный стандарт, судебная практика, соразмерность наказания.*

Review. *The article examines the theoretical and practical aspects of disciplinary liability applied to healthcare workers. The author distinguishes between disciplinary penalties and material penalties, and analyzes the new provisions of labor legislation that came into force on September 1, 2025. The paper systematizes the most common violations of the procedure for disciplining medical workers, which are grounds for the cancellation of penalties in court. Based on the analysis of the Supreme Court of the Russian Federation's rulings, the article argues for the need to consider the employee's previous behavior, attitude towards work, social status, and the consequences of the violation. The article substantiates the conclusion that the burden of proving the legality of the disciplinary action and compliance with the procedure lies with the employer. Practical recommendations are formulated to minimize legal risks when disciplining employees.*

Keywords: *medical professionals, disciplinary responsibility, disciplinary offense, labor duties, professional standard, judicial practice, proportionality of punishment.*

За последнее десятилетие наблюдается существенная эволюция судебной практики по спорам, связанным с применением дисциплинарных взысканий. Следует констатировать, что игнорирование работодателем законодательных требований влечет за собой признание увольнения в связи с применением дисциплинарного взыскания незаконным, что сопряжено с существенными финансовыми издержками (выплата средней заработной платы за время вынужденного прогула, компенсация морального вреда, судебных издержек). Дисциплинарная ответственность характеризуется императивно установленными границами применения, которые определяются, прежде всего, законодательно закрепленным понятием дисциплинарного проступка.

В соответствии со ст. 192 Трудового кодекса РФ (далее - ТК РФ), под дисциплинарным проступком понимается виновное, противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником возложенных на него трудовых обязанностей. В данном определении заложены такие квалифицирующие признаки дисциплинарной ответственности, как объект посягательства (трудовые обязанности, то есть обязанности, возникшие из трудовых отношений) и субъективный признак (наличие вины работника как обязательное условие деяния). Принципиальное значение имеет тот факт, что применение мер дисциплинарной ответственности за деяния, не связанные с исполнением должностных (трудовых) обязанностей, недопустимо. Отказ работника от участия в ме-

роприятии и исполнения обязанностей, не предусмотренных трудовым договором (например, субботник), исключает возможность легитимного применения санкций.

Традиционно трудовые обязанности ассоциируются исключительно с содержанием должностной инструкции. Однако в отношении отдельных категорий работников, в частности медицинского персонала, данный подход не является универсальным. Содержание должностных инструкций должно соответствовать профессиональным стандартам, которые утверждаются приказами Министерства труда и социальной защиты РФ. Таким образом, трудовая функция работника определяется не только условиями трудового договора и должностной инструкции, но и обязана соответствовать положениям профессиональных стандартов. Например, привлечение работника к исполнению обязанностей более низкой квалификации может привести к законному отказу и обжалованию действий работодателя.

В литературе отмечается, что по общим правилам вопросы организации труда, определения обязанностей работников регулируются самим работодателем на локальном уровне и в договорном порядке. С одной стороны, все это в совокупности, позволяет более тщательно проработать конкретные условия трудовой деятельности медицинских работников. Но с другой, большой массив нормативных актов разного уровня, вступающие в юридические коллизии друг с другом, не способствует эффективному правовому регулированию[1].

Определение трудовых обязанностей предполагает их дифференциацию. Помимо непосредственной реализации трудовой функции (осуществление профессиональной деятельности), трудовые обязанности включают в себя соблюдение правил, установленных локальными нормативными актами работодателя (правила внутреннего трудового распорядка, инструкции по охране труда, приказы руководителя и др.). Критически важным условием легитимности привлечения к ответственности за нарушение локальных актов выступает факт ознакомления работника с соответствующим документом под роспись. Отсутствие доказательств ознакомления лишает работодателя права на применение санкций.

За совершение дисциплинарного проступка к работнику, включая медицинский персонал, могут быть применены следующие виды взысканий, исчерпывающий перечень которых закреплен в ст. 192 ТК РФ: замечание, выговор, увольнение по соответствующим основаниям.

В правоприменительной практике действует фундаментальный принцип non bis in idem (запрет двойной ответственности), согласно которому за каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание. Данный постулат выступает важнейшей гарантией защиты работников от произвольного применения дисциплинарной ответственности.

Необходимо особо подчеркнуть, что такие санкции, как штраф, не предусмотрены трудовым законодательством и не являются мерой дисциплинарной ответственности. Заблуждение относительно легитимности штрафов является достаточно распространенным среди участников трудовых отношений[2].

Единственным способом материального воздействия в отношении работника, помимо дисциплинарных взысканий, является лишение или снижение размера премии. Однако с 1 сентября 2025 г. вступили в силу новые правила, существенно ограничивающие этот механизм: удержания из заработной платы (под которыми в данном контексте подразумевается снижение премиальной части, входящей в состав заработной платы) не могут превышать 20% от начисленной суммы и применяются исключительно за тот расчетный период, в котором было допущено нарушение, т.е. в рамках размера заработной платы за один месяц.

Следует отметить, что новая редакция ст. 137 ТК РФ, регулирующая удержания из заработной платы, соответствует ранее выраженной правовой позиции Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ)[3]. Согласно Постановлению КС РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П взаимосвязанные положения ст. 135 ТК РФ (об установлении заработной платы) и ст. 137 ТК РФ были признаны несоответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они допускали произвольное лишение работника части заработной платы без установления пределов таких удержаний.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки, которая работала в должности медицинского регистратора клиники офтальмологии. Согласно трудовому договору ее заработная плата включала следующие виды выплат: должностной оклад; компенсационные выплаты, перечень которых в трудовом договоре не был приведен; стимулирующие выплаты, перечень которых также отсутствовал. Приказами руководителя к работнику были применены дисциплинарные взыскания в виде выговора. По этой причине работодатель начиная с октября 2019 г. и вплоть до ее увольнения 10 августа 2020 г. выплачивал ей заработную плату, включающую только должностной оклад и надбавку за выслугу лет, а в отдельные месяцы производил также доплату до минимального размера оплаты труда.

---

[1] Черепанцева Ю.С. Труд медицинских работников: правовое регулирование и практика // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2025. № 1(63). С. 149.

[2] Черепанцева Ю.С., Симаева Е.М. Стимулирующие и компенсационные выплаты в системе заработной платы медицинских работников: проблемные аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2023. № 4 (58). С.101.

[3] Постановлении КС РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса РФ в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской» // Российская газета. 2023. № 138. 27 июня.

Согласно выводам КС РФ, стимулирующие выплаты имеют определенное целевое назначение, что обусловливает возникновение права на их получение выполнением работником установленных действующим правовым регулированием требований (показателей, условий). При этом они являются составной – хотя, как правило, и переменной – частью заработной платы, а значит, на них в полной мере распространяются нормы российского законодательства и международного трудового права об охране заработной платы (ч. 4 ст.15 Конституции РФ).

В условиях рыночной экономики и конкуренции, государство стремится обеспечить такой уровень заработной платы, который позволял бы каждому работнику обеспечивать собственные потребности и нужды членов семьи[4].

ТК РФ относит установление видов дисциплинарных взысканий и порядка их применения к ведению федеральных органов государственной власти в сфере трудовых отношений и предусматривает исчерпывающий перечень дисциплинарных взысканий, которые работодатель может применить к работнику за совершение дисциплинарного проступка (ч. 1 ст. 192). При этом ТК РФ, как указал КС РФ, не допускает применения в отношении работника, совершившего дисциплинарный проступок, штрафа или иной аналогичной меры материального воздействия, предполагающей умаление имущественной сферы работника.

Исходя из системного толкования ст. 135 ТК РФ и Постановления № 32-П, следует вывод, что установленные КС РФ правила о необходимости законодательного ограничения удержаний, распространяются именно на те премии и стимулирующие выплаты, которые являются составной частью заработной платы, а не на разовые поощрения.

Специалисты отмечают, что разовые премии не входят в систему оплаты труда, являются поощрением работника за особые достижения в труде и выплачиваются за выполнение особо важных заданий, в связи с праздничными или торжественными датами[5]. Такие выплаты регулируются ст. 191 ТК РФ, являясь поощрительными выплатами, часто называемые премиями, но на практике ими не являющиеся[6].

Как было указано ранее, ст. 192 ТК РФ устанавливает исчерпывающий (закрытый) перечень видов дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, увольнение по соответствующим основаниям. Нормы, допускающие расширительное толкование данного перечня, отсутствуют. Следовательно, меры, носящие материальный характер (такие как депремирование, лишение или уменьшение стимулирующих надбавок), не могут быть квалифицированы в качестве дисциплинарных взысканий.

Согласно новой редакции ч. 3 ст. 135 ТК РФ, работодатель при принятии локального нормативного акта, регламентирующего систему премирования (с соблюдением процедуры учета мнения выборного органа первичной профсоюзной организации в порядке ст. 372 ТК РФ), вправе предусмотреть условие о снижении премии в связи с примененным дисциплинарным взысканием. Однако законодатель устанавливает императивные ограничения: 1) снижение допускается исключительно в отношении премий, начисляемых за тот период, в котором взыскание было применено (1 месяц); 2) величина снижения премии не может уменьшать общую сумму месячной заработной платы работника более чем на 20 процентов.

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что одним из наиболее распространенных оснований для признания дисциплинарного взыскания незаконным выступает несоблюдение работодателем законодательно установленной процедуры привлечения к ответственности. Правоприменительная практика исходит из принципа: даже при очевидной доказанности факта совершения дисциплинарного проступка (материальный состав) процессуальные нарушения (формальный состав) влекут безусловную отмену санкции.

Наиболее типичные нарушения процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности включают:

1. Нарушение порядка уведомления выборного органа первичной профсоюзной организации об увольнении работника - члена профсоюза: отсутствие уведомления или нарушение месячного срока уведомления, предусмотренного ст. 373 ТК РФ.

При расторжении трудового договора по основаниям, предусмотренным п. 2, 3 или 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, с работником - членом профсоюза работодатель обязан направить в выборный орган первичной профсоюзной организации проект приказа и копии документов. В случае несогласия профсоюза с увольнением проводятся дополнительные консультации (в трехдневный срок), результаты которых фиксируются протоколом. При недостижении консенсуса работодатель по истечении десяти рабочих дней с момента направления документов вправе принять окончательное решение, которое может быть обжаловано в Роструд.

Критически значимым является положение ч. 3 ст. 373 ТК РФ: работодатель вправе расторгнуть договор не позднее одного месяца со дня получения мотивированного мнения профсоюза. При этом в указанный срок не засчитываются периоды временной нетрудоспособности работника, пребывания его в отпуске и иные периоды отсутствия, когда за ним сохраняется место работы.

2. Нарушения сроков и порядка при истребовании объяснений:

1) Применение взыскания немедленно после отказа работника от дачи объяснений.

[4] Яковенко Н.А. Федеральное и региональное трудовое законодательство о правовых гарантиях размера оплаты труда // Кадровик. 2023. № 6. С. 69.
[5] Трудовое право России: учебник / Д.Л. Кузнецов, А.Ф. Нуртдинова, Ю.П. Орловский и др. М.: Инфра-М, 2010. С. 132.
[6] Трудовое право / Отв. ред. К.Н. Гусов. М.: Проспект, 2013. С. 178.

Согласно ч. 1 ст. 193 ТК РФ, работнику предоставляется два рабочих дня для предоставления письменного объяснения. Если по истечении этого срока объяснение не предоставлено, составляется соответствующий акт. Издание приказа о применении взыскания до истечения двухдневного срока (в том числе в день затребования объяснений) квалифицируется судами как грубое нарушение процедуры, лишающее работника права на защиту и влекущее безусловную незаконность увольнения. Срок для дачи объяснений исчисляется со следующего рабочего дня после дня предъявления требования[7]. Отказ работника от объяснений в первый день не сокращает данный срок.

2) Истребование объяснений в период болезни или отпуска.

Верховный Суд РФ в Обзоре практики (утв. Президиумом ВС РФ от 9 декабря 2020 г.) сформулировал правовую позицию, согласно которой истребование объяснений у работника в период его временной нетрудоспособности не допускается[8]. Более того, время болезни и отпуска исключается из срока применения взыскания (ч. 3 ст. 193 ТК РФ). Суды распространяют данный запрет и на ситуации, когда после выхода с больничного работнику формально предоставляется два дня для объяснений[9].

Работодателю надлежит дождаться окончания периода нетрудоспособности (отпуска) работника. Если запрос объяснений был направлен в период болезни (например, почтой), после выхода работника процедуру необходимо повторить, предоставив полные два рабочих дня для ответа.

В случае судебного спора, если запрос был направлен во время болезни, но после выхода работнику были предоставлены два полных дня для объяснений, работодатель может ссылаться на то, что право работника на защиту было реализовано. Отдельные суды поддерживают данный подход[10], однако риски признания процедуры нарушенной остаются высокими.

Таким образом, привлечение к дисциплинарной ответственности представляет собой строго формализованный процесс. Игнорирование процессуальных требований (сроков, порядка истребования объяснений, правил учета мнения профсоюза) нивелирует юридическую силу примененного взыскания, даже при наличии бесспорного факта нарушения трудовых обязанностей.

Одним из фундаментальных оснований для признания дисциплинарного взыскания недействительным выступает его несоответствие тяжести совершенного проступка (несоразмерность). Принцип соразмерности юридической ответственности, закрепленный в трудовом законодательстве, предполагает, что при избрании конкретного вида взыскания работодателем должны быть всесторонне исследованы и учтены следующие факторы: характер и общественная опасность проступка, конкретные обстоятельства его совершения, предшествующее поведение работника, его психоэмоциональное состояние и отношение к исполнению трудовых (должностных) обязанностей.

Применительно к сфере здравоохранения данный принцип приобретает особую значимость. Совершение малозначительных нарушений, не повлекших за собой негативных последствий для пациентов и не создавших угрозы причинения вреда их здоровью, не может служить легитимным основанием для применения крайних мер дисциплинарного воздействия, в частности увольнения по соответствующей статье. Применение максимальных санкций за формальные нарушения при отсутствии реального ущерба квалифицируется судами как злоупотребление правом со стороны работодателя.

3. Процессуальные нарушения при фиксации обстоятельств проступка.

Распространенной ошибкой работодателя является отсутствие в материалах служебной проверки детализированной фиксации тяжести проступка, обстоятельств его совершения, данных о предшествующем поведении работника и его отношении к труду. В ряде случаев работодатели ограничиваются стандартной фразой об учете указанных обстоятельств, не подкрепляя ее конкретными доказательствами.

Если ранее суды общей юрисдикции не предъявляли жестких требований к доказательственной базе в данной части, то в настоящее время правоприменительная практика претерпела существенные изменения. Верховный Суд РФ в ряде определений сформулировал правовую позицию, согласно которой работодатель обязан представить суду конкретные доказательства, подтверждающие факт учета всех значимых обстоятельств при вынесении решения о наложении взыскания[11]. Стандартные утверждения представителей работодателя о том, что руководитель принял решение «с учетом всех обстоятельств», более не принимаются судами в качестве надлежащего обоснования[12].

При применении дисциплинарных взысканий надлежит письменно фиксировать в приказе или в заключении комиссии по результатам служебного расследования следующие элементы:

- детальное описание тяжести и обстоятельств совершения проступка;

[7] Определение Шестого КСОЮ от 26 мая 2022 г. № 88-10925/2022; апелляционное определение Астраханского облсуда от 30 сентября 2020 г. № 33-2868/2020 // СПС «Консультант плюс».

[8] Обзор практики Верховного Суда РФ по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом ВС РФ от 9 декабря 2020 г.). URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=378430 (дата обращения: 10 ноября 2025)

[9] Определение Шестого КСОЮ от 18 февраля 2021 г. № 88-4060/2021; определение Пятого КСОЮ от 21 сентября 2021 г. № 88-5779/2021 // СПС «Консультант плюс».

[10] Апелляционное определение суда ХМАО-Югры от 08 декабря 2020 г. № 33-7311/2020 // СПС «Консультант плюс».

[11] Определение ВС РФ от 25 марта 2019 г. № 5-КГ18-305, от 12 августа 2019 г. № 5-КГ19-108, от 1 июня 2020 г. № 11-КГ20-3 // СПС «Консультант плюс».

[12] Определение Второго КСОЮ от 4 июня 2020 г. № 88-9746/2020 // СПС «Консультант плюс».

- данные о предшествующем поведении работника (в том числе наличие/отсутствие действующих взысканий);

- сведения об отношении работника к труду (поощрения, благодарности, стаж работы)[13].

Данный подход соответствует требованиям ч. 5 ст. 192 ТК РФ, п. 53 Постановления Пленума ВС РФ № 2 от 17 марта 2004 г., а также правовой позиции, изложенной в определении ВС РФ[14]. Выводы работодателя должны быть подтверждены документально (копии приказов о ранее вынесенных взысканиях, докладные записки, служебные характеристики, отзывы контрагентов и пр.).

При оценке соразмерности взыскания необходимо принимать во внимание не только негативные аспекты деятельности работника, но и его предшествующие заслуги, продолжительность работы в организации. Чем более позитивной является деловая репутация сотрудника, тем более весомыми должны быть аргументы работодателя о тяжести проступка и его последствиях (утрата прибыли, расторжение договоров, репутационные потери). Несмотря на то, что формально наступление негативных последствий не является обязательным условием для увольнения (например, за систематическое нарушение трудовой дисциплины), их отсутствие существенно повышает риски признания увольнения незаконным.

Трудовой кодекс РФ прямо не обязывает работодателя учитывать семейное и социальное положение сотрудника при применении взыскания, однако судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к исследованию данных обстоятельств[15]. Наличие иждивенцев, состояние здоровья, иные социально значимые факторы могут быть приняты судом во внимание при оценке справедливости санкции.

Отдельного внимания заслуживает вопрос ознакомления работника с материалами служебной проверки. С одной стороны, действующее законодательство не устанавливает императивной обязанности работодателя предоставлять работнику для ознакомления все документы, послужившие основанием для привлечения к ответственности, до издания приказа[16]. С другой стороны, ознакомление с такими документами исключительно в ходе судебного разбирательства может быть расценено как процессуальное нарушение, поскольку работник был лишен возможности дать объяснения относительно конкретных фактов, вменяемых ему этими документами[17].

3. Нарушение требований к содержанию приказа о применении дисциплинарного взыскания.

Отсутствие в законе исчерпывающих требований к форме и содержанию приказа об увольнении порождает распространенную ошибку: работодатели ограничиваются отсылочными нормами (ссылка на заключение комиссии, докладные записки), не конкретизируя в самом приказе, какой именно проступок вменяется работнику.

Верховный Суд РФ акцентировал внимание на необходимости четкого изложения в приказе существа дисциплинарного проступка[18]. Суды кассационной инстанции развивают данную позицию, указывая, что ссылок на иные документы недостаточно. Из приказа должно однозначно следовать: в чем конкретно выразилось нарушение (действие или бездействие); когда и где оно было совершено (дата, время, место); какие именно положения локальных нормативных актов или должностной инструкции были нарушены[19].

Отсутствие данных сведений влечет невозможность проверки судом законности увольнения по существу, поскольку суд не может подменять собой работодателя и самостоятельно квалифицировать деяние работника[20].

В качестве документов-оснований в приказе надлежит указывать реквизиты служебной записки, актов, требования о предоставлении объяснений, письменных объяснений работника, заключения комиссии и пр.

4. Отсутствие состава дисциплинарного проступка.

Взыскание подлежит безусловной отмене, если в действиях работника отсутствует полный юридический состав дисциплинарного проступка. Квалифицирующими элементами данного состава выступают: противоправность действия (бездействия) – нарушение конкретных норм и правил; вина работника (умысел или неосторожность); причинно-следственная связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями (если состав включает последствия); факт нарушения конкретных трудовых обязанностей, возложенных на работника в установленном порядке.

В качестве примера можно рассмотреть споры о разглашении врачебной тайны. Для признания увольнения законным работодатель обязан доказать, что: а) на работника были возложены обязанности по соблюдению конфиденциальности; б) работник был надлежащим образом ознакомлен с соответствующими локальными актами; в) имел место факт разглашения; г) в действиях работника присутствует вина. Отсутствие любого из указанных элементов исключает возможность привлечения к ответственности.

Медицинский работник, полагающий, что примененное к нему взыскание незаконным, вправе инициировать процедуру досудебного урегулирования спо-

[13] Постановления Пленума ВС РФ № 2 от 17 марта 2004 г. «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2006 г.) // СПС «Консультант плюс».
[14] Определение ВС РФ от 6 сентября 2021 г. № 50-КГПР21-3-К8 // СПС «Консультант плюс».
[15] Определение ВС РФ от 1 июня 2020 г. № 11-КГ20-3, Седьмого КСОЮ от 9 ноября 2021 г. № 88-16300/2021 // СПС «Консультант плюс».
[16] Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 19 января 2023 г. № 33-199/2023 // СПС «Консультант плюс».
[17] Определение ВС РФ от 30 января 2023 г. № 5-КГ22-138-К2 // СПС «Консультант плюс».
[18] Там же.
[19] Определение Пятого КСОЮ от 17 мая 2022 г. № 88-4443/2022 // СПС «Консультант плюс».
[20] Определение Седьмого КСОЮ от 12 апреля 2022 г. № 88-5629/2022 // СПС «Консультант плюс».

ра путем обращения: к вышестоящему должностному лицу (руководителю вышестоящей организации); в комиссию по трудовым спорам (КТС) медицинской организации при ее наличии.

На данном этапе ключевое значение имеет представление работником доказательственной базы, подтверждающей его позицию.

При несогласии с результатами досудебного рассмотрения либо при отсутствии КТС работник реализует право на судебную защиту (ст. 391 ТК РФ). В рамках судебного разбирательства действует презумпция добросовестности работника, а бремя доказывания законности применения взыскания и соблюдения процедуры целиком и полностью возлагается на работодателя (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ).

Судебная практика демонстрирует, что суды подвергают тщательной проверке следующие аспекты: наличие у лица, наложившего взыскание, соответствующих полномочий (компетенция); соблюдение сроков привлечения к ответственности, установленных ст. 193 ТК РФ; соразмерность примененной меры тяжести проступка; учет предшествующего поведения работника; учет обстоятельств совершения проступка.

Проведенный анализ правоприменительной практики в сфере оспаривания дисциплинарных взысканий, применяемых к медицинским работникам, позволяет сформулировать следующие выводы:

- Нарушение порядка привлечения к дисциплинарной ответственности остается наиболее распространенным основанием для отмены взысканий. Медицинским организациям надлежит строго соблюдать все этапы процедуры, регламентированной гл. 30 ТК РФ.

- Доказательственная база. При привлечении к дисциплинарной ответственности необходимо документальное подтверждение факта ознакомления работника с соответствующими правилами и обязанностями.

- Принцип соразмерности. Избираемая мера воздействия должна быть адекватна тяжести проступка и учитывать комплекс сопутствующих факторов (поведение работника, его социальный статус, последствия нарушения).

- Профилактика правонарушений. Эффективная система управления дисциплинарными рисками должна включать не только разработку локальных нормативных актов, но и систематическое обучение персонала, направленное на повышение правовой культуры и осознанного отношения к исполнению трудовых обязанностей.

- Учет вышеназванных рекомендаций в организации деятельности медицинских учреждений позволит минимизировать количество судебных споров, связанных с оспариванием дисциплинарных взысканий, а также будет способствовать формированию устойчивого правосознания сотрудников и повышению качества оказания медицинской помощи.

Библиографический список

1. Трудовое право России / Д.Л. Кузнецов, А.Ф. Нуртдинова, Ю.П. Орловский и др. Отв. ред. Ю.П. Орловский, А.Ф. Нуртдинова. – М.: Инфра-М, 2010. – 648 с.

2. Трудовое право / Отв. ред. К.Н. Гусов; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский гос. юридический ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Проспект, 2013. – 628 с.

3. Черепанцева Ю.С. Труд медицинских работников: правовое регулирование и практика // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2025. – № 1(63). – С. 148-153.

4. Черепанцева Ю.С., Симаева Е.М. Стимулирующие и компенсационные выплаты в системе заработной платы медицинских работников: проблемные аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2023. – № 4 (58). – С. 101-108.

5. Яковенко Н.А. Федеральное и региональное трудовое законодательство о правовых гарантиях размера оплаты труда // Кадровик. – 2023. – № 6. – С. 68-76.

Рецензент: Черепанцева Ю.С., к.ю.н., и.о. заведующего кафедрой предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

Раздел пятый

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

НУЖДИНА-ФЕНДЕЛЬ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, EVNuzhdina-Fendel@msal.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЗДОРОВЬЯ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ И МЕДИЦИНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

NUZHDINA-FENDEL ELENA VLADIMIROWNA
Senior Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, EVNuzhdina-Fendel@msal.ru

LEGAL FOUNDATIONS OF HEALTH SAFETY CULTURE FORMATION: PEDAGOGICAL AND MEDICAL-LEGAL ASPECTS

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые основы формирования культуры безопасности здоровья в Российской Федерации через призму педагогического и медицинско-правового подходов. Анализируются стратегические и нормативно-правовые документы, определяющие государственную политику в сфере обеспечения безопасности личности и общества. Особое внимание уделяется роли системы образования, воспитания и медицинско-правового регулирования в формировании у граждан устойчивых установок на безопасное поведение и сохранение здоровья. Сделан вывод о необходимости комплексного взаимодействия правовых, образовательных и медицинских механизмов для развития культуры безопасности здоровья в современном обществе.*

Ключевые слова: *культура безопасности здоровья; безопасность жизнедеятельности; правовое регулирование; педагогический аспект; охрана здоровья*

Abstract. *The article examines the legal foundations for the formation of a health safety culture in the Russian Federation through pedagogical and medical-legal approaches. Strategic and regulatory legal documents that determine state policy in the field of ensuring the security of individuals and society are analyzed. Particular attention is paid to the role of the education system, upbringing, and medical-legal regulation in shaping citizens' stable attitudes toward safe behavior and health preservation. The article concludes that comprehensive interaction of legal, educational, and medical mechanisms is necessary for the development of a health safety culture in modern society.*

Keywords: *health safety culture; life safety; legal regulation; pedagogical aspect; health protection*

Обеспечение безопасности личности, общества и государства выступает одним из ключевых направлений современной государственной политики Российской Федерации. В условиях усложнения социальных процессов, роста техногенных рисков и появления новых угроз особую значимость приобретает формирование комплексной системы безопасности, ориентированной не только на реагирование на опасности, но и на их предупреждение. Важную роль в этом процессе играет развитие культуры безопасности здоровья, которая объединяет правовые, педагогические и медицинские механизмы защиты человека.

В стратегических документах Российской Федерации безопасность рассматривается как целостное состояние защищенности личности, общества и государства от различных угроз. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается, что государственная и общественная безопасность образуют взаимосвязанную систему, направленную на предотвращение внутренних и внешних опасностей[1]. В рамках данной стратегии определяются ключевые ориентиры государственной политики, среди которых важнейшее значение имеют обеспечение стабильности конституционного

[1] Указ Президента РФ от 31.122015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

строя, сохранение суверенитета и территориальной целостности государства, защита основных прав и свобод человека и гражданина, а также поддержание общественного согласия и социальной устойчивости.

Кроме того, стратегические цели государственной политики в сфере безопасности включают обеспечение защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Эти задачи предполагают создание эффективных механизмов предупреждения и ликвидации опасных ситуаций, совершенствование нормативно-правового регулирования, а также развитие системы взаимодействия государственных институтов с институтами гражданского общества.

Многообразие существующих угроз – от преступности и терроризма до техногенных катастроф и информационных рисков – обусловливает необходимость формирования комплексных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности. В этой связи особое значение приобретает усиление роли государства как гаранта защиты личности, ее прав и законных интересов, а также охраны собственности. Не менее важными задачами выступают совершенствование правовых механизмов предупреждения преступности, противодействие коррупции, экстремизму и незаконному обороту наркотических средств, развитие международного сотрудничества в сфере безопасности и повышение эффективности деятельности правоохранительных и судебных органов. Значимым фактором укрепления безопасности также является формирование доверия граждан к государственным институтам и активное участие общества в обеспечении правопорядка.

Содержание понятия общественной безопасности раскрывается и в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 года[2]. В данном документе общественная безопасность определяется как состояние защищенности личности, материальных и духовных ценностей общества от противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также различных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Таким образом, обеспечение общественной безопасности предполагает не только противодействие преступности, но и формирование устойчивых социальных механизмов, направленных на предупреждение рисков и поддержание безопасной среды жизнедеятельности.

В контексте обозначенных задач особое значение приобретает формирование культуры безопасности здоровья, которая выступает важным элементом профилактики рисков и угроз, влияющих на жизнь и здоровье человека.

Реализацию основных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности, в том числе безопасности здоровья дополнительно к указанным регламентируют следующие нормативно-правовые документы (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Нормативные правовые акты, формирующие правовые основы культуры безопасности здоровья

[2] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.03.2026).

Стратегические ориентиры обеспечения национальной, экономической и общественной безопасности Российской Федерации направлены на достижение устойчивого развития государства, поддержание социальной и политической стабильности, а также повышение уровня и качества жизни населения. Реализация данных целей предполагает использование широкого комплекса мер государственного регулирования, включая правовые, социально-экономические, организационные, информационные и образовательные механизмы. В совокупности такие меры формируют основу для развития культуры безопасности общества, в том числе культуры безопасности здоровья как важнейшего элемента сохранения человеческого потенциала.

В нормативных документах стратегического характера подчеркивается необходимость системного формирования у населения устойчивых навыков безопасного поведения и ответственного отношения к сохранению собственного здоровья. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что формирование культуры безопасной жизнедеятельности населения рассматривается как значимое направление государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Подобный подход предполагает развитие профилактических механизмов, направленных на снижение рисков для жизни и здоровья граждан, а также повышение уровня информированности общества о возможных угрозах и способах их предотвращения.

Важную роль в формировании культуры безопасности играет государственная культурная политика, которая рассматривает развитие личности и общества через систему духовных, нравственных и социальных ценностей. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» культура признается одним из ключевых факторов устойчивого развития государства и важной составляющей системы национальной безопасности[3]. В рамках данного подхода культурное развитие общества рассматривается как условие укрепления государственного суверенитета, повышения уровня социальной стабильности и обеспечения гармоничного взаимодействия различных сфер общественной жизни.

Культурная политика государства направлена на сохранение и передачу новым поколениям комплекса духовных, нравственных, гражданских и интеллектуальных ценностей, составляющих основу национальной идентичности. В этом контексте культура выступает не только как средство духовного развития общества, но и как важный инструмент формирования ответственного отношения граждан к вопросам безопасности, включая безопасность здоровья. Именно через систему образования, воспитания и социального взаимодействия происходит формирование установок, ориентированных на здоровый образ жизни, профилактику заболеваний и предупреждение различных видов угроз.

Дальнейшее развитие обозначенных положений получило отражение в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года[4]. В данном документе особое внимание уделяется инновационному сценарию развития общества, основанному на повышении роли человеческого капитала и совершенствовании системы образования. Подобный подход предполагает значительные инвестиции в развитие личности, повышение качества образовательной подготовки и формирование у граждан компетенций, необходимых для безопасной жизнедеятельности.

Таким образом, формирование культуры безопасности здоровья рассматривается как комплексный социально-правовой процесс, включающий взаимодействие образовательных, медицинских и правовых механизмов. Реализация данного направления государственной политики требует интеграции педагогических подходов, направленных на воспитание ответственного отношения к здоровью, и медицинско-правовых инструментов, обеспечивающих нормативное регулирование профилактики рисков, охраны здоровья населения и развития безопасной среды жизнедеятельности.

Логическим продолжением рассмотрения нормативных и стратегических основ обеспечения безопасности выступает анализ педагогических механизмов формирования культуры безопасности здоровья. Именно система образования и воспитания играет ключевую роль в формировании у человека устойчивых установок на сохранение здоровья и безопасное поведение в различных жизненных ситуациях. В данном контексте воспитание рассматривается как целенаправленный процесс формирования личности, осознающей необходимость соблюдения норм и правил безопасной жизнедеятельности, способной адекватно реагировать на потенциальные угрозы и предотвращать их возникновение. Такая система воспитательного воздействия способствует развитию у человека внутренней мотивации к соблюдению требований безопасности и формированию ответственного отношения к собственному здоровью и здоровью окружающих.

Не менее важным элементом является обучение в сфере безопасности жизнедеятельности, представляющее собой организованный и систематический процесс освоения знаний, умений и практических навыков, необходимых для предупреждения опасных ситуаций и минимизации их последствий. В образовательной среде обучение вопросам безопасности здоровья направлено на формирование у обучающихся компетенций, позволяющих ориентироваться в условиях потенциальных рисков, принимать обоснованные решения и действовать в соответствии с ус-

[3] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: http:// www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.03.2026).

[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

тановленными правилами и нормативными требованиями[5].

Отдельное значение имеет повышение квалификации специалистов и должностных лиц, деятельность которых связана с обеспечением безопасности труда и охраны здоровья. Совершенствование профессиональных компетенций в данной области предполагает обновление и углубление знаний, освоение современных методов профилактики профессиональных рисков, а также формирование навыков организации безопасной трудовой среды. Такой подход способствует повышению эффективности системы охраны труда и снижению вероятности возникновения угроз, связанных с профессиональной деятельностью.

В совокупности данные направления образуют основу формирования комплексной безопасности человека, которая определяется как состояние защищенности личности от реальных и потенциальных угроз природного, техногенного и социального характера. В рамках современной научной и правовой доктрины формирование культуры безопасности рассматривается как системная деятельность, направленная на развитие у человека знаний, навыков и ценностных установок, обеспечивающих профилактику опасностей и соблюдение норм безопасного поведения в повседневной и профессиональной жизни.

Следует отметить, что формирование культуры безопасности здоровья представляет собой непрерывный процесс, сопровождающий человека на протяжении всей жизни. Он осуществляется с учетом возрастных, психологических и социальных особенностей личности и реализуется посредством взаимодействия различных социальных институтов – семьи, образовательных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, а также общественных организаций. Такой многоуровневый подход позволяет обеспечить системное формирование у граждан устойчивых моделей безопасного поведения и ответственное отношение к вопросам охраны здоровья.

Современная система формирования культуры безопасности охватывает широкий спектр направлений, связанных с предотвращением различных видов угроз. К их числу относятся обеспечение безопасности в сфере гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций, пожарная безопасность, безопасность на транспорте, дорожная безопасность, экологическая безопасность, информационная безопасность, а также безопасность труда и охрана здоровья человека. Важным компонентом является формирование культуры здорового образа жизни, включающей профилактику заболеваний, развитие физической активности и формирование навыков самосохранительного поведения.

Основной целью формирования культуры безопасности выступает обеспечение защищенности человека, общества и государства от возможных угроз, а также снижение негативного влияния человеческого фактора на возникновение чрезвычайных ситуаций. Кроме того, развитие культуры безопасности способствует более эффективному использованию ресурсов при реализации мероприятий по защите населения и территорий, а также уменьшению числа пострадавших в чрезвычайных ситуациях.

Согласно современным нормативным подходам, формирование культуры безопасности реализуется на нескольких уровнях: государственном, организационном и индивидуальном. На государственном уровне ключевое значение имеют разработка и реализация государственной политики в области безопасности, совершенствование системы нормативно-правового регулирования, а также осуществление контроля и надзора в соответствующих сферах. На уровне организаций важную роль играет создание безопасных условий труда, проведение инструктажей и обучения персонала, а также развитие корпоративной культуры безопасности. На индивидуальном уровне формирование культуры безопасности связано с развитием у человека устойчивых ценностных установок, навыков самосохранительного поведения и способности принимать ответственные решения в условиях риска.

Особая роль в данном процессе принадлежит системе образования. Подготовка различных социальных групп – школьников, студентов и работников организаций – осуществляется через освоение учебных дисциплин, посвященных вопросам безопасности жизнедеятельности. В общеобразовательных учреждениях основы безопасного поведения формируются в рамках таких предметов, как «Окружающий мир» и «Основы безопасности жизнедеятельности», тогда как в профессиональных и высших образовательных организациях соответствующие знания закрепляются в рамках дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» и специализированных направлений подготовки[6].

Образовательные программы разных уровней – от общего образования до программ повышения квалификации – реализуют комплексный и междисциплинарный подход к формированию культуры безопасности. Они направлены не только на передачу знаний, но и на развитие у личности правовой культуры, гражданской ответственности, духовно-нравственных ценностей и навыков безопасного поведения. В рамках образовательного процесса формируются основы здоровьесберегающего поведения, экологической ответственности, коммуникативной культуры и социальной адаптации личности.

Образование в сфере безопасности способствует формированию у граждан устойчивых ценностных

[5] Гусейнов А.А. К вопросу о поиске путей для успешной реализации меры безопасности // Актуальные вопросы теории и практики специальной подготовки в органах внутренних дел: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 20 ноября 2019 г.). Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя. 2019. С. 82-86.

[6] Панкова Е.С. Формирование культуры личной безопасности младших школьников // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 2. С. 43-47.

ориентиров, направленных на бережное отношение к физическому и психическому здоровью. Оно также играет важную роль в социализации личности, закреплении норм правового и нравственного поведения и развитии культуры безопасного взаимодействия в обществе. В результате формируется мировоззрение, основанное на понимании взаимосвязи личной и общественной безопасности.

В контексте формирования культуры безопасности здоровья особое значение имеет и медицинско-правовой аспект безопасности здоровья. В рамках медицинско-правового регулирования государство реализует комплекс мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья граждан. К таким мерам относятся развитие системы профилактической медицины, проведение санитарно-просветительной работы, организация диспансеризации населения, а также обеспечение санитарно-эпидемиологической безопасности. Важным элементом данной системы выступает правовое закрепление ответственности за нарушение санитарных норм, правил охраны труда и иных требований, направленных на предотвращение угроз жизни и здоровью человека.

Существенное значение для формирования культуры безопасности здоровья имеет взаимодействие медицинских и образовательных институтов. Медицинские организации, органы здравоохранения и образовательные учреждения участвуют в реализации программ, направленных на профилактику заболеваний, развитие здоровьесберегающих технологий и повышение уровня медицинской грамотности населения. В результате формируется система правовых и организационных механизмов, обеспечивающих развитие у граждан осознанного отношения к сохранению собственного здоровья и соблюдению норм безопасного поведения.

Таким образом, педагогические и медицинско-правовые механизмы формирования культуры безопасности здоровья выступают взаимодополняющими элементами единой системы обеспечения безопасности личности и общества. Их эффективное взаимодействие позволяет формировать у граждан устойчивые модели безопасного поведения, укреплять здоровье населения и создавать условия для устойчивого развития государства.

Библиографический список

1. Гусейнов А.А. К вопросу о поиске путей для успешной реализации меры безопасности // Актуальные вопросы теории и практики специальной подготовки в органах внутренних дел: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 20 ноября 2019 г.). – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя. – 2019. – С. 82-86.

2. Панкова Е.С. Формирование культуры личной безопасности младших школьников // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 2. – С. 43-47.

Рецензент: Воропаев Д.Н., канд. филос. наук, и.о. заведующего кафедрой социальных и гуманитарных наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент.

РЕЙМЕР ЛАДВИГА РУДОЛЬФОВНА
Руководитель МДОАУ № 79 г.Орска, 462408, Оренбургская область, г. Орск, ул. Кондукторская, E-mail: reimer.albert@yandex.ru

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

REIMERLADVIGARUDOLFOVNA
head of MDOAU No. 79, Orsk, 462408, Orenburg region, Orsk, st.Konduktorskaya, E-mail: reimer.albert@yandex.ru

ANALYSIS OF THE BASIC PRINCIPLES OF PRESCHOOL EDUCATION

Аннотация. *автор статьи анализирует основные принципы дошкольного образования в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом, относя принципы по группам. В статье акцентируется внимание на Конвенции о правах ребенка – источнике основных принципов дошкольного образования и их отражении в российском законодательстве. Автор научной статьи отмечает проблемы, связанные с реализацией данных принципов и приходит к выводу о том, что основные принципы дошкольного образования на сегодняшний день нуждаются в большей правовой регламентации с целью их эффективной реализации.*

Ключевые слова: *дошкольное образование; дошкольные образовательные учреждения; дошкольные образовательные организации; принципы дошкольного образования; правовое регулирование.*

Review. *The author of the article analyzes the basic principles of preschool education in accordance with the Federal State Educational Standard, dividing the principles into groups. The article focuses on the Convention on the Rights of the Child, which is the source of the basic principles of preschool education, and their reflection in Russian legislation. The author of the scientific article notes the problems associated with the implementation of these principles and concludes that the basic principles of preschool education currently require more legal regulation in order to be effectively implemented.*

Keywords: *preschool education; preschool educational institutions; preschool educational organizations; principles of preschool education; legal regulation.*

Актуальность анализа основных принципов дошкольного образования обусловлена их фундаментальной ролью в образовательной деятельности. Современное развитие образовательной системы регламентируется Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» (далее – ФГОС ДО)[1], который устанавливает ключевые принципы, требующие осмысления и реализации на практике.

В соответствии с п. 1.4 ФГОС ДО основными принципами дошкольного образования являются полноценное проживание ребенком всех этапов детства (младенческого, раннего и дошкольного возраста), обогащение (амплификация) детского развития, а также возрастная адекватность дошкольного образования (далее – принципы проживания и амплификации развития). Думается, что принципы дошкольного образования, закрепленные в ФГОС ДО, следует распределить по группам ввиду однородного регулирования общественных отношений некоторыми принципами.

Источником этих принципов можно назвать «Конвенцию о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990) (далее – Конвенция о правах ребенка), так как ст. 3 предусматривает интересы ребенка как приоритет, в ст. 6 закреплено право на жизнь и развитие, в ст. 27 – право на уровень жизни, обеспечивающий развитие, в ст. 31 – право на отдых, досуг и участие в играх[2]. Данные принципы делают акцент не на введении в обучение сложных навыков как можно быстрее (например, раннее обучение чтению или математике), а на обогащении (амплификации) – то есть на расширении и углублении опыта ребенка через разнообразные, качественные взаимодействия с миром. Термин «амплификация» был введен А.В. Запорожцем, идея амплификации заключается в том, что правильно организованные образовательные процессы способствуют развитию ребенка[3]. Таким образом, амплификация подразумевает не ускорение темпов развития, а его насыщение: ребенок получает больше возможностей для игры, исследования, эмо-

[1] О федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования: Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 (ред. от 21.01.2019) // Российская газета. 2013. 25 ноября. № 265.

[2] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // // Собрание международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI. С. 275-302.

[3] Бодрова Е.В., Леонг Д.Д. Островок амплификации в океане акселерации // Национальный психологический журнал. 2025. №3 (20).

ционального роста и социализации. Главной целью этого принципа можно назвать взращивание счастливого, всесторонне развитого человека, а не «маленького взрослого».

Российская Федерация, как участник Конвенции о правах ребенка, обязана обеспечить реализацию указанных норм через государственную политику, в которой должны соблюдаться принципы проживания и амплификации развития. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (далее – Закон об образовании) в ст. 12 подчеркивает, что образование направлено на развитие способностей и личности[4], Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее – СК РФ) в ст. 63 возлагает на родителей обязанность повоспитаниюдетей[5], уже упомянутый ФГОС ДО прямо закрепляет в п. 1.4 принципы проживания и амплификации развития. Ярким примером реализации данных принципов следует назвать организацию развивающей предметно-пространственной среды в дошкольных образовательных учреждениях (далее – ДОУ), где акцент делается на создании зон для свободной игры, сенсорного исследования и творчества.

Принципы индивидуализации дошкольного образования, поддержки инициативы детей в различных видах деятельности, формирования познавательных интересов и познавательных действий ребенка в различных видах деятельности (далее – принципы индивидуализации и субъектности ребенка) ориентированы на построение образовательной деятельности на основе присущих ребенку особенностей. Данные принципы подразумевают отказ от унифицированного подхода в пользу учета возрастных, психологических, физиологических и социокультурных характеристик ребенка. В п. «а» ч. 1 ст. 29 Конвенции о правах ребенка указано, что образование должно быть направлено на всестороннее развитие ребенка, в чем можно наблюдать индивидуализацию образования, так как без нее невозможно всестороннее развитие. В отечественном законодательстве индивидуализация закреплена в ФГОС ДО и нашла свое отражение в ч. 2 ст. 64 Закона об образовании, в которой сказано, что образовательные программы дошкольного образования ориентированы на разностороннее развитие детей дошкольного возраста, учитывая их особенности и основываясь на индивидуальном подходе. Принципы индивидуализации и субъектности ребенка стали не только основой для российской правовой системы дошкольного образования, но и для педагогической. Так, О.В. Домбай разработала модель реализации принципа индивидуализации в учебно-воспитательном процессе ДОУ[6].

Реализация принципов индивидуализации и субъектности ребенка проявляется при создании ряда условий: проведение оценки индивидуального развития детей (п. 3.2.3. ФГОС ДО); наличие социальной ситуации развития детей (п. 3.2.5. ФГОС ДО); наличие инклюзивной работы с детьми (3.2.7. ФГОС ДО) и т.д. На практике Н.Н. Шельшакова акцентирует внимание на том, что организация диагностики развития детей сталкивается с проблемами в интерпретации результатов диагностики, так как не учитывается ряд определенно важных показателей[7]. Я.О. Богинская и С.А. Шатрова в своем исследовании пришли к выводу о том, что инклюзивному дошкольному образованию необходима нормативная правовая база, базовые ДОУ (группы), педагогические кадры и содействие общества[8]. Таким образом, несмотря на правовое закрепление принципов индивидуализации и субъектности ребенка, на практике возникают проблемы в их реализации.

Принципы содействия и сотрудничества детей и взрослых, признания ребенка полноценным участником (субъектом), образовательных отношений, сотрудничества Организации с семьей (далее – принципы сотрудничества и взаимодействия)[9] ориентированы на совместную деятельность, взаимное понимание, уважение и поддержку, совместное принятие решений посредством диалога. Благодаря данным принципам внимание акцентируется на содействии инициативе ребенка и интеграции семьи в образовательную среду, уходя от положения, в котором взрослые доминируют над детьми.

Источником принципов сотрудничества и взаимодействия также является Конвенция о правах ребенка, которая в ст. 12 закрепляет возможность ребенка выражать свое мнение по затрагивающим его вопросам в ходе судебного или административного разбирательства, в ст. 5 подчеркивает роль родителей и семьи в руководстве и управлении ребенком при осуществлении его прав, в ст. 18 устанавливает ответственность родителей и законных опекунов за воспитание и развитие ребенка, а государство обязано оказывать содействие родителям и законным опекунам в воспитании и развитии детей. В отечественном законодательстве данные принципы нашли отражение в ст. 44 Закона об образовании – закрепляет права, обязанности и ответственность в сфере образования родителей и законных представителей несовершеннолетних обучающихся, ст. 63 и ст. 64 СК РФ – устанавливают права и обязанности по воспитанию,

[4] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.

[5] Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 30.10.2025) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[6] Домбай О.В. Модель реализации принципа индивидуализации в учебно-воспитательном процессе дошкольного образовательного учреждения // Проблемы педагогики. 2016. №5 (16).

[7] Шельшакова Н.Н. Особенности диагностики развития детей дошкольного возраста // Управление образованием: теория и практика. 2021. №4 (44).

[8] Богинская Я.О., Шатрова С.А. К вопросу о проблеме инклюзивного образования в дошкольной образовательной организации // КПО. 2022. №4 (32).

[9] Там же.

образованию, защите прав и интересов детей, п. 1.4 ФГОС ДО напрямую закрепляет принципы сотрудничества и взаимодействия.

Реализация принципов сотрудничества и взаимодействия может выражаться в разработке определенных программ. Например, программа «Связующая нить», разработанная в рамках гранта Администрации города Когалым, привела к формированию доверительного и ответственного сотрудничества между педагогами и родителями, ориентированного на гуманистический подход, центральной фигурой в котором выступает ребенок[10]. Е.В. Вовк отмечает, что причинами усложнения процесса гармоничного взаимодействия являются некомпетентность педагогов в вопросе сотрудничества с родителями и отсутствие доверия родителей к педагогам и дошкольным образовательным организациям (далее – ДОО)[11].

Принципы приобщения детей к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства, учета этнокультурной ситуации развития детей (социокультурные принципы), закрепленные в ФГОС ДО, ориентированы на интеграцию ребенка в культурное и социальное пространство, способствуя формированию идентичности, уважения к традициям и пониманию многообразия культур. Эти принципы подчеркивают важность учета этнокультурного контекста в образовательном процессе, отказываясь от унифицированного подхода в пользу адаптации к национальным и семейным особенностям. Они способствуют развитию толерантности, патриотизма и культурной компетентности у детей дошкольного возраста.

Аналогично вышеописанным принципам источником социокультурных принципов служит Конвенция о правах ребенка, в которой ст. 29 устанавливает, что образование должно быть направлено на развитие уважения к культурным ценностям, собственной культуре, а также к культурам иных народов, ст. 30 гарантирует права детей из этнических, религиозных или языковых меньшинств на пользование своей культурой, исповедование религии и использование языка. В Российской Федерации ст. 3 Закона об образовании закрепляет учет национальных и региональных особенностей в образовании, а ст. 63 СК РФ возлагает на родителей обязанность по воспитанию детей в отношении духовного и нравственного развития.

Стоит отметить, что реализация социокультурных принципов носит проблематичный характер. Как утверждает Е.В. Шульгина, вопрос о формировании социокультурных ценностей у детей дошкольного возраста недостаточно изучен, а вопросы социокультурных ценностей нуждаются в глубокой теоретической разработке[12], ввиду этого возникает проблема реализации данных принципов. По мнению автора научной статьи, стоит подробно регламентировать содержание социокультурных принципов, а уже после их регламентации составить образовательные программы, в основу которых войдут новые нормы права.

Основные принципы дошкольного образования оказывают существенное влияние на ДОО, так как на основе принципов формируются структура, педагогические подходы и взаимодействие участников отношений. Принципы полноценного проживания ребенком этапов детства и амплификация развития направляют ДОО на создание развивающей предметно-пространственной среды, где основное внимание уделяется игровым и исследовательским активностям, а не раннему академическому обучению. Принципы индивидуализации и субъектности ребенка требуют от ДОО адаптации программ под особенности каждого воспитанника, включая проведение диагностики и создание инклюзивных групп.

Принципы сотрудничества и взаимодействия определяют роль ДОО как места партнерства между детьми, педагогами и семьями, влияя на организацию совместных мероприятий, таких как родительские собрания и диалоговые сессии. Такой подход способствует переходу к более гуманистическим методам взаимодействия взрослого и ребенка. Социокультурные принципы ориентируют деятельность ДОО на интеграцию культурных норм, традиций семьи и общества, требуя учета этнокультурного контекста в программах, включая тематические занятия по праздникам и обычаям. В результате ДОО становятся центрами культурной адаптации, способствуя формированию идентичности, толерантности и патриотизма у детей дошкольного возраста, что обогащает образовательную среду.

Дошкольные образовательные учреждения входят в систему дошкольных образовательных организаций, поэтому основные принципы дошкольного образования также оказывают на них влияние. Стоит отметить, что некоторые принципы оказывают наибольшее влияние на определенные ДОУ, то есть ДОУ можно соотнести с принципами, на которых базируется их деятельность: принципы проживания и амплификации развития входят в основу деятельности садов общеразвивающего вида и центров развития ребенка; принципы индивидуализации и субъектности ребенка являются базисом для комбинированных и компенсирующих детских садов; принципы сотрудничества и взаимодействия отражаются в прогимназиях и дошкольных группах государственных образовательных учреждений; социокультурные принципы входят в основу деятельности садов с этнокультурным компонентом. Влияние принципов на виды ДОУ проявляется в трансформации их структуры и программ.

Таким образом, источником основных принципов дошкольного образования является Конвенция о правах ребенка, положения которой вошли в отечествен-

[10] Черненко М.А., Лашкова Л.Л. Реализация программы «Связующая нить»: по взаимодействию дошкольной образовательной организации и семьи // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. №3.

[11] Вовк Е.В. Содержание партнерского взаимодействия учреждения дошкольного образования с родителями воспитанников в современных социокультурных условиях // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №67-2.

[12] Шульгина Е.В. Теоретико-методологические аспекты формирования социокультурных ценностей у детей // Вестник ЮУрГГПУ. 2018. №8.

ное законодательство. В рамках научной статьи удалось провести анализ основных принципов дошкольного образования, распределив их по группам, выявить отражение данных принципов в российском законодательстве, отметить реализацию принципов, а также обнаружить проблемы их реализации. Думается, что все основные принципы дошкольного образования на сегодняшний день нуждаются в большей правовой регламентации с целью их эффективной реализации.

Библиографический список

1. Богинская Я.О., Шатрова С.А. К вопросу о проблеме инклюзивного образования в дошкольной образовательной организации // КПО. - 2022. - №4 (32).

2. Бодрова Е.В., Леонг Д.Д. Островок амплификации в океане акселерации // Национальный психологический журнал. - 2025. - №3 (20).

3. Вовк Е.В. Содержание партнерского взаимодействия учреждения дошкольного образования с родителями воспитанников в современных социокультурных условиях // Проблемы современного педагогического образования. - 2020. - №67-2.

4. Домбай О.В. Модель реализации принципа индивидуализации в учебно-воспитательном процессе дошкольного образовательного учреждения // Проблемы педагогики. - 2016. - №5 (16).

5. Черненко М.А., Лашкова Л.Л. Реализация программы «Связующая нить»: по взаимодействию дошкольной образовательной организации и семьи // Мир науки. Педагогика и психология. - 2022. - №3.

6. Шельшакова Н.Н. Особенности диагностики развития детей дошкольного возраста // Управление образованием: теория и практика. - 2021. - №4 (44).

7. Шульгина Е.В. Теоретико-методологические аспекты формирования социокультурных ценностей у детей // Вестник ЮУрГГПУ. - 2018. - №8.

Рецензент: Ковалева О.А., к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», доцент.

От редакции: В № 3 (65) за 2025 год была опубликована научная статья Аль-Мсафир Дурайд Мохаммед Хассун «Роль прокуратуры в обеспечении права на здоровье и защиты прав несовершеннолетних: российский и иракский опыт».

В № 4 (66) за 2025 год должна быть опубликована научная статья Аль-Мсафир Дурайд Мохаммед Хассун «Пути повышения эффективности деятельности органов прокуратуры по защите социальных прав граждан в Российской Федерации и Республике Ирак», однако по технической ошибке под этим названием была повторно опубликована его научная статья «Роль прокуратуры в обеспечении права на здоровье и защиты прав несовершеннолетних: российский и иракский опыт».

Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА
№ 1 (67) / 2026

Подписано в печать 15.04.2026 г. Дата выхода в свет 18.05.2026 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Свободная цена.
Усл. печ. листов 26,25. Тираж 25. Заказ 15.

Адрес издателя: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.

Отпечатано в ООО ИПК «Университет».
Адрес: 460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.